

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

НА

1835 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ
три экземпляра. С. Петербургъ, 25 Сентября 1835 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 79.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30; съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 2 дня 1855 года.

Срылай, прекрасная, цвѣты —
И лей надъ ними горьки слезы,
Они твой образъ—вѣдь и ты
Увянешь, какъ увлнуть розы.

Вердеревскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

I.

Avant-Propos.

Чортъ возьми! завтра литературный вечеръ, а у меня ничего нѣтъ—дурно! И времени уже остается немного—что я успѣю написать въ одну ночь?... А непременно надобно написать что нибудь,—разумеется, не философическое разсужденіе о пользѣ карпоялы или о честности Нѣмцовъ; не ученныя изысканія о происхожденіи фамиліи князей *Тонко-узовыхъ* (впрочемъ, надо будетъ заняться и эпимъ въ свободное время, эпо сшадья важна), а такъ, что нибудь, маленькую повѣсть.

Но въ какомъ родѣ?—Нѣмецкіе рыцари, кавалерійскіе ротмистры, съ закрученными усами, табачный дымъ, ароматическій паръ пуншевыхъ спякановъ, хлопанье Шампанскихъ пробокъ (необходимыя принадлежноспы угощенія въ кварпирѣ армейскаго офицера, разумется въ повѣстяхъ), бивуальная

жизнь, военныя тревоги, которыя, впрочемъ, такъ живо, такъ прелестно описали *Марлинскій* и *Карлгофъ*,—все это ужасно изношено и давно уже надобно и соспарилось,—а въ нашемъ вѣкѣ безпрестанно хопятъ новаго; я и самъ чрезвычайно люблю новости; но развѣ я виноватъ, что наша молодежь предпочитаетъ военную службу, и особенно кавалерію?—Хочешь, не хочешь, а долженъ выбрать героя повѣсти какого нибудь корнета или ротмистра.

Сколько исписано въ нашъ вѣкъ! Чего не перебрали наши поэты и прозаики! Не знаю, что останется нашимъ попомкамъ....

Чортъ возьми! бѣда, да и только! И мысли, какъ нарочно, не лезутъ въ голову.... Эй! Арабы, спража! дайте холоднаго (1),—авось дѣло пойдетъ на ладъ.

Какъ мила философія *Карлгофа*, какъ утѣшительна для неопытнаго, неиспорченнаго

(1) Любезные армейскіе поварищи, вѣроятно, знаютъ, что такое холодное; впрочемъ, для профановъ, прилагаю рецептъ: вода, сахаръ, ромъ, лимонъ.—*М.*

сердца, какая разнища съ мрачною, мизантропическою философіею *Бальзака*, лищающею насъ всякой надежды! — Не даромъ баронъ *Брамбеусъ* такъ не любитъ *Бальзака* и кричитъ пропивъ безнравственности его писаній. Этого чудовище — *Бальзакъ*, вѣчный камень преткновенія бѣднаго барона, копорый бранилъ все, что выше и лучше его... (2).

«Славный, славный баронъ *Брамбеусъ*! дай Богъ ему здоровья!» сказалъ бы покойникъ *Дельянь Ивановицъ*, ежели бы дожилъ до нещастной въ нашей словесности эпохи барона *Брамбеуса*.

Можешь быть, вы хотите знать, кто таковъ *Дельянь Ивановицъ*? — О! это былъ человекъ удивительный. Старый слуга моего опца, который, въ лѣта моей юности, былъ при мнѣ дядькою. Не буду распространяться о всѣхъ его прекрасныхъ качествахъ — онъ имѣлъ ихъ много; но, къ сожалѣнію, былъ сильно пристрастенъ къ спеклу, такъ что, наконецъ, на губахъ у него сдѣлались мозоли, отъ чего, въ послѣдствіи, онъ и умеръ, — но не о томъ дѣло. Между прочимъ, онъ имѣлъ привычку, прибавлять всякой разъ, хвала что нибудь: дай Богъ ему здоровья! Въ добавокъ, онъ былъ еще и поваръ. Бывало, иногда, сойдутся ко мнѣ пріятели закусить, — *Дельянь Ивановицъ* угоститъ насъ бифштексомъ съ анчоуснымъ масломъ — объядешь! — «Славный бифштексъ! спасибо *Д. И.*!» — «Славный! славный, дай Богъ ему здоровья!» — отвѣчалъ онъ просяжно. «Да что-то кажется...» — «Дрянъ, дрянъ!» — ревелъ онъ во все горло... Такъ бывало каждый разъ...

Но, слава Богу! я не баронъ и, еще слава Богу! не баронъ *Брамбеусъ*, а потому я и люблю *Бальзака*. Кто, какъ онъ, понялъ сердце человеческое, и особенно сердце женщины? Кто такъ понялъ ея обязанности? Кто такъ понялъ тайну женскаго кокетства? —

(2) Издатель Лип. Прибавленій не разделяетъ съ авторомъ сей повѣсти неприязненныхъ чувствъ къ барону *Брамбеусу*. Онъ уважаетъ въ немъ знаніе многихъ языковъ, ученость, трудолюбіе. Ему извѣстно также, что онъ много путешествовалъ и съ пользою: ибо все, что онъ пишетъ о Востока, превосходно. Если-бы онъ сдѣлалъ почтице въ слогъ и не сподъ заносчивъ въ языкъ; если-бы... — В.

Бальзакъ былъ внутри сердца человеческого, онъ разсмотрѣлъ все его изгибы: онъ игралъ на всѣхъ струнахъ этого сердца, и пробуя на нихъ нестройные иногда аккорды, эпой дикой гармоніей отчаянія извлекалъ у насъ слезы сожалнія.

Какъ часто въ свѣтъ можно встрѣпипть графиню *Федору*, и какъ рѣдко *Полину*, или г-жу *Фирмили!* — Какъ обыкновенны въ нашъ вѣкъ это увлекающее кокетство, эти безчувственные, расцвѣченные потоки словъ, или безцвѣтныя чувства, основанныя на холодности свѣтскихъ приличій, эпотъ жгущій пламень взоромъ, — онъ во власти жеппщипы, какъ молнія, во времена сущестпованія Греческихъ боговъ, была во власти *Юпитера*.

Женщины!... Какъ онъ не дорожатъ эпимъ священнымъ пламенемъ, какъ унижаютъ свое достоинство эпою распочипельностію!... Да, замѣпно, что человекъ созданъ изъ земли.

Впрочемъ, все это относится на щепъ графини *Федоры*.

Съ какимъ возвышеннымъ восторгомъ могу я любить *Полину*!... Безусловно я посвяпилъ бы ей все существо мое. Нѣтъ жертвы, на которую, съ священнымъ самоотверженіемъ, я бы не рѣшился, для ея щастія. Но...

Кажется, гдѣ-то у меня было прощальное письмо одного моего пріятеля, который, отъ нечего дѣлать — взялъ, да и умеръ, какъ говорилъ другой мой пріятель, который тоже, взялъ, да и умеръ.

Кспати, я вспомнилъ объ эпотомъ письмѣ, — изъ него можетъ быть повѣспь для завтпрешняго вечера, надобно только сдѣлать маленькое предисловіе. — И такъ —

II.

Предисловіе.

Тайпспвенность въ романахъ и повѣспяхъ имѣетъ свою хорошую сторону. Она возбуждаетъ инпересь, завлекаетъ любопытство читателя. Мой герой, хотя не Лара лорда *Байрона*, не Мельмопъ *Матюрена*, а просто Платонъ Васильевичъ *Спольской*, молодой человекъ, лѣтъ 25, съ пріятною наружноспью съ хорощимъ образованіемъ и, что всего луч-

ше, съ хорошимъ состояніемъ,—но спранный образъ его жизни, удаленіе отъ общества, всегдашняя задумчивость, дикій блескъ почти попухшихъ взоровъ,—все это набрасывало на него какой-то покровъ таинственности.

Видите ли вы его, прогуливающагося по берегу рѣки? — Романическое мѣстоположеніе, вечеръ, питающій мечтательность, луна, — но описаніе всѣхъ этихъ предметовъ можете сыскать въ любой повѣсти, которыми такъ наполнены наши альманахи и журналы.

Луна!... Какъ я люблю смотрѣть на неѣ въ тихую лѣпную ночь:—можетъ быть, и она, въ ту минуту, обращаетъ къ ней свои взоры.—Я хотѣлъ бы быть луной! Сколько прелестныхъ глазъ, и голубыхъ и черныхъ (другихъ цвѣтовъ я не люблю), смотрѣли бы на меня! Сколько вздоховъ любви долепали бы ко мнѣ! и я спарался бы вдыхать ихъ въ себя—они такъ питательны,—питательнѣе саговой крупы, свареной на красномъ винѣ.

Обратимся къ *Платону Василевичу*.

Спранные о немъ рассказы возбудили мое любопытство; я искалъ случая съ нимъ познакомиться, но это было не такъ легко, какъ я воображалъ. Онъ не принималъ у себя никого, тѣмъ болѣе незнакомыхъ; но много къ этому способствовали уединенныя прогулки, которымъ мы оба любили предаваться.

Не стану описывать подробностей первой встрѣчи и начала нашего знакомства, скажу только, что я успѣлъ ему понравиться. Одинаковый образъ мыслей, одни вкусы и какой-то романтизмъ въ характерахъ сблизили насъ. Онъ любилъ проводить со мною время и, какъ я имѣлъ его много свободнаго, то мы были почти всегда вмѣстѣ. Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ больше уважалъ возвышенный его характеръ, умъ, справедливыя понятія о вещахъ, стремленіе къ высокому и душе, исполненную побуждений благороднѣйшихъ; въ сердцѣ его были заключены чувства неизъяснимыя. Онъ былъ глубоко, какъ море, какъ поэзія *Байрона*, огненны, какъ лава *Везувія*.

На лицѣ его, теперь блѣдномъ, холодномъ, не выражающемъ никакого чувства, опытность могла бы прочесть слѣды спростей буйныхъ, разрушительныхъ.—Случалось ли вамъ видѣть сны ужасные, поминательные?—Что вы чувствовали въ то время, когда порплетъ какого нибудь изъ вашихъ дѣдушекъ оживлялся на полотнѣ, и спранный взоръ его неподвижно былъ усрмленъ на васъ,—вы же не въ состояши сдѣлать ни одного движенія?—Такъ камениль и взоръ *Спольскаго*.—Что-то непріятное отражалось въ немъ. Онъ удалялся общества людей, особенно женщинъ, а ежели и бывалъ съ ними, что, впрочемъ, случалось весьма рѣдко, то никогда не видали его улыбающагося... Часто въ тѣмную, бурную ночь сидѣлъ онъ у открытаго окна—мракъ природы сходенъ былъ съ мракомъ души его, а рычаніе громовъ съ его вздохами (*);... но не любилъ музыки,—музыки, которая первая кольцами невещественной цѣпи связала землю съ безтѣлесными мірами.

Музыка есть сильнѣйшій палиманъ волшебницы природы: таинственная сила его очарованія. Языкъ музыки понятенъ и возвышеннымъ жителямъ неба и низкимъ обитателямъ земли.—Когда проза земли закрываетъ отъ насъ поэзію неба, музыка на струнахъ души нашей играетъ отчаяніемъ и надеждою; возбуждая попеременно то горестъ въ сердцѣ, то слѣзы въ очахъ, соединяетъ въ гармоническіе отголоски сладостное умиленіе, сладостнѣйшій голосъ сожалѣнія и еще сладостнѣйшій вздохъ любви.

Щасливъ тотъ, кого прогаютъ мелодическія чувства музыки, но тотъ щасливѣе, въ чьей душѣ струны эпои гармоніи сами оизываются. Щасливъ тотъ, кто, удрученный отчаяніемъ, услышишь ея звуки; кто, въ ту минуту, воспаритъ къ сферамъ идеала и тамъ воскреситъ видѣнія умершихъ надеждъ. Тогда, какъ бы сбросивъ съ себя земленую оболочку, душа опзвенится мелодіею другой жизни... До кого же долепятъ звуки гармоническихъ гимновъ, которые покоятъ хоры надвѣздныхъ міровъ?... Это

(*) Гипербола à la *Бралибеусъ*.—М.

сны воображенія, — ихъ созидаетъ душа, въ существенности мукъ и спраданій; она върилась, что все поперянное вновь возвратится, что вновь она увидитъ своихъ; ей блестящая звезда безсмертія; она улепаетъ въ надоблачную жизнь — и тогда дикій вопль опчаянія не слышенъ болѣе въ гармоніи міра. ....

Какая же свинцовая тайна гнететъ несчастнаго *Спольскаго*? — Что кипитъ въ груди его? — Какихъ чувствъ добычею его сердце? — Какую цѣпь происшествій представляетъ ему воспоминаніе прошедшаго, въроятно, ужаснаго? — Заблужденія ли молодости, вовлекшія его въ проступки неисправляемые, обдуманное ли преступленіе, или чувство мщенія, побудившее его къ оному — что такъ сильно пыгопитъ его? ...

Онъ видѣлъ мою къ нему привязанность, мое расположеніе и, при всей моей откровенности, не пламилъ мнѣ взаимно откровенностью же. — «Не требуй отъ меня признаній;» говорилъ онъ: «придетъ время, ты все узнаешь. — Теперь же люби меня и жалѣй.»

Я истинно любилъ его и жалѣлъ; видно было, что совѣсть грызла его сердце, какъ мышъ Голландской сыръ; — но не уже ли его раскаяніе и сознаніе своего преступленія, не могли хоть нѣсколько утишить бурю, такъ его волновавшую?

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ*).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей нашихъ о литературныхъ новостяхъ, изъ которыхъ важнѣе прочихъ та, что на поприщѣ нашей блѣднѣющей поэзіи явился новый гений: это молодой поэтъ *Владиміръ Бенедиктовъ*, стихотворенія котораго выдутъ скоро въ свѣтъ. Это высшая идеалогія, облеченная въ самыя нѣжныя формы языка и поэзіи. Намъ давно не случилось читать изъ новостей ничего такого пріятнаго, такого глубоко-поэтического произведенія. Радостно встрѣчаемъ тебя, гость новый, и принимаемъ въ радушныя объятія!

Полковникъ *К*****ъ*, который самъ украшаетъ словесность нашу прекрасными сочиненіями, — есть издаватель этого прелестнаго собранія. Въ нашъ холодный, эгоистическій вѣкъ, такая благородная черта сладка сердцу. Доспойно вниманія *Историческое обозрѣніе нравовъ и обычаевъ*, издаваемое соудникомъ Энциклопедическаго словаря Ю. И. *Джулиани*: это будетъ книга истинно полезная. Молодой литераторъ г. *Викторъ Бурляковъ* готовитъ къ новому году двѣ разнородныя книжки для дѣтей, которымъ онъ посвящаетъ свои досуги; одна изъ этихъ книжекъ будетъ называться: *Игрушечная лавка*, а другая *Прогулка вокругъ свѣта съ дѣтьми*. Въ сей послѣдней развито много, какъ мы видѣли изъ рукописи, истинно полезныхъ правилъ и понятій, которыя поведутъ ихъ къ многому хорошему: всѣ спятъи молодого автора дышатъ любовью къ святой родинѣ, и ко всему прекрасному. Обращаемъ на эту книгу вниманіе родителей и наставниковъ.

X. Z.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВѢЗДОЧКА.

Какъ радостно твое мерцанье,
Красавица небесъ! Свѣжи!
Твое отрадное сіянье
Надежда спранника въ пуши!
Твой свѣтъ, какъ дружбы лучъ священной,
Въ часъ грусти радостью даритъ;
Какъ огонѣкъ любви неплѣнной
Питаетъ сердце и живитъ!
Ты такъ таинственно, такъ мило,
Горишь на небѣ голубомъ!
И въ ту минуту, какъ уныло
Стою въ сіяніи твоёмъ
И глазъ съ тебя свесилъ не смѣю,
Чтобъ ты не скрылась въ высоту,
Я чувствую, какъ вдругъ свѣплѣе
Становится въ моей душѣ!
Лучами блѣдными твоими,
Ты въ сердце мнѣ отраду льешь,
Какъ искрами огня злапыми,

Ты мнѣ любовь передаешь,
 Любовь къ Создателю вселенны,
 Къ премудрому Творцу міровъ,
 Къ испочнику свѣспилъ несплнннхъ,
 Къ началу вѣры и вѣковъ! —
 Ахъ звѣздочка, какъ пы прекрасна!
 Какъ радостенъ пвой яркій свѣспъ,
 Ты въ небѣ не горишь напрасно,
 Вопь сердца моего опвѣспъ:
 Ты отблескъ будущаго міра!
 Ты упѣшеніе въ поскѣ!
 Тебя пою—и моя лира—
 Тобою свѣспился во пмѣ!

М . . . и Л . . . . а .

Ш А Р А Д А .

Мой первый слогъ—союзъ; второй мѣспоименье;
 А третий къ цѣлому имѣспъ уваженье,
 И состоитъ въ повиновеньѣ.
 Хотя шопъ и другой духовный нослѣспъ санъ,
 Но третий цѣлому подъ вѣдѣніе данъ.

Въ No 78-мъ, помѣщенна анаграмма-загадка значспъ:
Romélie, Molière.

К Р И Т И К А .

Енисейская губерніа, описанная г-мъ Степановымъ, бывшимъ въ ней гражданскимъ губернаторомъ. С. Петербургъ.—1835. Часть I, стр. 276, часть II, стр. 139, XIV, съ статистическою таблицою и планами новыхъ поселеній для ссыльныхъ.

Наконецъ и для Спастиспика приближаеспя у насъ время обильной жапвы. Мы давно уже засѣляли на своей почвѣ сѣмена эпоной науки, но онѣ медленно пускали изъ себя ростки и еще медленнѣе выроспали въ деревья. — Правительспво оказывало съ своей стороны всѣ пособія; но необразованность лицъ, которые занимались собираніемъ матеріаловъ для сей науки, полагала непреодолимыя преграды къ ея развитію. Ученые паша напрасно напрядгали свои силы; они должны были

довольспвоваться одними лживыми замѣчаніями чужеземцовъ или бесполезно-грубыми и невѣрными показаніями своихъ соопчицей. Въ послѣднее время появилось наконецъ вдругъ нѣсколько дѣльныхъ этпнографическихъ и спастиспическихъ сочиненій о разныхъ частяхъ Россіи: Спастиспическая записка о Москвѣ, *Андросова*; Описание Киргизь-Кайсацкихъ Ордъ и степей, *Левшина*; Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, *Нефедьева*; Описание земли войска Донскаго, *Броневскаго*; Панорама С. Петербурга, *Башуцкаго*, и многія другія.—Авторы ихъ бросили пастушескій посохъ прежнихъ Русскихъ пупешествениковъ и искали не незабудокъ и вздоховъ; но, обезпеченные достпачными познаніями, и имѣя въ виду просвѣщеніе и пользу общеспвенную, они смотрѣли на свой предметъ съ серьезной спороны, вникали во все его подробности и добросовѣспно обрабатывали свой трудъ. Все сіи сочиненія, вышедшія вскорѣ одно за другимъ, составляютъ пріапное явленіе въ нашей Спастиспической липтературѣ, и предвѣщающъ, кажется, наступленіе новаго періода, котораго характерическою чертою будутъ богатство и достовѣрность спастиспическихъ наблюдений. Этими качествами обланъ онѣ будутъ сколько пробудившемуся вкусу къ эпоной наукѣ въ частныхъ людяхъ, сполько же, или еще болѣе, ревностному и непосредственному содѣйспвію пѣхъ лицъ, которыми ввѣрено управление различныхъ частей Россіи.— Не довольспвуясь однимъ поверхностнымъ надзоромъ за собираніемъ спастиспическихъ свѣдѣній, и постигая всю важность указаній Правительспва въ семъ опношеніи; гг. начальники губерній, къ возложенной на нихъ обязанности собиранелей матеріаловъ, присоединили труды ученыхъ обрабатывателей, и начали обогащать липтераптуру нашу новыми данными, занимательными въ ученомъ опношеніи, любопытными для всѣхъ сословій народа, и въ высшей степени необходимыми для мужей государспвенныхъ, которые, основываясь на сихъ документахъ, пролагаютъ новые пути промышленности и торговлѣ и открываютъ новые источники народнаго благоденспвіа. Года три или

чепыре назадъ, появились въ журналахъ пер-
вые, хотя краткія, но тѣмъ не менѣе лю-
бопытныя описанія различныхъ губерній
или частей ихъ, сообщенныя г. мѣстными
губернаторами. Г-нь *Д. С. С. Брусилловъ*,
гражданскій губернаторъ Вологодской гу-
берніи, первый вздумалъ издавъ довольно
полное описаніе находившейся подъ упра-
вленіемъ его губерніи, и исполнилъ это въ
1833 году съ похвальнымъ успѣхомъ. Его
опытъ описанія *Вологодской губерніи* есть сбор-
никъ любопытныхъ свѣдѣній объ этомъ об-
ширномъ кускѣ Россіи въ физическомъ,
попографическомъ и этнографическомъ оп-
ношеніи, съ нѣкоторыми указаніями и на
промышленность туземцовъ.—Это драгоцен-
ный уже подарокъ для статистика Россій-
ской Имперіи, которому каждая губернія и
область должна будетъ принести опъ себя
подобную лепту. Тогда только созиждется
великолѣпное, огромное зданіе статистики
нашего опечества, не на зыбкой опорѣ за-
мѣчаній, сохранившихся въ записныхъ книж-
кахъ мимоѣзжихъ путешественниковъ, а на
твердомъ фундаментѣ свѣдѣній, собранныхъ
съ систематическою тщательностью чи-
новниками, которыхъ усердіе пойдетъ себѣ
дѣятельное побужденіе и поощреніе въ тру-
дахъ ближайшихъ своихъ начальниковъ. Но-
вый опытъ попечительности Правитель-
ства въ учрежденіи при Министерствѣ Вну-
треннихъ дѣлъ особаго Статистическаго
опдѣленія, обѣщаетъ опкрыть къ тому ско-
ры и вѣрныя средства.

Все сказанное нами ведетъ къ тому, что
въ непродолжительномъ времени можно ожи-
дать блестящихъ успѣховъ для Россій-
ской Статистики: но до сего момента она
еще въ младенческомъ состояніи. Тѣмъ дра-
гоценнѣе долженъ быть для насъ всякій но-
вый, добросовѣстный по этой части трудъ,
и слѣдовательно тѣмъ большаго вниманія
заслуживаетъ подвигъ въ недавнемъ вре-
мени описаніе Енисейской губерніи.—Г. *Сте-
пановъ*, бывший гражданскимъ губернаторомъ
Енисейской губерніи, проведеній въ ней де-
вятъ лѣтъ, и, по собственнымъ словамъ его,
каждогодно объѣзжавшій губернію, и пере-
ѣхавшій еѣ не только опъ горъ Саянскихъ

до полярнаго круга, опъ Чулыма до Бирю-
сы, но по всѣмъ почкамъ радіусовъ опъ Кра-
сноярска до всѣхъ предѣловъ ея, неупомимо
собиралъ о семъ край и официальные и част-
ныя свѣдѣнія, и письменныя и изустныя из-
вѣстія, пользовался замѣчаніями бывшихъ въ
его время въ Сибири ученыхъ, сочиненіями
прежнихъ путешественниковъ, многими
классическими твореніями по разнымъ ча-
стямъ,—и изъ хаоса скопленныхъ имъ мапе-
риаловъ составилъ стройное, занимательное
цѣлое, соответствующее огромности и важ-
ности своего предмета и посвященнымъ
пробованіямъ публики.

Книга г. *Степанова* заключаетъ въ себѣ
слишкомъ 27 листовъ довольно мелкой печат-
ки; она раздѣляется на 8 опдѣленій: въ 1-мъ
и во 2-мъ содержится физическая географія
Енисейской губерніи, въ 3-мъ топографія,
въ 4-мъ промышленность, въ 5-мъ админи-
страція, въ 6-мъ и 7-мъ этнографія, и на-
конецъ въ 8-мъ очеркъ исторіи этой
губерніи; кромѣ того въ концѣ книги при-
ложенъ списокъ растѣній сего края на Ла-
пинскомъ, и частью на Русскомъ языкѣ,
и двѣ искусно гравированныя большія таб-
лицы: одна изъ нихъ, имѣющая заглавіе *ста-
тистической таблицы Енисейской губерніи*, за-
ключаетъ въ себѣ карту сей губерніи, пла-
ны городовъ Красноярска, Енисейска, Ачин-
ска, Минусинска, Канска, и статистическія
свѣдѣнія о народонаселеніи и пространствѣ
городовъ и уѣздовъ сей губерніи, о земляхъ,
въ особенности о землепашествѣ, о ското-
водствѣ, о рукодѣліяхъ и ремеслахъ жител-
лей, о фабричной промышленности, о раз-
ныхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, о
внѣшней и внутренней торговлѣ, о вѣро-
исповѣданіи, народномъ образованіи и нрав-
ственныхъ наклонностяхъ жителей; а дру-
гая содержитъ въ себѣ планы новымъ посе-
леніямъ для сѣльныхъ. Вотъ оповъ этаго
творенія, любопытнаго по своимъ подроб-
ностямъ, насравительнаго по важности
предмета и увлекательнаго по искусству,
съ которыми онъ описанъ. Пріятно видѣть,
что авторъ прислушался къ труду съ пол-
нымъ усердіемъ, съ богатымъ запасомъ ма-
териаловъ, и обзрѣвъ заданную себѣ тему

со всѣхъ споронъ: опъ того книга его, при всемъ разнообразіи своихъ частей, вездъ занимательна, во всѣхъ спашьяхъ своихъ щцательно обработана. Чщпатель съ удовольствіемъ замѣчаетъ повсюду образованность и начитанность автора, который нигдѣ не изнемогаетъ, но всегда спощтъ выше описываемаго имъ предмета: онъ попеременно по опытный натуралистъ, по рачщтельный географъ и спашистикъ, по дальновидный и благоразумный политикъ. Внутреннее достоинство книги нашло себѣ пристойную одежду въ искусномъ, не рѣдко увлекательномъ слогѣ автора.

Не вдаваясь ни въ какія подробныя изслѣдованія и повѣрки, которыя по скудости свѣдѣній объ Енисейскомъ краѣ въ настоящее время едва ли были бы и возможныы, мы ограничимся однимъ бѣглымъ обзоромъ этой книги и указаніемъ на тѣ мѣста, которыя щщпаемъ справедливымъ поручить особенному вниманію публики.

Физическая географія Енисейской губерніи обработана, можно сказать, съ образцовымъ щщпаніемъ. Вы видите здѣсь не равнодушнаго компилятора, какими были доселѣ почти всѣ спашистики наши, но писателя любящаго свой предметъ, который старается все розыскать, пересмотрѣть, дополнить или измѣнить. Опъ такъ подробно и такъ систематически изложилъ вамъ направленіе горъ и рѣкъ Е. г., что вы въ состояніи, кажется, по словамъ его начертить ихъ карту. Доискиваясь древняго названія Енисей, г. *Степановъ* критически повѣряетъ мнѣнія *Миллера*, *Фишера*, *Клапрота* и переводчика *Абульгази*; попомъ ученымъ образомъ опровергаетъ *Селивскаго*, *Фишера* и *Камеенецаго*, которые хотѣли увѣрить, что рѣка, перестѣкающая вдоль Енисейскую губернію, не есть Енисей, а Ангара. Почтенный авторъ обладаетъ особенною занимательностью разказа; описывая самый сухой предметъ, онъ умѣетъ найти его изящную или поэтическую спорону, и подарить васъ нѣсколькими страницами прекрасной прозы. Опъ хотѣлъ изобразить подробно все теченіе Енисей; вы садитесь съ нимъ въ лодку; онъ не пропускаетъ ни малѣйшаго изгиба,

ни самаго легкаго уклоненія рѣки, чтообы не упомянуть объ немъ: *матеріал* очень сухая, особливо если она длился, какъ здѣсь, слишкомъ на 2800 верстъ, но догадливый авторъ перемѣшалъ еѣ любопытными описаніями береговыхъ мѣстностей рѣки, и вы незамѣтно доплываете до ея успья: вы какъ будто сидѣли въ 1-мъ дѣйствіи балета *Кесарь въ Египтъ*, и передъ глазами вашими тянулось живописное полотно движущейся декорации. Но краснорѣчіе автора въ этой книгѣ имѣетъ по особенное достоинство, что оно не выходитъ за надлежащія предѣлы, и ни мало не вредитъ ея ученику достоинству; онъ умѣетъ быть, гдѣ нужно, хладнокровенъ и серьезенъ: ни блеспки оспроумія, ни поэщической черпы; но и тогда вы не переспаете быть внимательными; вы слушаете его съ тѣмъ же довѣріемъ и любопытствомъ, съ какимъ прилежный ученикъ слушаетъ своего наставника. Такова напримѣръ между прочими слѣдующая за описаніемъ водъ небольшая спашья о неизвѣстныхъ берегахъ Е. г., гдѣ авторъ сравниваетъ разказы нѣсколькихъ путешественниковъ, и уличаетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ невѣрности. — Какъ опщепливы сообщенныя авторомъ атмосферическія наблюденія, которымъ посвящено болѣе десяти страницъ. Описание минераловъ, раствннй и живопныхъ, знакомящее васъ съ производительными силами и богатствомъ Енисейской природы, необыкновенно любопытно: оно не упомляетъ васъ никакою ученою щщпильностью, не обременяетъ васъ сухими подробностями, но большая часть сказаннаго авторомъ оспается у васъ въ памяти: такъ онъ умѣетъ сдѣлать искусный выборъ и выставить на видъ все любопытное.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

M O D E S.

Vous savez ma chère sœur, que Lord Byron disait qu'il ne pouvait pas voir une femme manger, que c'était pour lui un oblet d'horreur et de dégoût. Je ne sais si ma jolie femme était du même avis et si elle voulait mettre en pratique l'opinion du grand poète, mais son dîner composé de mets fort délicats et qu'elle fit en tête-à-tête avec son mari, fut bientôt terminé. Le mari et la femme se voyaient pour la première

fois de la journée, ils s'adressèrent un comment vous portez-vous? puis causèrent de choses insignifiantes. Les enfans furent introduits au dessert, on les embrassa, on leur donna des sucreries, puis on congédia ces *petits anges* qui s'en firent se coucher.

— Que faites-vous ce soir *Anna*? —

« Je vais à l'Opera et de là à Passy, chez Mme de*** qui donne un bal. »

— Je tâcherai d'aller vous y prendre, cependant n'y comptez pas trop... —

Rentrée dans ses appartemens, *Anna* s'occupe pendant une heure de mille petits riens, elle déchiffre une romance, écrit un ou deux billets et passe dans la chambre où on vient de lui dire que M. *Sergent* son coiffeur l'attend. . . . M. *Sergent* vous êtes en retard, vous me ferez arriver trop tard à l'Opera... Il n'y a pas de la faute de M. *Sergent*, ses coiffures sont si légères et si jeunes, il sait donner aux cheveux au tour si gracieux et si bien en harmonie avec la figure, que toutes les femmes veulent être coiffées par lui, M. *Sergent* coiffe en artiste, c'est à qui l'aura. . .

Anna avec sa jolie figure si distinguée, rappelant les têtes des *Séigné, Lavallière, Montespan*, sera ravissante avec une coiffure à la *Louis XIV* et c'est celle que M. *Sergent* va exécuter, d'abord les cheveux sont ramassés derrière la tête en forme de choux, les cheveux de devant frisés et tombans de chaque côté de la figure, sont entremêlés de *tire-bouchons* de rubans, c'est une invention entièrement due à M. *Sergent* et qui est de l'effet le plus charmant et le plus distingué. Un rang de perles est sur le front; un gros nœud de ruban couleur de rose rappelant les rubans des touffes est placé près du choux. Quel bonheur, quelle joie d'arriver ainsi dans ce bal avec cette coiffure nouvelle et unique, cela donne un contentement qui répand une teinte de gaieté sur la figure pour toute la soirée; aussi avec qu'elle grace on remercie M. *Sergent* qui a autant de modestie que de talent.

Pl. No 28. Chapeau en paille de Riz. — Mantille en tulle brodé. — Ameublement Gothique.

М О Д Ы.

Ты знаешь, любезная сестра, что лорд *Байрон* говаривалъ, что онъ не могъ видѣть когда женщина ѣстъ, что это было для него опротивительно, мерзко. Я не знаю, моя пригожая женщина такъ ли же думала, или хотѣла слѣдовать мнѣнію великаго поэта; но объѣдъ ея, сосшоявшій

изъ весьма легкихъ кушаньевъ, за которыми она сидѣла съ глазу на глазъ съ своимъ мужемъ, скоро кончился. Мужъ съ женою видѣлись въ первый разъ сначала дня; они спросили другъ друга о здоровьи; попомъ разговаривали о ничеъ значущихъ вещахъ. Дѣшея привелъ къ десерту; ихъ расцѣловали, дали имъ сластей, попомъ оппустили эпихъ маленькихъ ангеловъ, которые опправились спать.

— *Anna*, что ты дѣлаешь сегодня вечеромъ? —

« Я ѣду въ Оперу, а опшуда въ Пасси, къ г-жѣ *de**** на балъ. »

— Я постараюсь прѣхать туда за тобой, однако не слишкомъ на по надѣйся. —

Возвращаясь въ свои комнаты, *Anna* занимается въ продолженіе часа разными бездѣлками, она разбираетъ романсъ, пишетъ нѣсколько записокъ и идетъ въ свою комнату, гдѣ сказали ей, что дожидается г-нъ *Sergent*, ея парикмахеръ. . . Какъ вы поздно, г-нъ *Sergent*; вы заславили меня опоздать въ Оперу. . . Тутъ нѣтъ вины г-на *Sergent*; его прическіи такъ легки, такъ молодежавы, опъ такъ ловко умѣетъ расположить волосы, такъ соответственно съ видомъ лица, что все дамы хотѣли бытъ имъ причесаны; г-нъ *Sergent* убираетъ какъ *артистъ*, опъ эшаго наперерывъ желаютъ его имѣть.

Anna, съ ея пригожимъ, опличнымъ лицомъ, напоминающая головы *Севинь, Лавальеръ, Монтепанъ*, будетъ восхищительна въ прическѣ времени *Людовика XIV*, и г-нъ *Sergent* причешетъ еѣ точно такъ: сперва волосы собраны сзади головы въ видѣ капустки, передніе волосы зависые, и висящіе съ обихъ сторонъ лица, перемѣшаны съ локонами изъ лентъ; эшою выдумкой совершенно обязаны г-ну *Sergent*, которая придаетъ прелестный видъ и весьма оплична. Одинъ рядъ бусъ по лбу; большой бантъ изъ розовыхъ лентъ, похожихъ съ лентами кушниковъ, припиленъ воздѣ капустки. Какое щастье, какая радость прѣхать на эшою балъ, въ эшой новой и единственной прическѣ; радость эша распространяетъ на лицѣ опливнокъ удовольствіа на весь вечеръ; попомъ съ какой пріятностью благодаритъ г-на *Sergent*, котораго скромность равняется шляпш.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 28. Соломенная шляпка. — Маншля изъ вышитаго тюля. — Гошическая мѣбель.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 80.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30., съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Октября 5 дня 1855 года.

Змѣя ужалила Маркела.—

Онъ умеръ?—Нѣтъ, змѣя напрошнвъ окодыла!

В. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОВѢСТЬ БЕЗЪ ЗАГЛАВІЯ.

III.

Маленькой эпизодъ.

(Окончаніе.)

Я служилъ тогда корнетомъ въ*** полку, и взводъ мой былъ расположенъ въ деревнѣ *Спольскаго*.

Получивъ однажды предписаніе — отпра- виться въ дальнюю командировку, копорал могла продолжиться мѣсяць, а можетъ быть и болѣе,—я пришелъ съ нимъ проститься.

«Другъ мой!» сказалъ онъ: «я предчувствую, что мы болѣе не увидимся. Пожелай мнѣ умереть спокойно.»

Мы распались.

Это было зимою.—Тройка лихихъ коней, запряженныхъ въ легкія перекладныя сани, быспро несла меня по снѣговому океану. Однообразный звонъ колокольчика наводилъ уныніе, а видъ безбрежной степи, покрышой снѣговымъ саваномъ, увлекалъ въ какой-то фантасмическій міръ. Я былъ удаленъ отъ людей, отъ ихъ ледянаго равнодушія, недру- жеской пріязни, мстительной ненависти.

Одинъ въ природѣ, я хотѣлъ бы всегда быть одинъ; но въ обществѣ людей я искалъ *гелотка*. Неопытный, я хотѣлъ чего-то невозможнаго. Я ко всѣмъ простиралъ брагскую руку и не умѣлъ замѣтить, съ какою холодностью принимались изліянія моей искренности. Обманываясь часто, и почти всегда въ людяхъ, я пріучилъ и себя смотрѣть съ холоднымъ эгоизмомъ на всѣ ихъ поступки. Теперь, при первой встрѣчѣ съ человекомъ, я предполагаю въ немъ болѣе дурныхъ качествъ, нежели хорошихъ; можетъ быть, я обманываюсь, но кто виноватъ?— Кто вырвалъ изъ груди эти пылкіе порывы юности, кто умѣлъ уничтожить эту просподушную доврчивость, эту дѣтскую опкровенность? Не разуверенія ли существенности?— Не разочарованія ли опыта?...

Какъ люди умѣютъ оправить жизнь, холо- ды съѣла — потушить священный огонь высокой звѣзды и оставили одно помимель- ное желаніе таинственнаго блаженства!... Кто оцѣнитъ эту безпредѣльную любовь, эту неизъяснимую поэзію чувствъ?— Не уже ли она должна потухнуть въ хаосъ одно- сторонности, обыкновенности, ничтожно- сти съѣла?— Не уже ли ангельскіе опголоски

должны обратиться въ крикъ зловѣщаго вора надъ заглохшей могилой?... И эта прелестная звѣзда, блуждая по берегамъ хаоса, должна ли, наконецъ, поплунуть въ моръ безчувственности?...

Такъ, или почти такъ, думалъ я тогда. Я сказалъ уже, что я былъ тогда корнепомъ, а это было очень давно; слѣдовательно, я былъ тогда очень молодъ, и попому не удивляйтесь корнепскому образу мыслей; въ моемъ пеперешнемъ чинѣ онъ измѣнился,—къ тому же и лѣта, и опытность, чаще невольная!... Что день, то ближе къ гробу!—А пословица говоритъ: *autres temps, autres mœurs*.

И такъ,—я занятъ былъ моими мыслями, какъ вдругъ сани опрокинулись, и я очутился во рву, занесенномъ снѣгомъ.

«Сбилась съ дороги, ваше благородіе!» сказала ямщикъ.

Тогда только я увидѣлъ, что сильная мяпель не позволяла различать предметы на пять шаговъ; однако я замѣнилъ, что ровъ окружалъ садъ и что мы находились подлѣ деревни. Сани поплунули въ снѣгу, лошади выбились изъ силъ—и мы вдвоемъ ничего не могли сдѣлать. Морозъ былъ довольно ошупипелень. Эта холодная проза чрезвычайно была непріятна моему поэтическому расположенію. Нечего было дѣлать: оставивъ ямщика подлѣ саней, я побрелъ по опушкѣ рва, подвергаясь нѣсколько разъ опасности—переночевать въ немъ. Наконецъ заблесталъ огонѣкъ,—ближе,—ближе,—я подлѣ помѣщичьяго дома. Вѣроятно я былъ тогда похожъ на медвѣдя, ибо собаки бросились на меня, какъ зарядъ карпечи изъ пушки, и окружили со всѣхъ сторонъ: на крикъ мой сбѣжались люди и освободили опъ хищныхъ непріятелей... Оправившись нѣсколько въ передней, я вошелъ въ гостиную, гдѣ встрѣченъ былъ хозяиномъ.

Вообразите себѣ маленькую, сухую фигуру, не выше двухъ аршинъ, съ огромною головою, обнаженною, какъ спеси сухой Аравіи, съ лицомъ, испоченнымъ морщинами, какъ кремнистая дорога между горъ Крыма; прибавьте къ этому два длинные уса, висящіе внизъ, подобно вѣшьямъ сосны, опягчен-

нымъ инеемъ, и вы будете имѣть только слабое понятіе о наружности моего *Филелона*.

Самоваръ кипѣлъ на сполѣ и ароматическій паръ его пріятно щекопилъ мои прогודהвшіяся чувства; къ тому же бублика рому... О! я надѣялся быть вполне вознагражденъ за непріятности упомянутой поѣздки.

Взору моему представилась поэтическая картина семейственнаго счастья; въ воображеніи пробудились пріятныя мечты;—я вспомнилъ.....

Бывали ли вы въ походахъ?—Вспомните, какое удовольствіе чувствовали вы за спяканомъ горячаго пуншу, послѣ большаго зимняго перехода, лежа на коврѣ, или на попонѣ, въ соломенномъ балаганѣ?—Или, ежели вы женаты, вспомните, какъ въ подобную ночь, послѣ долгой поѣздки, вы возвращались домой и прелестная, молодая супруга, съ распростертыми объятіями, съ горячимъ поцѣлуемъ, встрѣчала васъ—и вы, за спяканомъ чаю (но не пуншу,—ибо горячій поцѣлуй согрѣетъ лучше рому,—повѣрьте мнѣ, я испыталъ это), забывали и холодъ, и усталость, и всю природу?... Но, можетъ быть, вамъ случалось слышать: «Другъ мой! я тебя не ожидала такъ скоро.»—Въ такомъ случаѣ я вамъ не завидую.

Я зналъ одну добрую чепу: примѣръ согласія семейственной жизни, особенно при гостяхъ. Въ гостиной у нихъ, на диванѣ, помѣщались кошка съ собакой (эмблема ихъ любви) и жили между собой, какъ нѣжные супруги,—за то, какъ я узналъ въ послѣдствіи, нѣжные супруги, безъ свидѣтелей, жили между собой, какъ кошка съ собакой.

Но,—«что вамъ угодно?»—пропищалъ поненькій голосокъ.—При видѣ самовара я заблѣлъ и мяпель, и опрокинутыя сани, и непріятное положеніе моего ямщика, но эти немногія слова испоргли меня изъ моихъ мечтаній. Я разказалъ мое приключеніе и просилъ хозяина о поданіи помощи.

«Ежели вамъ угодно отправиться въ корчму, которая отсюда не далѣе полуверсты, то тамъ вы сыщете людей, и они подадутъ вамъ нужную помощь.»

Ежели вамъ случалось во снѣ имѣть въ своей власпи предметъ пламеннѣйшихъ желаній, и вдругъ холодная рука существенности пробуждала васъ... но нѣтъ, это сравненіе очень слабо. Я не знаю, съ чѣмъ сравнить впечатлѣніе, произведенное на меня неожиданнымъ отказомъ уродливаго спарика. Не знаю, впрочемъ, предпочелъ ли бы я положеніе графа *Нулина* въ спальнѣ *Наталы Павловны*.

—Прикажите, по крайней мѣрѣ, кому нибудь изъ вашихъ людей проводить меня до корчмы, я дамъ за это на водку,—сказалъ я опомнившись. «Очень хорошо!» отвѣчалъ онъ.

Дорогой я узналъ, что это какой-то разбогатѣвшій управитель, который теперь содержалъ на арендѣ нѣсколько сотъ душъ крестьянъ. — Чувство негодованія овладѣло мною... Я ужасно сердился, какъ смѣлъ онъ отказать Русскому офицеру, ѣдущему по казенной надобности и сбившемуся съ дороги, въ теплой комнатѣ и въ спаканѣ чаю; я говорилъ тогда много вздоровъ,—вспомните, что я былъ корнетъ и очень молодъ; наконецъ, уславши бранить господина арендатора, я, съ горя, заснулъ на деревянной скамьѣ, въ нечистой Жидовской избѣ.

Окончивъ порученія начальства, я возвратился къ своему мѣсту—и первый мой вопросъ былъ о *Спольскомъ*. Мнѣ подали запечатанный конвертъ....

Предлагаю моимъ читателямъ повѣсть *Спольскаго*, написанную имъ самимъ.

IV.

Письмо.

Берегъ, берегъ!

Aimer une femme... l'aimer de toutes les fureurs de son âme; sentir qu'on donnerait pour les moindres de ses sourires son sang, ses entrailles, sa renommée, son salut, l'immortalité et l'éternité, cette vie et l'autre; regretter de ne pas être roi, génie, pour lui mettre un plus grand esclave sous les pieds; l'entreindre nuits et jours de ses rêves, de ses pensées;—et la voir amoureuse d'un autre!...

«Разсказываясь съ тобою, я предчувствовалъ что мы не увидимся болѣе; но я обѣщаль

тебѣ раскрыть тайну моей жизни;—вопль мой повѣспь:

«Молодость свою провелъ я въ кругу людей необразованныхъ; людей, не имѣвшихъ ни смѣлости, ни силы вознестись выше своей сферы; ползавшихъ въ мракъ невѣжества, въ темной области предрасудковъ. — Понимають ли они высокія предназначенія Творца?... Эти люди никогда не думаютъ, или только изрѣдка, и то по привычкѣ, а не рассуждая... Для чего же они живутъ?... Для того, чтобы послѣ умереть... Чувство моего надъ ними превосходства, ихъ ничтожность, удаляли меня отъ ихъ общества; ихъ поспулки, ихъ слова были мнѣ нестерпимо противны... Суди о моемъ положеніи!... Я хотѣлъ любить,—любить кого нибудь, хотѣлъ дѣлиться жизнью; но меня не понимали: я былъ какъ бы на необитаемомъ островѣ.

«Еще въ лѣта моего дѣтства я сдружился съ *Венскимъ*. Этого молодой человѣкъ обѣщаль много: несвойственное возрасту его благоразуміе и глубокомысленность заспавляли всѣхъ уважать его. Самая чистая нравственность была основаніемъ его характера. Мы любили и понимали другъ друга. Переписка съ нимъ болѣе и болѣе укрѣпляла связь нашу и была одно мое удовольствіе... Такъ протекали пять лѣтъ... но сколько жизни потерялъ я въ эти пять лѣтъ!...

«Судьба моя нѣсколько переѣнилась—я попалъ въ лучшій кругъ людей. Воспоминаніе о нихъ хотя не представляетъ памяти ничего пріятнаго, хотя знакомство съ ними не оставило никакого впечатлѣнія, ни какой пищи для сердца и души; но, по крайней мѣрѣ, общество ихъ было для меня сносно. Начальникъ мой былъ добрый человѣкъ. Я бывалъ у него каждый день...

Зѣвашъ на потолка,

Явисься, помолчать, пошаркашъ, пообѣдашъ,

Подспавить спухъ, поднять плашокъ...

«Въ его домѣ увидѣлъ я однажды... Ахъ, другъ мой! говоришь ли тебѣ о ней?... Она освѣтила новымъ блескомъ жизнь мою; въ первый разъ я увидѣлъ изящное въ при-

родѣ.—Я не видалъ её прежде, не зналъ никого похожаго на неё, но лицо ея, выражающее доброту, какъ будто мнѣ было знакомо. Не это ли идеаль, нарисованный въ воображеніи пылкими мечтами?—Не это ли образъ всего прекраснаго?— Не это ли радуга блаженства человѣка, приближающая его къ небу?... Такъ, это та, которую я долженъ любить!...

«И могъ ли я не любить *Марію!*... Какъ Она, моя *Марія* была велика, возвышенна! Въ ея глазахъ горѣло что-то мечтательно-неземное; во взорѣ ея, въ улыбкѣ, отражались высокость чувствъ, чистота души, доброта сердца...

«Годъ прошелъ незамѣтно. Я былъ щастливъ моею любовью—она скрывала отъ меня все земное, все недоспойное этаго божественнаго чувства... Для *неё* я спарался, сколько могъ, исправить въ себѣ нѣкоторыя погрѣшности и недоспапки; всё хорошия наклонности, испорченныя воспитаніемъ, пробудились во мнѣ въ своей природности—я хотѣлъ дать имъ должное направленіе... я хотѣлъ быть достойнымъ её.

«Любила ли она меня?... Не знаю.

«Успѣлъ ли я внушить ей особенныя чувства расположенія, или она ограничивалась въжливостію свѣтскаго обращенія — я не входилъ тогда въ это. Я щиталъ небеснымъ наслажденіемъ и то, что могъ её видѣть, слушать мелодію ея голоса и говорить съ нею. Могъ ли я желать другаго блаженства? Весь міръ преобразился для меня: я готовъ былъ снова любить всѣхъ; я во всемъ видѣлъ только хорошее, ибо во всемъ видѣлъ только одну её.

«Въ то же время судьба свела меня опять съ *Венскимъ*. Не былъ ли я щастливъ вполне?—Другъ, котораго я любилъ столько же, какъ её, этого другъ былъ со мною.

«Онъ любилъ,—любилъ подобно мнѣ. Блестящій призракъ свѣта осыпалъ нѣсколько времени цвѣтами жизнь его,—но недолго,—завѣса упала; разочарованіе охладило душу, и изъ всего, чѣмъ для него былъ полонъ міръ, остались однѣ мечты.

«*Венскій* былъ обворожень *Маріей* съ перваго свиданія, такъ же, какъ и я....

«Но судьба упомилась видѣть меня щастливымъ. Я получилъ извѣстіе, что мать моя *Марія* больна: должно было разспаться съ *Маріей*.

«О, какъ желалъ тогда я быть *однимъ* на землѣ!— За чѣмъ связанъ я съ людьми эпитими непердыми узами, слабыми наполнивъ наше внутреннее существо?— За чѣмъ я долженъ зависть отъ нихъ въ своихъ поступкахъ, какъ въ своихъ мысляхъ?...

«Такъ, въ заблужденіи чувствъ, говорилъ я тогда; но гений моей жизни спрѣлою молніи начерпалъ слова сіи въ книгѣ судьбы, — и успѣлъ ли я моимъ раскаяніемъ уничтожить ихъ?....

«Я похоронилъ мать мою. Какъ ни спарался я привести скорѣе въ порядокъ домашнія дѣла, какъ ни спарался лепѣть скорѣе къ *Маріи*, но прежде двухъ мѣсяцовъ не могъ окончить всѣхъ распоряженій. Наконецъ меня уже ничто не удерживало,—я готовъ былъ выѣхать, какъ вдругъ сильная горячка положила меня въ постелю. Прошло еще болѣе мѣсяца.

«За чѣмъ испоргли меня изъ когтей смерти?— За чѣмъ возвратили къ этой жизни, гдѣ, съ того времени, все для меня было потеряно?— Или, по крайней мѣрѣ, за чѣмъ не остался я въ вѣчномъ пароксизмѣ безумія и безпамятства?...

«Я увидѣлъ её опять. О, какъ сильно забилось сердце! Оно хотѣло бы вырваться изъ груди, разорвать эту тѣсную пюрму и пасть къ ногамъ её, еще незапятнанной жертвой.

«Она была та же прелестная, та же божественная,—но холодная со мной, ласковая съ *Венскимъ*.... болѣе, нежели ласковая. Эта предупредительность, эта внимательность, взоры, улыбки, чуждыя для меня прежде, тѣмъ болѣе пеперь, все мнѣ сказали.

«Я какъ будто не замѣтилъ переменъ въ обращеніи, — казался равнодушнымъ, — я не хотѣлъ показатъ, какъ спрадало мое самолюбіе; но сердце наполнилось грустью; точка камнемъ налегла на грудь; мнѣ было

птяжело; какъ будто воздуха, которымъ я дышалъ, мнѣ было мало для вздоховъ... Но поймешь ли ты мое состояніе?...

«Я хотѣлъ болѣе увѣряться въ перемѣнѣ; но когда уже не оспалось никакого сомнѣнія, я принялъ намѣреніе — не выдашь еѣ болѣе; искалъ разсѣянія, бросился въ кругъ людей, спарался привыкнуть къ нимъ и, ежели можно, попушивъ въ себѣ всякое спремленіе къ возвышенному, желаніе прекраснаго, не опспавашъ опъ нихъ въ ихъ образъ жизни, мыслей, въ ихъ поспребноспяхъ и удовольспвіяхъ. — Но могъ ли я забыть то, что одинъ только разъ можно вспрѣтнть въ жизни, то, что пакъ восхишительно подало мнѣ мысль о таинспвенномъ небѣ? Тѣ минуты, когда, въ воспоргъ забвенія, въ упоеніи, я жилъ въ духовномъ мірѣ, въ мірѣ поэзіи, недоспупномъ ничему земному?...

«Однажды я былъ приглашенъ на вечеръ къ моему начальнику. Опдѣлапья было спрудно; я хотѣлъ сказаться больнымъ, но успунилъ усиленнымъ просьбамъ *Венскаго*. — «Ежели ты, говорилъ онъ, не найдешь памъ удовольспвія, то, по крайней мѣрѣ, нѣкопорое развлеченіе, а эпо для тебѣ необходимо.»

«Тамъ я опяшь увидѣлъ *Марію*... Съ какимъ ангельскимъ выраженіемъ обрапила она ко мнѣ взоры, исполненные доброты и, кажется, сожалѣнія. О, если бы въ эпомъ взоръ я могъ прочестъ любовь!... Чего бы я не опдалъ за него!... Я зналъ всю цѣну блаженспва—быть любимымъ ею; но зналъ и то, что не мнѣ суждено эпо блаженспво. Я не могъ долго говорить съ нею.

«Два спакана пуншу совершенно омрачили мой разсудокъ. Я сълъ за карпочный спольикъ; но могъ ли я занимапья игрою? — Я выводилъ изъ шерпнія моего парпнѣра и просилъ другаго състь на мое мѣсто.

«Когда я увидѣлъ, съ какимъ воспоргомъ *Венскій* упивался ея улыбками, ужасная мысль мелькнула во мнѣ... Я не винилъ его ни въ чемъ—я винилъ одну судьбу; но онъ споялъ между мной и *Маріей*; онъ, какъ облако, заслонялъ мнѣ эпо солнце. Злоспный демонъ, въ видѣ оскорбленнаго самолюбія, пипалъ во мнѣ адское намѣреніе. — Упъшенія *Венскаго*,

его нѣжное участіе, казались мнѣ злыми насмѣшками—я рѣшилъ.

«Спѣши насладнпья, говорилъ я самъ себѣ — сегодня въ послѣдній разъ ты вѣдншь *Марію*;—завтра можетъ быть въ послѣдній разъ увидншь солнце.... Оно еще разъ закашнптся для тебѣ; но, съ восходомъ его, не взойдетъ болѣе звѣзда пвоей жизни... Онъ палъ опъ моей руки.....

«Теперь, понимаешь ли ты мои мученія?—Ужасныя угрызенія совѣспн разрывали на частп мою душу; спрашныя вѣдннія смущали мой сонъ. Я вѣдѣлъ себя въ вѣдѣ *Каина*, и спрупъ *Венскаго*, какъ спрупъ *Авелла*, вездѣ преслѣдовалъ меня....

«Для меня все было поперяно. Одна молитва была у меня, и та замирала въ груди—молитва о ея щасптіи; теперъ еще одно чувство наполняетъ меня—желаніе щасптія тебѣ. —

II. *Мартосъ*.

Межнгорка.

С Н А Р А Д Е.

Mon premier, tous les ans, n'arrive qu'une fois;
Mon second sur la tête élégamment s'arrange;

Et mon tout sur le cœur a le pouvoir d'un ange,
Qui descendrait du ciel pour nous donner des lois.

Въ Но 79-мъ, помѣщенная шарада значнпъ: *Протопопъ*.

К Р И Т И К А.

Енисейская губернія, описанная г-мъ Степановымъ, бывшимъ въ ней гражданскимъ губернаторомъ. С. Петербургъ.—1835. Часть I, стр. 276, Часть II, стр. 139, XIV, съ статистическою таблицей и планами новыхъ поселеній для ссыльныхъ.

(Продолженіе.)

Въ Топографіи авторъ говоритъ объ учрежденіи Енисейской губерніи, о предѣлахъ ея, о раздѣленіи на округа, съ описаніемъ снхъ послѣднихъ; о народонаселеніи, рожденіи, бракахъ, болѣзняхъ, смертноспн; о количеспвѣ земель, положеніи дорогъ, пупяхъ

соединенія и почтѣ. — Здѣсь г. *Степановъ* нарисовалъ панораму губерніи, останавливая вниманіе ваше на всякомъ любопытномъ мѣстѣ, на каждомъ замѣчательномъ явленіи природы или памятникѣ искусства. Разсужденіе его о находящихся въ Сибири могилахъ древнихъ, въ которомъ онъ такъ искусно намекаетъ на педантизмъ *Палласа*, отличаетъ вѣрностью мысли и ученымъ достоинствомъ. — Какъ займетъ васъ описаніе Красноярска и даже краткія свѣдѣнія объ Енисейскѣ, Туруханскѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ и Канскѣ. — Здѣсь же помѣщена небольшая статья о ссыльныхъ, которая, вмѣстѣ съ другою, болѣе подробною о томъ же предметѣ въ отдѣленіи Администраціи, доставитъ вамъ много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній и заинтересуетъ васъ разсужденіемъ объ отвращеніи частныхъ побѣговъ эскихъ разгульных плуремниковъ. Статья о народонаселеніи, путяхъ сообщенія, также читается съ удовольствіемъ: послѣдняя изъ нихъ по своимъ подробностямъ будетъ особенно занимательна для путешественниковъ въ томъ край.

Отдѣленіе о промышленности, по которой лучше всего можно судить о благосостояніи народномъ, любопытно богатствомъ циферныхъ показаній, составляющихъ главное подкрѣпленіе книгъ сего рода, и основательными замѣчаніями автора относительно разныхъ промысловъ. Въ статьѣ о торговлѣ, сверхъ таковыхъ же показаній, есть нѣсколько важныхъ коммерческихъ соображеній и намековъ, которые намъ, вчужѣ, показались весьма справедливыми, и которые, можетъ быть, не останутся безъ пользы для купцовъ Енисейской губерніи: прочитайте для образца по мѣсто, гдѣ г. *Степановъ* разсмаприваетъ причины упадка торговли Красноярскихъ купцовъ. Въ авторѣ замѣтна благоразумная оспорюемость относительно документовъ, которыми онъ пользовался; онъ всегда различаетъ официальное показаніе отъ частнаго, и иногда не совѣщаетъ вѣрить даже официальнымъ свидѣтельствамъ, доказывая убѣдительно ихъ неосновательность, такъ напр: въ статьяхъ о звѣроловствѣ, хлѣбонашествѣ и другихъ. Если васъ упо-

मितъ краснорѣчіе цифръ и голыхъ статистическихъ фактовъ, то вниманіе ваше можетъ освѣжиться нѣсколькими пріятными страницами описанія способовъ ловли звѣрей, ѣзды на собакахъ, описанія ланей, которыхъ доселѣ неправильно называли оленями, описанія шайнштейннотъ Туруханской ярмарки, и проч. Но мы совѣтовали бы преимущественно углубиться въ разсужденія автора, въ которыхъ видно такъ много зрѣлаго ума и мѣстной наблюдательности.

Въ отдѣленіи: *Администрація* изложено политическое управленіе губерніи; установленія относительно народнаго продовольствія, общественнаго призрѣнія, церковнаго управленія и народнаго образованія. Каждая изъ статей этого отдѣленія представитъ вамъ очень много новаго въ сравненіи съ губерніями Европейской Россіи, или по крайней мѣрѣ послужитъ поводомъ къ пріятнымъ размышленіямъ.

Слѣдующія два отдѣленія, шестое и седьмое, заняты Этнографіею Енисейской губерніи: здѣсь новое обширное поприще трудолюбію и образованности автора и новая пища любознательности читателя. Вы найдете здѣсь описаніе Оспииковъ, Самойдовъ, Юраковъ, Якуповъ, Тунгусовъ, Татаръ, которые подраздѣлены на разные родоначалія, казаковъ и наконецъ старожилонъ-крестьянъ. Авторъ не вѣритъ безопчетно чужимъ словамъ и мыслямъ, но старается самъ повѣрить ихъ и опыската истину: такъ напр. въ этнографіи Самойдовъ онъ разсмаприваетъ мнѣнія объ нихъ *Фишера* и *Стралленберга*; потомъ предлагаетъ вамъ собственное предположеніе о происхожденіи Оспииковъ отъ народа Уйгуровъ, жившихъ у источника Енисея, и часть которыхъ перешла потомъ на берега Ирпыша; вскорѣ за симъ вы читаете цѣлое ученое разсужденіе о Кайбалахъ, которыхъ г. *Степановъ* причисляетъ къ Татарскому племени, опровергая мнѣнія объ нихъ *Спасаго*, *Палласа*, *Зябловскаго*, *Полеваго*. Въ статьѣ о вѣроисповѣданіи бродячихъ народовъ любопытна мысль автора, что Шаманской религіи не существуетъ, или, что Шаманство не есть религія. Филологи съ удовольствіемъ замѣтятъ образцы языка

Сибирскихъ инородцовъ; обыкновенные любители чтенія благодарятъ автора за интересныя подробности о вѣроисповѣданіи, нравственности, просвѣщеніи, домашнемъ бытѣ, нравахъ, обыкновеніяхъ и обрядахъ жителей Енисейской губерніи.

Желая сдѣлать книгу свою болѣе полною и удовлетворить весьма естественному любопытству читателя знать, что была Енисейская губернія до настоящаго времени, авторъ оканчиваетъ свой трудъ историческимъ очеркомъ губерніи съ конца XVI столѣтія. Васъ займетъ здѣсь описаніе подвиговъ нашихъ воеводъ, покорявшихъ дикарей Сибири; но вмѣстѣ съ тѣмъ вы пожалуете, отъ чего авторъ такъ мало говоритъ объ Енисейской губерніи испекшаго столѣтія, отъ чего не изобразилъ онъ хотя кратко состоянія эпохи края въ различныя эпохи.— Можетъ быть совершенный недостатокъ матеріаловъ послужилъ ему извиненіемъ, можетъ быть эпо не входило въ его планъ, можетъ быть эпо была бы уже роскошь; но г. *Степановъ* во всей книгѣ такъ избаловалъ насъ, такъ былъ во всемъ предупредителенъ, что мы щипали себя въ правѣ требовать отъ него эпой роскоши.

Чтобы познакомить читателей нашихъ съ слогомъ автора и съ общимъ взглядомъ его на Енисейскую губернію, мы выписываемъ здѣсь двѣ послѣднія страницы 3-го отдѣленія, и *прощальный взглядъ* его на эту губернію.

«Осмѣливаюсь главу сію кончить сравненіемъ: пространство земли, мною описанное; съ ея народонаселеніемъ въ настоящее время, есть недоконченная картина. На первомъ планѣ все имѣетъ надлежащее расположеніе, все имѣетъ уже формы, тѣнь и свѣтъ; только недоспааетъ живости, блесковъ колорита.— За первымъ планомъ картины, въ свѣтломъ сумракѣ выказываются какіе-то сливающіеся образы; но глубь ея, но даль.... тамъ нѣтъ еще ни малѣйшей черты художника. Кто знаетъ, какой зародышъ хранился въ мысляхъ его? что скрывается въ будущемъ?»

«Можетъ быть, черезъ тысячу или болѣе лѣтъ, земли померзлая покроются нивами,

образуется даль; можетъ быть, не въ столь продолжительное время, поселенія *Маргенко* сдѣлаются прекрасными деревнями и возникнутъ новыя, между Илимеемъ и Тазомъ,—сливающіеся образы получатъ характеръ. До тѣхъ поръ все пусто отъ береговъ моря Ледовитаго до Енисейска, на пространствѣ 2000 верстъ, и все народонаселеніе усредоточивается только на Югѣ, на пространствѣ 650 верстъ. Нельзя сказать, чтобы въ сихъ мѣстахъ заселены были однѣ дороги, которыя дѣйствительно не уступаютъ въ семъ отношеніи Европейской Россіи; нѣтъ, нѣтъ; округъ Ачинскій и Красноярскій, вообще Енисейскій между Енисеемъ и Томскою границею, Канскій по лѣвую сторону большой дороги отъ Красноярска къ Иркутску, и Минусинскій по Тубѣ и къ горамъ Саянскимъ, имѣютъ довольно близкія селенія. За всемъ тѣмъ и сей заселенный край губерніи Енисейской не можетъ еще, въ сравненіи съ количествомъ земли, похвалиться своимъ народонаселеніемъ. Не видите народъ въ поляхъ необозримыхъ, волнующихся, осиптымъ золотомъ; не видно по большимъ дорогамъ, съ пирами и попорами, добрыхъ и веселыхъ работниковъ, не раздаются удалыхъ пѣсень бурлаковъ отчаянныхъ. Не видно тамъ, на долинахъ, трудолюбивыхъ, какъ муравьи, грабарей, съ ихъ качками на дощатыхъ помостахъ, между глинистыми пирамидами; не выдается изъ земной, липовой опушки, высокая связь кирпичнаго зданія, вокругъ котораго по висячимъ лѣстницамъ суется народъ съ кирками и лопатками; тамъ, на зеленомъ взгорьѣ, не выюется пещаная пропинка и черезъ грѣмачіе ручьи не перекидываются легкія дуги мостковъ; нѣтъ красивыхъ, свѣтлыхъ господскихъ домиковъ, съ густыми садами, хлѣбными, почернѣвшею отъ лѣтъ церковью, возлѣ которой бѣлѣютъ склепы дѣдовскіе; нѣтъ великолѣпныхъ палацовъ съ колоннадами и портиками, съ тѣмъ длиннымъ рядомъ кристалльныхъ навѣсовъ, которые такъ предельно горятъ при зарѣ вечерней, прикрывая румяные плоды иноземные; нѣтъ этихъ блесковъ въ природѣ дикой,—нѣтъ облика въ картинѣ!»

«Впрочемъ, это не мѣшаетъ ни благу путешественниковъ, ни благу царства».

«Съ моей стороны бросаю прощальный взглядъ на Енисейскую губернію; окидываю всё ея пространство, естественное произведение, народонаселение, промышленность, богатство, выгоду, приносимую общему государственному благу. — Мнѣ представляется пространство земли, которое составляетъ наибольшую губернію между всеми въ Россійской Имперіи, исключая Тобольскую, и самую отдаленнѣйшую за исключеніемъ Иркутской. Великолѣпнѣйшая рѣка, послѣ знаменитой Лены, орошаетъ её отъ Монголіи до моря Ледовитаго, на нѣсколько тысячъ верстъ, не удѣляя водъ своимъ губерніямъ сопредѣльнымъ, и принимая въ себя подобныя пѣкмы, которыя въ Европѣ обращаютъ вниманіе народовъ. Мнѣ представляется природа въ ея дикой красотѣ и мужественномъ могуществѣ: первостепенныя хребты горъ, выбрасывая въ предѣлы воздушныя гордыя скалы свои, сохраняютъ въ нѣдрахъ богатѣйшія породы металловъ и камней, до коихъ едва прикасалась любопытная рука искусства; въковыя кедры, липвенницы, пихты, сосны, занимаютъ неизмѣримыя полосы земли; нивныя, красивые распѣнія, дуга сочныя, солончаки, прелепнѣйшая флора, покрываютъ наиплодотворнѣйшую почву земли. Звѣри драгоценныя, табуны быспрыхъ коней, стада тучнаго рогатаго скота, безчисленныя стаи пушной и перелетной дичи, повсемѣстное богатство въ превосходной рыбѣ,—все, все изобиліе, — все собственность народовъ, заселяющихъ щастливую страну сію. Я вижу ихъ на семь пространствъ, какъ группу младенцевъ, играющихъ на помостѣ Вашикана въ Римѣ. Я вижу эти опрыжки многихъ народовъ различныхъ вѣръ, наружности, правовъ, обычаевъ, соединенныхъ въ одно гражданство и живущихъ подъ крошечными законами. Я обнимаю ихъ промышленность, спор-

говлю и прибытки; но взвѣсивая ихъ собственную пользу съ пользою государственною, нахожу, что вся выгода склоняется на сторону жителей, а не казны, которая, получая нѣсколько болѣе миліона, употребляетъ половину на расходы.» —

(Описание въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

— Allons vite *mademoiselle Sophie*, car le temps presse, il me faut encore aller chercher ma tante. . . . Pour le soir, il faut des bas de soie blancs, à jour et brodés, des souliers blancs venant de chez *Chalopin*, rue *Vivienne*. On change de corset, un corset que l'on a depuis le matin est déformé et la taille s'en ressent. Une guimpe en batiste brodée et garnie d'une petite Valenciennaise est placée sur le corset, afin que si la robe se dérange de quelque façon, ce dessous soit aperçu au lieu du lacet du corset.

Une robe de dessous très décolletée, en batiste, vient ensuite, puis une autre, en gros de Naples blanc dont le grand ourlet du bas est ourlé, afin de lui donner du soutien et de lui faire le rond, cette robe n'a pas de manches, parce que les manches bouffantes sont adaptées à la robe de dessus.

М О Д Ы.

— Ну скорѣе, *Sofia*, пора уже, мнѣ же надо захватить еще за пѣтушкой. . . . Для вечера, надо бѣлые шелковые чулки, прозрачныя и вышитыя, бѣлые башмаки отъ *Chalopin*, въ улицѣ *Vivienne*. Необходимо переменить корсетъ, потому что топъ, который надѣтъ съ утра, не такъ уже ловокъ, и въ палии это замѣтно. Вышитая батистовая шемизетка (*guimpe*) и обшитая узенькимъ кружевомъ, надѣта на корсетъ для того, что если корсетъ какъ нибудь раздвинется, внизу была бы видна шемизетка, а не корсетный спурокъ.

Потомъ надѣвается поддѣвальное платье батистовое, съ весьма низко вырѣзаннымъ лифомъ; потомъ верхнее бѣлое гроденаплевое, у котораго широкой рubeць внизу съ вашой, для того, чтобы оно лучше спояло и округлялось. Это платье безъ рукавовъ, потому что пышныя рукава вшиты въ верхнее платье.

(Описание сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ШВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 81.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 9 дня 1855 года.

Почто, несмысленная Никса,
Въ болѣзни вѣрила себя ты двумъ врачамъ!
Подобно удалимъ и сильнымъ двумъ гребцамъ:
На веслахъ мчатъ яжебы они ко берегу Спикса.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С У С А Н Н А.

(Повѣсть.)

Въ южныхъ областяхъ Франціи сватьбы почти всегда вѣнчаются въ полночь;—обрядъ сей, совершаемый въ такое необыкновенное время, имѣетъ въ себѣ что-то особенно поэтическое, и потому долженъ возбуждать любопытство. Вдучи ночью съ балу, или изъ театра, мимо ярко освѣщенной церкви, нельзя не остановиться и не войти въ неё, чтобы взглянуть на вѣнчающихся. — Тамъ, при блескѣ свѣчь — въ дыму паникадилъ — слышны брачная чета, готовая произнести священный обѣтъ, и вамъ кажется, что вы читаете главу изъ какого нибудь романа — и глаза ваши невольно обращаются въ отдаленную сторону паперти, гдѣ за колонною—въ темнотѣ, вы думаете увидѣть несчастнаго любовника, закутаннаго въ широкий плащъ, или молодую дѣвушку, жертву любви и обольщенія, которая упадетъ въ обморокъ лишь только невѣрный ея произ-

несетъ роковое *да* и соединитъ судьбу свою съ другою.

Въ церкви N. N. собралось, по случаю сватьбы, съ полдюжины любопытныхъ, которые въ ожиданіи церемоніи, занимались разсма-приваніемъ образовъ, древнихъ стѣнъ храма и высокаго купола его, терявшася въ темнотѣ — и дивились чудной игрѣ плѣней на живописи и барельефахъ, украшавшихъ карнизы зданія. Вдругъ послышался стукъ экипажей—и всѣ они побѣжали на средину паперти и раздѣлились на двѣ половины. Черезъ минуту двери отворились, вошло нѣсколько человекъ въ черныхъ фракахъ и между ими рѣзко отдѣлялась легкая, воздушная форма молодой дѣвушки въ бѣлой какъ снѣгъ одеждѣ. Не мудрено было узнать въ ней невѣсту—и потому всѣ глаза тотчасъ обратились на неё. Оставляя за собою провожатыхъ, она поспѣшно подошла къ алтарю, бросилась на колѣни на каменный помостъ, и закрывъ лицо руками, молилась оцъ всего сердца. Въ семъ дѣйствіи её было столько искренней набожности, столько душевной скорби, что самый закоренѣлый безбожникъ

почувствовалъ бы умиленіе и спалъ бы молиться съ нею. Склонивъ голову на руки, она не думала ни о прекрасномъ платьѣ своемъ, ни о кружевномъ покрывалѣ, и мяла померанцовую гирлянду, украшавшую русые ея волосы. Эта небрежность, это равнодушіе ко всему, кромѣ одного предмета, придавали ей невыразимую прелесть, и всякой, смотря на неё съ участіемъ, желалъ угадать, какое горестное отрѣченіе или какую пламенную молитву приносила она къ престолу Всемогущаго.

Хромая и медленно подошелъ женихъ и спалъ возлѣ дѣвушки. Глаза зрительей устремились на него, потомъ на невѣсту—и сравненіе было горестно. Увы! онъ былъ спаръ, дряхлѣ и изувѣченъ ранами.—Рѣдкіе, совсѣмъ бѣлые волосы едва покрывали его голову; спанъ его былъ согнутъ подъ бременемъ лѣтъ; широкой рубецъ на лбу, звѣзда, множество крестовъ и блестящіе эполеты, показывали въ немъ заслуженнаго воина; но самые эти знаки опличія, самыя раны и лѣта спарца, — словомъ все, что въ другомъ случаѣ вселило бы къ нему почтеніе, производило въ сію минушу ропотъ и негодованіе въ присущствующихъ.—За чѣмъ,—шептали они: хотѣлъ онъ этой награды, за долговременную службу свою?—За чѣмъ не искалъ другихъ радостей, другаго солнца, чтобы согрѣть остывшее свое сердце?—Ему ли обладать этимъ прелестнымъ существомъ, созданнымъ для любви юной и пламенной; этимъ прекраснымъ цвѣткомъ, распустившимся для украшенія свѣта, а не для того, чтобы влунуть въ мрачномъ убѣжищѣ дряхлаго спарика, и погибнуть наконецъ въ первой веснѣ своей? —

Окончивъ молитву, молодая дѣвушка подняла голову—и блѣдное лицо ея выразило тихую покорность Провидѣнію. Но замѣтно было, что горестъ ея была не недавняя, не случайная и происходившая отъ неравенства брака ея. Нѣтъ! Эта была одна изъ тѣхъ глубокихъ, врожденныхъ горестей, съ которыми иные несчастные рождаются еще въ колыбели, и съ малолѣтства носятъ на юномъ челѣ своемъ роковую печать ихъ.

Но одни только зрители занимались бѣдною дѣвушкою,—изъ тѣхъ же, кто прѣхалъ съ нею, не было ни одного близкаго человека пойдти или другой стороны: ни опца, ни мапери, ни родственниковъ, ни подругъ, никого, кто бы пролилъ слезы умиленія или жалости, кто бы молился о щастіи супруговъ; чепыре свидѣтеля, холодные, равнодушные, призванные для соблюденія формы, и два или три знакомыхъ генерала—вопъ всё.—Между тѣмъ вѣнчаніе продолжалось. Священникъ прочелъ молитвы—и при размѣнѣ колецъ, спросилъ у жениха: желаетъ ли онъ вступитъ въ супружество съ *Сусанною Тиббъ*?—«Желаю!» отвѣчалъ спарикъ громко и выпянувшись.

Невѣста не отвѣчала ничего, но только наклонила голову—и этотъ неполный и неопредѣленный знакъ показался священнику достачочнымъ согласіемъ въ глазахъ Бога и людей. Зрители не могли понять, отъ чего никто изъ свиты жениха и невѣсты не удивился этому спрранному молчанію.

Въ эту минушу вдругъ за полною кто-то вздохнулъ и тихо произнесъ: *бѣдна!*—Одинъ молодой человекъ изъ зрительей обернулся и увидѣлъ въ тѣни женщину низкаго состоянія, которая стояла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ. Одна изъ всѣхъ присутствовавшихъ казалась она пронупою, и слеза сосраданія блестяла на глазахъ ея. Примѣтивъ движеніе молодаго человека, она подошла къ нему и, отгадавъ его любопытство, потчасъ приступила къ разсказу.

«Ахъ, сударь!»—сказала женщина: «сердце болитъ, глядя на эту свашбу, и кто знаетъ эту бѣдную дѣвицу, потпъ конечно пожалѣетъ о ней. Если вы хотите послушать, я всё разскажу вамъ.

«Её зовутъ *Сусанною*, и лѣтъ съ причащанъ тому назадъ, она была красивѣ всѣхъ дѣтей въ городѣ нашемъ: бѣленькая, полненькая, съ длинными кудрями, съ голубыми какъ лазурь глазками; губки какъ вишенки, щечки какъ алой цвѣтокъ! ну, сердце радовалось глядя на неё. Народъ на улицахъ оспанавливался и любовался её милостію, её скорыми отвѣтами, и мы, сударь,

всѣ сходили съ ума опть эпаго ребенка... Ахъ судьба, судьба!

«Правду говорятъ въ народѣ, что умные дѣти или недолговѣчны, или распутъ не на радость! Припомъ мать *Сусанны* семь лѣтъ была бездѣтна, и всѣ просила у Бога ребенка. Сколько исходила она по обѣщанію, сколько ставила свѣчь Божіей Матери! сколько пѣли молебновъ! а вѣдь вы знаете, сударь, что вымоленный ребенокъ рождается на горе въ бѣломъ свѣтѣ, попому что Господь Богъ вѣдаетъ, кому дасть дѣшей и кому цѣпъ. Такъ и случилось; Небо послало ей дѣтя, ужъ подлинно сказать, что на диво всему міру!— Да что-жь вышло! Разъ въ ясный день она взяла съ собою дочь капаться по морю,— вдругъ поднялся вѣтеръ, лодка опрокинулась; съ берегу бросились было помогать,— да ужъ поздно; изъ семи человекъ пятеро попомули и съ ними мать *Сусанны*. Дѣвочку выпацили за мертво, опкачали, опшерли,— она очнулась, спала плакать, хотѣла кликнуть мать— и вдругъ не могла выговорить ни слова. — Ахъ, сударь! у бѣдняжки опть горя и испугу опнялся языкъ, и она оспалась нѣма на всю жизнь свою!

«Съ тѣхъ поръ *Сусанна* сдѣлалась уже не то, что прежде. Никто не жалѣлъ о бѣдной сиротинкѣ, и когда сердечная проходила по улицѣ, въ черномъ плащѣцѣ, худая и съ большимъ лицомъ, то никто не смотрѣлъ на неѣ—и никому не хотѣлось говорить съ нѣмою.

«Одна дальняя родственица взяла однако еѣ изъ сожалѣнія къ себѣ—и скоро *Сусанна* выросла, пополнѣла и сдѣлалась красивѣе прежняго; однако-жь всё грустила о томъ, что Господь Богъ опнялъ у неѣ языкъ. И подлинно, безъ него что и въ пригожествѣ молодой дѣвушкѣ?— Цѣлые дни сидѣла она одна и никогда не бывала съ подругами;— только каждый день ходила въ церковь и ждала годовыхъ праздниковъ, попому что въ тѣ дни долше бываетъ обѣдня и ходятъ съ крестами по городу.— Бѣдняжка радовалась Свѣтлому Воскресенью, Рождеству, Троицѣ, когда убираютъ зеленью церквы, носятъ по улицѣ образа съ хоругвями и

молодыя дѣвушки бросаютъ цвѣты по дорогѣ.— Тогда *Сусанна* наряжалась въ бѣлое платье, надѣвала длинное покрывало, которое вышивала цѣлый годъ къ празднику и ходила съ полною за крестами, съ молищенникомъ въ рукахъ; но голосъ ея не раздавался, когда другія дѣвицы пѣли священные стихи!

«Народъ смотрѣлъ на неѣ и дивился вслухъ красотѣ ея и набожності; а у бѣдной *Сусанны* сердце надрывалось—и на другой день она приходила въ церковь съ расплаканными глазами и молилась еще усерднѣе прежняго. Наконецъ родственица, у которой она жила, умерла (дай Богъ ей царство небесное) и *Сусанна* оспалась безъ пристанища.— Что ей было дѣлать?—Куда приклонить голову?—Она собралась итти въ монастырь, и была бы вѣрно хорошею и благочестивою монахинею, если бы Богъ не опредѣлилъ иначе.— Вдругъ, съ мѣсяць пому назадъ, прѣхалъ сюда по дѣламъ какой-то генераль, старый пріятель ея покойному опцу,— увидѣлъ еѣ и посватался. Онъ, сударь, богатъ, имѣетъ большой чинъ; а она бѣдна, безпріютна, какъ было нейти за него? бѣдняжка согласилась — и вопъ!...»

Разсказъ доброй спарушки кончился вмѣстѣ съ службою, и молодые вышли изъ церкви. Зрители разбрелись каждый въ свою сторону—и ночной вѣтеръ развѣялъ легкое впечатлѣніе, произведенное на нихъ участіемъ бѣдной *Сусанны*. Черезъ часъ послѣ свавѣбы генераль увезъ жену свою въ Парижъ.

Прошло два года — и *Сусанна*—богатая, знапная, жила въ улицѣ Ш... въ прекрасномъ домѣ, убранномъ со всею прихотью вкуса и роскоши. Генераль, который служилъ во время республики, во всѣхъ кампаніяхъ *Бонапарта*, и оспавилъ армію только послѣ сраженія при Ватерло, купилъ эпомъ домъ попому, что онъ находился близъ спараго дворца перваго консула, котораго память была для него священна.

Вмѣстѣ съ генераломъ жилъ спарый его сослуживецъ, сражавшійся на берегахъ Нила и Луары—*Георгъ*. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ обломковъ воинственной славы *Наполеона*, ко-

шорые нынѣ спали пакъ уже рѣдки. По роспускѣ арміи, онъ пріѣхалъ къ генералу, поселился у него безъ всякой церемоніи, и скоро сдѣлался господиномъ въ домѣ, потому что старикъ, усталый отъ службы, изуренный ранами, не входилъ ни во что и радъ былъ положиться во всемъ на вѣрнаго и безкорыстнаго друга своего. Притомъ *Георгъ* былъ для него чрезвычайно пріятнымъ собесѣдникомъ, то есть, что онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ слушалъ по вечерамъ безконечные рассказы генерала о походахъ и сраженіяхъ, въ коихъ они вмѣстѣ участвовали. Все сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока дѣла принудили генерала ѣхать въ городъ *N.*, откуда скоро написалъ онъ *Георгу*, что имѣетъ намѣреніе жениться.

Георгъ не повѣрилъ и принялъ это извѣщеніе за шутку.—Вотъ какъ изводитъ подсмѣиваться надо мною,—говорилъ онъ самъ себѣ: ну куда ему спарику жениться, когда онъ и въ молодыхъ лѣтахъ мало думалъ о женщинахъ, и не разъ мнѣ признавался, что никогда никакая любовишка не вертѣлась у него въ умъ ни на минуточку? А теперь же уже ли южное солнце расплоило полувѣковой ледъ на сердцѣ его? Ха! ха! ха! Напалъ на дурака! Повѣрю я ему!—

Но какъ же осполбенѣлъ бѣдный *Георгъ*, когда чрезъ нѣсколько дней послѣ письма подѣхала къ крыльцу дорожная карета, и онъ, отворяя дверцы, увидѣлъ въ ней возлѣ генерала молодую подругу его. Генераль представилъ ему *Сусанну* и ждалъ привѣтствія; но *Георгъ* стоялъ какъ вкопанный и не могъ вымолвить ни одного слова, мысленно порицая безразсудство друга своего; когда же наконецъ генераль, какъ бы угадывая, что происходило въ умѣ его, сказалъ ему на ухо: «Другъ мой, она нѣма; она была бѣдна и не имѣла пристанища; я женился на ней изъ жалости.»—Тогда *Георгъ* извинилъ друга въ душѣ своей; но мысль, что съ появленіемъ молодой хозяйки все измѣнилось въ домѣ, не переспавала однакожь тревожить добраго инвалида.

И въ самомъ дѣлѣ, домъ генерала, гдѣ пакъ долго властвовалъ *Георгъ*, спалъ совершенно вверхъ дномъ, съ той минутой, какъ *Сусанна*

вошла въ него. Всѣ въ немъ заблิสало, засіяло, голыя и запачканныя стѣны покрылись дорогими обоями, картинами, зеркалами; вездѣ свѣтились бронза, мраморъ, фарфоръ; словомъ, скромное жилище стараго генерала, волшебнымъ мановеніемъ жезла *Сусанны*, превратилось въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ домовъ на шоссе; съ домомъ переродился и самъ хозяинъ: онъ забылъ свою прекрасную восточную трубку, обдѣланную въ янтарь и золото, которую нѣкогда подарилъ ему Каирскій паша; бросилъ душистый Левантскій табакъ и богатый кисетъ, шитый жемчугомъ по шелковой матеріи, который прежде всегда висѣлъ у него на пуговицѣ, когда во время упренныхъ прогулокъ своихъ по саду, онъ, куря трубку, безжалостно топталъ въ разсыпаніи гряды тюльпановъ и гіацинтовъ, къ ужасу и сожалѣнію садовника.—Теперь тюльпаны и гіацинты безопасно цвѣли передъ терасою дома, потому что *Сусанна* любила цвѣты и украшала ими комнаты и грудь свою. Трубка, табакъ и кисетъ, на память прошедшаго, прибраны были вмѣстѣ съ старыми мундирами, ружьями, саблями и пр. въ особую комнату, которую генераль прозвалъ арсеналомъ своимъ. Словомъ, довольно было одного взгляда *Сусанны*, одного непріятнаго движенія ея, чтобы заставить его навсегда отказать отъ трубки; и когда *Георгъ* спросилъ его, для чего онъ пересталъ курить, то онъ просто, безъ всякаго увеличенія жертвы своей, отвѣчалъ ему: «для того, что жена не перпинитъ табачнаго духу.»

Такимъ образомъ всѣ прежнія военныя привычки оставилъ онъ въ угодность жены своей, безъ усилія, безъ ропота, и покоряясь нововведенному порядку, со всею кротостію диллани. Онъ уже не рассказывалъ *Георгу* о походахъ, примѣня, что *Сусанна* зѣвала, слушая его рассказы; не говорилъ громко, не плевалъ на коверъ; словомъ, привычки, разговоръ, самый нравъ, все измѣнилось въ немъ до невѣроятной степени.

До женитьбы своей, генераль бывалъ по временамъ вспыльчивъ, раздражителенъ и даже грубъ съ домашними. Старыя раны, прозванныя имъ по именамъ сраженій, на

которыхъ онъ получилъ ихъ, часто, съ перемѣною атмосферы, превозили его физически и нравственно. Каждое утро *Георгъ*, просыпаясь, подходилъ къ окну, и если шелъ дождь, или дулъ сѣверный вѣтеръ, то онъ, предчувствуя домашнюю бурю, говорилъ самому себѣ: ну, бѣда! *Лейпцигъ* крѣпко будетъ бунтовать сегодня; или: нынѣшній день *Фарфору* не уцѣлѣть, *Дрезденъ* дастъ себя знать!— Но съ женитьбою генерала, казалось, что и самыя раны его присмирѣли;—покрайней мѣрѣ, ни дождь, ни градъ, ни холодъ не имѣли никакого вліянія на обхожденіе его съ *Сусанною*.

Воспитанный подъ барабаннымъ боемъ, на бивакахъ, въ пылу битвы, при свѣстѣ пушечныхъ ядеръ, генералъ не переиѣлъ никакой принужденности, никакого приниженія, и слѣдовательно ненавидѣлъ большой свѣтъ, презиралъ его и никогда не ѣздилъ въ общества; но вдругъ явился шуда съ женою, привыкъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ, покорился приличіямъ, сидѣлъ не зѣвая въ *Ипаліанской оперѣ*, не пропускалъ ни концертовъ, ни баловъ, и не смотря на больную ногу свою, спать бы можетъ быть танцовать, если бы жена того потребовала.

Генералъ гордился своею *Сусанною*; радовался побѣдамъ ея, любовался ею, какъ игрушкою! Самый *Георгъ*, который сначала такъ горевалъ, когда они явились въ домъ, вдругъ сдѣлался ревностнымъ служникомъ и даже работъ эпои обворожительницы. Но чѣмъ пріобрѣла она такую власть надъ спариками своими? Кротостію нрава? покорностію? О нѣтъ! *Сусанна* не была добрая, тихая женщина, посвятившая себя домашней жизни и больному мужу своему; она спала уже не такъ скромная, несчастная дѣвочка, которая только въ тяжкой работѣ забывала поску свою и предавалась ей по праздникамъ, какъ отдохновенію. Нѣтъ, эта бѣдная дѣвочка удивительно созрѣла тѣломъ и душою, и подъ солнцемъ моды и роскоши, расцвѣла какъ гордая роза. Самая наружность ея измѣнилась: она чрезвычайно выросла, походка ея развѣзалась и всѣ движенія спали смѣлы и непринужденны; прежнія крошкія черты лица приняли выраженіе кокетства и щеславія;

глаза, изъ голубыхъ, сдѣлались синими, брови и волосы рѣшительно потемнѣли,—и вѣрное, небесное существо, превратилось въ прекрасную и модную женщину, знающую всю силу своихъ прелестей.

И такъ *Сусанна* сдѣлалась горда, своенравна, вспыльчива; ея желанія были неограниченны, настойчивость въ преобозаніяхъ безмѣрна, и обращеніе съ мужемъ грубо до дерзости. Она не смотрѣла ни на что, не щадила никого, пренебрегала всѣми, и со всѣмъ тѣмъ нравилась и была любима до обожанія. Въ свѣтѣ жвизияли неровность ея характера, приписывая еѣ потерю языка—и жалѣли о ней. Дома, мужъ не зналъ какъ утѣшить еѣ, отгадывалъ и предупреждалъ малѣйшія ея желанія и лелѣлъ еѣ какъ милаго ребенка, съ тѣмъ понкимъ и нѣжнымъ искусствомъ угождать бездѣлками, которыми особенно обладаютъ старые мужья и пожилые обожатели молодыхъ красавиць. Словомъ, не она—юная, здоровая, пеклась о дряхломъ и больномъ мужѣ; не она поддерживала шаги его, и покоила его старость; но напротивъ того, онъ ходилъ за нею, какъ за слабымъ, бѣднымъ существомъ, которое Небо ввѣрило его попеченію; онъ любилъ еѣ, какъ любилъ отецъ единственную дочь свою,—любилъ безкорыстно, не пребуя ничего для себя, но жертвуя имѣніемъ своимъ, покоемъ, жвизнію—для ея прихотей, для ея необузданнаго щеславія. Неблагодарная плашила ему холодностію и почти презрѣніемъ; но бѣдный спарикъ не замѣчалъ ничего—и одинъ взглядъ, одна улыбка, награждали его за цѣлую жизнь самоопроверженія; если иногда ввечеру, когда онъ уходилъ въ спальню свою, *Сусанна* брала его за руку, или давала поцѣловать себя въ лобъ, говорила знаками съ видомъ довольной царицы: сегодняшній вечеръ мнѣ было весело—музыка была хороша—спектакль занимателенъ, благодарю васъ! то добрый генералъ забывалъ усталость, плакалъ отъ радости и въ восторгѣ благодарилъ жену свою.

Онъ выучился говорить съ нею посредствомъ знаковъ, съ удивительною скоростію; понималъ всѣ оппѣнки, всѣ смѣлые обороты, всѣ понкія подразумеваемія языка ея, въ самыхъ трудныхъ его измѣненіяхъ—и оппѣ-

чалъ ей съ равною свободою. Любовь и жалость открыли ему пайну эпога языка, обворожипельнаго, когда изъясняепся на немъ прекрасная женщина; когда мысль ея, какъ будто пренебрегая способомъ выражаешь себя условными звуками, изъясняепся всѣмъ существомъ ея, говоришь ея движеніями, улыбкою, пламенемъ глазъ; пворишь живое, все- сильное слово изъ каждой черпы лица, изъ каждаго движенія руки, каждой формы пѣла, и изъ всего вмѣспѣ соспавляетъ для себя языкъ чудный, живописный, пайнспвенный, полный краснорѣчія, молчанія, драмы!

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ*).

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ БАТЮШКОВА.

Я часто съ удовольспвіемъ неизъяснимымъ смопрю, какъ наши казаки безопасно проѣзжаютъ черезъ Аусперлицкой мостпъ, любуясь его удивипельнымъ поспроеніемъ; съ удовольспвіемъ неизъяснимымъ вижу Русскихъ гренадеръ передъ *Троляной* колонной, или у рѣшекки Тюльери, передъ arc de triomphe, гдѣ изображень и Ульмъ и Аусперлицъ, Фридландъ и Иена; еще съ бѳльшимъ удовольспвіемъ смопрю на нашихъ воиновъ, гуляющихъ съ инвалидами на широкой площади, принадлежащей ихъ дому.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГРУСТЬ ПО РОДИНѢ.

(*На извѣстную музыку славнаго вальса гр. Галенберга*).

Дѣва! спой мпѣ пѣснь родную,
Пѣснь о Русской споронѣ:
Сердцу пошно, сердцу больно,
Сердце просится домой.

*

Много славныхъ, много дивныхъ
Городовъ въ спранѣ чужой;
Но душа въ чужбинѣ вянешъ,
Мысли въ родину лепашъ.

*

Много злапа и лазури
Въ чужеземныхъ небесахъ;
Свищупъ бури, воюпъ бури.
Въ нашихъ пасмурныхъ лѣсахъ.

*

Я привыкъ къ пустыннымъ бурямъ,
Приглядѣлся я къ снѣгамъ:
И помипъ меня, въ чужбинѣ,
Ясный, ясный, знойный день....

*

Надъ *Днѣпромъ*—рѣкой родною,
Есть завѣпный уголокъ:
Тамъ живешъ краса-дѣвица,
Тамъ мой рай покинулъ я...

*

Дѣва! спой же пѣснь родную,
Пѣснь о Русской споронѣ:
Сердцу пошно, сердцу больно,
Сердце просится домой.

О. Глинка.

О М О Н И М Ъ.

На вьючной лошади походы мы ломаемъ,
У нищихъ за спиною сидимъ,
Съ почпаліонами на шройкѣ мы кашаемъ.
А вмѣспѣ съ симъ,
Иль съ эпимъ:

Уѣзднымъ городомъ мы служимъ небольшимъ,
И, по гусарскому полку, на славу гордо мѣпимъ.

Въ No 80-мъ, помѣпченная шарада значить: *Mai-tresse*.

К Р И Т И К А.

Енисейская губернія, описанная г-мъ Степановымъ, *бывшимъ въ ней гражданскимъ губернаторомъ. С. Петербургъ.—1835. Часть I, стр. 276, часть II, стр. 139, XIV, съ статистическою таблицей и планами новыхъ поселеній для ссыльныхъ.*

(Окончаніе).

Для чипапельницъ же нашихъ предлагаемъ букепъ изъ цвѣповъ Енисейской губерніи, собранныхъ искусною рукою г. *Степанова*.

Это опрывокъ изъ описанія царства распеній.

«Тамъ во всей красѣ по равнинамъ и оплогимъ холмамъ песпрѣютъ лиліи, пунцовыя, фіолетовыя, пѣспрыя, палевыя; тамъ лазуревыя цвѣты разнovidныхъ генціанъ мѣшаются съ огненнымъ цвѣтомъ лихнисъ, или распускаются малиновые піоны подѣ высокими чешуистыми эфорбіями; или, наконецъ, аспры разнаго цвѣта и видовъ разсыпаны по зелени апласистой. Здѣсь анемоны палевыя и синіе подернули цѣлое поле; долины альютъ аврикулами, перемежанными съ бѣлыми многовѣшиспыми анемонами. Ниже, подлѣ самага ручья, раскидывается щеголеватый пикульникъ блѣдно-фіолетоваго цвѣта надъ густою своею осокою. Въ березовой просвѣчивающейся рошѣ горящъ оранжевыя цвѣты преліи; далѣ, изъ глуши кустарниковъ проглядываютъ зонтичныя цвѣты благовонной валеріаны и спрашной цикупы, или выспавляются красныя и желтыя гранаты кордуса. Близъ упеса возвышаются цвѣтныя пирамиды синяго и палеваго аконита; неподалеку отъ нихъ, аконитъ вьющійся, развѣшивающъ плепенки свои высоко по криспалламъ сосѣдственной скалы; оспрова и дуга покрыты душистыми и блиспапельными цвѣтовъ горошками и подбористыми бобовниками и съпью хмѣлевыхъ лозъ, раскинутыхъ по вѣшвамъ тополовъ; но васъ обдающъ пріятнымъ запахомъ, ароматическимъ испареніемъ: это собраніе благовонныхъ ирисъ, душистыхъ лилій, ночныхъ фіалокъ, донника, душицы, пимона, просняники, мяты, пажмы, божьяго дѣрева. Я не повторяю о цвѣтущихся кустарникахъ, которые перемеживаются съ цвѣтами въ образцовой красотѣ для цвѣточницъ; скажу только, что сіе смѣшеніе на мѣстности природы величавой, дикой, гдѣ, не смотря на пространство, можно окинуть однимъ взглядомъ и горы первенствующія, и рѣку величайшую, и равнины, слившіяся съ небомъ, и лѣса вѣковые; сіе смѣшеніе красивѣйшихъ даровъ природы составляетъ неизъяснимую прелесть и по собственному своему достоинству и по той противоположности, каковую составляютъ

они съ колоссальными предметами, и по тому соразмѣрному количеству ихъ, какое потребно, чѣтобъ составить полное украшеніе великаго цѣлаго.»

Въ написанныхъ нами спрочахъ мы передали только самый вѣрный отчетъ впечатлѣній, которыя породило въ насъ внимательное чтеніе эпои книги. Да упрекнущъ насъ скорѣе въ невѣжествъ, нежели въ какомъ либо приспраспії. Чуждаясь совершенно послѣдняго, мы остаемся увѣрены, что и самый образованный и припязательный крипикъ найдетъ въ книгѣ г. Степанова болѣе пици своей любознательности, нежели поводовъ къ какимъ нибудь важнымъ упрекамъ автору. Все, что мы съ своей стороны, не въ похвалу эпому сочиненію, заключаемся въ слѣдующемъ: очеркъ исторіи Енисейской губерніи, какъ мы уже упомянули, не полонъ; спашья о фабрикахъ и нѣкоторымъ образомъ все отдѣленіе о промышленности кажется намъ, по соразмѣрности, не столь полнымъ и не столь тщательно-обработаннымъ, какъ другія части эпои книги, особливо относящіяся къ физической географіи. Мы замѣтили также, что богатство мыслей и предметовъ отклоняло иногда автора отъ соблюденія спрогой системы: намъ спранно было вспрѣшпшъ въ отдѣленіи топографіи спашья о народонаселеніи, бракахъ, болѣзняхъ, смертности.

Книга издана весьма опряпно и со вкусомъ; шрифтъ чѣпкій и довольно мелкій, бумага чистая, хотя къ щастію и не велевая, которая напрасно только возвысила бы цѣну на книгу. Корректура, къ сожалѣнію, очень неисправна; на каждой спраницѣ вспрѣшпшпте вы двѣ или три опечатки, которыя иногда вводятъ чппапелья въ сильное заблужденіе; какъ напр. на спр. 56-й первой части, гдѣ Тобольскъ показанъ удаленнымъ отъ Енисейска къ Западу только на 5°. Корректура пребуещъ одной только Нѣмецкой акурапности, и мы очень удивлены были отсутствіемъ эпоаго качества въ г. корректорѣ разбираемой нами книги, который долженъ быль непременно Нѣмецъ, судя по спраспії его спавилъ прописныя

буквы при именахъ нарицательныхъ. Надѣмся, что г. Степановъ будетъ спроче надзирать за корректоромъ при второмъ изданіи своей книги, котораго вправѣ ожидать отъ вниманія публики, и къ которому желали бы видѣть приложеннымъ алфавитный указатель предметамъ: тогда бы сочиненіе сіе могло служить энциклопедическимъ словаремъ Енисейской губерніи.

Сочиненіе г. Степанова продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ по 15 рублей за экземпляръ, за пересылку прилагается по ращету за два фунта. Желающіе получить сію книгу въ большомъ количествѣ экземпляровъ, благоволятъ адресоваться преимущественно въ Библиотеку для чтенія (*) г. Каллистратова, который принялъ на свои заботы все почти изданіе этой книги.

К. К.

M O D E S.

Cette robe de dessus, qu'elle est jolie! qu'elle est fraîche! mademoiselle *Jenny Raybaud* vient de l'envoyer à l'instant... elle est en crêpe blanc; au bas une grosse ruche de crêpe alternée rose et blanc. Une seconde ruche un peu moins haute est placée à un demi-pied de la première, cette seconde ruche se sépare sur le devant et va se rejoindre à la ceinture, ce qui forme comme une tunique. Entre la distance que forme les deux montans de la ruche, sont placés des nœuds de ruban rose, le dernier de ces nœuds est placé dans la ruche du bas. Un petit collet garni de ruche, descend sur un corsage plat et fait le cœur par devant. La ceinture rouge et blanche fait un petit choux derrière. Des manches courtes à deux sabots, séparés par des ruches et un nœud. Des gants blancs, demi-longs, garnis de ruches de rubans rose et blanc, un mouchoir de la plus fine batiste brodé tout autour et aux coins, garni d'une Angleterre. Une petite casquette enrichie de turquoise pendue par une chaîne

(*) По Большой Садовой, близъ Кокушкина моста въ домъ Семенова No 200.

de Venise à une bague passée par-dessus le gant. Un évantail d'une démesurée grandeur à la *Dubarry*, venant de la belle collection de *Thessier-Prévost*, rue *Richelieu*.

Anna est prête, *Anna* est jolie... mademoiselle *Sophie* jette une écharpe de blonde sur les épaules de sa maîtresse, qui joueuse dit en montant en voiture: chez ma tante... comme autrefois je disais joyeuse aussi: chez ma sœur... maintenant je suis condamnée pour quelques temps encore à mettre ce doux nom en tête d'une lettre seulement; mais vous savez que de loin comme de près... *Sarah* vous aime.

М О Д Ы.

Описанное верхнее платье, какъ оно красиво! какъ оно *свѣжо!* Г-жа *Jenny Raybaud* только что его прислала... Оно изъ бѣлаго крѣпа, внизу густой рюшъ, попеременно розовый съ бѣлымъ. Второй рюшъ поуже, положенъ на полъ-фута разстояніемъ отъ перваго; этотъ второй рюшъ раздѣляется спереди и соединяется у пояса, что составляетъ родъ шюника. Въ разстояніи между двухъ рюшей спереди, пришпилены банты изъ розовыхъ лентъ; послѣдній бантъ пришпиленъ въ нижнемъ рюшѣ. Небольшой воронничекъ, обшитый рюшемъ, лежитъ на гладкомъ лифѣ и составляетъ спереди сердце. Изъ пояса, розоваго съ бѣлымъ, сдѣлана сзади капустка. Рукава крошкіе, съ двойными бурами, раздѣленными рюшами и бантомъ. Перчатки полу-длиныя, бѣлыя, обшитыя рюшами изъ бѣлыхъ и розовыхъ лентъ; платокъ изъ самаго тонкаго батисту, вышитый вокругъ и по угламъ, а потѣмъ обшитый Англійскимъ кружевомъ. Маленькая коробочка, украшенная бирюзами, виситъ на Венеціанской цѣпочкѣ за кольцо, надѣтое сверхъ перчатки. Опало чрезвычайной величины à la *Dubarry*, изъ прекраснаго собранія подобныхъ вещей *Thessier-Prévost*, въ улицѣ Ришелье.

Anna гошова, *Anna* хороша... *Софья* накидываетъ блондовый шарфъ на плечи своей госпожи, которая съ веселымъ лицомъ входя въ карету, говоритъ: къ тѣтушкѣ... какъ некогда я также съ весельемъ говаривала: къ сестрѣ... Теперь я осуждена на некоторое время спавитъ это милое имя только въ началѣ письма; но ты знаешь, что *вдали какъ вблизи...* *Sara* тебя любитъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 82.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Октября 12 дня 1835 года.

Всѣхъ въ госпинной занимаешь
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ шакъ блѣдно, равнодушно;
Они клеветушъ даже скучно.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СУСАННА.

(Окончаніе.)

Сусанна была благодарна мужу за то, что онъ понималъ её; — она цѣнила это болѣе всѣхъ ласкъ его и угожденій, и сердилась на *Георга*, который часто смотрѣлъ на проворные знаки ея—вытараща глаза, улыбаясь или пожимая плечами. — Особенно *Сусанна* не терпѣла писать; альбомы, карандаши, которые лежали у неё на всѣхъ столахъ для сего употребленія, приводили её въ опечаленіе и бѣшенство, какъ доказательства ея несчастія. — Она находила въ нихъ что-то ложное, чуждое, неестественное; — какъ бы коспыль подъ рукою хромаго.

И такъ богачая, знающая, гордая *Сусанна*, была едва ли не жалче прежней бѣдной и неизвѣстной дѣвочки. Судьба осыпавъ её благами свѣта, измѣрила ими всю великость истиннаго ея бѣдствія — и давъ ей всё, въ замѣну одного только дара—сказала: *Ты не получишь его*; но для молодой, щещавной женщины, одаренной сильными чувствова-

ніями, это одно, было всё; и радости жизни исчезали для неё передъ однимъ горькимъ, неспершимъ лишеніемъ!—*Сусанна* печалилась, крушилась, здоровье её начало разспрочиваться и наконецъ она рѣшительно занемогла; доктора объявили болѣзнь ея неизлечимою—и несчастный генералъ былъ въ опечаленіи.

—Бѣдненькая умретъ,—говорилъ ему *Георгъ*, упирая слѣзы. — Она умретъ, потому что женщина не можетъ жить безъ языка; лекаря эти всѣ дураки и ничего не смыслятъ; а я увѣренъ, что можно бы засавить её говориль по памяти, и какъ она нѣма не отъ рожденія, а по случаю, по можеть быть другой какой нибудь случай развязалъ бы языкъ ея. — У насъ въ полку былъ поручикъ, котораго оглушило пушечнымъ ядромъ; въ другомъ сраженіи онъ получилъ рану въ голову, и опять спавъ слышавъ; — конечно я не желаю эаго лекарства *Сусаннѣ*, но развѣ лекаря не могутъ выдумавъ другаго средства? —

Вдругъ пріѣхалъ въ Парижъ одинъ Нѣмецкій принцъ съ докторомъ, о которомъ мол-

ва давно гремѣла въ цѣлой Европѣ. — Кромѣ искусства своего, докторъ эпопѣ былъ ужасно ученъ — сочинилъ многія книги, которыя переведены были на всѣ языки; велъ переписку со всеми академіями, и слѣдовательно, былъ въ свѣтѣ гораздо извѣстнѣе принца своего, хотя его свѣтлость происходилъ по діагональной линіи отъ Императора *Конрада*.

Прибытіе двухъ сихъ знаменитыхъ путешественниковъ было опубликовано во всѣхъ журналахъ; — доктора пригласили въ институтъ, академію, во всѣ ученыя общества; а принцъ посѣщалъ оперу, балы, театры, и изучалъ такимъ образомъ Парижскіе нравы въ подлинникахъ. Парижане, по благой привычкѣ своей, вѣришь слыно молвъ — провозгласили принца восхищенно любезнымъ, а доктора его чудомъ учености и глубокомыслія. — Принцъ былъ рыжъ, великъ, толстъ, неуклюжъ — и вальсировалъ какъ волчѣкъ, пущенный по полу. — Докторъ ужасно важничалъ, задиравъ голову вверхъ, былъ разсыанъ, грубъ, и болталъ безъ умолку. — Натурально, что всѣ сходили отъ нихъ съ ума.

Принцъ замѣтилъ въ обществѣ *Сусанну*; генералъ замѣтилъ доктора.

— Можеть быть Нѣмецъ эпопѣ поможетъ ей, — подумалъ онъ. На другой день попросилъ у доктора аудіенцію — и привезъ къ нему *Сусанну*. Докторъ поспѣхъ вступилъ съ нею въ какой-то двусмысленный разговоръ, на который *Сусанна* отвѣчала сильными движеніями рукъ и глазъ — и рассказала всю свою исторію съ начала до конца. Докторъ, слушающій ея, покачивалъ головою, и генералъ начиналъ надѣяться; наконецъ, послѣ еще нѣкоторыхъ наинственнейшихъ вопросовъ, отъ которыхъ *Сусанна* краснѣла, врачъ посмотрѣвъ на неѣ приспально, задумался — и потомъ обратясь къ генералу, сказалъ въ полголоса: «Отдайте дочь вашу за мужъ, и я ручаюсь за еѣ выздоровленіе.»

Генералъ опстунилъ назадъ и остолбенѣлъ; *Сусанна* поблѣднѣла какъ смерть, а лекаръ обезумѣлъ, примѣняя ошибку свою. Долго продолжалось молчаніе; — наконецъ докторъ, опомнившись, хотѣлъ прервать его, какъ вдругъ генералъ, боясь, чтобы онъ не

повторилъ совѣта вслухъ, проворно схватилъ его за руку, опвелъ къ окну — и пошепавъ съ нимъ минулъ съ десять, раскланялся и увезъ жену свою домой.

Сусанна, оправившись отъ смяшенія, притворилась будто ничего не слыхала, и съ видомъ просподушія спросила дорогою у мужа: о чемъ говорилъ съ нимъ докторъ у окна, и не прописалъ ли ей какого лекарства?

— Никакого! — отвѣчалъ спарикъ съ тяжкимъ вздохомъ; и *Сусанна* закусилась губы до крови, опустила стекло и высунула голову изъ кареты, чтобы освѣжить себя воздухомъ.

Приѣхавъ домой, она заперлась въ своемъ кабинетѣ, и при часа провела въ размышленіи. Неоспорожное слово доктора открыло ей цѣлый міръ понятій и объяснило, пробудило многое, что спало въ душѣ ея. Для неѣ довольно было одного слова, чтобы постигнуть несчастіе свое во всей полнотѣ его, и признаться себя обиженной, оскорбленной въ правахъ своихъ, и что всего хуже, осужденною быть во всю жизнь нѣмою.

Съ эпой минулы *Сусанна* оживилась; она угадала всё, она узнала наконецъ, что слово дремало въ груди ея, и что было средство пробудить его... Но при сей мысли она содрогалась и проклинала судьбу. — Чѣмъ, думала она, заслужила я эпопѣ гореспный жребій? За чѣмъ эпопѣ спарикъ увидѣлъ меня? Безъ него я пошла бы въ монастырь или вышла за какого нибудь молодаго ремесленника, бѣднаго какъ я, но съ которыми бы я перестала быть нѣмою. — Ахъ, къ чему богатство, почести, когда они куплены цѣною щастія и душевнаго спокойствія, — когда я должна щипать дни этаго спарика и ждать смерти его, чтобы освободиться отъ сего тягостнаго брака, или лучше сказать, отъ эпой жестокой насмѣшки судьбы!

Положеніе *Сусанны* было ужасно и походило на припадокъ сильной горячки или сумасшествія: она кусала себя пальцы, бѣгала по комнатѣ, рвала на себя волосы, — и тысячи нелѣпыхъ идей, тысячи преступныхъ намѣреній попеременно волновали душу ея. Наконецъ, одна постоянная, давно господствовавшая въ ней мысль взяла верхъ надъ

прочими;—*Сусанна* рѣшилась и сказала сама себя: *Я не буду ильма, во что бы то ни стало.*

На масляницѣ генераль оплучился по дѣламъ изъ Парижа, — и *Сусанна* вспомня, что за годъ передъ тѣмъ онъ возилъ её въ маскерадъ, вздумала ѣхать туда одна.—Цѣлый день просидѣла она у своего камина, держа въ рукахъ канву, но думая совсѣмъ не о работѣ. Наконецъ ударило 12 часовъ ночи — она надѣла домино, маску, загнула за поясъ пунцовый цвѣтокъ и отправилась въ оперу.

Пройдя сквозь полпу масокъ, она съѣла въ концѣ залы, какъ обыкновенно дѣлаютъ женщины, ожидающія приключеній. Прекрасное лицо ея было закрыто маскою, но за то прочія прелести ея являлись во всемъ блескѣ. Бѣлый атласный корсетъ рисовалъ роскошный станъ ея. Полныя плечи ослѣпляли мраморной бѣлизной своей, подъ черной прозрачной мантилей. Каштановыя волосы выбѣгали кудрями изъ подъ маленькой шляпки, и чудесная ножка выказывалась изъ подъ коропенькой юбки. Одежда, прелести *Сусанны* и ея уединеніе, не могли не обратитъ на неё вниманія нѣкоторыхъ молодыхъ людей и не возбудитъ въ нихъ любопытства; но большая часть однако-жъ проходила мимо безъ всякаго примѣчанія, или смотрѣли на неё хладнокровно и разсѣянно.

Въ нравственный и благоразумный вѣкъ нашъ, маскерады въ оперной залѣ не могутъ и не должны быть тѣмъ, чѣмъ они бывали прежде. Толпа черныхъ мантій, прогулка подъ люстрами, собраніе женщинъ, слишкомъ извѣстныхъ каждому, плоскій разговоръ и шутки безъ веселостей, пошлая таинственность безъ шайны, безъ интригъ, безъ заманчивости, иногда ни чуть не десниче для самолюбія свиданіе у буфетчика: вотъ всё, что осталось еще намъ, людямъ важнымъ, степеннымъ, отъ старинныхъ маскерадныхъ шалостей дѣдовъ нашихъ. Вооружась строгими правилами нравственности, проповѣдая ихъ во услышаніе всѣхъ и каждого, мы давно оставили прежнюю веселость нашу, прежнія пѣсенки, эпиграммы, куплеты, и бросили маски арлекина и гремушки Момуса, — слѣдовательно въ нынѣшнее время, ма-

скерадъ есть ничто иное, какъ бездушный скелепъ давно умершихъ нравовъ, или какой-то пустой обрядъ, совершаемый нами изъ приличія и въ память проказъ блестящей молодёжи минувшаго столѣтія. — Нынѣ въ маскерадъ, который, судя по вывѣскѣ его — долженъ бы казаться кипѣть любовными приключеніями, — никто не думаетъ искать приключеній. — Толпы зѣвающей, полусонной молодёжи, бродящъ какъ лунапки изъ конца въ конецъ залы, пересѣкаются, спалкиваются, расходятся, и всё это какъ-то нехотя, какъ будто по наряду. Иные молодые люди, при какойнибудь нечаянной встрѣчѣ, сжигаютъ нѣсколько клочковъ соломы, которая тупъ же и потушается; но вообще каждый изъ насъ, если онъ не пріѣхалъ по обязанности, то есть для одного изъ тѣхъ формальныхъ свиданій, которое впрочемъ онъ могъ бы имѣть и не въ маскерадѣ, каждый, говорю я, насыпившись и назѣвавшись до сыта, отправляется домой отдыхавъ отъ пяти-часовой скуки и несносной усталости. Искать въ собраніяхъ сихъ успѣховъ, десныхъ для пицеславія или упоительныхъ для сердца, было бы жалкимъ незнаніемъ свѣта, свойственнымъ только воспорженной головѣ школьника. Слѣдовательно, вотъ почему очень немногіе изъ мужчинъ обращали глаза свои на *Сусанну*.

Наконецъ прое молодыхъ людей, прохаживавшихся по залѣ рука съ рукою, замѣтили прелести ея и одиночество, хотя однако вѣрно никто изъ нихъ не подозрѣвалъ той поэзіи, которая таилась въ этой необыкновенной женщинѣ. Всѣ прое оспановились передъ *Сусанной*.

«Посмотри, *Леопольдъ*,» сказалъ одинъ изъ нихъ: «на эту чудесную станъ, на эту дивную ножку... Сударыня, продолжалъ онъ, зачѣмъ прикололи вы эту пунцовый цвѣтокъ къ груди вашей? не ужели вы думаете, что безъ него не узналъ бы васъ тотъ щаспливецъ, котораго вы здѣсь ждете? — И онъ смѣетъ заславлять себя дожидаться?... О Вандадь!!»

Сусанна подняла глаза и посмотрѣла на всѣхъ проихъ.

—Но вамъ, сударыня, скучно сидѣть однѣмъ, не угодно ли пройшиться со мною по залу?— сказалъ *Леопольдъ*.

Сусанна сдѣлала отрицательный знакъ головою.

«Напрасно!» подхватила *Густавъ*, пошъ самый, который первый заговорилъ съ нею.— «Если вамъ не угодно гулять, то по крайней мѣрѣ позвольте намъ оспаться съ вами.» И безъ всякой церемоніи оба они сѣли возлѣ неё.

«Кто же вы, сударыня?» продолжалъ *Густавъ*: «мы знаемъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ въ городѣ, но вы не ходите ни на одну изъ нихъ, и потому возбуждаете въ насъ чрезвычайное любопытство.»

—Мы непременно хотимъ знать кто вы,— сказалъ *Леопольдъ*, и вдругъ каждый съ чрезвычайною фамильярностію взялъ руку *Сусанны*. Она сидѣла спокойно и приспально смотрѣла на претяго поварища ихъ, который споялъ противъ неё, но не говорилъ съ нею ни слова, и казался въ большомъ разсѣяніи.

Этотъ молодой человекъ былъ лѣтъ двадцати прехъ, блѣкурый, блѣдный, и вообще очень недуренъ собою.

Разсмотрѣвъ приспально всѣхъ проихъ, *Сусанна* вдругъ вскочила и взяла подъ руку послѣдняго.

«Какъ! она выбрала *Эдуарда*!» вскричали вмѣстѣ *Густавъ* и *Леопольдъ*. «Такъ она здѣсь для него!—и мы эпаго не знали!... Ахъ пы лицомъ!... Да скажи по крайней мѣрѣ, кто она, и когда пы познакомилъ съ нею; пы намъ никогда не говорилъ объ эпой побѣдѣ.»

Сусанна избавила его опъ затруднительнаго опвѣта, потащивъ съ собою въ толпу, и скоро они исчезли изъ глазъ *Густава* и *Леопольда*.

Опомнившись опъ удивленія, *Эдуардъ*, по долгомъ молчаніи, наконецъ сказалъ ей:

«Какъ я щаспливъ, прелестная маска!—По скажите, что заставило васъ выбрать меня: случай, симпатія, или досада на другаго? Но кто вы? Здѣсь нѣтъ вамъ подобной;— и я рѣшительно не знаю женщины, которая бы имѣла такіе волосы, такой прелестный спанъ, такую восхищительную ножку.»

И онъ, гордясь своею побѣдою, которой завидовали другіе, смотрѣлъ на *Сусанну* и удивлялся ослѣпительной бѣлизнѣ плечъ ея и шеи, прекраснымъ волосамъ ея и пламеннымъ глазамъ, которые сіяли какъ звѣзды сквозь опверстія маски. Но всего болѣе удивляло его ея упорное молчаніе. «Не боишесь ли вы, что голосъ вашъ измѣнитъ вамъ?» спросилъ онъ её, и она наклонила голову.

«Ахъ, вы приводите меня въ опчаяніе! Не бойшесь, сударыня, увѣряю васъ, что я не музыкантъ, и ухо мое неспособно различать звуковъ.—Впрочемъ, развѣ вы не знаете, что подъ маскою можно перемѣнить голосъ?—попробуйте!... Или говорите со мною по Англійски, по Италіански: различіе выговора всегда сбиваетъ меня въ догадкахъ,— и одна только маркиза не могла бы обмануть меня, на какомъ бы языкѣ она не говорила,— но... вы—не маркиза?... О нѣтъ, не возможно! она черноволосая — и припомъ ей за тридцать лѣтъ.»

Они проходили почти всю ночь, и *Эдуардъ*, горя любопытствомъ, неперпѣніемъ и даже чѣмъ-то похожимъ на любовь, щещно добивался опъ неё хопя одного слова, и не зналъ чему приписать такую необыкновенную скромность. Наконецъ спали развѣзжались, и онъ предложилъ *Сусаннѣ* проводить её до кареты.

Сусанна сдѣлала знакъ головою, что согласна.

«Но мы опужинаемъ здѣсь, не правда ли?» Она покачала головою, какъ-бы сказавъ: о, нѣтъ!

«Куда же мнѣ проводитьъ васъ?»

Сусанна развернула вѣрѣ свой, написала на немъ карандашемъ нзъ валиъ и подала *Эдуарду* . . . . .

На другой день по упру *Сусанна* сидѣла въ своемъ кабинетѣ; маска и домино лежали на полу возлѣ дивана — и свѣча горѣла еще на столикѣ, хопя давно уже пробилъ полдень. Она сидѣла въ какомъ-то упоеніи во-спорга и неизъяснимой радости. Щаспли-

вѣдъ воспоминаніемъ, еще щаспливѣ въ насто-
ящемъ, она была спокойна въ совѣсти, не по-
дозрѣвая преспушенія въ поступкѣ своемъ,
и думалъ, что шамъ не существовалъ поро-
къ, гдѣ не было разврата или слабости. Радость
объ успѣхѣхъ сводила еѣ почти съ ума; она вска-
кивала съ дивана, бѣгала по комнатамъ, пры-
гала какъ дитя, потомъ садилась опять и
предавалась размышленію.— Конечно, думала
она, свѣтъ можетъ быть не одобритъ моего
поступка; но развѣ свѣтъ узнаетъ про не-
го? Какая мнѣ нужда открывать мою пай-
ну.—Я помолчу еще нѣсколько дней, чтобы
заговоривъ вдругъ, не удивилъ всѣхъ такимъ
внезапнымъ выздоровленіемъ; но потомъ мо-
жно выдумать какую нибудь причину, на-
примѣръ испугъ, горячку—мало ли что! О, я
славно сыграю свою роль. — Генерала же
обмануть легко; при томъ онъ такъ легко-
вѣренъ, такъ добръ; онъ такъ любитъ меня,
что вѣрно безъ памяти обрадуется, когда я
вдругъ заговорю съ нимъ. —

Въ эту минуту поступались у дверей;
явилась горничная и объявила о пріѣздѣ гра-
фини *N.*—*Сусанна* приняла спокойный видъ,
бросила въ уголь маскерадный костюмъ свой,
задула свѣчу, и велѣла, разумеется еще зна-
ками, принять гостью. — Молодая графиня
N., одна изъ первыхъ щеголихъ большого
свѣта, была лучшимъ другомъ *Сусанны*, что
однако же ничего не значило, потому что
женская дружба не есть чувство, а только
одна пустая болтовня взаимныхъ нѣжно-
стей,—одно приличіе, безъ котораго нельзя
обойтись въ обществѣ, — услужливое опа-
хало, которымъ молодая женщины прикрыва-
ютъ улыбку, взгляды или планы побѣдъ
своихъ. Графиня *N.* вѣроятно подружилась
съ *Сусанною* именно для того, что она была
нѣма, потому что ей ловко было говорить
съ нею безъ умолку — не боясь ея нескром-
ности, и если бы составился комитетъ о
возвращеніи языка *Сусаннѣ*, и дѣло пошло на
голосахъ, то можно поручиться, что гра-
финя положила бы черный шаръ въ ящикъ!
Такова дружба женщинъ! Не ищите въ ней
безкорыстія, довѣренности, самоопроверженія;
о нѣтъ!—всѣ лучшія чувства свои женщины

берегутъ для другаго пола, а между собою
довольствуются одною фальшивою монетою.

Послѣ первыхъ привѣтствій, графиня вдругъ
задумалась, приняла таинственный видъ, два
раза обняла *Сусанну*, взяла за руку, посмо-
трѣла ей въ глаза, взглянула на небо, вздох-
нула, и потомъ съ притворнымъ замѣша-
пельствомъ, запинаясь и оспанавливаясь, на-
чала какую-то несвязную, опривиспую рѣчь,
наполненную дружескими увѣреніями, наме-
ками, подразумѣніями и, наконецъ, оспавя
двусмыслицу — проспо и уже безъ всякихъ
обиняковъ сказала *Сусаннѣ* довольно насмѣш-
ливо: «Весь городъ знаетъ, что ты говорила
съ докторомъ, и увѣряютъ, будто ты послѣ-
довала его предписанію.»

Громовый ударъ разразился надъ головою
Сусанны — и она почти лишась чувства, не
слыхала ни нѣжностей, ни дружескихъ увѣ-
щаній графини.

Съ этой минуты несчастная женщина
увидѣла необходимость скрыть пайну свою
навсегда. — Генераль возвратился, и изъ не-
обыкновенно грубыхъ словъ его она поня-
ла, что вѣсти города дошли опчаспи и до
него. — Теперь оставалось ей на выборъ два
средства засавить молчанъ злословіе :
оспаться опять нѣмою, или—прямо и бодро
иппи по стезѣ порока, на которую такъ
мягко она спустила. На сей разъ *Сусанна* не
чувствовала въ себѣ прежней опважности,
и попому рѣшилась на первое.

Скоро замѣтила она лукавую улыбку, на-
смѣшливые взгляды и всеобщій шопопъ, ко-
торые встрѣчали еѣ всякой разъ, когда она
являлась въ обществѣ. — Любопытные (они
составляютъ двѣ трети обществъ) спере-
гли каждое ея движеніе, каждый взоръ —
ожидая съ нетерпѣніемъ, чтобы она забылась,
и какъ бы досадуя, что не могутъ вполне
насладиться ея безславіемъ. *Сусанна* возне-
навидѣла эпохъ гнусный свѣтъ, гдѣ наглый
и безспыдный порокъ пользуется безнака-
занностію и даже уваженіемъ; но гдѣ за одну
слабость, за одинъ легкомысленный просту-
покъ свой, она, вмѣсто соспрадательнаго
снисхожденія, видѣла къ себѣ одну злобу и
оскорбительное презрѣніе. Съ удивитель-
ною силою души покорилась она жребію

своему, и рѣшилась опказаться навсегда опъ того, что было предметомъ всѣхъ надеждъ ея; увь, опопъ роковый даръ слова, купленный цѣною совѣсти, чести, спойвпшій ей сполько слѣзъ въ прошедшемъ, сполько тяжкихъ жерпвъ въ настоящемъ,—былъ пеперь для неѣ пагубою, и она шайла его, какъ преступникъ шайпъ позорное клеймо безчестія!

И пакъ, всѣ спаранія *Сусанны* употреблены были сполько на то, чтобъ безпреспанно наблюдать за собою и удерживать языкъ свой; опопъ смѣлый, неперпѣливый, пламенный языкъ, сорворенный прогашъ, увлекашъ, обворожашъ краснорѣчьемъ; который рвался освободиться опъ неволи, и бился за спѣною жемчужныхъ зубовъ ея.—Иногда несчастная зашпиралась въ свою комнапу, и шамъ одна, безъ свидѣтелей, вознаграждала себя за тяжкое принужденіе, и по цѣлымъ часамъ говорила съ картинами, съ мебелью, съ зеркаломъ своимъ, упивался пакъ сказать собственными звуками, — опю музыкаю, опкрывшеюся въ ней пакимъ чудеснымъ образомъ. Она пѣла, прыгала, плѣнялась своею красою, ловкостію, говорила наизустъ стихи — и пакимъ образомъ пользовалась украдкою пріобрѣтленнымъ ею сокровищемъ, какъ воръ пользуется похищеннымъ золотомъ, какъ молодая дѣвушка надѣваетъ непринадлежащее ей плашье, съ шѣмъ, чтобы передъ другими явившись опашъ въ прежнемъ своемъ рубищѣ.

Иногда ввечеру выходила она изъ дому и шла въ ту часть города, гдѣ была менѣ известна. Тамъ заходила она въ лавки, чтобъ имѣть удовольствіе разговаривать съ портовками или спрашивала у прохожихъ дорогу; словомъ, она пользовалась всѣми случаями поговорить на свободѣ, но возвращаясь домой, налагада опашъ печать молчанія на уста свои, пренеца при мысли, что предъ мужемъ одно слово, нечаянно произнесенное, одно невольное изъясненіе благодарности, участія, ласки, было бы для неѣ спрашною уликою въ преступленіи.

Долго переносила она ужасное положеніе свое съ терпѣніемъ, потому что у неѣ осталась еще одна свѣдая надежда, одна упѣ-

шительная мысль—*Сусанна* любила, и вѣрила любви того, чей образъ пылалъ въ душѣ ея. Голосъ сердца былъ въ ней еще сильнѣе языка, и она не въ силахъ была удерживать его. Въ сладкихъ мечтахъ, въ разговорахъ сама съ собою, она пвердила милое имя, въ которомъ заключалось всё: и терпѣніе, и покорность, и вѣра въ будущее. — Но, увь! *Эдуардъ* не думалъ о ней! Тщепно ждала она опъ него известія, шщепно искала его по городу, не зная впрочемъ ни его фамиліи, ни званія, ни даже улицы, въ которой жилъ онъ, но пакъ!—по одному имени, по одной памяти сердца—полагаясь на случай или шастіе. О! если-бъ и онъ искалъ еѣ,—то они вѣрно встрѣпили бы другъ друга; но къ несчастію, бѣдная *Сусанна* искала одна, и слѣдовательно не могла найти его. И съ опой минушы жизнь ея сдѣлалась мрачною пустынею, неосвѣщаемою ни однимъ благопворнымъ лучемъ солнца.

Осенью *Сусанна* слегла, и скоро болѣзнь ея усилилась. Наконецъ, въ одно утро, докторъ, смотря долго на больную, попупилъ глаза, взялъ генерала за руку и пожалъ еѣ со вздохомъ, что значило: она не переживетъ ночи. Генералъ поналъ, выслалъ всѣхъ изъ спальни, и оставшись одинъ съ умирающею, залился слезами. Мысль, что онъ, дряхлый, больной старикъ, переживалъ эту прекрасную молодую женщину, раздирала его душу. Онъ спалъ на колыни у постели, блѣдный, измученный; билъ себя въ грудь, рвалъ сѣдые свои волосы, и говорилъ слабымъ, прерываемымъ рыданіями голосомъ: «*Сусанна*, я швой убійца!.. За чѣмъ я несчастный не лишилъ себя жизни, чтобы ты осталась свободно. О *Сусанна*! прости меня и вѣрь, что я не переживу тебѣ—и опомщу себя за преждевременную смерть швою.»

Когда наступилъ роковой часъ, *Сусанна* вдругъ привспала,—положила голову на грудь супруга, и собравъ послѣднія силы, сказала ему: *прости!*

Несчастная чувспивовала, что ей должно было спасти его опъ самоубійства.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ *Сте. Пчелъ* справедливо замѣтили автору *Наслѣдницы*, что — «длинные письма, которые повѣствователь читаетъ наизусть, очень скучны, и что такую память можно назвать удивительною — и вмѣстѣ нещасною;» — а мы прибавимъ: и *невѣроятною*. Опять эпой невѣроятности перелепся вѣра и въ самое происшествіе. — «При всемъ этомъ,» прибавляетъ рецензентъ: «*Наслѣдницу* можно прочесть съ удовольствіемъ. Авторъ небогатъ сильными положеніями, сильною игрою спрасей, новостію мысли и взгляда на наше общество; но остроумная наблюдательность и тонкое чувство приличія, господствующія въ его книгѣ, заставляющія насъ предпочитать еѣ тѣмъ *гигантскимъ* произведеніямъ, писаннымъ *живымъ* языкомъ, въ которыхъ разгуливаютъ на свободѣ соблазнъ, непристойность и незнаніе приличій.» — Поощадите, господинъ рецензентъ, эпо уже *не въ бровь, а въ самый глазъ!* — — Однако онъ намъ не внемлетъ; а продолжаетъ: «У насъ *требуютъ* (1), чтобы повѣсть говорила языкомъ высшаго общества, и этимъ самымъ языкомъ рассказываютъ въ повѣстяхъ такія вещи, про которые въ высшемъ обществѣ никто заикнуться не смѣетъ. Г. *Сумароковъ* непричастенъ этому грѣху: его *Наслѣдница* не расшевелилъ заснувшаго сладоспрасія, но пріятно займетъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, любопытное вниманіе всякаго любителя чтенія.» — Поощадите, г. рецензентъ! Видь эпо, что называется

Бухъ друга камень въ лобъ!

А. Кораблинскій.

28-е Сентября,

1835.

Село Рыбацкое.

(1) Надеждо бы выразишься яснѣе: *Кто требуетъ?* Конечно, не отецъ семейства, не мужъ нѣжно и предомудренно любящій жену свою, не сынъ, видящій тѣкое божество въ своей матерѣ. — К.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БЕСѢДА ПОЭТОВЪ.

(*Н. Я. Венстеру.*)

Видали-ль вы, когда поэтъ съ поэтомъ
Случайно встрѣтитесь среди невѣждъ въ глуши,
Какъ бьются ихъ сердца поняпнымъ имъ при-
в томъ,
Какъ очи ихъ блестятъ небеснымъ свѣтомъ,
Какъ рѣчь они ведутъ высокую въ шиши?
Ловите каждый звукъ младыхъ жрецовъ искусства!
Кто можетъ понимать — щасливъ.
Въ ихъ рѣчи каждый звукъ есть чувство,
И каждый звукъ и спроенъ и игривъ.

М. Демидовъ.

С H A R A D E.

Le procureur et le méunier-
Font usage de mon premier!
Ce premier, plus petit, sert encore à nos Belles
A renfermer d'utiles bagatelles.
Mon dernier, cher lecteur,
Captive un habile chanteur.
Malheur à la cité, qu'au milieu du carnage,
Emporte un vainqueur inhumain!
Elle succombe à son destin,
Et mon entier, souvent, est son triste partage.

Въ No 81-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Сумъ.*

M O D E S.

Je m'empresse de vous écrire, ma cher *Nancy*, afin que vous sachiez que malgré les prédictions *brûlantes* de M. *Arago*, nous sommes encore tout à l'état de *crudité requis par la loi*. Il nous faut une grande foi dans les descendans de *Newton* pour croire à une comète dont nous ne voyons pas la queue, car qu'est-ce qu'une comète sans queue? c'est une *infashionable* comète, convenez-en; sans dignité, en robe courte et sentant la bourgeoisie d'une lieue. En vérité, on serait tenté de lui dire: retirez vous, impertinente qui osez vous présenter sans votre manteau de cour. . .

Du reste, on lui pardonne son peu de savoir vivre, en raison du beau tems qu'elle nous apporte et qui nous permet de nous parer encore de nos fraîches et jolies modes d'été. Voyez ma chere sœur, avec quelle facilité je descends du firmament sur la terre, ce qui me confirme dans l'opinion que je suis plutôt faite pour analyser les modes que les étoiles.

Pendant tous ces beaux raisonnemens, j'ai laissé mon *Anna* chez sa tante, où elle ne s'amuse peut-être pas beaucoup, allons l'y retrouver, si vous voulez bien et conduisons la à l'Opéra. Je m'abstiendrai de vous donner l'histoire d'*Abdkar* le pirate, je n'ai jamais eu un goût très prononcé pour les forbans, quoiqu'une de mes cousines enlevée par eux soit devenue reine de Maroc. . Après l'Opéra où on a été rejoint par le comte d'O . . . le galant écuyer du matin. On part pour Passy. Toute la toilette d'*Anna* attire des murmures d'approbation et même d'envie, hélas! . . . sa tante plus âgée qu'elle a une robe de gros de Naples bleu, ouverte devant, sans aucune espèce de garniture qu'un gros rouleau d'étoffe pareille en bas et sur les montans. Le jupon de dessous est en gros de Naples blanc avec une large broderie de soie plate, représentant une guirlande de bluets. Le corsage est en redingote à schâle et laisse voir une guimpe de blonde, les manches à la Française de foix; un demi bonnet de blonde laissant voir la coiffure par derrière et placé tout-à-fait sur le coté; du coté de la tête dégagé par le bonnet une guirlande de bluets qui vient repasser sur le front. De grandes boucles d'oreilles or et turquoises; point de collier; des bracelets formés avec des chaînes de Venise et fermés par des miniatures.

Pl. No 29. 1) Chapeau de paille d'Italie.—2) Chapeau de paille de riz. — 3) Capote de gros de Naples. — 4) Capote de jaconas. — 5) Bonnets de lingère.—6) Tablier de satin, orné de nœuds. — 7) Etole en pou de soie brodé et batonne.

М О Д Ы.

Спѣшу къ тебѣ писать, любезная *Нанси*, и уведомишь тебя, что мы, не взирая на *жугил* предсказанія г-на *Араго*, еще въ *сыроль видѣ* требуемъ законъ. Надо имѣть большую вѣру въ послѣдователей *Нютона*, чшобъ вѣрнѣе кометъ, которой мы не видимъ хвоста! Чшо это за ко-

мета безъ хвоста? Согласись, что это не модная комета; безъ важности, въ короткомъ плащѣ и за версту опзывающаяся мѣщанствомъ. Право, хотѣлось бы ей сказать: прочь, дерзкая, осмѣливающаяся представляться безъ придворнаго костюма. . . .

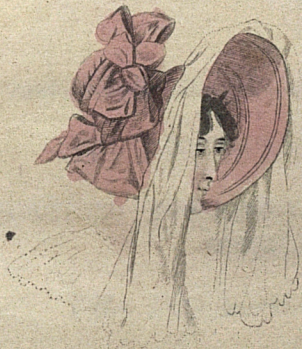
Впрочемъ, ей прощаютъ неумѣнье еѣ жить, за хорошую погоду, ею приносимую, которая позволяетъ намъ еще наряжаться въ наши *свѣжил* и красивыя лѣтнія моды. Видишь ли, любезная сестра, какъ свободно я схожу съ неба на землю, и это меня ушверждаетъ въ мнѣнїи, что для меня сроднѣе разсмащивать моды, нежели звѣзды.

Въ продолженіе всѣхъ эпихъ красивыхъ разсужденій, я оставила свою *Анну* у шѣпки, гдѣ можешь быть, ей не слишкомъ весело. Возвратимся къ ней, если ты хочешь, и проводимъ еѣ въ Оперу. Я не буду описывать тебѣ исторію *Абдарака*, морскаго разбойника. Я никогда не имѣла большой склонности къ *форбанамъ*, хотя одна изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, похищенная ими, сдѣлалась королевою Марокскою. . . . Послѣ Оперы присоединяется къ нимъ графъ *d'O* . . . , вѣжливый ушренній кавалеръ. Бѣдуй въ *Пасси*. Весь нарядъ *Анны* извлекается восклицанія одобренія и даже зависти . . . увы! . . . Тѣшка ея, постарте еѣ, въ голубомъ гроденаплевомъ плащѣ, открытомъ спереди, безъ всякой отдѣлки, кромѣ руло, изъ такой же матерїи, около всего плащя. Нижняя юбка бѣлая гроденаплевая, съ широкимъ шипьемъ несученымъ шелкомъ, представляющимъ гирлянду изъ васильковъ. Лицъ, какъ у *редингота*, шалью, изъ подъ котораго видна гладкая блондовая шемизетка; рукава à la Française de Foix; блондовый полу-чепчикъ, остающій на виду заднюю прическу и надѣтый совершенно на одинъ бокъ; на сторонѣ головы, незакрытой чепчикомъ, гирлянда васильковъ, которая проходитъ на лобъ. Большія серьги изъ золота съ бирюзами; безъ ожерелья; браслеты изъ Венеціанскихъ цѣпочекъ, застегнутые миниатюрами.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карп. No 29. 1) Италіанская соломенная шляпка.—2) Еще соломенная шляпка.—3) Капоть гродѣнаплевой.—4) Капоть изъ жакона.—5) Чепцы бѣлошвейки.—6) Апласный передникъ съ баншамми.—7) Эполъ изъ вышитаго пу дѣ суа.

№ 29^я Номер Трудъ къ РМ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 83.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 каршинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 16 дня 1855 года.

И кто другой такъ мирно все уладитъ!
Тамъ моську во время погладитъ!
Тутъ въ пору каршочку вопресть.

Грибобъ дозъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПИСАТЕЛЬ ПРЕЖНЯГО И НАСТОЯЩАГО
ВРЕМЕНИ.

(Изъ *Petit courrier des dames*).

Вы сперва хохъли опъ меня порпретъ— писателя; теперь уже пребуемъ двухъ порпретовъ. Послѣдній нарисовать гораздо пруднѣе: потому, что онъ не имѣетъ собственнй своей физиогноміи; его характеръ не представляетъ ни одной, особенно ему принадлежащей черты, которую такъ легко поймать: опъ чего? Опъ того, что онъ живетъ въ шакую смутную годину, когда нѣтъ ни дня, ни ночи, и когда произведенія ума, если они не нападаютъ на нравственность, не имѣютъ никакихъ блистательныхъ качествъ; вы скоро забываете, что ихъ читали. Начнемъ съ писателя прежняго времени: само собою ясно, что его надобно вызывать изъ великаго вѣка. Представимъ его въ его будничномъ быту, сидящимъ за письменнымъ столомъ, покрытымъ пылью, въ пространной комнатѣ, служащей ему и

кабинетомъ и библиотеккой: ибо онъ читалъ, справлялся, выписывалъ; а потомъ уже писалъ въ досужные часы и почувствовалъ вдохновеніе.

Онъ важно сидитъ въ креслахъ, обитыхъ черною кожею или зеленымъ, побурѣвшимъ опъ старости сафьяномъ съ мѣдными гвоздями, которые были когда-то позолочены. Его огромный парикъ (ни одному ученому нельзя было *благоприсойно* обойтись безъ него!), рѣдко воздѣлываемый руками арписта, называемаго парикмахеромъ (мастеръ париковъ), былъ знакомъ опличія для писателя спараго вѣка; его широкой кафтанъ съ пуговицами въ пятакъ; я не смѣю и заикнуться о шафрокъ, боясь, чтобы вы не приняли его за писателя романтическаго; его толстые туфли изъ буйволовой кожи, подложенныя мѣхомъ, помогутъ вамъ узнать его. Когда онъ показывался въ Свѣтъ, что случалось съ нимъ очень рѣдко, то спарая его кухарка чистила на немъ кафтанъ, надѣвала на ноги башмаки съ пряжками, подавала прость и преугольную шляпу. Трудно вообразить, чтобы человекъ въ такомъ спранномъ нарядѣ могъ имѣть умъ, вкусъ и

заслуживъ улыбку красавиць. Однако-жь, теперь извѣстно, какъ дважды два четыре, что щегольской нарядъ не естъ доказательство превосходнаго ума. Человѣкъ, за образецъ мною здѣсь выставляемый, жилъ жизнію красивой спраницы, которую онъ только что написалъ. Онъ сочинялъ её просто, употребляя слова, за которыми не рылся въ словарь, поелику всѣ были ему коротко знакомы; онъ разспанавливалъ ихъ въ такомъ порядкѣ, который не былъ въ разладѣ съ гениемъ; онъ зналъ драгоценное искусство печатать свои мысли въ памяти читателя. Времена перемѣнились!

Теперь поведу васъ въ маленькую дверь, въ которую вы не прошли бы, если-бъ были немножко подороднѣе, въ кабинетъ нынѣшняго моднаго писателя. Писатель! Это выраженіе васъ щекочитъ; я самъ знаю, что его невозможно принаровить; но что-жь дѣлать? Сколько же прудно назвать нашихъ новыхъ авторовъ императорами, т. е. *модными грамотными*. Идите же за мной; мальчикъ (groom) отворяетъ дверь: «Дома ли пвой господинъ?» — Дома, сударь; однако ему запрягаютъ лошадей; господинъ ѣдетъ въ рошу. — «Я опоздалъ, теперь при часа, а мнѣ бы надобно, прийти въ часъ.» — Мой господинъ въ часъ только просыпается. — «Вѣрю, тому, кто проводитъ цѣлыя ночи за работою.» — Вы хотите сказать — на балъ,» — поправляетъ меня мальчикъ. — Я вхожу въ крошечную споловую, гдѣ никогда не обѣдаютъ; въ полуразсворенную дверь видна маленькая комнатка, убранная цѣшами, съ новомодною роскошною мѣбелю и поршретами славныхъ красавиць. Я уже прошелъ сажени двѣ, но никого не встрѣчилъ, какъ вдругъ дверь отворяется: меня обдало духами; явился молодой человѣкъ въ самомъ щегольскомъ нарядѣ. Онъ проситъ меня присѣсть на минуточку на прелестномъ готическомъ стулѣ; такими новомодными спудьями уставлень весь эпотъ волшебный будуаръ. Я не смѣю назвать его кабинетомъ; это названіе ему несвойственно, а я привыкъ каждую вещь называть собственнымъ ея именемъ. Бросаю бѣглый взглядъ на безподобный столъ изъ палисандра; вижу, что

на немъ разбросано нѣсколько свѣжихъ книжекъ журналовъ, до которыхъ перломутровый ножичекъ еще не допрогивался; на полу два миніапюрные шкапчика; ибо малое пространство комнаты не позволяло поставить больше, съ тремя-четырьмя полками древнихъ хроникъ и преданій, въ великолѣпныхъ перешлепахъ. «Извините меня, милый другъ,» сказалъ свѣтскій франтъ: «я званъ за городъ, гдѣ мои пріатели пробуютъ лошадей. Вы знаете, что въ нашемъ ремеслѣ нужно иногда пустить пыль въ глаза. Работая надъ романомъ и издавая журналъ, необходимо имѣть коляску и спатныхъ лошадей. Кто будетъ читать наши сочиненія, если мы не блеснимъ въ Свѣтѣ дарами щастія?» — Ваши предшественники, — замѣнилъ я ему: коихъ творенія переживушь въка, довольствовались маленькою пенсиейю отъ короля, или доходомъ съ небольшого имѣнія, по наслѣдству имъ доставшагося. — «Эти прекрасныя времена прошли и не возвращаются,» возразилъ мнѣ модный писатель. «Мольерова годового дохода не достало бы мнѣ на заплачу за духи и помаду. Нынче нельзя проживать менѣе 30,000 франковъ. Насъ заставляютъ жить въ большомъ Свѣтѣ, а такая жизнь требуетъ большихъ расходовъ.» — Понимаю, вмѣсто того, чтобы искать прочной, чистой славы, вы ищите въ гостиныхъ мишурнаго блеска, который пускаете вмѣстѣ съ вашею молодостью. Что останется у васъ, когда вы переспустите за сороковой годъ? — Слушая, мой молодецъ напягивалъ благовошныя лайковыя перчатки на дамскую свою ручку, бѣлую какъ снѣгъ и мягкую, какъ пухъ лебединый. Мы съ нимъ раскланялись. Сходя съ лѣстницы, я бормоталъ себѣ подъ носъ: Желтыя перчатки и спрасъ къ роскоши — погубили нашу словесность.

ЗНАТОКЪ ВЪ СТЕПЕНЯХЪ РОДСТВА.

«Знаете ли, что моя невѣстка разрѣшилась отъ бремени?» — Нѣтъ; а что ей Богъ далъ; сына или дочь? — «Не знаю навѣрное, что я теперь: дядя или шѣтка.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОФМАНСКИЙ ВЕЧЕРЪ.

(Повѣсть.)

Мнѣ скучно!—Вынимаю изъ шкафа новыя Русскія книги—право читать нечего!—одна, двѣ, три... прочь ихъ, ненужны!—Какъ, это Русскіе стихотворцы, поэты?—Ужъ мнѣ эти поэты, уши болятъ отъ рифмъ! Вотъ Французскіе романы, вотъ между другими *Бальзакъ* — безбожный, безнравственный, подкапывающійся подъ все священное! Вотъ *Поль-де-Кокъ* — ополчающійся пропивъ всего нравственнаго;—онъ холоденъ, и попому скученъ. — Ужъ если сладострастничать, такъ должно имѣть болѣе пылу, болѣе страсти. Когда-бъ мнѣ надлежало непременно читать книгу подобнаго разбора, я, хотя не имѣю, но доспалъ бы и прочелъ что нибудь другое, гдѣ есть огонь, есть страсти. — Но не буду читать подобныхъ книгъ, лучше возьму *Гофмана*, сумасшедшаго *Гофмана*, а право онъ, кажется, умнѣ всѣхъ писателей; но жаль, что я его не всегда понимаю! Понимаете ли вы его всегда?

Мнѣ кажется, что *Гофмана* нельзя читать такъ, какъ мы обыкновенно читаемъ другихъ авторовъ: ибо къ чтенію *Гофмана* надобно приготовить! надобно распалитъ воображеніе, привести заспавшуюся отъ холода современныхъ писателей кровь въ волненіе, надобно на то время сдѣлаться поэтомъ; и такъ, откладывая *Гофмана* въ сторону, однакожъ не навсегда—откладывая его до благопріятнаго часа для чтенія; а между пѣмъ надѣваю теплую шинель, фуражку на ватъ, и иду бродить по городу,—и какъ я хочу приобрести впечатлѣнія жаркія, сумасбродныя, поэтическія, фантастическія,—то попому пойду читать журналы всѣхъ родовъ, газеты всѣхъ земель,—пойду въ кандиперскую.

Я иду и думаю... Только скоты ходятъ и не думаютъ; для чего же не пользоваться пѣмъ, чѣмъ я надѣленъ доброю природою.— Я иду чрезъ Вознесенскій мостъ по Вознесенской улицѣ; замѣтите, что я иду не къ

Вознесенскому мосту: иначе вы могли бы судить обо мнѣ весьма несправедливо, я это знаю!—Я прохожу мимо одного магазина, въ которомъ лучшую вещь составляетъ хорошенькая хозяйка; эта хозяйка имѣетъ такіе блестящіе, черные глаза, такое свѣжее, пыльное личико, такъ лукаво улыбается, и ходитъ, между нами будь сказано, въ госпи въ ближній магазинъ, что я зажмуриваясь прохожу мимо....

Вотъ я уже далеко.. далеко... вотъ я вхожу въ ту кандиперскую, которая многими посѣщается: ибо я не хотѣлъ зайти въ одно изъ сихъ заведеній, гдѣ нерѣдко просиживаешь часы одинъ за спаканомъ сабаюну, и радъ, радъ, если муха сдѣлаетъ тебѣ товарищество и раздѣлитъ съ тобою питье, — но я вхожу въ кандиперскую, гдѣ много газетъ и журналѣвъ, гдѣ много людей, и гдѣ также хорошенькая, миловидная, молоденькая хозяйка. Вы конечно еѣ знаете, а если не знаете, то побывайте въ ея заведеніи—оно опрятно и хорошо....

Вотъ мнѣ подають газеты и журналы... Читаю первыя:—въ Португаліи двѣ партіи прусовъ, вмѣсто того, чтобы давать сраженія, пишутъ пустыя реляціи; вмѣсто того, чтобы управлять народомъ — грабятъ разныя сословія народа. — Въ Испаніи король и королева — оба не вѣсти державами признаны, но оба доказываютъ законность правъ своихъ—ничего не понимаю! Во Франціи писатели развращають народъ, народъ не подчиняется правительству, правительство раздаетъ кресты писателямъ и говоритъ благодарственные рѣчи народу—понимаете ли вы что нибудь?—Я ни сколько! Не буду читать газеты,—дождусь спакана глинивейна, а между пѣмъ посмопрю, что дѣлають посѣпители.

Штабъ-офицеръ спойтъ передъ зеркаломъ и поправляетъ свои усы — онъ занятъ; — франтъ въ серпучкѣ съ орденскою ленточкою, небрежно развалясь на софѣ, ѣстъ сладкіе пирожки, напѣваетъ какой-то водевильный куплетъ и сморитъ прищурясь на афишу *Лелана*, — вѣрно онъ хочетъ сморѣть звѣ-

рей;—но къ чему иппи такъ далеко, они и здѣсь показываються?

И это скучно! Все такія обыкновенныя, будничныя лица, что не на одномъ нельзя остановиться...

Однако я ошибался!

Мнѣ приносятъ глишвейнъ — я пью его съ жадностью—наипокъ превкусный и необходимый въ нашемъ негодномъ климатѣ...

«Отъ чего же негодномъ?» спрашиваетъ меня поненькій, худощавый, маленькій шестидесятилѣтній спаричокъ, котораго я не замѣтилъ разсматривая посѣпителей кандиперской; «развѣ вы не всегда живете въ Петербургѣ?...»

— Нѣтъ, не всегда,—отвѣчалъ я, и мнѣ хопѣлось, пропивъ воли, засмѣяться: такъ смѣшонъ былъ любопытный спаричекъ:.. и такъ несоответственно съ климатомъ онъ былъ одѣтъ.

«А гдѣ же вы были въ послѣднее время?»

—Я былъ въ Молдавіи, былъ и въ Польшѣ;—отвѣчалъ я: былъ на югѣ Россіи, былъ на Кавказѣ, наконецъ былъ въ Сибири... —

«Вы были въ Сибири?» примолвилъ спаричокъ: «я тамъ не былъ; но за то вы не были въ Италіи...»

—Къ сожалѣнію не былъ;—но какъ бы мнѣ хопѣлось посѣпить роскошную Италію, страну поэзіи, музыки, живописи, ваянія и пѣнія —

Страну архитектуры и женщинъ—

Страну Везувія и Эпны—

Неаполя и Рима,

Книжалоу, яда и кодовства... —

—Что вы сказали?—спросилъ я скоро.

«Ничего,» отвѣчалъ спаричокъ: «вамъ вѣрно такъ слышалось»

Намъ подали два спакана сабаіону...

Мы преспокойно выпили сабаіонъ; намъ съ удовольствіемъ принесли еще два спакана пуншу, еще и еще по два спакана. — Наконецъ въ кандиперской оспались мы вдвоемъ; я посмотрѣлъ въ окошко: снѣгъ большими

хлопьями падалъ на улицу; слякоть, грязь, не видашь зги.—Сегодня дурная погода,—сказалъ я,—какъ иппи домой!

«Какъ, дурна погода?» вскричалъ спаричокъ, посматривая въ тоже окошко: «подмерзаетъ, мѣсяцъ свѣпипъ, какъ лампа, звѣзды рисуются на небѣ: мѣднаго гроша потеряешь нельзя на улицѣ—сей часъ увидишь.»

Я съ нимъ не спорилъ. Спаричишка, — подумалъ я, лишнее выпилъ и несетъ вздоръ.

Бьетъ 12 часовъ ночи... Хозяйка напомнила намъ, что время расходиться по домамъ; но мы выпросили еще по спакану пуншу; наружныя двери кандиперской заперли, спавни закрыли — и мы продолжаемъ пировать.

—Я удивительно люблю сообщество людей! —

«И я также,» вскричалъ спаричокъ, вертѣвшийся на одной ногѣ. Я только замѣтилъ подобную спранныость при послѣднихъ его словахъ...

Онъ продолжалъ вертѣться, то скоро, то медленно—то опять быстро... чудно! я не хопѣлъ вѣрять глазамъ своимъ—пропиралъ ихъ, прищуривался—спарикъ все вертѣлся.

—Какъ спранны забавляетесь вы, — наконецъ проговорилъ я, дѣйствительно увѣрившись, что это не былъ оппическій обманъ.

«Да, я долженъ ежедневно полчаса покружиться немного,» отвѣчалъ онъ просто-сердечно: «и не люблю производить своихъ движеній при многихъ свидѣтеляхъ, особливо при незнакомыхъ; но съ вами я другъ!»

Вотъ тебѣ и другъ! — сказалъ я про себя.—Но пріятно ли такое занятіе? —

«Кой чортъ это за занятіе, это самая дьявольская работа,» кричалъ онъ мнѣ, опирая съ лица своего попъ, ручьями капившійся...

Уже и мнѣ представлялось, что я чувствую какое-то спремленіе спать на лѣвую ногу и вертѣться; но я крѣпко придержался за споль,—впрочемъ споль, спульда, лампы, карпины, двери — всё, всё вертѣлось

вокругъ меня въ какомъ-то дьявольскомъ очарованіи, въ какой-то фантаспической пляскѣ.

Но — вдругъ вошла хозяйка, за нею хозяйинъ, за ними сужители кандиперской: они говорили намъ, что имъ время спать, что намъ время выходить — мы повѣрили. — Дверь отворилась — мы вышли на улицу — и меня обдалъ свѣжій воздухъ: шупъ я мгновенно почувствовалъ силу пропивуспоаять очарованію....

— Опъ чего же вамъ казалось, что ночь свѣтлая? — сказалъ я: гдѣ вы видѣли мѣсяцъ, гдѣ ваши звѣзды? —

Спаричокъ осмопрѣлся. «А развѣ темно?» спросилъ онъ меня съ удивленіемъ.

— Конечно, не будь зажжены плошки, по случаю сегодняшняго праздника, и фонари — по вамъ бы не уберечь своего дба... —

«Фонари и плошки?» пропянулъ онъ насмѣшливымъ голосомъ. «Эпо звѣзды, сударь, звѣзды!.. неподвижныя какъ Сиріусъ, блестящія собственнымъ свѣтомъ, тѣла, имѣющія свою атмосферу, своихъ спутниковъ, свое направленіе въ общемъ движеніи системы міра!...»

— Да, по есть масло, будочниковъ и улицы,.. вы правы! —

«Вы не просвѣщены. Но, сударь, вы сказали, что сегодня праздникъ, сегодня торжество?»

— Да, по случаю пріѣзда Персидскаго и Турецкаго посланниковъ. —

«Прекрасно! восхищительно!» кричалъ маленькой спаричокъ: «намъ надобно выпить, намъ непременно надобно выпить...»

— Мы много уже пили: голова моя хочетъ преснуть. —

«Эпо бездѣлица; но мы пили вздоръ, смѣсь, дѣтской наипокъ, — смѣшно сказать, что мы пили. Вотъ бутылку спараго рейнъ-вейну, бутылку добраго кло-вужо...»

Словъ рейнъ-вейнъ, кло-вужо, имѣюпъ надо мною какую-то магическую власть: произнесите при мнѣ эти слова, и я не могу отказаться отъ добраго спакана того и друга-

го, особенно въ споль неприятное время года, какъ Петербургская осень, когда на улицахъ пакая грязь, когда въ домахъ пакая скука, когда у всѣхъ пакая кислыя лица.

— И такъ идемъ, — вскричалъ я.

«И такъ идемъ;» вскричалъ спаричокъ.

Мы находились въ Морской, близъ лавки... — Двери въ лавку были заперты; я ударилъ ногою въ дверь.

Прислушиваемся — все тихо.

Спаричокъ разбѣжался и ударилъ ногою въ спавень, — прислушиваемся, все молчитъ.

Мы оба разбѣжались и въ одно время ударили: я въ двери, онъ въ окошко, — прислушиваемся: «Что за черпи шамъ возяпся?» проговорилъ соннымъ голосомъ кто-то изъ за дверей.

Мы начали спучаться руками и ногами!... «Тише, дьяволы, — ужъ не наводненіе ли?»

Намъ отворили двери.

Послѣ долгихъ совѣщаній, послѣ большихъ обѣщаній, послѣ нижайшихъ поклоновъ и покортійшихъ просьбъ — насъ впустили...

Мы вошли въ самую послѣднюю комнату: вы вѣрно её знаете, и вѣрно кушали шамъ усприцы, запивали ихъ Шампанскимъ и заѣдали сыромъ; — а я такъ нѣтъ! Я не перплю сыра, ненавижу Шампанское, пренебрегаю вашими усприцами. — Мы расположились въ послѣдней комнатѣ...

Впрочемъ вы не разсудительны! вамъ бы должно было топчасъ сказать, что эпо не комната, а комнатка. — Я вамъ говорю, читатель!

Передъ нами подносъ, на подносъ два спакана и двѣ бутылки; одна какъ яхонпъ, другая какъ жемчугъ. —

«Какіе дивные цвѣта! какъ роскошна, какъ богата природа!» восклицалъ спаричокъ.

Я его не слушаю, — онъ говоритъ такъ много!

Мы пьемъ яхонпъ и жемчугъ.

— Скажите, вы часто упражняетесь, мой любезный другъ, въ круженіи, себя на одной ногѣ? —

«Ежедневно!» отвѣчалъ мнѣ съ тяжелымъ вздохомъ спаричокъ: «но я верчусь не всегда на лѣвой ногѣ, иногда на правой, чтобъ не устать. . . .»

Намъ поставили по другой бушылкѣ яхонта и жемчуга. . . .

— Повѣрьте причину мнѣ, она должна бытъ, мой сердечный, весьма важная. —

«Эту роковую пайну я повѣрю вамъ, но только вамъ одному: слушайте внимательно. —

Увы! я кажусь не въ состояніи. —

«Тѣмъ лучше!»

(*Ожоганіе въ слѣд. листкѣ*).

БУКВА, ПЕРЕМѢНЯЮЩАЯ СМЫСЛЪ.

Когда городъ Аррасъ принадлежалъ еще Австрійцамъ, они почитали, что его нельзя опиятъ у нихъ, и подписали на главныхъ крѣпостныхъ ворапахъ: *Quand les Français prendront Arras, les souris mangeront les chats.* (Когда Французы *возьмутъ* Аррасъ: тогда мыши съѣдятъ кошекъ).

Въ 1640 году Французы взяли Аррасъ приступомъ, и уничтожили помяну букву *p*. Опъ эшаго смыслъ перемѣнился и вышло: *Quand les Français rendront Arras, les souris mangeront les rats.* (Когда Французы *отдадутъ* Аррасъ: тогда мыши съѣдятъ кошекъ).

ДѢВИЦА И ПИСЬМО—СРАВНЕНІЕ.

Замужняя женщина есть письмо, дошедшее уже по надписи (адресу) къ тому, кому назначено; молодая дѣвица письмо, еще непосланное на почту; старая—письмо, залежавшееся на почтѣ, на которое не явился еще требовапель.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Бѣда бы нашей злополучной словесности, еслибъ криптикъ *Телескопа* и криптикъ *Би-*

бліотеки для Чтенія имѣли на Русскую словесность хотя самую долю того вліянія, какимъ нѣкогда пользовались гг. *Булгаринъ* и *Полевой*. И пѣ нерѣдко сбивались съ прямой дороги, особливо Н. А. *Полевой* въ послѣдніе годы своего *Телеграфическаго* царствованія. . . . Однакожь, спрашная разница! Избавилъ Богъ Россію опъ Татаръ, опъ Ляховъ, опъ Галловъ, опъ криптикъ Н. А. *Полевого*; за то наславъ барона *Брамбеуса*, да *Виссаріона Бѣльинскаго*. Баронъ даетъ кривой судъ о вновь выходящихъ книгахъ, поришетъ языкъ своими полуиностранными сочиненіями и для назиданія Русскаго прекраснаго пола выводитъ такихъ дѣвиць, какъ *Олимпка*, такихъ женъ, какъ *Саяна*, такихъ матерей, какъ княгиня *Надежда Ивановна*, такихъ дамъ, какъ *Ду-ду*, какъ сенъора *Джульета*. *Московский Наблюдатель*, многія ему льта! разоблачаетъ барона и представляетъ въ наспощемъ его видѣ; пора бы и издаателямъ *Свѣ. Пчелы* вывести изъ заблужденія добрыхъ своихъ соопеченниковъ (1). Витъ они подняли его на высоту, надѣясь опъ него полезныхъ и пріятныхъ статей; теперь видятъ и сами, что ошиблись. Пускай же теперь—для ради спасенія своей души!—соединятъ благородныя усилія съ издаателями *Московскаго Наблюдателя*.

Однакоже, съ позволенія вашего, милостивые государи! у барона нельзя опиятъ его обширной учености, знанія многихъ языковъ, паланпа. Баронъ путешествовалъ съ пользою; всё, что ни писалъ онъ о Востокѣ, прекрасно. У занимающагося же криптическими статьями въ *Молвь* и *Телескопѣ* нѣтъ ни учености, ни начитанности, ни дарованія; все эшо замѣняетъ у него опвага. Напримѣръ въ 7-й книжкѣ *Телескопа*, онъ напечаталъ статью *О Русской поэзии и повѣстяхъ* г. *Гоголлъ*; но на 25-ти страницахъ ни слова не сказалъ еще о сочинителѣ *Ветеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*, а прошелъ всю исторію Россійской словесности. И чего не наговорилъ онъ! Я вамъ выпишу самую разитель-

(1) Н. И. *Гречъ* и О. В. *Булгаринъ* вышли изъ переплѣта — и въ № 218-мъ *Свѣ. Пчелы* предупредили мое и всѣхъ благомыслящихъ людей жеданіе. — К.

ныя мѣста, изъ которыхъ ясно видно, что онъ о многихъ нашихъ славныхъ писателяхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, пускается, дѣлаетъ ложныя опредѣленія, ложныя выводы.

2.

«Русская литература, не смотря на свою незначительность, не смотря даже на солидность своего существованія, которое теперь многими признается за леготу, Русская литература испытала множество чуждыхъ и собственныхъ влiяній, опличилась множествомъ направленій.» *Телескопъ*, No 7, стр. 395.

Приглашеніе. Русская литература имѣетъ: утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величїи, предложеніе изъ *Иова*; оды: Богъ, Пѣвецъ во снахъ Русскихъ воиновъ, *Ермака*, Священныя стихотворенія *Ф. Н. Глинки*; оды: къ *Фелицѣ*, *Вельможу*, на *Щастіе*, на *Коварство*, на *Смерть князя Мещерскаго*; трагедїи: *Эдипъ*, *Борисъ Годуновъ*, *Россия и Баторїй*, *Торквато Тассъ*, *Рука Всевышняго Опечество* спасла, *Басмановъ*; комедїи: *Недоросль*, *Бригадира*, *Модную лавку*, *Хвастуна*, *Горе отъ ума*; подѣвилъ *Мельникъ*; басни *Хемницера* и *Крылова*; сказки въ стихахъ *Дмитріева*; поэмы: *Евгенїи Онѣгинъ*, *Пиръ*, *Эдда*; баллады: *Свѣтлана*, *Эолова арфа*, *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, *Адельсманъ*; посланїя: *О пользѣ стекла*, къ *Слугамъ моимъ*, къ *Карамзину*, къ *Императору Александру*, къ *Жуковскому*, къ *Бапюшкову*, къ *Воейкову*, къ *Моимъ Пенапамъ*, къ *Муравьеву-Апостолу*, къ *В. Л. Пушкину* и *Бапюшкову*, къ *Д. В. Давыдову*, къ князю *Юсупову*; пѣсни: *Нехединскаго*, *Дельвиха*, *Мерзлякова*, князя *Вяземскаго*. Въ прозѣ: Священное писаніе, *Житїе св. Опцовъ*, *Проловѣди Теофана*, *Платона*, *Евгенїя* (епископа Тульскаго, архїепископа Казанскаго, попомъ Тверскаго), *Августина Московскаго*, *Филарета*, священника *Малова*, *Поученїя Мансвѣтова*; Собранїе законовъ, *Сводъ законовъ*, *Продолженіе Свода законовъ Россійской имперїи*; *Исторїю государства Россійскаго*, *Исторїю Россійской словесности*, *Исторїю походовъ Россїянъ въ XVIII вѣкѣ* и *Исторїю войны 1812-го года*, соч. *Д. П. Бутурлина*, *Записки о 1813 и 1814 годахъ* и *Исторїю войны 1813-го года*, соч. *А. И. Михайловскаго-Данилевскаго*; сочиненїя: *М. Н. Муравьева*, *Батюшкова*, *А. С. Шишкова*, *Послѣдній Новикъ*, *Юрїя Михославскаго*, *Ледяной домъ*, *Монастырку*, *Мазепку*; повѣсти: *А. Пушкина*, кн. *Одоевскаго*, *Погодина*, *Сулирокова*, *Павлова*, *Влад. Стрובה*, *Луганскаго*, *Гогеля-Яновскаго*; Путешествїе къ *Св. Мѣстамъ*, *Путешествїя Головинина*, *Лазарева*, *Липке*; *Записки о кампанїи адмирала Сенявина*, соч. *В. Б. Броневскаго*. Въ Россїи издавались: *Дѣтское чтенїе*, *Московскїй журналъ*, *Прїятное и полезное препровожденїе времени*, *Вѣстникъ Европы*, *Сынъ Опечествова*, *Сѣв. Архивъ*, *Моск. Вѣстникъ*. Теперь издаются: *Сѣв. Пчела*, *Библиотека для чтенїя*, *Моск. Наблюдатель*, *Русскїй Инвалидъ*, *Журналъ Мануфактуръ*, *Жур-*

наль М. Н. Пр., *Журналъ М. В. Д.*, *Военно-Медицинскїй*, *Другъ здравїя*, *Коммерческая газета*, *Журналъ общепользныхъ свѣдѣній*, *Христіанское чтенїе*, *Земледѣльческая газета*, и пр. и пр.

Можно ли послѣ всего этого называть Русскую словесность мечтою? Не величайшая ли нелѣпость сомнѣваться въ ея существованїи?

А. Кораблинскїй.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ РАЗЛУКИ.

Et tout ce qu'a la destinée
Des biens réels ou fabuleux,
N'est rien pour mon âme enchaînée
Quand tu regardes inclinée
Mes yeux ardents avec tes yeux bleus.

V. Hugo.

Вамъ сладко очарованъ
Въ дни живительныхъ бѣдъ,
Думой смущено взволнованъ,
Васъ привѣспивуетъ поэтъ.
На воспорженность привѣща—
Знаетъ, сладкаго опѣвта
Не услышишь оцъ оцъ васъ;
Съ думой пайной и унымой,
Знаетъ—образъ вѣчно милый
Видѣлъ онъ въ послѣдній разъ.

*

Но въ воспоргѣ неизмѣнномъ,
Очарованъ, упоенъ,
Образъ эпомъ незабвенный
Сохранишь на вѣки онъ;
Сохранишь онъ въ восхищенїи
Всѣ воспорги и помненья,
Вашъ живой и спрастный взоръ,
Ваши нѣжныя ланиты
И уста полуоткрыты
И веселый разговоръ.

*

Сохранишь онъ снахъ вашъ гибкій,
Близну роскошныхъ плечъ,
Прелесть огненной улыбки
И насмѣшливую рѣчь;
Взоры томные, живые,
Кудри вольныя, густыя,

Голосъ дивный, неземной,
Будно опъзывъ думъ любимыхъ,
Будно горнихъ Серафимовъ
Звукъ арфы золошой.

*

И въ превобахъ жизни плънной,
Средь томительныхъ заботъ,
Миръ любви новорожденный
Въ сердцѣ долго не умреть;
Въ усладительномъ помяненъ
Въ упоеньѣ, въ восхищенъ,
Будейтъ васъ онъ воспъвать,
Будеть долго дней блаженныхъ,
Пролетѣвшихъ, незабвенныхъ,
Обольщенъя вспомянать.

Июль 1835. Смоленскъ.

Ө. Мещовъ.

О М О Н И М Ъ.

Живой, съ рогами я,—вѣкъ цѣлый подъ ярмомъ,
Пашу и бороноу и вечеромъ и днѣмъ,
И тягостни паскаю;
Я мѣршвый—пищею бываю,
Лишь только въ мясоѣдъ, не въ поспѣ.
А каменный — я подпираю моспѣ.

Въ No 82-мъ, помѣщенная шарада значитъ: *Sac-sage*.

М О Д Е С.

Le bal est charmant, animé, les fenêtres ouvertes sur un jardin illuminé, donnent à cette fête un air de féerie. Les robes d'organdi brodées en laine de couleur sont en majorité; quelques autres en crêpes, brodées en soie plate, sont aussi d'un bon effet. Une entre autres à dessin de feuilles de chêne avec ses glands se remarque par sa distinction; on a choisi pour cette broderie un vert clair qui supporte bien la lumière. Les robes de tulle uni ont presque toutes des volans ou des ruches pareilles. On garnit ces volans ou ces ruches de petites comètes de satin blanc ou de couleur. On voit beaucoup de manches longues, c'est assez l'usage dans les bals *extra-muros*, qui s'annoncent toujours comme de petites soirées dansantes, Les coiffures diffèrent à l'infini, cependant les bandeaux avec un cercle d'or

où de velours sont en majorité. Aussi la coiffure d'Anna fera époque dans les fastes de Passy.

Déjà bien souvent la tante a donné le signal du départ, mais la jeune femme attend son mari, quel excellent prétexte, pour rester jusqu'à la fin du bal, qui s'égaie toujours en finissant. Cependant voilà le jour, il faut bien prendre votre parti, Madame, et rentrer pâle et fatiguée dans ce lit à draperies bleues et blanches, où nous vous avons trouvée ce matin si fraîche et si jolie.

Voilà, chère sœur, la vie d'un jour que je vous avais promise, puissiez-vous trouver à la lire le plaisir que j'ai eu à l'écrire pour vous. — Sarah.

М О Д Ы.

Баль былъ прелестень, оживлень; окна, опворенныя въ освѣщенный садъ, придають этому празднику нѣкоторый волшебный видъ. Большая часть платьевъ изъ органди, вышитыя цвѣшною шеропью; нѣкоторыя изъ крѣпа, вышитыя несученымъ шелкомъ, также весьма красивы. Одно между прочими, съ узоромъ изъ дубовыхъ листьевъ съ желудями, замѣчательно по своему опличью; для эпэго шитья выбранъ свѣтлозеленый цвѣтъ, который хорошъ при свѣчахъ. Платьѣ изъ гладкаго шюля почти всѣ съ оборками или съ такими же рюшами. Эпи оборки или рюши обшивають маленькими комешами изъ бѣлаго или цвѣшнаго апласа. Видно много длинныхъ рукавовъ; эпэ довольно въ обыкновеннн для баловъ *extra-muros*, о которыхъ объявляется всегда какъ о маленькихъ танцовальныхъ ветерлахъ. Прически весьма разнообразны, однако большая часть съ повязкою изъ золошаго кружка, или бархапа. Пошому прическа *Анны* составитъ эпоху въ льтопсияхъ Пасси.

Уже нѣсколько разъ шѣшка давала ей знать, что пора ѣхать домой, но молодая дама ждетъ своего мужа: какой прекрасный предлогъ, чтобы остаться до конца бала, который всегда болѣе оживленнся къ концу. Однако вопъ уже свѣтъ, надо рѣшиться, сударыня, и возвратиться бѣдною и усталою на эпэ постель съ голубою и бѣлою драпировкою, гдѣ мы нашли васъ сегодня упромъ шакъ съжето и пригожею.

Вопъ, милая сеспра, день жизни, который я тебѣ обѣщала; желаю, чтобы чпенне эпэ доставило тебѣ по удовольствию, съ какимъ я щасала эпэ для тебѣ. — Сара.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 84.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ОКТЯБРЯ 19 ДНЯ 1855 ГОДА.

Россійскій Діогенъ лежиль подъ сею кочкой;
Топъ въ бочкѣ прожилъ вѣкъ, а нашъ свой прожилъ съ бочкой.

Кн. Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. ДЯДЮШКА И ТЁТУШКА. (Отрывокъ).

I.

Лѣтъ двадцать назадъ пому, или болѣе, дядя мой, опсавной маіоръ, и его проюродная сестра, а миѣ пѣтушка, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, важнаго вида, помѣщица слишкомъ сошни душъ креспьянъ, лѣтомъ, въ праздничный день, послѣ объда, сидѣли въ садовой бесѣдкѣ и спорили.

Какъ теперь гляжу, дядя мой, въ зелѣномъ своемъ мундирѣ съ краснымъ воропникомъ, сидѣлъ въ креслахъ передъ столикомъ; подалеже немного, пѣтушка на софѣ, въ новомъ перкалевомъ плащѣ, бѣлизны почти ослѣпительной.

Споръ ихъ былъ, ни больше ни меньше, какъ о просвѣщеніи.

Я, мальчикъ лѣтъ девяти въ то время, сидѣлъ или споялъ, молчалъ, слушалъ и глядѣлъ по на садъ въ распворенныя двери, по на мухъ, лепашущихъ въ бесѣдкѣ, по на дядюшку съ пѣтушкой.

Дядя мой, человекъ простой, добросердечный, лучше годы жизни проведенный въ полевой службѣ, ничему не учился, кромѣ Русской грамоты; мало и чипалъ; но съ выборомъ, и что чипалъ, по понималъ превосходно. Чуждый приспрасптія и умничанья, дядя мой зналъ вредъ ученья ложнаго, но вмѣстѣ съ лѣтъ умѣлъ видѣть и всю пользу истиннаго образованія ума и сердца.— Сынъ его учился тогда въ университетѣ, и съ успѣхомъ.

Что чипала моя пѣтушка, не знаю;— не вѣдаю также и того, могла ли она судить о пользѣ или о вредѣ просвѣщенія, не зная въ чемъ оно состоитъ; только она принадлежала къ числу пѣхъ лицъ, копорымъ просвѣщеніе вообще не нравилсъ.

Не знаю и того, какъ завелсъ у нихъ пакой разговоръ, и почему дядюшкѣ вздумалось на эпотъ разъ ей попротиворѣчить; можетъ быть нечего было другаго говорить; только пѣтушка начала уже нѣсколько горячиться и перещипывать всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ, кпо только могъ имѣть малѣйшее право на образованность, и въ каждомъ выславляла въ увеличенномъ видѣ всѣ ихъ пороки и недоспапки.

Дядя слушалъ терпѣливо; наконецъ, когда она кончила, сказалъ: «Ну, сестра, съѣдъ пшвой *Балбесовъ* ничему не учился, а перецеголяемъ ужъ всѣхъ, кого ты ни щипала.»

Это былъ аргуменщъ, пропивъ котораго возражать было не возможно. *Балбесовъ* дѣйствительно былъ самый распущеннѣйшій и самый злѣйшій человекъ во всей округѣ, нептерпимый равно, какъ образованными людьми, такъ и безграмотными. Мопъ, пьяница, буянъ, пошачикъ ворами, ябедникъ, словомъ, все, чѣмъ только невѣжда можетъ сдѣлаться ненавистенъ и вреденъ. Тѣмъ болѣе пѣпка не могла ни слова сказать, что сама въ эпохъ же день, въ продолженіе половины обѣда, бранила *Балбесова* за что-то, и изчисляла неліцензійно всѣ его подвиги и достопиства; помнится, за то, что онъ ей на дорогѣ не поклонился.

Я видѣлъ, какъ у пѣпушки покраснѣлъ носъ съ досады; замѣтно было, какъ она выскиваетъ, чтобы сказать дядѣ напрошивъ, — и не находить ничего.

Дядя, кончивъ рѣчь, прехладнокровно налилъ между пѣмъ рюмку густой душистой вишнѣвки, и понесъ ко рпу.

II.

Какъ справедлива у Испанцевъ пословица, что между рпомъ и рюмкой есть еще мѣсто для бѣды.—Это случилось съ моимъ дядей на самомъ дѣлѣ.

Только рюмка совершила съ рукой половину своего путешествія опъ спола ко рпу . . . . ужъ дядя протягивалъ губы, какъ вдругъ рѣвая муха, какъ съ цѣпи сорвавшись, въ бурномъ вихрѣ веселья съ своей подругой, съ шумомъ хлопнулась къ дядѣ въ рюмку . . . и забарахталась всѣми шестью ногами.

Возмись дядя за рюмку полусекундой раньше или полусекундой позже . . . и бѣды бы не было ни мухъ, ни дядѣ. Сумасшедшая муха полувершкомъ бы промчалась мимо рюмки, и дядя спокойно бы выпилъ вишнѣвку, ни о чемъ не воображая.

Но такъ угодно было судьбѣ.

Дядя принужденъ былъ поставивъ рюмку на споль, и сложивъ губы по прежнему.

Дядюшка мой также почно былъ добръ сердцемъ, какъ и извѣстный дядя *Тоби*; также не желалъ зла, ни даже мухъ; напрошивъ, всѣмъ помогалъ, когда могъ; только, менѣе образованный, рѣчи и ухватки его были гораздо грубѣе. Бережно вынулъ онъ муху двумя пальчиками, но, можетъ быть съ пѣмъ, чтобы она лучше опряхнулась, бросилъ её со всего размаху, и . . . несчастная муха, съ каплями темнокрасной вишнѣвки, попала на бѣлое, какъ снѣгъ, платье пѣпушки.

Я не могу изобразить бѣшенства, въ какое пришла моя пѣпка. Багровый цвѣтъ занялъ все лицо, и черезъ секунду, блѣдность. Мупные, яросные глаза; — все это дѣлало, что она не походила не только сама на себя, но и на существо человѣческаго рода. Чуть не сбита она меня съ ногъ, бросаясь въ двери. Дядя было за ней, съ просительнымъ восклицаніемъ: «Мапушка сестрица!» Но не могъ догнать её, и воропился съ смущеннымъ видомъ. «Ну, теперь самъ чортъ не уговоритъ её!» сказалъ онъ, и съѣлъ на прѣжнее мѣсто, какъ кормщикъ, предвидящій неоправдиму бурю.

Черезъ при минуты пѣпушка въ самомъ дѣлѣ возвратилась, предшествуемая аравомъ свачьюшекъ, невѣспушекъ и разнаго калибра сестриць: ихъ было всѣхъ не болѣе пяти, но онъ сполько шумѣли, что мнѣ подумалось, будто ихъ цѣлая соння.

«Лзя ли опъ васъ было ждашь?» . . . начали онѣ всѣ въ одинъ голосъ, но потомъ рассыпались на разныя прели, войдя въ бесѣдку и окружа дядю, который прислонился къ спѣнкѣ. Если употребить слогъ *Гомера*, то дядя похожъ былъ на пупника, котораго внезапно у плетня наспигла спая алчныхъ псовъ.

Дѣло состояло въ томъ, что пѣпка, показывая красные брызги на своемъ платьѣ, говорила, что дядя это сдѣлалъ изъ презрѣнія къ ней, и что онъ даже, въ сердцахъ, хотѣлъ её ударить.

Дядя имѣлъ намѣреніе просить умиленно прощенія въ своей неумышленной неосторожности. Но когда услышалъ такое нападеніе, самъ вышелъ изъ терпѣнія.

Вслѣдъ за женщицами вошелъ хозяинъ, у котораго были мы въ гостяхъ, полупьяный и полусонный; съ нимъ братъ его, всегда глупый, а теперь и сердитый.

Тутъ я со страху убѣжалъ. Мнѣ случилось уже быть бранену за то, что большіе были сердиты другъ на друга.

Что происходило въ бесѣдкѣ послѣ, не знаю. Но съ эпаго началась непримиримая война между дядюшкой и пѣпушкой. Она до самой смерти своей спаралась вредить маюру, какъ и гдѣ могла; топъ ругалъ её, какъ умѣлъ.

И вмѣстѣ съ эпимъ послѣдовало раздѣленіе на двѣ партіи всѣхъ нашихъ родныхъ: одни приняли сторону дяди, другіе пѣпки, а нѣкоторые шапались на обѣ стороны.

Нашъ уѣздный городничій, довольно начитанный, что, мимоходомъ, не мѣшало однако ему быть и взяточникомъ и картежникомъ, назвалъ эпо междоусобіе войною Гвельфовъ и Джибеллиновъ.

Съ тѣхъ поръ и городничій смѣненъ, и *Наполеонъ* умеръ, и Французы своего короля перемѣнили, но сами лучше не сдѣлались, и прочее, и прочее: а наша война всё еще продолжается, для иныхъ со смѣхомъ, а для иныхъ подъ часъ и со слезами.

II. II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОФМАНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

(*Оюганіе.*)

Спарикъ рассказывалъ слѣдующее:

«Кончивъ образованіе въ Іенскомъ университетѣ, я преимущественно приспраспился къ поэзіи и живописи, и возвращался на родину мою, въ Богемію, въ небольшое мѣстечко Адерсбахъ, въ которомъ отецъ мой жилъ неважною торговлею, и гдѣ я надѣялся получить отъ него позволеніе побывать въ Италіи—напечататься образцами училелей живописи и надышаться воздухомъ пѣвцовъ Италіи прежде, чѣмъ вступлю въ исправленіе какой либо гражданской должности, или

прежде, чѣмъ изберу какой нибудь родъ жизни.

Матери моей давно уже не было; я шелъ отца своего почти при послѣдномъ вздохѣ: онъ благословилъ меня, передалъ мнѣ 2000 талеровъ и домишко въ наслѣдство, дозволилъ мнѣ постыпить Италію, и далъ мнѣ наставленіе беречь деньги и здоровье.—Отецъ умеръ, и я съ моими деньгами, которыя щипалъ богатствомъ, пошелъ въ Италію, въ страну гармоническихъ звуковъ, въ край *Торквато*, въ опчизну живописи.

Я жилъ долгое время въ Италіи—меня обманывали, проводили, я влюблялся, и привыкъ въпреничать;—наконецъ, эпо было въ Равеннѣ, славной гробницею *Данте*, я прожилъ долѣе; памъ я влюбился въ хорошенькую, толспинькую Италіанку и волочился за нею уже нѣсколько недѣль... «Какой славный Гохгеймеръ!» сказалъ спаричокъ, нюхая вино въ спаканѣ.

—Кой чортъ эпо за Гохгеймеръ, эпо настоящій старый Іоганнихсбергеръ, да сударь, Іоганнихсбергеръ!—Эпо вино такъ осязательно отличаетъ отъ другихъ—и своимъ букетомъ и своимъ ароматомъ, сударь, и своимъ... развѣ я не знаю толку въ винѣ?—

«Мое правило никогда не противурѣчить пѣмъ, у кого пѣемъ,» отвѣтствовалъ спаричокъ: «соглашаюсь съ вами,—и такъ,» продолжалъ онъ: «какой превосходный Гохгеймеръ!»

—А ваша Италіанка?—

«Да, въ свое время она была не хуже подобнаго вина, но все въ свое время!»

«Однако мнѣ Италіанка не поддавалась,—я за нею волочился, издерживался,—наконецъ въ одну прекрасную Италіанскую ночь я зашелъ къ ней.—Она была одна одинѣхонька—и, сказать правду, нѣжнѣе противъ обыкновеннаго; женщины, а особливо Италіанки, бывають нѣжнѣе по ночамъ.—Я осыпалъ её моими поцѣлуями, моими ласками, забросалъ кляпвами вѣрности и любви; она пылала, препешала и, наконецъ, скрылась въ другую комнату, откуда возвратилась, неся въ рукѣ кинжалъ, что-то завернутое въ бумажкѣ, и зеркальцо, чудное зеркальцо,—такое блестящее и разноцвѣтное, но которое, при всемъ

желаніи моемъ, я не могъ разсмотрѣть порядочно, ибо еще не зналъ тогда, для чего пылкая, сумасбродная Ипаліанка вынесла кинжалъ.

— Вотъ, сказала дѣвушка: кинжалъ, ядъ и очарованное зеркало.—Я люблю тебя, вѣрю твоимъ клятвамъ; но клянись еще разъ надъ ними любить меня до могилы; иначе пусть одно изъ сихъ орудій накажетъ клятвопреступника.—

Я такъ любилъ её, что не боялся въ то время произнести роковую клятву, и исполнилъ желаніе дѣвушки; она была весела, любезна—и исполнила за то мое. Мы жили нѣсколько мѣсяцовъ щасливо—пока я не замѣтилъ, что изъ всего моего наслѣдства осталось не болѣе 500 талеровъ. Боязнь лишиться послѣднихъ способовъ къ существованію, и пайное, непобѣдимое желаніе побывать на родинѣ, посмотрѣвъ на свой маленькой психой городокъ или мѣстечко, какъ хопитъ, побродилъ по Богемскимъ горамъ, поговорить языкомъ Нѣмецкимъ—заронилось въ меня и какъ червь грызло мое щастіе; я спанился съ каждымъ днемъ грустнѣе и грустнѣе; при томъ же и спрашивъ молъ къ *Лауреттѣ* дѣлалась менѣе и менѣе пылкою: такъ, что однажды я психонько оставилъ её, взявъ направленіе на Флоренцію небольшими дорогами, тогда—какъ я зналъ, что *Лауретта* имѣла причины искать меня по дорогѣ въ Римъ....

Избѣжавъ кинжала и яда въ Ипаліи, наконецъ я достигъ къ горамъ своимъ, увидѣлъ небольшой свой домикъ въ Адерббахъ, и считавъ наслѣдство, нашелъ не болѣе 450 талеровъ.—Тогда я вздумалъ открыть небольшой трактиръ, и мнѣ удалось предпріятіе; словомъ—въ новомъ сословіи своемъ я былъ бы совершенно спокоенъ, если бы только не проклятая вѣра моя въ очарованіе: я боялся зеркала Ипаліанки, какъ дѣти боялись бакенбардовъ гренадера.

Вотъ, въ часы подобныхъ страховъ, я иногда позволялъ себѣ выпивать нѣсколько спаканчиковъ хорошаго нашего Богемскаго вина, и очарованный Бахусомъ, не боялся уже новаго колдовства.

Время шло, разныя привычки во мнѣ укоренялись; наконецъ, соскучивъ одинокою жизнію, я женился на дочери мельника, двадцатилѣтней доброй дѣвушкѣ, и думалъ зажить припѣваючи.

Но, не такъ случилось! Съ первой же ночи меня начало верпѣшь, какъ вы видѣли; я верпѣлся добрыхъ полчаса, въ то время, какъ моя *Гретхенъ* чуть чуть было отъ страха не рехнулась. Моя *Гретхенъ*, ея родные, мои знакомые, я слышалъ все по спороною, говорили, что пляска моя происходитъ отъ пьянства; а я былъ себѣ на умѣ, чтобы сказать имъ почную причину подобнаго бѣсовскаго навожденія.—Всему причиною было Ипаліанское зеркальцо, не такъ ли?»

—О, безъ сомнѣній,—опычалъ я.—Нѣтъ, я не поѣду въ Ипалію.—

«И хорошо сдѣлаете.... Вотъ я жилъ годъ, два съ женою, хозяйство наше шло хуже и хуже,—сосѣди говорили, что отъ моего пьянства, а я зналъ, что отъ проклятой Ипаліанки, но молчалъ: правъ ли я былъ, мой добрый другъ?»

—Какъ Ипаліанское гражданское Уложеніе....—

«Вотъ однажды....»

—Г. уже поздно, пора спать.—

«Сколько же тебѣ за при бупылки дряннаго кловужо и при бупылки кислаго рейнвейну?»

—Помилуйте, вино перваго разбора-съ... Только-съ 76 рублей.—

Я опдалъ деньги, и мы кое-какъ медленно подвигались по улицамъ—едва, едва освѣщаемымъ изрѣдка оставшимися площадками и пусклыми, погасающими фонарями. Мокрый снѣгъ все еще падалъ большими хлопьями, тепловатый вѣтеръ дулъ съ моря, слякотъ мѣсилась подъ ногами, а старичокъ, ухватясь за воротникъ моей шинели, продолжалъ свой рассказъ.

«Однажды случилось, что меня съ женою выгнали изъ моего собственнаго дома за долги; день я не зналъ, что дѣлать, на другой оставилъ жену и пошелъ на сѣверъ, въ надеждѣ, что на такомъ разстояніи очарованное зеркальцо проклятой Ипаліанки потеряетъ свою силу, или оно усанетъ пре-

слѣдовать меня несчастнаго; жены своей я не взялъ, ибо мнѣ нечѣмъ было её кормить, къ тому же она была такая пискливая баба—Богъ съ нею!

Но я обманулся! и здѣсь въ великой Москвитин...»

—Говори, гусь, въ обширной Россіи, не по я шебля. —

«Я не противорѣчу почтеннымъ людямъ, у которыхъ имѣю удовольствіе быть въ гостяхъ; и такъ, здѣсь въ обширной Россіи и въ славномъ Петербургѣ, очарованіе Италіанки нисколько не уменьшилось; оно по прежнему неумолимо слѣдитъ меня. Вы видѣли мою горькую пляску: вопль, за пляскою мнѣ изображаются всѣ предметы въ какомъ-то дивномъ одушевленіи!—Посмотрите, какъ низко опустилась луна; кажется это фонарь—фонарь, жалкій скептикъ!» вскричалъ старичекъ. . . . «Посмотрите, насъ уже захватываетъ хвостъ той великой кометы, которая произвела всеобщій попомъ; роковая комета возвращается, но идетъ впередъ безконечно великимъ хвостомъ своимъ; это я чувствую по сырости, по влагѣ, которою распворена наша атмосфера. Скоро, очень скоро, воды океана, умноженные водами бездны, возвысятъ уровень свой надъ вашимъ великолѣпнымъ Пепропавловскимъ спицомъ—и вы всѣ погибнете, какъ жили Содома и Гоморры!»

— Да тѣ города провалились, а не попомули!... Вопль какую несетъ дичь, чудакъ;—думалъ я.

Въ то время мы проходили мимо хорошенькой магазиницы, которую я бросилъ уже нѣсколько мѣсяцовъ; слѣдственно, хотя уже давно, но все чувствовалъ какое-то удовольствіе, что не находился въ Италіи.

«И не спасетъ васъ Дудергофская гора, и не спасетъ васъ ничто земное;» продолжалъ онъ комическо-важнымъ голосомъ: какъ рыбы, какъ жалкія, холодныя рыбы, будете вы плавать въ волнахъ океана,—и нѣкогда дивно ученый новый человекъ, найдя окаменѣлый шрупъ настоящаго человека, будетъ стоять въ раздумьи надъ нимъ, и быть можетъ по-

перяетъ умъ, не опгадавъ кому принадлежалъ споль спранный допотопный организмъ: рыбъ ли, скопу ли, пшицъ ли: ему не придетъ въ голову, что видитъ предъ собою шрупъ бывшаго человека...»

Намъ попалась женщина,—она была въ богатой шляпкѣ, въ голубомъ плащѣ, шла такими большими шагами и такъ опкровенно разбранивалась, попому что мы её полкнули нечаянно;—впрочемъ она всегда такая, это её характеръ!

«Спасите меня, праведныя силы!» кричалъ старикъ: «Италіанка, злая колдунья Италіанка!» Онъ крѣпко держалъ меня за руку, и пащилъ съ такою силою мою шинель, что я подумалъ, что онъ хочетъ покрыпъся ею, ибо былъ въ одномъ сертукѣ и нанковыхъ брюкахъ.—Но я зналъ, что дѣвушка не Италіанка, а *Лизка*, или *Лизанька* или *Лиза*, или *Роза*, или *Розетта*, или *Розинька*—я зналъ, что она имѣетъ два имя, можетъ быть она имѣетъ и болѣе именъ.

Но спрэданія несчастнаго были ужасны и заразительны; онъ остановилъ меня возлѣ одного дома, который я поспѣхъ узналъ по цвѣтцу и расположенію окошекъ. Въ этомъ домѣ—только 5 мѣсяцовъ пому, я оставилъ послѣднюю дѣвушку, которую увѣрялъ, что буду любить вѣчно; которая мнѣ повѣрила, и которую я оставилъ чрезъ три мѣсяца. Спранно образовано мое сердце! Я хочу любить каждую женщину на всю жизнь, и не могу любить болѣе 2-хъ мѣсяцовъ: самыя продолжительныя связи мои продолжались не болѣе прехъ мѣсяцовъ; слѣдовательно для *Жоли* сдѣлано было исключеніе; чего же ей болѣе? Однако очень хорошо, что я не въ Италіи.

Старикъ отъ меня не отставалъ; онъ вопилъ, кричалъ, бредилъ Италіанкою; къ намъ подошелъ блюститель ночнаго спокойствія, почтенный, старый, добрый будочникъ—онъ узналъ меня.

—Кто это пристаеетъ къ вашему высокоблагородію?—

«Какой-то проклятой...»

—О сорванецъ, я тебя попчасъ уйму.—

Спарикъ только взглянулъ на будочника— и прежнія идеи его смѣшались и соснавили что-то новое, странное, фантаспическое: будочника въ тулупѣ и съ сѣкирою въ рукѣ, онъ почелъ за великаго чародѣя съ жезломъ, который располагалъ его участію, его судьбою, по мольбамъ невѣрной, непримиримой его непріятельницы; онъ умолялъ его жалиться надъ горькою его жизнію, надъ спрданіемъ цѣлой жизни, уваживъ его раскаяніе; даже онъ спалъ на колѣна предъ будочникомъ, не взирая, что на немъ, какъ я уже сказалъ, были нанковыя брюки... Несчастный! ничто не помогло ему.

—Экой прусъ, вишь какъ умаливаетъ; а все, ваше высокоблагородіе, ничего не разумѣю, что толкуетъ эптовъ заморской пѣпухъ.—

«Не разумѣешь?»—Тутъ только замѣпилъ я, что спарикъ говорилъ со мною во все время по Нѣмецки.

Будочникъ взялъ его подъ руку, повелъ, посадилъ на дрожки—они поѣхали: вы угадываете куда?

Я возвратился домой. Мое воображеніе было воображеніе поэта въ минуты его вдохновенія; я вошелъ въ кабинетъ свой—въ немъ всегда горитъ лампа.—*Гофманъ* лежалъ на столѣ,—я приказалъ принести двѣ свѣчи,—еще двѣ—еще двѣ.—Человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.. я не люблю подобныхъ взглядовъ, прогналъ его, приказалъ ему лечь спать; заперъ дверь свою на ключъ, самъ раздѣлся, чего никогда не дѣлаю, сѣлъ въ кресла и взялъ помъ *Гофмана*. Какою это очаровательный, гениальный писатель!..

Я читалъ, читалъ, —наконецъ я желалъ представить карпину изъ прочитаннаго; кака дивная, неописанная, неподражаемая карпина изобразилась предъ мною! Я смонрѣлъ на эту фантасмагорію съ прищуренными глазами, ибо мнѣ спрашно было смонрѣть на неѣ глазами открытыми.—Представьте себѣ, что соломенный человѣкъ, старичокъ безъ пѣни, тамъ чудакъ безъ зеркальнаго изображенія, тамъ Копъ-Муръ,

и проч. и проч.; всѣ первообразы *Гофмана*, гениальнаго *Гофмана*, плянулись мимо меня, сперва въ какомъ-то граціозномъ Польскомъ, тамъ въ разныхъ вакханическиххъ пляскахъ, тамъ въ накрахмаленной, наплянупой нишпочкою Французской кадрили.... Чудно, какъ было хорошо — я забылся опъ наслажденія!

На другой день поздно упромъ я очнулся,—въ ногахъ моихъ лежало нѣсколько помовъ *Гофмана*, восковыя свѣчи догорали, лампа дымилась: я былъ въ какой-то очарованной, шуманной атмосферѣ.

Нѣтъ, гг., *Гофманъ* первый философъ и поэтъ въ мірѣ! Не вѣрите? — Кто ему не подражаетъ? всякой, кто хочетъ сдѣлать себѣ какое либо литературное имя; всякой пишетъ такъ какъ *Гофманъ*, п. е. я хотѣлъ сказать на манеръ *Гофмана*, ибо можно и каждому порпному шипъ военные мундиры; но хорошо, прекрасно, даже и оригинально шѣтъ ихъ только *Брунетъ*, мой порпной!

И такъ, *Гофманъ* великій мужъ!—Приобрѣтите же его творенія, если вы столь невнимательны къ нему, что до настоящаго времени ихъ не имѣете, и потомъ сохраняйте какъ драгоценность; за тѣмъ всѣ ваши книги, всѣ до одной прикажите сжечь; ибо бесполезно, имѣя оригиналъ, имѣть и списки; извините, я ошибся—прикажите испребить книги, но исключая одну, п. е. ту книгу или журналъ, гдѣ будепъ напечатана настоящая моя спашья.

А. Конгозерскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

3.

«Жду, не дождусь выхода 24-го тома Энциклопедическаго лексикона;» сказалъ мнѣ съ досадою Харипонъ Андреевичъ *Муллинъ*, анпикъ, въ пылы ходячій, роясь въ книгахъ новооткрытаго магазина Ивана Тимофѣевича *Лисенкова*, и нагромоздъ ихъ передъ собою на прилавкѣ цѣлую гору.—Врядъ ли мы съ вами доживѣмъ до эпаго блаженнаго време-

ни, почтеннѣйшій *Харитонъ Андреевичъ* — замѣтилъ я ему смѣючись: вишь вамъ подь семдесятъ, да шестъ лѣтъ еще ждашь оспаешся. Конечно, пріятно и помечташь о такомъ времени, когда, какъ протосердечно изъясняется баронъ *Брамбеусъ*: *Русскіе будутъ въ состояніи понимать его сочиненія* (1). Да чего вы ищете? На что распржевожили эти мершвыя пѣла книгъ, спокойно почивающихъ на полкахъ, какъ на кладбищѣ? — «А вотъ что, милоспивецъ;» шепнулъ онъ мнѣ съ паинственнѣмъ видомъ на ухо, вынимая изъ записной книжки записочку, на которой было слѣдующее: Въ № 7 Телескопа, въ примѣчаніи на страницѣ 393: многіе императоры, въ 1813-мъ году, совѣтовали г. *Ивангину-Писареву*, написавшему довольно *фразистую* надпись на полѣ Бородинскомъ, написать... «Чтобы вы думали?—Эпическую поѣму. — Не понималъ значенія слова: *фразистая*, я бросился въ Россійскую Академію въ одну изъ Субботъ, прежде засѣданія, спалъ подь лѣспицей у параднаго входа, и оспанавливая каждаго члена, нижайше просилъ ихъ объ истолкованіи мнѣ этаго слова. Но всѣ опрелись отъ него, какъ отъ незаконно-рожденнаго. Не удовлетворя своего любопытства, я побѣжалъ сюда—и вотъ искалъ его въ словарь Россійской Академіи, въ словарь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, соч. знаменитѣмъ Польскимъ языко-учителемъ *Линде*: нигдѣ нѣтъ. Вотъ почему желаю дожить до выдачи послѣдней часпи Энциклопедическаго лексикона, тамъ навѣрное найду его.»

Симъ рѣчь свою закончилъ онъ.

За рѣчию его послѣдовалъ поклонъ.

—А я, съ своей спороны, желаю вамъ прожить не шестъ лѣтъ,—сказалъ я ему, пожимая руку: а сто лѣтъ, да двадцать, да маленькихъ пятнадцатъ, нещотны годы! Однако, не думаю, чтобъ слово *фразистая* было помѣщено въ словарь Энциклопедическомъ. Вишь издатели учились Русскому языку по правиламъ.—

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ УЛАНА.

(Подражаніе Французскому).

1.

Звѣзда взошла надъ спаномъ боевымъ,
И заблнспалъ спрунспый покъ Колочи,
И подпершись копьемъ своимъ спальнымъ,
Младой уланъ, шакъ пѣлъ подь мракомъ ночи:

«Лепи въ мой край, зефиръ ночной!
Скажи, что здѣсь, предъ вражьей силой,
Спрегу я пупъ къ Москвѣ родной,
И бьюсь для славы и для милой...»

2.

Враги молчащ—уснули вокругъ огней;
Чтобъ разогнать уныніе ночное,
Уланъ поешъ о родинѣ своей,
Склонящ челомъ на копіе спальное:

«Лепи въ мой край, зефиръ ночной!
Скажи, что здѣсь, предъ вражьей силой,
Спрегу я пупъ къ Москвѣ родной,
И бьюсь для славы и для милой!»

3.

Зажглась заря—и загорѣлся бой;
Бородино открылось роковое:
Но если шакъ ужъ рѣшено судьбой,
Чтобъ пашъ мнѣ пашъ съ шобой, копье спальное:

«Лепи ты все, зефиръ ночной!
Скажи, что здѣсь, предъ вражьей силой,
Берѣгъ я пупъ къ Москвѣ родной,
И пашъ для славы и для милой.»

Эго:

«Милой!...»

О. Глинка.

ENIGME ANNAGRAMMATIQUE.

Pour me former, il faut être en grand nombre,
En rangeant mes six pieds de tout autre façon,
Alors, très-cher lecteur, je soutiens ta maison,
Et jamais je ne sors de ma retraite sombre.

Въ № 83-мъ, помѣщенный омонимъ значилъ: *Быкъ*.

(1) См. въ Библиотекѣ для чтенія статью о выходѣ первой часпи Энциклопедическаго лексикона.

M O D E S.

Le beau temps a reparu, ma chère sœur, de douces exhalaisons se sont fait ressentir, et, comme par un coup de baguette, les vêtements d'hiver sont tombés des épaules qu'ils couvraient, et les robes légères se sont remontrées; tout cela a été l'effet d'un rayon de soleil. Que ne pouvons-nous, ainsi que l'a fait (dit-on) Josué, l'arrêter dans sa course et le fixer près de nous. Vous savez combien j'ai horreur de l'hiver, du ciel gris, de la fumée de charbon de terre, et *cœtera*. Je compte donc les jours avec chagrin et me cramponne aux beaux jours; cependant, tout nous présage leur fin, et le devant des magasins nous crie de faire comme la fourmi, de songer à l'avenir. . . . Je n'ai point encore vu de changement dans la fabrication des étoffes de laine. Les dessins ont diminué de dimension et les *grands ramages* ont passé au second ordre. L'imitation des dessins-cachemires me semble prendre une certaine *consistance*. On voit de jolies cachemiriennes brodée en soie, des foulards de satin à carreaux écossais où le noir domine, d'autres à petits bouquets. Les soieries sont presque toutes brochées, beaucoup le sont à raies. Le noir, le rouge, le blanc et le vert semblent se partager la vogue. Les petits bonnets babilés ont subi une métamorphose étrange et subite; les fonds, qui s'élevaient, il y a quinze jours, se portent maintenant tout à fait plats. Les garnitures très écartées du visage et de gros nœuds de ruban dessous. Ces bonnets se mettent très en arrière. Les robes ouvertes et fermées avec des nœuds semblent avoir pris un pied assez ferme. Les rubans se marient avec des boutons ouvragés ou des ornemens de passementerie.

M O Д Ы.

Хорошее время опять возстановилось, любезная сестра; опять воздухъ опъзывается пріятными испареніями, и какъ будто *мановіеніемъ жезла*, зимнія одежды упали съ плечъ, ихъ собою прикрывавшихъ, и опять показались легкія платья; все это было слѣдствіемъ солнечнаго луча. Для чего не можемъ мы, оспановивъ его въ своемъ печеніи и сдѣлавъ неподвижнымъ надъ нами? Ты знаешь, какое у меня отвращеніе къ зимѣ, сърому небу, дыму опъ земляныхъ угольевъ, и проч. Потому я щипаю дни съ досадою, и наслаждаюсь хорошими; однако, все предвѣщаетъ намъ конецъ ихъ, и выспавки магазиновъ кричатъ намъ, чпобъ дѣлали какъ муравей, и думали о будущемъ. . . . Я не видала еще перемѣны въ выдѣлкѣ шерстяныхъ матерій. Узоры измѣнились въ размѣръ, и *большіе разводы* перешли во *второй разрядъ*. Подражаніе Турецкимъ узорамъ кажется *остепеняется*. Видны красивые кашемиріены, вышитые шелкомъ, апласные фулары съ Шотландскими клѣпками, гдѣ господствуетъ черный цвѣсъ, другіе съ мелкими букетами. Шелковыя матеріи почти всѣ зашканныя, много полосатыхъ. Цвѣта: черный, красный, бѣлый и зелѣный, кажется, въ равномъ употребленіи. Нарядные чепчики подверглись спранному и внезапному превращенію; кройки, высокія за двѣ недѣли шому назадъ, шеперь дѣлаются совсѣмъ плоскія; оборки очень опдалены опъ лица, а подъ низомъ большіе банты; чепчики эти надѣваются весьма назадъ. Опкрышныя платья, схваченныя бантами, кажется, на твердой ногѣ. Ленны соединяются съ разными путовками или съ плешнемъ.

(*Ожоганіе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1836 году. Планъ оспаеня прежній, но естъ: каждую Среду и Субботу будутъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Чрезъ каждыя 9 дней господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣднею почною полученныхъ модъ, модныхъ мебелей, вещицъ, экипажей, платьевъ, шляпокъ, чепцовъ, и пр. и пр. Всѣхъ же картиннокъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы и Славянинъ* съ 1822-го по 1831-ой годъ, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832, 1833, 1834 и 1835 годахъ, ручается почтенной Опечесшвенной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листковъ сей газетны сапирической, крипической, модъ, шепарвовъ и словесности.— С. П. В. 1835, Октября 24 дня.

Издатель, Спашскій Совѣтникъ и кавалеръ А. Воейковъ.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печатать позволяется: 15 Октября 1835 года.—Цензоръ А. Никитенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 85.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 23 дня 1855 года.

Однажды Скрягинъ видѣлъ сонъ,
Что будто пиршество давалъ большое онъ.
Опъ эшаго онъ сна сподъ сильно испугался,
Что могъ насиху вешапъ,
И страшной кляпвой обизался,
Впередъ совсѣмъ не спать.

П. Сулароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. ССЫЛОЧНЫЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ,

или

СОСТОЯНІЕ СТАРАГО И НОВАГО СВѢТА.

Легкомысленные писатели, просподушные философы, ревностные поклонники нынѣшняго просвѣщенія, славыте блистательный вѣкъ нашъ, превозносите похвалами чуда нашей промышленности, и всѣ тѣ усовершенствованія, которыя, распросстраня роскошь, умножаютъ наслажденія высшихъ сословій, и придають цѣлому обществу попъ ложный отблескъ благоденствія и довольства, который обворожаетъ васъ при первомъ взглядѣ;—я не раздѣляю съ вами воспорговъ вашихъ, и не могу радоваться изобилію, когда оно изливается только на одну часть обществва,—промышленности, когда всѣ выгоды ея обращены на пользу одного сословія. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію моему, никогда Англія, опъ одного конца ея до другаго, не представляла такойъ разипельной прошивуположности, какъ нынѣ.—*Изобиліе* — и *нище-*

та, вопъ двѣ крайности, между которыми, какъ между двумя полюсами, обращается всё общество, средняя пропорція не существуетъ — и нѣтъ нигдѣ умѣреннаго состоянія.—Конечно, промышленность доведена у насъ до возможной степени совершенства, но кто пользуется ею? Не именно ли тѣ, для кого она менѣе нужна; между тѣмъ, какъ прочіе классы помяты въ бѣдности, и часто лишены необходимыхъ потребностей жизни? — Запасные магазины наши полны пшеницы и вина, а народъ въ Лондонѣ и провинціяхъ пишается каршофелемъ или умираетъ съ голоду;—вывозъ нашихъ издѣлій доставляетъ намъ горы золота, между тѣмъ, какъ нерѣдко зимою встрѣчаются несчастные не имѣющіе обуви и даже бѣднаго рубища на плечахъ своихъ. Какая прибыль въ томъ, что ежегодно выбываетъ изъ Англіи до 40,000 жителей, если эпо не доставочно для того, чтобы возстановить балансъ между прибавляющимся народонаселеніемъ и средствами къ пропитанію? Если экономисты и филантропы наши при всѣмъ

стараніи своемъ пособить злу, не въ силахъ удерживать его стремленія? Прочтите послѣднее донесеніе Комиссіи, о состояніи жителей Англіи, и вы увидите, что налоги и чрезмѣрныя подати поглощаютъ болѣе двухъ третей изъ доходовъ каждаго, и что есть цѣлыя селенія, гдѣ едва ли не одинъ только священникъ и два или три старшины прихода, не внесены въ общую роспись нищихъ; что многіе обыватели, испощивъ всё имущество свое на пособіе бѣднымъ, впали сами въ тяжкую нищету; что большая часть людей изъ низкаго состоянія промышленлетъ воровствомъ, и что наконецъ безнравственность часть отъ часу, болѣе и болѣе, распространяетъ зловердые корни свои. — Нынѣ уже не въ однихъ городахъ встрѣчаются вамъ толпы несчастныхъ, изнуренныхъ печалью и голодомъ; села и деревни имѣютъ также своихъ живыхъ мертвецовъ, которые, какъ ужасныя привидѣнія, бродятъ по улицамъ — и въ хижинахъ, гдѣ, по словамъ романшиковъ и стихотворцевъ нашихъ, обитаютъ блаженство и пишина, льются горькія слезы отчаянія и раздаются тяжелый стонъ неизъяснимыхъ страданій. Какая надежда остается бѣдному земледѣльцу, не имѣющему средствъ къ пропитанію? — Быть послану на шестъ прихода въ Ботанибей или Гобардъ-Таунъ и положить кости свои въ чужой землѣ. И такъ, вопль благодѣтельныхъ слѣдствій нашего блистательнаго просвѣщенія!

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ случилось мнѣ быть свидѣтелемъ подобнаго бѣдствія въ одной небольшой деревенькѣ, и хотя я не могъ пособить ему, но по крайней мѣрѣ нашелъ способъ по возможности облегчить участь бѣдныхъ жителей, принявъ искреннее участіе въ ихъ положеніи. О, какъ обливалось кровью сердце мое при видѣ страданія ихъ! — Но за то, какъ радостно билось оно, когда доходили до меня слухи, что многіе изъ нихъ нашли въ чужой землѣ пощасіе и довольство, въ которыхъ опказало имъ опеченство, и я намѣренъ сообщить читателямъ моимъ нѣкоторыя опривки драмы, копорой всѣ дѣйствія мнѣ извѣстны. Можетъ быть, простой и неукрашенный рассказъ мой будетъ имѣть силу убѣжденія,

и нѣкоторыя благородныя души, прочтя его, увѣрятя наконецъ, что благодѣніе нынѣшнихъ филантроповъ есть только одно поощреніе праздности, одно пагубное пошворство раждающемуся пороку; что оно заглушаетъ всѣ добрыя наклонности сердца, и раздѣляетъ страждущій классъ жителей, какъ бы на двѣ арміи, вѣчно враждующія другъ противъ друга, потому что милосердія не равно достигаетъ всѣхъ несчастныхъ. Единственное средство помогать имъ съ нѣкоторою пользою, для нихъ самихъ и для правительства есть споспѣшествованіе къ ихъ переселенію; такимъ образомъ выходцы обратятся со временемъ въ полезныхъ поприбрителей, и черезъ нихъ всѣ произведенія ремесленности нашей скорѣе и легче будутъ расходиться внѣ государства.

Путешественникъ, проѣзжая плодоносную и цвѣтущую провинцію Кента, воображаетъ себя въ Объявленной землѣ, не думая, что прекрасная область эта, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются золотистыя нивы, пучныя пажити и богатые виноградники, заключаетъ въ себѣ можетъ быть болѣе истинныхъ бѣдствій, нежели самые города, гдѣ нерѣдко цѣлыя кварталы населены одними нищими. — Селеніе А . . ., одно изъ бѣднѣйшихъ во всемъ графствѣ, имѣло за десять лѣтъ предъ симъ до 2,000 жителей, между которыми считалось до 450 поденщиковъ, и по крайней мѣрѣ 300 земледѣльцовъ. — Содержатели фермъ не знали какъ занять такое множество рукъ, нуждавшихся въ работѣ, и семейства, которыхъ не находили еѣ, оставались на содержаніи прихода; наконецъ умноженіе податей довело до разоренія и пѣхъ, которые помогали бѣднымъ, и теперь вся эта прекрасная деревня представляетъ картину ужасной нищеты и опустошенія.

Въ числѣ благодѣтельныхъ поселянъ, пожертвовавшихъ собственнымъ благосостояніемъ попеченію о ближнихъ, особенно отличался земледѣлецъ *Кастель*, который лишился всего имущества, принужденъ былъ, не смотря на полную жизнь и силъ своихъ, питаться приходскимъ подаваніемъ. Женясь рано, онъ имѣлъ двухъ взрослых дѣтей, копорымъ далъ приличное воспитаніе

и потомъ сыскалъ каждому изъ нихъ выгодное мѣсто. Двадцатилѣтній сынъ его *Франкъ*, принялся въ работники къ плотнику, а дочь *Елена*, которая была прѣмья годами моложе брата, нанялась въ коровницы на сосѣдней мызѣ—и исполняли должность свою съ оптимъною рачительностію.

Терпя нищету и униженіе, *Кастель* упѣшался мыслию, что дѣти его приспроены и не чувствовали недостатка. Проводивъ два года, онъ женился опять, но къ нещастію жена его была неспособна ни къ какой работѣ. Каждый годъ прибывало у нихъ по ребенку—однако-жь дѣти умирали и изъ всѣхъ ихъ выросло только два мальчика, которыхъ онъ такъ избаловалъ, что въ четырнадцать и пятнадцать лѣтъ *Джонъ* и *Яковъ* сдѣлались настоящими негодяями и приводили въ ужасъ весь околосокъ. Наконецъ *Кастель*, вмѣсто благоразумнаго наказанія, выгналъ ихъ изъ дому, объявля всѣмъ сосѣдямъ, что онъ болѣе не намѣренъ отвѣчать за поведеніе сыновей своихъ, и согналъ ихъ со двора, для того, говорилъ онъ, чтобы не терпѣть отъ нихъ безчестія. Тщетно сосѣди уговаривали его одуматься и принять опять дѣтей, представляя, что въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ порокъ могъ еще быть исправленъ, но что оставшись совершенно на своей волѣ, нещастные погибнутъ невозвратно. *Кастель* не слушалъ ничего; бѣдность совершенно измѣнила нравъ его; онъ спалъ угрюмъ, своенравенъ, упрямъ до крайности, и въ сорокъ пять лѣтъ сдѣлался брюзгливымъ, дряхлымъ и неопрятымъ спарикомъ.—Горе имѣло еще болѣе вліянія на жену его, которая, казалось, совершенно лишилась здраваго разсудка. *Кастель*, по крайней мѣрѣ, работалъ по возможности и кое-какъ добывалъ хлѣбъ насущный; а она, предаваясь празности, не занималась ни хозяйствомъ, ни даже присмотромъ за маленькою *Сусанною*, которая осталась одна отъ осьми дочерей ея.

Мѣра, принятая *Кастелемъ* въ разсужденіи сыновей его, вскорѣ оказала ужасныя послѣдствія. Вдругъ пронесся слухъ, что *Яковъ* и *Джонъ* ограбили въ лѣсу двухъ проезжихъ, были пойманы и взяты въ полицію.—Друзья

сообщили эту печальную новость *Кастелю*, но онъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ, что давно ожидалъ этаго; пусть, говорилъ онъ, будутъ негодяи повѣшены: это единственное средство укротить ихъ! Сосѣди въ негодованіи осыпали его укоризнами, и съ великимъ трудомъ принудили итти объявить въ судъ, что пресупники не достигли еще совершеннѣтїа, и попому смертный приговоръ ихъ долженъ быть перемѣненъ на другое наказаніе.

Во время опсупствїа *Кастель* по сему случаю, *Франкъ* и *Елена* возвратились домой, попому что всеобщая бѣдность постигла также и ихъ хозяевъ. Горестію ихъ была написанна при видѣ развалившейся хижины опца ихъ, гдѣ лѣность и нерадѣніе жены его умножали нищету. При встрѣчѣ съ мачихою, которая съ отвращительнымъ спокойствіемъ духа говорила о пресупленіи сыновей своихъ, *Елена* и *Франкъ* поспѣшались оставить родину съ многими другими поселянами, но долго колебались въ выборѣ новой опчизны. Наконецъ, узнавъ по возвращеніи опца, что *Яковъ* и *Джонъ* осуждены на ссылку въ Вандименъ, они положили, чтобы все семейство послѣдовало за изгнанниками. Мы будемъ сморгать за ними, говорили они—и кто знаетъ? можетъ быть Богъ поможетъ намъ исправить ихъ!

Елена взялась поговорить съ опцомъ, а *Франкъ* пошелъ къ пастору, который далъ ему полное свѣдѣніе о Вандименѣ, гдѣ по совѣту его многіе изъ его прихожанъ имѣли уже выгодныя заведенія.—Были бы только средства доухать туда, присокупилъ пасторъ,—а тамъ вы вездѣ найдете хлѣбъ и всякой найметъ васъ съ радостію.

И такъ, пасторъ *Джесонъ* взялся выпросить для *Елены* мѣсто на казенномъ кораблѣ, на который съ охотою принимаютъ молодыхъ дѣвушекъ, попому что въ Вандименѣ болѣе холостыхъ людей, нежели дѣвицъ, и правительство желаетъ населить край эпотъ. Сверхъ того пасторъ обѣщался исходапайствовать, чтобы казна заплатила за перевозъ всего *Кастелева* семейства, и дала ему нужныя пособія для обузавденія.

«Но что говоритъ объ эпомъ опецъ пвой?» спросилъ паспортъ.

—Что онъ боится новыхъ плановъ, господинъ паспортъ, и не желалъ бы впорично обязываться приходу. Но я увѣренъ, что онъ согласится на всё, лишь только бы дѣло было слажено.—

Слухъ о предполагаемомъ переселеніи *Кастелл* скоро распространился по деревнѣ и дошелъ до одного богатаго помѣщика, который очень былъ пѣмъ недоволенъ. Г-нъ *Фелловъ*, непрестанно занимаясь облегченіемъ участи поселянъ, предположилъ завести въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ колонію, въ которую призывалъ всѣхъ земледѣльцовъ, нуждавшихся въ работѣ, и хотѣлъ занять ихъ изсушеніемъ болопъ, расчисткою лѣсовъ и обработываніемъ полей на землѣ своей. Наслышавшись о примѣрномъ трудолюбіи *Франка* и *Елены*, онъ намѣревался помѣстить ихъ у себя и немедленно поѣхалъ къ паспорту, узнать, точно ли они рѣшились опсавить опечество, и не было ли средствъ удержать ихъ.

«Мѣсто на кораблѣ еще не дано;» опвѣчала паспортъ. «Но имя и просьба *Елены* уже записаны.»

—Я надѣюсь, что ей откажутъ, и что я спасу эпихъ несчастныхъ.—

«Опъ чего?» спросилъ паспортъ.

—Опъ бѣдствій, которыми неминуемо подвергаются всѣ выходцы;—опвѣчалъ *Фелловъ*: развѣ легко; думаете вы, опсавить навсегда родину, привычки, своихъ друзей и ѣхать въ другую часть свѣта, гдѣ всё новое, и климатъ, и земля, и люди. Ахъ! г-нъ паспортъ, больно не имѣпъ опчестива!—

«Конечно больно, любезный г-нъ *Фелловъ*, но для *Кастелл* еще больнѣ опсаваться здѣсь: домъ и земля опцовъ ихъ давно въ чужихъ рукахъ; у нихъ нѣпъ приспанища на родинѣ; слѣдовательно, что можетъ привязывать ихъ къ ней?—Бѣдность и несчастія испребили въ сердцахъ ихъ любовь къ опчестиву; и они, покидая его безъ сожалѣнія, ѣдутъ въ землю плодородную, гдѣ пѣ же законы, то же вроисповѣданіе, тотъ же языкъ, какъ и у

насъ, и гдѣ вѣрно найдутъ они спокойствіе и довольство, вмѣсто голода и униженія, которыми они здѣсь претерпѣваютъ.»

—Вопъ эпаго-то я и не думаю, г-нъ паспортъ. Я согласенъ съ вами, что климатъ въ *Вандиментъ* прекрасный, земля плодородна, и средспва къ обогащенію легки и скоры. Но со всѣмъ пѣмъ, сознайтесь однако-жъ, что многіе тамошніе колонисты совершенно раззорились.—

«Знаю; но опъ чего раззорились они? именно, опъ эпой самой легкости обогащались. Земли тамъ такъ дешевы, и такъ мало потребно денегъ на то, чтобы онѣ принесли хорошей доходъ, что всѣ наперерывъ бросаются пуда, но между ими, большая часть не имѣютъ ни нужныхъ познаній о хлѣбопашествѣ, ни способности управлять сельскимъ хозяйствомъ; опъ эпаго, запущенная земля переспаетъ быть плодородною, и спада, о которыхъ не прилагаютъ настоящаго старанія, гибнутъ и наконецъ совершенно переводятся; слѣдовательно, любезный г-нъ *Фелловъ*, вопъ причина, по которой тамошніе земледѣльцы приходятъ въ нищету. Что же касается до *Кастелл*, то имъ нечего бояться подобнаго несчастія, потому что они будутъ работать на чужой землѣ, и у людей, давно уже тамъ поселившихся. Въ ихъ положеніи, перемѣна мѣста необходима.»

—А мнѣ кажется, г-нъ паспортъ, возразилъ *Фелловъ*, что они были бы щасливѣе опсавшись здѣсь, гдѣ можно доставить имъ работу и пропитаніе.—

«Я нимало не сомнѣваюсь, любезный г-нъ *Фелловъ*, что предполагаемое вами заведеніе будетъ совершеннымъ благодѣніемъ для поселянъ нашихъ, но всё таки общее зло, происходящее опъ избытка народонаселенія, опъ того не только не уменьшится, но чрезъ нѣсколько лѣпъ сдѣлается совершенно неизлечимымъ; между пѣмъ, какъ благоразумное споспѣшествованіе переселеніямъ—принесло бы государству чувствительную выгоду, уменьшивъ число жителей, ежегодно умножающееся,—опъ чего возрастаютъ трудности къ пропитанію, и слѣдовательно нищета.»

—Признаюсь,—возразилъ *Фелловъ*: что я вижу большія неудобства къ достиженію цѣли моей; но съ другой стороны, я слишкомъ хорошо видѣлъ всѣ выгоды Голландскихъ колонизацій, и довольно наслышался о бѣдствіяхъ, постигшихъ переселенцовъ нашихъ въ Канадѣ и другихъ колоніяхъ, и не имѣю никакой охоты способствовать переселеніямъ, но пламенно желаю облегчить участь бѣдныхъ сосѣдей своихъ, и доставить имъ хлѣбъ пасущій. —

«У насъ въ приходѣ шестьдесятъ семействъ умираютъ съ голоду, и вы можете попробовать на нихъ систему вашу. — Черезъ нѣсколько лѣтъ вы скажете мнѣ, что произведетъ она.»

—Хорошо, но съ тѣмъ, что и вы извѣстите меня о участи вашихъ переселенцевъ. —

«Ничего не скрою отъ васъ, — а между тѣмъ буду стараться доставить *Кастелямъ* средства къ путешествію. — Я полагаю, что и вы думаете о заготовленіи домовъ для будущихъ вашихъ колонистовъ.»

Участіе, которое принималъ паспортъ въ населеніи Вандимена, происходило наиболѣе отъ того, что онъ былъ въ связи съ многими членами Комиссіи, учрежденной для надзора надъ поселенцами; слѣдовательно ему не трудно было выхлопотать не только всѣ нужныя пособія для *Елены*, но и то, чтобы *Джонъ* и *Яковъ* были посланы въ то же мѣсто, куда отправлялись ихъ родители. — И такъ, казалось, что судьба переспала гнать *Кастелей*, и что съ переменною житейства, настанутъ наконецъ для нихъ лучшіе дни — и прочныя надежды въ будущемъ.

Пришелъ день, въ который *Елена* должна была пуститься въ путь, и *Франкъ* проводилъ её до Лондонской почтовой кареты. Ему тяжело было расставаться съ подругою юности своей; но *Елена* уговаривала его надѣяться и терпѣливо ждать минуты соединенія. «Разлука намъ спрашна,» говорила она: «спомоу, что каждому изъ насъ предстоитъ долгое и трудное путешествіе, — но развѣ мы не увидимся, когда достигнемъ мѣста нашего назначенія? Намъ нечего жалѣть о Европѣ, гдѣ мы ничего и никого не наслаждаемъ.» Въ эту минуту она посмопрѣла въ

последній разъ на колокольную сельской церкви, и на кровли хижины, которыя краснѣлись изъ зароси. — Сердце её было полно, и слѣзы невольно текли по лицу ея; но надобно было ѣхать; она вырвалась изъ объятий брата, и почти безъ памяти бросилась въ карету.

Отъездъ всего семейства былъ еще пыгостнѣе для бѣднаго *Франка*. Въ самую минуту, когда они сѣли въ повозку, старшій *Кастель* вдругъ не захотѣлъ ѣхать, маленькая *Сусанна* начала плакать и кричать, а мать ея оставалась въ совершенномъ бездѣйствіи. — Одинъ изъ поселенцевъ, который не принадлежалъ къ числу выходцовъ, согласился ѣхать вмѣсто *Кастеля* и сѣлъ въ повозку; но лишь только пронулась она съ мѣста, *Кастель* одумался и остановивъ её, просилъ поселенца сойти и пустить его. — Вся дорога до гавани была ужасною пыткой для *Франка*; брюзгливость отца и упрямство, безпрестанныя его жалобы, — нерадѣніе и безчувственность матици — раздирали сердце его и предвѣщали ему тысячи непріятностей во время долгаго ихъ мореплаванія.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

4.

Винавать! сто разъ винавать! Зѣвая отъ усыпительнаго свойства сочиненій, помѣщенныхъ въ скучной Сенплярской книжкѣ Библиотеки для чтенія, я прозѣвалъ превосходную статью *Марлинскаго*: *Очерки Кавказа*. Только никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ Б. для Ч. (1), будто бы — «ново-

(1) Подъ эпитетомъ героическомъ скрывается самъ баронъ *Брамбеусъ*. Это очень явно по ненависти его къ сочинителямъ грамматики и къ тѣмъ, кто слѣдуетъ правиламъ грамматики, синтаксиса, риторики, логики, эстетики, этики. Еще болѣе обличился онъ по гоненію на такъ называемый имъ книжный языкъ, п. е. на попу языкъ, которыми писали *Ломоносовъ*, *Державинъ*, *Карамзинъ*, *Августины*, архіеп. Моск., *Евгеній*, еписк. Тульскій, въ послѣдствіи Казанскій и Тверскій архіепископы; какъ пишутъ теперь *Филаретъ*, М. Московскій, *Евгеній* М. Кіевскій, *Жуковский*, *Марлинскій*, *Крыловъ* (копачи, *Крыловъ* уже не редакторъ Библиотеки для чтенія; теперь редакторомъ

вычеканенное г. *Марлинскимъ* слово: *видопись*, превосходно выражаетъ и искусство пейзажиста и самый пейзажъ, по естѣ, «видъ» природы, какъ *живопись* означаетъ вмѣстѣ искусство, изображающаго кистью «живыя» фигуры, и самую картину съ «живыми» фигурами, потому что Греческое слово *зоография* или *зоографія* собственно относится только къ нимъ.)

Опять виновать! Скорѣе поставлю при восклицательныхъ знака передъ словомъ *видопись!!!* какъ сдѣлали это издатели *Св. Пчелы*, нежели признаю его вполне выражающимъ *Landchaft, paysage*. Русское *видъ* значитъ и видъ раковины, и видъ дерева, и видъ цвѣтка, и видъ животнаго, и сельскій и городской. Если принять, что *видопись* сопоставляется слову *живопись ландшафтная*: то надобно будетъ согласиться, что *живопись* выражаетъ искусство рисовать красками живыхъ существъ: птицъ, коней, львовъ, бабочекъ. Для полнаго же означенія идеи, заключающейся въ иностранныхъ *Landchaft, paysage*, надобно бы въ одномъ словѣ соединить идеи трехъ Русскихъ словъ: *живопись сельскихъ видовъ*. Мы предоставляемъ эту честь Библиотекѣ для чтенія, которая роскошно сидя на *трубѣ кипящаго саловара*, повертываясь на *колу*, или сладострастно полоскалась въ *воюющихъ помоллахъ Цареградскихъ* грязныхъ улицъ, имѣетъ на это и болѣе досуга, и болѣе таланта, и болѣе смѣливости.

А. Кораблинскій.

30-е Сентября,

1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВОРНИКЪ и СОБАКА.

(Басня).

Кого однажды хоть проучишь,
Того ужъ въ цѣлый вѣкъ къ себѣ ты не залучишь.

*

нѣждо г. *Корни*), *Пушкинъ*, *Д. В. Давыдовъ*, генералъ *Скобелевъ*, *А. С. Шишковъ*, *С. С. Уваровъ*, *А. Н. Оленинъ*, *Д. И. Языковъ*, *В. И. Григоровичъ*, *Грегъ*, *Булгаринъ*, *Шевыревъ*, *Погодинъ*, *И. И. Давыдовъ*, *Андроловъ*, *Устреловъ*, и пр. и пр. и пр.—*К.*

Собаку дворникъ приискалъ,
Её погладилъ, приласкалъ,
И потчасъ цѣпь на шею.
А какъ къ рукамъ её прибралъ,
То полно ласково онъ обходился съ нею;
Когда молчишь Барбось, —
То хлѣба пѣшь ему подъ носъ;
Когда же лишній разъ пролаешь, —
То Дворникъ палкою собаку унимаетъ.
Такъ года два она на привязи была;

Но какъ-то вдругъ ремень оборвала,
И вокругъ двора спокойно бродишь;
Её увидѣвъ Дворникъ шутъ,
Рѣчь съ нею ласково заводишь,
(А самъ цѣпь за спину припряталъ . . . экой плутъ):
«Поди Барбосушко: поди ко мнѣ ты въ гости!»
Указываешь ей, межъ тѣмъ, на хлѣбъ, на коспи.
«Послушай: онъ меня куда ты ни пойдешь,
Ни гдѣ приюснаго мѣстечка не найдешь,
Онъ спужи, съ голоду зачахнешъ и умрешь.
У насъ же для тебя не будка—а палаты!

И подъ носомъ коспей коспери.»
—Всекакъ! прервалъ Барбось: дакожу мнѣ прошеръ
Ошейникъ швой проклятый! —
«Забудь о прошломъ ты;
Привязывалъ тебя я право съ простоты;
Теперь пойдешь совѣтъ другое;
Паёкъ тебѣ дамъ больше вдвое
И при большихъ пука
Соломы поспедю дружечку подъ бока;
И ты на ней какъ вздумалъ ляжешь.
Поди голубчикъ на покой!
—Спасибо,—былъ ошѣпъ: слуга покорный швой!
Пошелъ бы, да боюсь, опять меня привяжешь!

Е. Аллановъ.

А Н А Г Р А М М А.

Я деньги въ печь бросаю,
Деревни продаю,
Въ залогъ всё вещи отдаю,
Переверни меня! Плоды ума собираю,
Въ листахъ своихъ храню
Открытія, изобрѣшенія

И геніевъ произведенья,
И рядомъ съ братьями на полкѣ я спою.

Въ No 84-мъ, помѣщенная анаграмма-загадка значить:
Troupe, route.

К Р И Т И К А.

Сцены изъ Петербургской жизни.
Сог. В. В. В. Часть I. С. П. Б.—Въ Тип. Греча,
1835 г. въ 8 д. 139 стр. ц. 4 р. (*).

Иванъ Тимофеевичъ *Лисенковъ*, бывший комиссіонеръ *Глазунова*, вздумалъ, и очень умно, сдѣлаться книгопродавцемъ, да и какимъ? — книгопродавцемъ-издателемъ!—Для обновленія своего хорошенкаго, прехорошенькаго, красивенькаго, прекрасивенькаго магазина, онъ издалъ хорошенкую, прехорошенькую, красивенькую, прекрасивенькую, легенькую, прелегенькую книжку, которой заглавіе написано нами въ этой статьѣ. И прекрасно сдѣлалъ Иванъ Тимофеевичъ *Лисенковъ*, дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать: книжку г. *В. В. В.*, изданную, могу сказать съ большимъ вкусомъ, читають даже дамы, и дамы очень хорошаго тона, дамы, не проспья, такъ, какія нибудь: не *Салли*, не *Ду ду*, а дамы знатныя, дамы вскормленныя *Бальзакомъ* и *Зандомъ*.

Языкъ чистый, гладкій, плавный, нѣжный въ эпихъ прехъ Петербургскихъ сценахъ, которыми, однако, надобно сказать правду, были напечатаны прежде въ Сынѣ Опеченства 1834 года, и ничто иное, какъ очень милыя передѣлки съ Французскаго, но передѣлки споль удачныя, споль ловкія, что, прочитавши ихъ въ подлинникъ, читають ихъ съ удовольствіемъ и въ эпомъ полупереводѣ: воптъ мощъ паланша. Напримѣръ, вы вѣрно читали въ Ремоновомъ Даниилѣ Гранильщикѣ прекрасную повѣсть: *La Complainte*, — *Должикъ на Литейной* одно и

поже, и пакъ далѣ: *Младенецъ преступникъ*, и *Красавица на ватъ*, похождение одного селадона (представленнаго здѣсь чиновникомъ потому, что чиновники необходимая принадлежность всякой современной Русской повѣсти, всякаго романа), который за проводы чужой жены долженъ вынести мщеніе раздраженнаго супруга, заставившаго бѣднаго разыграть почти ту же сцену, какую *Юрій Милославскій Загоскина* заставляють дерзкаго поляка *Копыгинскаго* разыгрывать съ гусемъ; здѣсь же это самое производится съ чистою Невскою водою, даже можетъ быть и фильпрованною. Бѣдный, бѣдный *Николай Андреевичъ* (пакъ зовуть чиновника-селадона): онъ нагрузилъ себя водою, и еще добро бы, если бъ нашель въ преслѣдуемой имъ красавицѣ что нибудь апетитное, анъ нѣтъ! это была *красавица на ватъ*, потому что какъ только для удобнѣйшаго знакомства съ чиновникомъ она сняла капотъ и шляпку: по всѣ пышныя ея прелести исчезли, а вмѣсто ихъ онъ увидѣлъ какую-то очень ледящую и некрасивую чиновницу. Воптъ что значить быть близорукимъ!— Съ тѣхъ поръ *Николай Андреевичъ* не можетъ равнодушно видѣть ваты, и не заглядывается на прелестныя, пышныя пали, встрѣчающіяся на Невскомъ проспектѣ.—Общанъ второй томъ, который, надѣмся, будетъ сполько же милъ, какъ первый, и въ которомъ г-нъ *В. В. В.* вѣроятно выставилъ *Свиную головку*, (см. С. О. 1834 года) и окончилъ свою *Графиню Поэта* (см. 1-й No С. О. на 1835 г.), потому что, хотя шутъ и подписался *Викторъ Струйскій*, но это одно и тоже, что и *В. В. В.* и *Р. М.* въ Сѣверной Пчелѣ, да и самъ издатель, объявляя нѣкогда, п. е. въ началѣ нынѣшняго года въ С. Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ объ эпихъ *Сценахъ изъ Петербургской жизни*, рѣшительно напечаталъ въ своемъ объявленіи имя *Виктора Струйскаго*: ergo, это взаимное совпаденіе, какъ бы сказалъ какой нибудь подражатель *Н. А. Полеваго*. Прежде, нежели кончимъ спать, скажемъ откровенно, безъ обиняковъ, что передѣлки г. *В. В. В.*, или *Струйскаго*, или *Р. М.*, несравненно лучше и приятнѣе для чтенія передѣлокъ барона

(*) Въ предѣстномъ и пещномъ вновь открытомъ магазинѣ Ивана Тимофеевича *Лисенкова*, пропивъ Зеркальной линіи въ домѣ Пажескаго корпуса. Магазинъ эпотъ съ опличнымъ, съ Европейскимъ вкусомъ опдѣланъ, и въ немъ какъ-то особенно весело покупать и читать покупаемыя книги. Хозяинъ вѣжливъ, услужливъ и расторопенъ.— *Н. И.*

Бралибеуса, который дастъ кому нибудь перевести la Comédie du Diable *Бальзака*, опривки изъ *Стерновихъ* путешествій, и Пантагрюэля *Рабле*, — попомъ собственную рукою набросаемъ пуда грязи, и прочихъ нѣжностей, своей, единственной на Руси у насъ, фабрикаціи: такимъ образомъ составленъ *Большой выходъ Сатаны*, *Фантастическія путешествія* и *Повѣсти*, переведенныя изъ одного Англійскаго журнала, въ которомъ Богъ привелъ меня ихъ прочесть. — Но обратимся къ издателю *Сценъ*, составленныхъ г-мъ *В. В. В.* Онъ дебютировалъ хорошо и въ наружномъ отношеніи: изданіе прелестное! — Нельзя не пожелать, чтобы онъ почаще издавалъ свои занимательныя и завлекательныя повѣсти, хотя сначала для легкаго чтенія,

Никаноръ Иволгинъ.

M O D E S.

J'ai vu de jolies pélerines découpées à dents de loup. A la pointe de chaque dent était placé un petit gland : c'était d'un très joli effet. Les boucles d'or, qui semblaient vouloir se faire oublier, se rencontrent depuis quelque temps. Il est à présumer qu'on les reportera cet hiver avec les robes non habillées. Les rubans flottans seraient fort incommodes dans la rue, surtout pour les pauvres femmes qui vont à pied. Avez-vous jamais, ma chère sœur, vu quelque chose de *plus affligeant* qu'une femme en hiver, à pied dans la rue, par un jour de pluie et de vent, tenant un parapluie, relevant sa robe, dans le moment où son socque se détache? Cela a été toujours pour moi un spectacle de désolation, et si j'étais *gouvernement*, je voudrais que toutes les femmes de ma capitale surtout, eussent une voiture. Ce serait une bien petite contribution à lever; on prendrait cela sur les menus-plaisirs des vieux garçons que je voudrais punir pour leur apprendre à avoir eu le bon esprit de ne se pas marier; et de s'être fait un sort plus heureux que celui des autres. En vérité, chère sœur, si vos vieilles *Ladies* voyaient ce paragraphe de ma lettre, elles di-

raient que le séjour de France m'a bien corrompue; cependant je suis une *honnête créature* qui admire les *éroux*, comme on admirait les martyrs sous Justinien, mais qui félicite les célibataires!... Sur ce, je me couvre la tête de cendre en pénitence de mes *mauvais principes*, et vous embrasse, *quand même!* — *Sarah.*

Pl. No 30. Coiffure ornée de rubans. — Robe ouverte en mousseline cachemire et robe en mousseline brodée et garnie de tulle.

М О Д Ы.

Я видѣла красивыя пелеринки, вырѣзанныя оспрыми зубцами. На каждомъ мыскѣ былъ маленькій желудъ: это весьма красиво. Золотыя прѣжки, совсѣмъ казалось забытыя, показываются опять съ нѣкотораго времени. Надо полагать, что ихъ будутъ носить нынѣшней зимою не съ нарядными платьями. Развѣвающіяся ленты весьма неудобны на улицахъ, особливо для бѣдныхъ женщинъ, ходящихъ пѣшкомъ. Видѣла ли ты когда нибудь, милая сестра, что *малыя* женщины зимою пѣшкомъ на улицѣ, въ дождливый и вѣпреный день, держащей зонтикъ, поднимающей платье, между пѣть, какъ развязывается ея деревянный башмакъ? Для меня это было всегда самое печальное зрѣлище, и если бы я была *правительство*, я бы хотѣла, чтобы всѣ женщины, особенно въ моей столицѣ, имѣли экипажъ. Ну, жло бы только брать небольшую конпрібуцію; старые холостяки могли бы удѣлять на это ость своихъ мелочныхъ расходовъ, которыхъ я бы наказала, чтобы дашь имъ понять чрезъ то, какъ они хорошо сдѣлали, что не женились, и составили себѣ учась, щастливѣйшую передъ другими. Право, милая сестра, если бы ваши пожилыя *леди* увидѣли этошь параграфъ моего письма, то сказали бы, что здѣшняя жизнь меня весьма развратила, однако я *честное твореніе*, удивляющееся супругамъ, но поздравляющее холостяковъ!... Въ слѣдствіе чего, посылаю голову пепломъ въ наказаніе за мои *дурныя правила*, и все таки себя цѣлую. — *Sara.*

Карп. No 30. Прическа съ лентами. — Открытое платье изъ кашемировой киски и платье изъ вышитой киски, съ шоловой оборкой.

№ 30^я Номер. Труд. въ Р. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 86.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Октября 26 дня 1855 года.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто въ время соарѣлъ,
Кто поспешно жизни хололъ
Съ лѣтами вытерпѣшь умѣлъ.

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ССЫЛОЧНЫЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Продолженіе).

Отправленіе *Джона* и *Якова* происходило совсѣмъ другимъ образомъ; — ссылочные въ великомъ множествѣ привезены были въ Нью-гавъ, гдѣ положено было остановиться на нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ въ спѣнахъ обширной пюрмы не переспавали раздаваться радостные крики и взаимныя поздравленія. Воспорги эти происходили отъ того, что имъ насаждали большія чудеса о *Вандиментѣ*, и что они ѣхали туда на щепѣ правительствъ.

«Кто изъ васъ помнитъ *Елисавету Тюрнеръ*,» кричалъ *Гринъ*, «эту проворную женщину, которая съ великою распорочностію очистила одну лавку отъ поваровъ, не заплачивъ за нихъ денегъ, и была за это сослана на островъ *Вандиментъ*?» — Какъ не помнить? отвѣчали ему: она была изъ *Гревилевой* шайкы. Ну что-жь? — «А вопъ что! Эта *Елисавета Тюрнеръ* вышла за мужъ, оспа-

вивъ прежняго мужа въ Англію; нажила себѣ множество денегъ, купила прекрасный домъ, и вы встрѣтите её на улицахъ въ богатой каретѣ съ двумя превеликими лакеями на запяпкахъ. Она богата, живетъ съ новымъ мужемъ своимъ какъ горлянка, а спарому ежегодно посылаетъ порядочную сумму денегъ за то, что онъ женился, и пѣмъ избавилъ её отъ хлопотъ. — Вопъ еще *Яковъ Ловъ*, который поѣхалъ такимъ нищимъ, что вы не дали бы копѣйки за весь скарбъ его, а теперь такъ хорошо устроилъ дѣла свои, что нажилъ, говорятъ, миллионы — и въ тридцать лѣтъ отъ роду едва ли не богаче какого нибудь шестидесятилѣтняго *Лондонскаго* банкира.

Разказы продолжались до тѣхъ поръ, пока объявили о пріѣздѣ повозокъ; при этой вѣсти общая радость умножилась, и осужденные съ шумомъ и пѣснями вышли изъ темницы; нѣкоторые однако-жь казались пронупыми, и между ими были несчастные, которыхъ глаза блистали слезами, когда они встрѣчали въ толпѣ зрителей блѣд-

ную, изнуренную горестію женщину — или когда руки ихъ въ послѣдній разъ въ здѣшнемъ мірѣ сжимали руку милого существа; но вообще сцены чувствительности были рѣдки, и продолжались недолго, потому что надежда на будущія богатства утѣшала даже самыхъ печальныхъ.

Елена первая изъ семейства своего достигла *Гобартъ-Тауна*, куда черезъ двѣ недѣли пріѣхали и другіе. Черезъ нѣсколько времени *Елена*, которая на корабль заслужила всеобщую похвалу скромностію своею и трудолюбіемъ, нанялась въ коровницы къ одному богатому колонисту, и уѣхала изъ города. *Франкъ* принялся шуда же, а отецъ съ женою нашли мѣсто на сосѣдней мызѣ. Слѣдовательно, всё семейство поселилось не болѣе, какъ на мило разстояніи, другъ отъ друга. Но о *Яковѣ* и *Джонѣ* не было никакого извѣстія.

Кастель, не смотря на свою угрюмость, не могъ не удивляться *Гобартъ-Тауну*; ему не нравилось только то, что въ немъ было мало лавокъ, и улицы чрезвычайно широки. — Наступилъ Май и началась зима, но деревья не лишались зелени своей, и *Франкъ* съ удивленіемъ слышалъ, что въ эпоху чудной споронѣ солнце при четверти года не сходитъ съ горизонта, и день продолжается цѣлые шесть мѣсяцовъ; но воздухъ чистъ, сухъ, погода всегда постоянна, безъ чрезвычайныхъ жаровъ и несносной спужи; болѣзни почти совсѣмъ неизвѣстны, и наконецъ, что намъ совсѣмъ не рѣдкость видѣть спариковъ во сто лѣтъ, еще бодрыхъ и здоровыхъ. *Кастель* никакъ не могъ привыкнуть къ странной противоположности эпохъ природы съ Европейскою — и почти ужаснулся въ душѣ своей, когда ему сказали, что въ праздникъ Рождества бываетъ въ *Вандиментѣ* такъ жарко, какъ лѣпомъ въ Англіи.

Франкъ, напропивъ пого, любовался красивою города, гдѣ, кромѣ казеннаго строенія, щитаются болѣе 800 красивыхъ домовъ, окруженныхъ садами; прямыми улицами, выпянутыми по линіи; прекрасными видами по берегу Дервента, великолѣпнымъ морскимъ арсеналомъ, живописными мельницами,

разбѣянными по холмамъ и обширными лугами, которые кажется соединяются съ горизонтомъ, между тѣмъ какъ съ западу, высокія горы, покрытыя лѣсомъ, защищаютъ городъ отъ холодныхъ вѣтровъ.

Все это совершенно противорѣчило тому, что старый *Кастель* полагалъ найти въ *Вандиментѣ*. Онъ воображалъ видѣть дикую, бесплодную землю, покрытую непроходимыми лѣсами; но глаза его встрѣчали повсюду зелѣные холмы, плодоносныя и обработанныя поля, голубое небо, благораспоряженный воздухъ и всеобщее довольство, миръ и тишину. Сначала онъ жалѣлъ, что долженъ былъ идти въ пастухи, чтобы пасти, говорилъ онъ, пощихъ овецъ, въ голой пустынѣ; но когда увидѣлъ красоту многочисленныхъ стадъ, изобиліе луговъ: тогда невольно долженъ былъ сознаться, что жизнь его не такъ дурна, какъ онъ воображалъ себя. — *Марья*, жена *Кастеля*, опредѣлилась въ работницы, на одной мызѣ съ мужемъ своимъ, и получала, также какъ и онъ, хорошую плату.

Дорогою въ *Дери-Пленъ*, округъ, гдѣ надлежало жить имъ, выходцы наши увидѣли лучшую часть острова, который по справедливости можетъ назваться земнымъ раемъ или цвѣтущимъ садомъ полярныхъ земель. Пространство между *Гобартъ-Тауномъ* и *Лаустономъ* покрыто лѣсистыми холмами, красивыми деревенками и множествомъ опдѣльныхъ мызъ. Чистые, какъ кристалъ, потоки орошаютъ мягкіе луга, между которыхъ идетъ дорога въ *Макъ-Адамъ*, проведенная для удобности торговли и сообщеній.

Франкъ сравнивалъ всё видѣнное имъ съ Англіею, и наслаждался новостію предметовъ. Чайное дерево цвѣло въ садахъ; мирры и гераніумъ возвышались надъ головою его — или составляли густые кустарники; попугаи, которыхъ на этомъ островѣ столько же, какъ въ Европѣ воробьевъ, и множество другихъ рѣдкихъ или неизвѣстныхъ у насъ птицъ, качались на развѣсистыхъ вѣтвяхъ. *Франкъ* смотрѣлъ и удивлялся; но если природа изумляла его, то все, напропивъ, чего коснулась только рука человѣческая, было

ему совершенно знакомо—и напоминало опечесиво.

Зрѣлище совершенно другаго рода представилось *Кастелльмъ* на другой день путешествія ихъ. Толпы работниковъ мостили дорогу. Они не имѣли передъ собою, какъ въ Англіи, кучи каменьевъ, чтобы разбивать ихъ по произволу и надобности; не смѣлись и не шутили на щепъ проѣзжихъ; нѣтъ! — они были скованы, размѣщены по опредѣленіямъ и работали каждый на назначенномъ ему мѣстѣ—подъ надзоромъ вооруженныхъ солдатъ! Спугъ повозки заспавилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оборотиться, и *Франкъ* съ ужаснымъ спѣсненіемъ сердца увидѣлъ меньшихъ братьевъ. Въ ту же минуту жалобы *Кастелла* на холодъ, прясность шельги, и на другія неудобности, доказали ему, что несчастный отецъ узналъ сыновей своихъ между невольниками, но шашъ скорбь души подъ видомъ брюзгливости. Бѣдная мать, какъ бы пробужденная горестію опъ долгаго своего безчувствія, высунулась изъ повозки и смотрѣла на дѣтей до тѣхъ поръ, пока они скрылись опъ глазъ ея.

Джонъ, узнавъ родителей, принялся попчасъ опять за работу и не поднималъ головы, пока повозка не исчезла совершенно на поворотѣ дороги. Но *Яковъ* бросилъ на воздухъ шапку, кликалъ путешественниковъ, поздравлялъ ихъ съ пріѣздомъ, и предлагалъ *Франку* биться съ нимъ объ закладъ, о томъ, кто изъ нихъ скорѣе избавится опъ неволи; такое безстыдство и наглость порока, въ юныхъ лѣтахъ, раздирали душу добраго *Франка*; между тѣмъ отецъ его безпрестанно ропталъ, говоря, что онъ принудилъ его идти въ невольники со всѣмъ семействомъ, и жить на краю свѣта; и *Франкъ* истощалъ краснорѣчіе свое, чтобы доказать старику, что тамъ нѣтъ неволи, гдѣ между двумя лицами заключается взаимное условіе, по которому одно изъ нихъ обязывается работать на другаго извѣстное время и за извѣстную плату; — между тѣмъ, какъ опъ спороны оспаются вправѣ уничтожить обязательство, если не увидятъ опъ него ожидаемой ими пользы.

Наконецъ извощикъ объявилъ *Кастелльмъ*, что они достигли мызы г-на *Степльтона*, къ которому опредѣлились *Франкъ* и *Елена*,— и видъ новаго жилища его пробудилъ въ душѣ молодаго человека давно уснувшія надежды на будущее. Мыза была еще мало обстроена, потому что г-нъ *Степльтонъ* поселился на ней недавно; но она лежала въ прекрасной долинѣ, по которой протекалъ быстрый потокъ, и общала пріятную и успѣшную работу. Спада, вывезенныя изъ Англіи, въ ожиданіи скопнаго двора, были покамѣспъ въ выстроеномъ наскоро клеу, и господскій домъ казался вѣпхимъ; но *Франкъ*, какъ плотникъ, зналъ, что главное дѣло его будетъ состоять въ надзорѣ за постройками, и заранѣе осматривалъ близъ лежащій лѣсъ, видя съ удовольствіемъ, что ему близко и легко будетъ доставать материалы.— Скоро пришелъ хозяинъ, облакалъ *Франка*, дозволилъ ему проводить родителей къ ихъ господину и объявилъ, что съ завтрашняго дня онъ намѣревался начать работу на землѣ своей.

Елена бросилась въ объятія брата и отца — она была весела, здорова и довольна своимъ состояніемъ. — Ты не знаешь еще, *Франкъ*,— сказала она: какіе мы здѣсь съ тобою важные люди. Ты не станешь снимать шляпы и низко кланяться, чтобы просить работы, а тебѣ поклонятся, чтобы ты только взялъ еѣ.

«О, я знаю, что мнѣ не будетъ въ ней недосыпка;» отвѣчалъ *Франкъ*: «только бы исправно плашили! Скажи, сестра, каково тебѣ жить въ этой чудной споронѣ, гдѣ все не такъ, какъ у насъ?»

— Правду тебѣ сказать, мнѣ здѣсь многое не по сердцу, и часто бываетъ грустно, хотя жаловаться не на что: кормятъ хорошо, работа не тяжкая, хозяйка добра и ласкова, припомъ вы все здѣсь. . . —

«Такъ о чемъ же грустить, сестра?»

— Конечно не о чемъ бы . . . да вопъ что! . . . у меня есть помощница, которая вѣспъ . . . мною и спитъ въ моей горницѣ — она изъ ссылочныхъ,— понимаешь? . . . еѣ сослали сюда

за то, что она бесчестно обокрала спарую госпожу свою, которая души въ ней не знала.—О брагнецъ! мнѣ тяжело жить съ нею!.. Впрочемъ, эта дѣвка ужъ выслужила годы свои и, говорящъ, идетъ за мужъ.— Тупъ *Елена* покраснѣлась и призналась *Франку*, что и у неѣ есть женихъ, который скоро будетъ свободенъ и возьметъ еѣ за себя.

Франкъ удивился, и спросилъ сестру: кого успѣла она полюбить въ такое короткое время?

— Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, — отвѣчала *Елена*: многіе молодые люди увиваются вокругъ меня; кто носитъ за мною горшки съ молокомъ, кто училъ чесать шерсть, кто шведилъ, что у него есть свой домъ и недогадетъ только хозяйки.—Я слушаю и молчу—потому что они всѣ ссылочные, и я не пойду ни за кого изъ нихъ; одинъ *Генрихъ Муръ* не ссылочный, я въ томъ увѣрена, только не знаю отъ чего, боюсь спросить о немъ у хозяйки....—

«Спроси, спроси скорѣе;» прервалъ *Франкъ*: «однако почему тебѣ кажется, что этотъ *Генрихъ Муръ* не ссылочный?»

— Ахъ, брагнецъ! куда ты недоувѣрчивъ! Если-бъ ты зналъ *Генриха*, ты бы этого не спросилъ у меня; вся мѣза имъ не навалится; онъ такой добрый, такой спешенный, такой порядочный,—что я....—

Тупъ подъѣхала повозка—и *Франкъ*, обнявъ сестру, распался съ нею до завтраго.

Проводя родителей, *Франкъ* воропился къ господину *Степльтону*, гдѣ скоро занялся своимъ дѣломъ; но часто навѣдывался объ опцѣ своемъ, и къ большому прискорбію видѣлъ, что спарикъ трудно еще привыкалъ къ новому своему сословію. По многочисленности спада, ему данъ былъ поваричъ изъ ссылочныхъ—и это казалось обиднымъ честному *Кастелю*.—Въ самомъ дѣлѣ, человекъ этотъ былъ отъявленный мошенникъ, который, проигравъ всё имѣніе, былъ пойманъ въ пратиръ за плутовство, приговоренъ къ ссылкѣ, и, по неспособности своей къ работѣ, назначенъ въ паспухи; надобно признасться, что мирное званіе это

совсѣмъ не согласовалось съ буйными его склонностями, и потому онъ безпреспанно жаловался на несносную жизнь свою, и *Кастель*, не смотря на отвращеніе его къ преспуннику, совершенно съ нимъ соглашался.

«И это называютъ прекраснымъ краемъ!» говорилъ молодой человекъ, посмапривая во кругъ себя.... «Да чортъ ли въ немъ! я отбилъ ноги бѣгая за спадомъ по этимъ горамъ, которые порчатъ какъ спѣны.»

—Я также думаю, что здѣсь ничего нѣтъ хорошаго,—возразилъ спарикъ: и мнѣ часто приходилъ въ голову, на землѣ ли мы. Всѣ здѣсь такъ спранно.... такъ всё навыворотъ, что ужасъ беретъ.—Въ селѣ нѣтъ ни замка, ни церковной колокольни, ни лужайки, гдѣ бы играли школьники, ни парку.—

«Ни охотниковъ! Я не видалъ еще ни одного въ здѣшнихъ лѣсахъ. Пусть дадутъ мнѣ ружье и волю,—я набью сполько здѣшнихъ звѣрковъ, что подарю изъ нихъ шубу пвоей хорошенькой *Сусаннѣ*.»

Кастель взглянулъ на него съ презрѣніемъ; ему оскорбительно было слышать, что ссылочный осмѣливался думать о его дочери.

Марья, жена *Кастеля*, оставила лѣность свою и неряшество, и сдѣлалась вдругъ прилежною работницею. Главною причиною этой удивительной переменъ было то, что хозяйка, видя неспособность ея, рѣшилась заставить работать за неѣ дочь ея *Сусанну*, которая была проворная и усердная дѣвушка, и прудолюбіемъ своимъ снискала любовь хозяйки и всего дома. Мать жалѣя еѣ, принялась помогать ей, и скорѣ заслужила общую похвалу, какъ за дочь свою, такъ и за собственное прилежаніе къ работѣ.

Въ щастливые годы жизни своей *Марья* опмѣнно любила садоводство и имѣла маленькую садикъ; въ послѣдствіи времени, когда домъ ихъ былъ проданъ, и мужъ еѣ бралъ на аренду чужія поля, она всегда выпрашивала себѣ лоскутокъ земли, гдѣ сажала цвѣты и клубнику; когда же бѣдность со всѣми ужасами своими постигла *Кастеля*—тогда несчастная женщина впала въ сильную ипохондрію, и никто уже не слышалъ

опъ неё ни слова о цвѣпахъ или фруктахъ. По прїездѣ на островъ, *Елена* сказала мачихѣ, что у г-на *Степлтона* былъ прекрасный цвѣтникъ и фруктовый садъ, и совѣтовала ей завести свои цвѣпы и ягоды. «Сахаръ здѣсь дешево; мапушка,» говорила она: «мы съ вами можемъ варить варенья, сушить плоды, и всё это посылать въ Индію на корабляхъ, которые пристають въ Лаустонъ.»

Наконецъ желаніе *Елены* исполнилось. Семейство сдѣлало складчину, и купило на неѣ маленькій уголокъ земли, который *Франкъ* обрабатывалъ. Онъ посадилъ тамъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, *Елена* выпросила у господи опводковъ и цвѣпочныхъ семянъ и — садикъ развелся по маленьку. *Марья* работала въ немъ во всѣ свободные часы свои, продавала ягоды, варила варенья, и выручала отъ того порядочныя деньги. Самъ *Кастель* переспалъ наконецъ рошпашъ, и съ улыбкою прохаживался между грядками. — Обладать маленькою собственностію — было для него неожиданное и почти невѣроятное щастіе. — Но *Франкъ* и *Елена* безпокоились о брашьяхъ.

— Знаешь ли, — сказала однажды дѣвушка: что я почти каждый вечеръ вижу *Якова* на заднемъ дворѣ; а сегодня поуспру, когда еще всѣ спали, я встрѣтила его у клева. —

«Онъ былъ одинъ?» спросилъ *Франкъ*.

— Не знаю; только *Джона* съ нимъ не видашь; казалось, что онъ какъ будто поджидаль кого-то; я хотѣла подойти къ нему, но мнѣ попались на встрѣчу два молодыхъ работника, при которыхъ я не хотѣла показаться, что его знаю. — Скажи, *Франкъ*, какъ это его пускаютъ ходить по волю? —

«Спранно!» сказалъ *Франкъ*. . . «Я боюсь опять какой нибудь бѣды. — Что онъ ходитъ по волю — это меня не пугаетъ, потому что имъ позволяется выходить, когда они хорошо ведутъ себя. . . Но о чемъ онъ разговариваетъ съ нашими работниками, которые всѣ почти изъ ссылочныхъ, и прячется — лишь только завидитъ меня изъ дали? — О! пусть быль бѣда, *Елена!*»

— Ахъ, что ты говоришь, *Франкъ!* — закричала *Елена* съ ужасомъ.

«Я еще ничего не знаю навѣрное,» продолжалъ онъ: «но имѣю большое подозрѣніе, и потому намъ не надобно плошашъ, а споро присматривашъ за нимъ. Не говори объ этомъ при бапюшкѣ и женѣ его. — Зачѣмъ ихъ перевозить? — я посоветуюсь съ г-мъ *Степлтономъ* о томъ, что мнѣ дѣлать. . . а ты будь осторожна. Я надѣюсь,» прибавилъ онъ помолчавъ и запинаясь: «что *Генрихъ Муръ* не знакомъ съ *Яковомъ*.»

— *Генрихъ!* . . . о! нѣтъ, братецъ! *Генрихъ Муръ* съ негодами не водится! Не ужь ли ты еще не узналъ его? —

«Да я не думаю о немъ ничего худого, а хотѣлъ только сказать тебѣ, чтобы ты попросила его смотрѣть за *Яковомъ*; но больше еще за *Джономъ*, который къ щастію не совсѣмъ избаловался и можетъ исправиться. Онъ, говорятъ, работаетъ прилежно, ведетъ себя хорошо, не пьетъ, и я думаю соберетъ довольно денегъ, чтобы со временемъ завелъ хозяйство, — у него нѣтъ долговъ.»

— Конечно нѣтъ; его привезли сюда на казенный щепъ; а вопъ мы съ побою должны долго еще жить въ неволѣ, чтобы заплатить тѣмъ, которые ссудили насъ деньгами на провѣздъ. —

«Что-жъ дѣлать, *Елена!* — Но *Генрихъ* освободится прежде насъ, и потому тебѣ надобно скорѣе выпши за него за мужъ, чтобы быль щастливой; я скоро начну строитъ вамъ домикъ, и увѣренъ, что *Генрихъ* будетъ хорошимъ мужемъ.»

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ).

О С К А Ч К А Х Ъ.

Въ Октябрской книжкѣ Библиотеки для чтенія помѣщена довольно занимательная статья, переведенная изъ Французскихъ журналовъ, объ Англійскихъ скачкахъ, хопя впрочемъ объ этомъ предметѣ уже писано было не разъ и во многихъ Русскихъ повременныхъ изданіяхъ. Кому-то вздумалось дополнить эту статью еще собственными своими замѣчаніями, и, надобно правду сказать,

не очень-то правильными на щепъ нашихъ скачекъ и нашихъ лошадей. Трудно передать пошъ пошъ презрѣнія, съ какимъ авторъ эписхъ приклеекъ изволилъ опноситься о производящихся въ полуденной Россіи и въ Лебедянѣ скачкахъ, которыхъ, какъ кажется, онъ никогда не видывалъ. О Московскихъ скачкахъ онъ умалчиваетъ *изъ уваженія къ Москвѣ*: это подлинныя слова его. «Не въ пошъ дѣло, говоритъ онъ, чшобы казацкую лошадь гнать кнутомъ, нѣшъ, надобно воспитать, приготовить еѣ къ скачкѣ и пр. и пр.» — Рѣшительно этому господину не извѣсны ни наши скачки, ни наши легкія лошади, которыхъ, удивляя необыкновенною быстротою бѣга, имѣють передъ всѣми иностранными то преимущество, что чрезвычайно сносны и сильны. Скачки наши, производящіяся опъ скаковыхъ обществъ, *Высогайше* утвержденныхъ, обращаютъ на себя вниманіе не только охотниковъ и знатоковъ; но и самага Правительсва, которое съ удовольствіемъ уснаприваетъ по поспешное совершенство, къ которому приближается коннозаводство въ Россіи, какъ отпась для войны и государственнаго хозяйства весьма важная. Вся наша тяжелая кавалерія сидитъ на Русскихъ заводскихъ лошадяхъ, а легкая на степныхъ, превосходныхъ качества которыхъ безпрепятственно обнаруживаются на манѣврахъ, смотрахъ и войнахъ. Напрасно авторъ вклейки въ означенную статью о Ньюмаркетскихъ скачкахъ такъ невѣжливо не довѣряетъ нашимъ газетнымъ объявленіямъ объ эписхъ скачкахъ: статьи эти не голословные возгласы, а вѣрные, статистическіе отчеты, достойные вниманія и могущіе служить хорошими данными для описанія состоянія нашего коннозаводства. Г. авторъ вклейки не видалъ ни одной скачки въ Россіи, хотя можетъ быть видалъ ихъ тамъ, гдѣ земля раскалена Сирийскимъ солнцемъ, или гдѣ раздается гулъ Ниагарскаго водопада; я же не бывалъ въ эписхъ краяхъ, о которыхъ и судить не берусь, а былъ на Русскихъ скачкахъ и бѣгахъ, и скажу, что хотя у насъ не дѣлается тамъ тѣхъ смѣшныхъ церемоній, какія дѣлаются въ Ньюмаркетѣ, эпой

Свишповой лошадиной спранъ, но производятся опыты, основанные на взаимномъ соревнованіи, опыты, часто увѣнчивающіеся самымъ щасливымъ успѣхомъ, и имѣющіе цѣлю улучшение породъ и обнаруженіе силы и легкости лошадей. Англичанинъ хлопочетъ изъ того, чшобы изъ легкой охотничьей лошади сдѣлать скакуна, потому что всякой вѣдаетъ, что ни Трофоніусъ, ни Чайльдерсъ, ни Эклипсъ, ни Панглось не родились скакунами: эпо были плоды необычайнаго искусства въ воспитаніи и въ приѣздкѣ. Но какую пользу могутъ принести намъ эти искусственные скакуны? — Никакой. — Какую пользу приносятъ бѣшенныя скачки Англичанъ? — Никакой, кромѣ нравственнаго вреда. — Чему-жъ пущъ такъ восхищаются, когда видишь, что искусственно приготовленная къ скачкѣ лошадь, съ еще болѣе искусственно приготовленнымъ ѣздомъ, подкакавъ къ цѣли съ быстротою, опережающею самый вѣтръ, шатается, падаетъ, ей пускають кровь, еѣ оптирають оппаваютъ ромомъ. Казацкая же лошадь, о которой съ такимъ презрѣніемъ говоритъ авторъ вклейки, будетъ еще и послѣ скачка въ весь карьеръ, и безъ того кнута, о которомъ упоминается во вклейкѣ, авторъ которой ложно думаетъ, полагая, что Русскіе коннозаводчики хотятъ имѣть непременно скакуновъ Ньюмаркетскихъ. — Нѣшъ, они хотятъ, чшобы ихъ заводы доставляли нашей конницѣ самыхъ превосходныхъ лошадей во всемъ мѣрѣ. И желаніе эпо, очень справедливое, приводится нынѣ въ исполненіе. Этому служатъ даже доказательствомъ и пошъ отчетъ Лебедянскаго скаковаго общества, который помѣщенъ былъ на эписхъ дняхъ въ Сѣверной Пчелѣ. Пожалуйте, г. авторъ вклейки (слогъ котораго имѣетъ сходство съ слогомъ барона *Брамбеуса*), будьте поосторожнѣе, и не спарайте вашимъ *terris souverain* унижать одну изъ важнѣйшихъ отраслей хозяйства, а оставляйте свои фантазии про себя. —

Консфилъ.

ОТВѢТЪ НА ПРОСЬБУ.

Одинъ офицеръ, предвидя войну, просился въ опшукъ къ опцу, который, по его словамъ, находился на смертной постелѣ: «Поѣзжайте, сказалъ ему генералъ: «спящая заповѣдь говоритъ: *чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и долголѣтень будеши на земли.*

ГАЗЕТЫ ВЪ ПАРИЖѢ И ЛОНДОНѢ.

Одинъ досужій мапемапикъ исчислилъ курьеза ради, что газетамъ, ежедневно выходящими въ Лондонъ и Парижъ, можно покрыть пространство земли на 40 квадратныхъ Англійскихъ миль, а на деньги, которыми плащаются за нихъ подписчики, выспроить флотъ изъ 80-ти линейныхъ кораблей.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

5.

Неизвѣстный сочинитель разсужденія о Русской повѣсти и повѣстяхъ г. *Гоголя*, еще съ большею самонадѣянностію, чѣмъ издатель покойнаго *Моск. Телеграфа* и извѣстный *Тютюнджи-Оглу*, судить и рядить о Россійской многоспрадальной Словесности. Эпа спатья напечатана въ No 7 запоздалаго Телескопа, явившемся здѣсь около половины Сентября. Въ ней, между прочимъ, напечатано, что—«въ слѣдствіе направленія, даннаго бездарными послѣдовапелами птяжелопеданпического *Ломоносова*, *Сумароковимъ* и *Херасковимъ*, литература наша раздѣлилась на оду и эпическую, иначе героическую поэмю.»

Примѣчаніе 1. Творца Русской поэзіи, перваго сочинителя Руской грамматики, двухъ образцовыхъ похвальныхъ словъ, стихотвореній: Утреннее и Вечернее размышленіе о Божіемъ величїи, двадцати превосходныхъ одъ—назвать педанпомъ и схоластикомъ, есть неблагодарность такая же, какъ сына къ опцу, давшему ему отличное воспитаніе и оставившему богатое наслѣдство.

Примѣчаніе 2. Увѣряю, что въ послѣдніе годы царствованія *Елисаветы* и въ первыя *Екатерины великой*, у насъ писали только оды и эпическія поэмы, обнаруживая спроспительное незнаніе. Въ это время *Тредьяковский* написалъ аллегорическій романъ: *Бѣда въ островѣ любви*, перевелъ *Ролленя*; *Ломоносовъ* уже восхитилъ Академію Наукъ двумя Похвальными словами, достойными *Цицерона*, *Демосфена* и *Томаза*; Архіереи наши уже говорили въ черто-

гахъ царей свои проповѣди, и, новые *Златоусты*, новые *Бого-словы*, новые *Василии великіе*, бросали свои громы на главу порока; *Ломоносовъ* предложилъ нѣсколько главъ изъ *Иова*, сочинилъ Посланіе о пользѣ стекла.— Тогда же *Сумароковъ*, какъ Проней, во всѣхъ родахъ испытывалъ свои силы: въ трагедіяхъ, комедіяхъ, басняхъ, посланіяхъ, одегіяхъ, пѣсняхъ, мадригалахъ, эпиграммахъ; князь *Щербатовъ*, *Татищевъ* и *Болтинъ* опрывали въ монастырскихъ кельяхъ и погребяхъ архивовъ старинныя лѣтописи, грамопы, до-говоры; собирали старинныя Рускія монеты; опровергали клеветы иноспранныхъ писателей — и дѣлали опыты въ сочиненіи Россійской исторіи. Немного поздне—*Богдановичъ* положилъ на алтарь Музъ—свою *Душеньку*; *Петровъ* свои пламенные оды и переводъ *Виргиліевой* Энеиды; *Костровъ* прелестную эклогу и переводъ *Гомеровою* *Иліады*. *Хемницеръ*—басни; *Авлесиловъ*—водѣнилъ *Мильникъ*; фонъ *Визинъ*—Недоросля и Бригадира; *Майковъ*—двѣ остроумныя шуточныя поэмы—*Елисей* и *Игрокъ Ломбера*; *Херасковъ*—эпическую поэмю *Россїяду* и дидактическую *Плоды наукъ*. Около эпаго же времени *Крашенинниковъ* напечаталъ *Описаніе Камчатки*, *Лепехинъ* свое ученое путешествіе по Россїи, издавались журналы *Трудолюбивая Пчела* и *Собесѣдникъ Россійскаго слова*.

Однѣ ли это оды и героическія поэмы? Гдѣ путь птяжело-педанпическій характеръ юной нашей литературы?

А. Кораблинскій.

30 Сентября,
1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОРЕЛЬ И ЗМІЯ.

Стоишь среди поляны ровной
Дубъ;
Свилась подъ нимъ змїя въ шипящїй
Клубъ.
Орель! въ опасностіи швоя
Семья,
Шипишь на швой орлиный домъ
Змїя.
«Я не боюсь!» сказалъ Орель
Въ отвѣтъ:
«Змїя-нора, а мнѣ разгулы...
Свѣшь!»
Сказалъ, и ужъ съ семьей ппенцовъ
Летѣлъ;
И съ бурей споришь ихъ училиъ
Орель.

Но свѣта и людей боясь,
Змія
Шипишь, въ норѣ себя
Тая.

В. Глинка.

LOGOGRIPHE.

Tantôt solide,
Tantôt liquide,

Je répands tour à tour la plus suave odeur.
En m'arrachant un pied, tu trouveras, lecteur,
D'un jeu pernicieux la chance trop perfide,
Qui trompe les désirs d'un confiant joueur.

Въ № 85-мъ, помѣщенная анаграмма значить: *Мотъ, Толкъ.*

MODES.

On commence à connaître un peu, ma chère sœur, le nom des nouvelles étoffes qui se partageront la vogue cet hiver. Hier, j'accompagnai une dame de province qui était venue à la provision à Paris; elle avait une liste d'une effrayante longueur. Bien reconnue pour avoir le meilleur goût de son département, toutes ses connaissances lui avaient donné chacune une petite note, ce qui avait fini par faire une très-grande note. Nous procédâmes par ordre et commençâmes par les régions élevées, c'est vous dire qui notre première course se dirigea vers les magasins *Delisle*. Il s'agissait d'abord de l'acquisition de robes pour soirées, et nous eûmes le choix entre le *satin-Gabrielle*, étoffe brochée en fleurs de couleurs sur un fond de couleur tranchante; le *velours-Médicis*, étoffe brochée sur un fond de velours épinglé: c'est d'un effet magnifique; *reps-Isabeau*, fond mat à dessins satinés, *reps-Trianon*: le fond de cette étoffe est un reps de couleur sur lequel sont brochés des feuillages en satin blanc; *velours-oriental*, reps à petits grains; *reps-Indiana*, pour robes moirées habillées. Vient ensuite dans la même catégorie: le *poil de chèvre*; le *reps-Atala*, dont les rayures sont en large au lieu d'être en long; le *basin des Indes*; le *foulard thé*, et une multitude de mouselines de laine, de foulards de soie et de laine, des

dessins les plus merveilleux. Toutes ces étoffes sont si attrayantes, que nous eûmes bien de la peine à fixer notre choix sur aucune d'elles, et nous avons, je vous assure, fait une séance plus longue que celles de l'Académie, dans les galeries *Sainte-Anne*. Les manteaux se feront généralement sans grands collets, ce qui, à mon avis, est un mal. On en fait des sortes de surtouts à la turque, ce qui leur ôte le mérite de la commodité excessive qu'ils avaient.

МОДЫ.

Начинаютъ понемногу узнавать, любезная сестра, название новыхъ тканей, которыя будутъ въ употребленіи нынѣшней зимою. Вчера я ѣздила съ одной провинціалкою, прѣхавшею въ Парижъ съ одной запасъ, съ нею былъ ужасно длинный реэспрь. Признанной за имбющую лучшей вкуса въ своемъ департаментъ, всѣ ея знакомыя дали ей по маленькой запискѣ, что наконецъ составило преобладающую. Мы начали по порядку съ высшихъ странъ, ш. е. первое наше посѣщеніе было въ магазины *Делиля*. Сперва надо было купить на вечернія платья, и мы выбирали изъ атласа *Gabrielle*, матерія, зашканная цвѣтами по грунту рѣзкаго цвѣта; *бархата - Медицисъ*, матерія, зашканная по булавчатому бархату: видъ ея великолѣпный; *reps - Isabeau*, по матовому грунту атласные узоры; *reps - Trianon*: грунту этой матеріи цвѣтной репсъ, по которому зашканы бѣлые атласные листья; *восточнаго бархата*, репсъ съ мелкими мушками; *reps - Indiana*, для полунарядныхъ платьевъ. Потомъ въ томъ же порядкѣ: *козій мехъ*; *репсъ-Атала*, у котораго полоски, вмѣсто того чтобы быть въ длину, поперегъ; *Индійскій камифасъ*; *фуларъ thé*, и множество шерстяныхъ кисей, шелковыхъ и шерстяныхъ фуларовъ. Всѣ эти ткани такъ красивы, что мы съ большимъ трудомъ могли сдѣлать, и, увѣряю себя, наше засѣданіе въ галерейхъ *Sainte-Anne* было продолжительнѣе Академическаго засѣданія. Плаци вообще будутъ дѣлать безъ большихъ воротниковъ, что по моему мнѣнію весьма невыгодно. Ихъ дѣлаютъ въ родѣ Турецкаго верхняго платья, что опнимаешь у нихъ достоинство, которое они имѣли, быть чрезвычайно покойнымъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 87.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Октября 30 дня 1835 года.

Ахъ! эпопѣя челоуѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть, зависпль, гордъ и золь!
Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ССЫЛОЧНЫЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Окончаніе.)

Елена была конечно dospoйная дѣвушка и вездѣ бы нашла себѣ выгоднаго жениха. Но въ Вандименѣ еще болѣе, нежели гдѣ нибудь, попому что невѣсты были памѣ рѣдки и слѣдовательно въ великой чеспи у молодѣжи. Не смотря на множество ссылочныхъ, присылаемыхъ въ *Гобартъ-Таунъ*, поселяне безпрестанно жаловались, что у нихъ некому смотрѣть за хозяйствомъ, и просили невѣсты у правительсва. Въ самомъ дѣлѣ народонаселеніе въ Вандименѣ чрезвычайно ограничено, и отъ того большая часть земли остаеися необработанною.—На всемъ островѣ щитаеися только 25,000 жипелей, тогда, какъ ихъ 8 миліоновъ въ Ирландіи, гдѣ они умираютъ съ голоду!—Если бы правительсво, которое употребляетъ нещепныя и, не смотря на то недоспапочныя, суммы на ихъ прокормленіе, удѣляло часть оныхъ на вспомошествованіе выходцамъ,—тогда бы земли новаго

Свѣта скоро и нечувспвительпо населились. Сверхъ того ссылочные, которые уже тогда не составляли бы важнѣйшей части жипелей, видѣли бы необходимость хорошаго поведенія, чтобы получать мѣста въ колоніяхъ,—гдѣ теперь, за неимѣніемъ другихъ работниковъ, ихъ берутъ по неволѣ, и часто терпятъ отъ буйсва ихъ и непокорности, попому единсвенно, что безъ нихъ нельзя обойтись. Нерѣдко необузданныя толпы ссылочныхъ, сговорясь, уходятъ изъ колоній—составляютъ между собою шайки, извѣсныя подъ именемъ Маронировъ, и, выбѣгая изъ лѣсовъ, грабятъ природныхъ жипелей и навлекаютъ ужасное мщеніе ихъ на цѣлое селеніе.

Свадьба *Генриха* и *Елены* приближалась, и хотя *Генрихъ* выслужилъ уже годы свои, но г. *Степльтонъ* желалъ, чтобы онъ у него ospался; онъ украсилъ домикъ ихъ, снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства—и все уже было готово, какъ вдругъ 24-го Декабря *Франкъ* прибѣжалъ захватившійся на задній дворъ съ *Генрихомъ* и опцомъ своимъ;—*Елена* дошла коровъ.

— Не разбѣжались ли и ваши люди? — спросили они у прикащика.

«Всѣ, кромѣ одного;» отвѣчалъ онъ.

— Во всѣхъ колоніяхъ случилось тоже, — сказалъ *Муръ* — и теперь самъ чортъ нападетъ на насъ съ полною экипъ *Маронировъ*. —

«О нѣтъ, они на насъ не нападутъ,» отвѣчалъ прикащикъ: «потому, что имъ вѣрнѣе грабить тамъ, гдѣ ихъ никто не знаетъ; но они пришлютъ къ намъ другихъ — и потому надобно преобавить защиты изъ города и самимъ намъ вооружиться.»

Франкъ бросился съ городъ, купилъ пуль, пороху — и объявилъ о случившемся.

Генрихъ утѣшалъ *Елену*, но внутренно самъ былъ неспокоенъ. Онъ зналъ всю опасность ихъ положенія, и потому спросилъ не *Маронировъ*, которые обыкновенно, ограбивъ мызы, уходили не причинивъ другаго вреда, но дикихъ туземцовъ, ужасныхъ въ мщеніи своемъ, которые часто оплагали его на цѣлыя недѣли, на цѣлые мѣсяцы, выжидая благопріятнаго случая, и вдругъ посреди общаго спокойствія нападали на дома, житницы, поля, — дѣлая вездѣ ужасныя опустошенія и неслыханныя варварства.

24-го Декабря вечеромъ *Франкъ* возвратился изъ города съ двадцатью новыми работниками, и когда всё успокоилось въ колоніи, занялся приготовленіемъ къ свадьбѣ сестры своей, долженствовавшей совершиться на завтрѣ, то есть въ день Рождества. — Всѣ еще спали, когда *Елена* проснулась по утру и занялась брачнымъ нарядомъ своимъ. Никогда еще восхождение солнца не было для неѣ такъ радостно. Она взяла дошивать кружевной чепчикъ свой и сѣла съ работою на крыльцѣ, откуда видно было всё обширное пространство земли, принадлежащей къ мызѣ г. *Степльтона*. Вдругъ за холмомъ изъ-за рощи показался густой дымъ; *Елена* сначала удивилась, но вспомнивъ, что недалеко въ этомъ лѣсу жгли известъ, успокоилась, и забывъ всё еѣ окружавшее, занялась мыслию о *Генрихѣ*. — Я его долго еще не увижу, думала она, потому что онъ хочетъ кончить поутру всю дневную работу. — Здѣсь такъ

много дѣла, что бѣдный ремесленникъ не свободенъ даже и въ день свадьбы своей! —

Елена не сказала никому о видѣнномъ ею дымѣ и совсѣмъ о немъ не думала. — Подъ вечеръ пріѣхалъ пасторъ изъ *Лаунспона*, и брачная чета пошла въ часовню; но — лишь только успѣли они обвѣнчаться, какъ послышался необыкновенный лай собакъ. Всѣ выскочили изъ часовни и ахнули отъ удивленія. Спая спротокомилонъ неслась по небу черезъ поле — не болѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ мызы.

«Это хитрость!» закричалъ *Степльтонъ*. «Спротокомилы никогда не приближаются къ селеніямъ, а ихъ загнали сюда нарочно, чтобы мы бросились за ними и оставили мызу безъ защиты.»

Прикащикъ оставилъ четырехъ человекъ на мызѣ, а съ прочими пошелъ въ лѣсъ, и увидѣлъ тамъ *Якова*, который лежалъ подъ деревомъ, курилъ трубку. Передъ нимъ — разложенъ былъ большой огонь, и жарилась огромная часть *кангару*. Увидя прикащика и его поварищю, онъ вскочилъ, схватилъ оружіе, свиснулъ — и на сигналъ его съжалось множество вооруженныхъ людей. Прикащикъ разсудилъ, что благоразумнѣе будетъ вступить съ ними въ переговоры — и потому возвратясь, отправилъ *Франка* къ *Якову*.

Яковъ сказалъ брату, что онъ перемѣнилъ намѣреніе свое, и вмѣсто того, чтобы напасть на колонію, думалъ въ скоромъ времени отправиться съ поварищами на оспрова *Басскаго залива*, гдѣ надѣялся сдѣлаться царемъ надъ дикими, что удавалось нѣкопорымъ изъ ссылочныхъ. *Франкъ* съ удовольствіемъ узналъ, что *Джонъ* не согласился пристать къ *Маронирамъ*, и за похвальный опказъ свой получилъ прибыльное мѣсто. Черезъ нѣсколько дней *Маронеры* оставили окрестности мызы, и всё пришло опять въ прежній порядокъ. *Генрихъ* и *Елена* завелись хозяйствомъ, старикъ *Кастель* пересталъ роптать, и наконецъ щастіе и довольство навсегда водворились въ семействѣ его. *Франкъ*, сохраняя любовь къ опечеству, часто удѣмлялъ пастора *Джексона* о себѣ и другихъ

переселенцахъ, и чрезъ четыре года послѣ отъѣзда своего изъ Англіи, написалъ къ нему слѣдующее письмо, которое я помѣщаю здѣсь для того, что оно нѣкоторымъ образомъ положило основаніе новой достопамятной эпохи для Дери-Пленскаго округа:

«Господинъ пасторъ!

Благосклонность, съ которою вы всегда отвѣчаете на письма мои, даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ двумя покорнѣйшими просьбами; но чтобы онѣ не показались вамъ слишкомъ дерзкими, то позвольте мнѣ прежде всего описать вамъ положеніе всего моего семейства.

Срокъ моего найма у г-на *Степльтона* кончился, и я скоро оставлю мызу, хотя г-нъ *Степльтонъ* предлагалъ мнѣ на самыхъ выгодныхъ для меня условіяхъ ѣхать съ нимъ за 50 миль отсюда, гдѣ онъ хочетъ завести новую колонію. Г-нъ *Степльтонъ* человекъ предприимчивый, благоразумный и свѣдущій, и я увѣренъ, что онъ успѣетъ въ своемъ предпріятіи; но я не люблю кочующей жизни, и потому, отказавшись отъ его предложенія, остался въ моемъ семействѣ.

Вы можете быть удивитесь, когда я скажу вамъ, что братъ мой *Джонъ* купилъ мызу г-на *Степльтона*, и сдѣлалъ порядочнымъ человекомъ; несчастный же *Яковъ* вѣроятно поплонулъ въ переездъ свой моремъ на острове Басскаго пролива.

Я занимаюсь теперь съ зятемъ моимъ *Генрихомъ* постройкою для себя дома, на довольно обширной землѣ, мнѣ принадлежащей. Бабушка и жена его также уже свободны и будутъ жить со мною. Вамъ пріятно было бы взглянуть теперь на насъ, господинъ пасторъ, и полюбоваться нашимъ благосостояніемъ, которымъ мы обязаны вамъ. Мачиха моя торгуетъ плодами, и нѣтъ дому, въ который бы она не ставила наливокъ и варенья. Сверхъ того она развела множество рѣдкихъ цвѣтовъ и всѣ наши комнаты наполнены ими.

Меньшая сестра моя *Сусанна* спала также умною и трудолюбивою дѣвцею, а *Елена* такъ щастлива, какъ ей во снѣ того не

снилось; я не скажу вамъ о ней болѣе ничего, потому что вѣроятно вы читали письмо ея къ бабушкѣ нашей, въ которомъ она говоритъ о мужѣ своемъ, дѣтяхъ, коровахъ, птицахъ и о всемъ, что ей принадлежитъ. Теперь позвольте мнѣ сказать вамъ, о чемъ я осмѣливаюсь просить васъ.

Вы часто говорили мнѣ, г-нъ пасторъ, что доходъ прихода недостаточенъ былъ вамъ для содержанія себя съ семействомъ, и намѣревались отправить сыновей вашихъ въ чужія земли, какъ скоро они достигнутъ совершеннаго возраста. Если бы вы прислали ихъ сюда, то мы всѣ приняли бы ихъ какъ братьевъ, изъ любви и уваженія къ отцу ихъ; но мнѣ кажется, что всего лучше было бы вамъ самимъ переѣхать сюда со всемъ семействомъ вашимъ.

Колонія наша состоитъ изъ одиннадцати мызъ и двадцати двухъ домовъ, разсѣянныхъ на три мили пространства. Число поселенцевъ прибываетъ у насъ ежегодно, по причинѣ оптимнаго плодородія земли и близости Лауспонскаго порта, который представляетъ большія удобства для торговли нашей.

Колонія желаетъ имѣть своего пастора, школу и небольшую бібліотеку. Сумма на все это готова, и вы нашли бы здѣсь пріятное, покойное и выгодное убѣжище. — Пастору назначается здѣсь домъ, скотный дворъ, лошадь, хорошенькій садъ и двѣ или три полосы пахатной земли. — Прочія подробности содержатся въ письмѣ, которое старшины наши пишутъ къ вамъ по этому предмету.

Вы, я думаю, помните также, г-нъ пасторъ, что я передъ отъѣздомъ моимъ сюда часто говорилъ вамъ, что никогда не женюсь въ Вандиментъ, потому что оставлялъ въ Англіи единственную дѣвушку, съ которою бы желалъ соединить участь мою. Чувства мои къ ней не перемѣнились, и теперь, наживъ порядочное состояніе и собственный домъ, я бы желалъ, чтобы она какъ можно скорѣе была въ немъ хозяйкою. Въ этомъ и состоитъ впрочемъ просьба моя къ вамъ, г-нъ пасторъ; позвольте ей пріѣхать сюда вмѣ-

спѣ съ вами, или если, по несчастію вы опвергнете убѣдительное приглашеніе наше, то отправьте её на мой щѣпъ по вѣрной и приличной оказіи.»

Читатели наши поймутъ важность письма эпога для *Франка* и неперпвнне, съ которымъ не только онъ и семейство его, но все селеніе ожидали отвѣта отъ пастора. Наступалъ день, въ который обыкновенно праздновалось учрежденіе колоніи. Въ этотъ годъ надѣялись встрѣпшпть его съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что колонія достигла до высочайшей степени благосостоянія. Сверхъ того, именно въ этотъ день, думали получить письма изъ Европы, но 15-го Іюня солнце взошло и закапилось, а отвѣта не было. *Франкъ* и *Елена* были печальны—*Франкъ* думалъ о своемъ одиночествѣ и, смотря на дѣшпей сестры своей, сравнивалъ положеніе свое съ семейнымъ ея счастьемъ. Вдругъ показался на дорогѣ человекъ верхомъ, — *Франкъ* побѣжалъ ему на встрѣчу, спросилъ: не было ли писемъ изъ Европы. Нѣтъ, отвѣчалъ почтalionъ—и онъ возвращался печально домой, какъ услышалъ вдали спукъ повозки; *Франкъ* дождался её, но увы, всѣ лица въ ней были незнакомыя! Не заботясь болѣе о проѣзжихъ, онъ съ досадою хотѣлъ иппшп, какъ вдругъ одинъ изъ путешественниковъ кликнулъ его и спросилъ далеко ли колонія; на отвѣпъ *Франка* онъ сказалъ, что они везутъ письма изъ Англіи и множество вѣстей. Само собою разумѣется, что повозка была остановлена и скоро окружена толпою поселянъ. *Франкъ* получилъ отвѣпъ отъ пастора, и спавъ на споль, прочиталъ его вслухъ всему собранію. Вотъ что писалъ г. *Джексонъ*:

«Почпи вслѣдъ за письмомъ моимъ явлюсь я самъ въ *Гобартъ-Таунъ*, любезный *Франкъ*. Я давно уже имѣлъ желаніе соединиться съ вами и не зналъ какъ исполнить его, но письмо ваше и приглашеніе колоніи вывело меня изъ затрудненія, и я черезъ нѣсколько недѣль сажусь на корабль съ дѣпшми моими и вашею невѣстою, въ которой дочери мои нашли добрую и пріятную подругу.»

Крики удовольствія прервали чтеніе; — пастора знали почпи всѣ, и пвердо были

увѣрены, что его просвѣщеніе, кротость и мудрые совѣпты, будутъ новымъ благодѣаніемъ для колоніи. Когда возспановилась пишина, *Франкъ* дочиталъ письмо. Пасторъ увѣдомлялъ какія книги онъ везъ съ собою изъ Англіи для школы и предполагаемой библіотеки, и заключалъ такъ:

«Вы конечно знаете, что г-нъ *Фелловъ* нашелъ большія затрудненія при заведеніи у себя колоніи. Однако онъ всё еще утверждаетъ, что если бы болѣе было колоній въ Англіи, то эти затрудненія не существовали бы; но, между нами сказать, я думаю, что *Фелловъ* внутренренно очень радъ, когда нѣкоторые изъ его поселенцевъ выѣзжаютъ изъ Англіи, потому что имъ, по многочисленности ихъ, недостаетъ работы и средствъ къ пропитанію. Тѣ, которые доставяптъ вамъ это письмо, принадлежатъ къ селенію г-на *Феллова*; многіе вдупъ со мною и я надѣюсь доставить вамъ нѣсколько искусныхъ ремесленниковъ, полезныхъ для вашихъ заведеній. Что же касается до меня, то я упопреблю всѣ силы и стараніе, чтобы оправдать довѣренность новой, данной мнѣ Богомъ паствы.»

T.

СМѢТЛИВОСТЬ ДИТЯТИ.

Одинъ ребѣнокъ, сидя за букварѣмъ, никакъ не хотѣлъ выговорить буквы *азъ*. Его наказали за упрямство. Одна дама, пріѣхавшая въ гости къ его родителямъ, нашедъ его въ слезахъ, приласкала его, посадила къ себѣ на колѣни и спала допрашивать, отъ чего онъ упрямился и не хотѣлъ произнести буквы *азъ*. «Я знаю,» отвѣчалъ мальчикъ: «что лишь только выговорю *азъ*: то меня поччасъ заспавяптъ читая *буки*—и эпому не будетъ конца.»

Отвѣпъ лѣнивца проспъ—и смѣпливъ.

СИЛА ПАРОВЪ.

Одинъ кулъ угля поднимаетъ на пол-аршина отъ земли 7,000,000 фунповъ тяжести.

Самый привычный и сильный пѣшеходъ, не менѣе какъ въ два дни, всходитъ изъ доли-

ны Шамуни на вершину горы Монблана. Парь двухъ фунтовъ угля внесеть его шуда въ нѣсколько минушь на воздушномъ шарѣ.

Самая огромная Египетская пирамида, построенная изъ гранита, имѣющая 760 футовъ окружности у подножія своего и 500 футовъ вышины, — будетъ поднята на воздухъ силою паровъ, добытыхъ изъ 2,000 фунтовъ угля.

ЭМБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА.

Одинъ замысловатый Англичанинъ, освѣщая свой домъ плашками въ день поржества о заключеніи всеобщаго мира въ 1815 году, выставилъ въ одномъ окнѣ, вмѣсто пранспарана, человѣческой скелеть, съ подписью: *вотъ послѣдствіе войны!* а въ другомъ блюдо съ хлѣбомъ и солью, съ надписью: *послѣдствіе мира!*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

6.

Въ минувшую Пятницу (27 Сент.) попался мнѣ подъ руку свѣжій листокъ одного журнала. Въ немъ, безъ всякаго сомнѣнія — юный сопридникъ извѣснаго умомъ и вкусомъ журналиста, до седьмого небеси превознесъ *Пѣсни господина Тилофьева*, и въ подкрѣпленіе своихъ синекдохъ и гиперболей, написалъ десятка четыре стиховъ изъ эпихъ пѣсенъ. Я не хуже другихъ умѣю различать бѣлое отъ чѣрнаго, вялое отъ цвѣтущаго, живое отъ мѣртваго, я внимательно и проекартно прочиталъ эти выписки — и не нашель ни одного стиха: ни дышущаго чувствомъ, ни карпиннаго, ни новаго. Все это бипо и перебипо, idem pere-idem, *Кузьма съ Демидомъ*. Вотъ одно изъ хвалѣныхъ стихопвореній:

Простодушный.

Говоряшь, ешь спрана,
Гдѣ не съюшь, не жнушь,
Гдѣ все пѣсни поюшь.

Гдѣ мужья видяшь женъ
Въ мѣсяць разъ, много два;
Гдѣ все пѣсня одна...

Гдѣ живушь пань и сякъ,
Чтѣшь блеснушь, да пожишь,
Да поѣшь, да попишь.

Гдѣ уменъ, кто силенъ;
Гдѣ онцы чудаки;
Гдѣ всѣ носятъ очки.

Гдѣ ешь все напрокашъ:
И друзья и жена,
И парча и родня.

Гдѣ все лезеть, ползеть,
Тихомолкомъ, шайкомъ,
Все бочкомъ, червячкомъ.

Гдѣ сквозь солнце льетъ дождь,
Гдѣ всегда маскерадь:
Пой, пляши — радъ не радъ.

Гдѣ-жь она, ша спрана,
Гдѣ не съюшь, не жнушь,
Гдѣ поюшь, да ползуешь?

Въ сапирической пѣсни, на манеръ *Беранже*, мы ищемъ эпиграммъ, понкой шупки, свѣжихъ оборотовъ. Здѣсь нѣтъ ни перваго, ни втораго, ни третьяго. Таковы ли ненапечатанныя куплеты простодушнаго весельчака *Дельвиша*, которому пѣсня *Тилофьева* ешь блѣдное подражаніе:

Гдѣ же тѣ оспрова,
Гдѣ растеть прынь-права,
Братцы!

Не таковы куплеты князя *Вяземскаго*, наспоющаго Русскаго *Беранже*. У *Тилофьева* общія мѣста, стихи шапки отъ слабости; у *Вяземскаго* своенравный образъ мыслей, иногда чудный, но всегда собственный, самостоятельный; выраженія, иногда неправильныя; но всегда сильныя, жаркія, сжатая, всегда свѣжія и отъ того благовонныя. Прочитайте его стихопворенія: *Портной*, *На Новый годъ* (1830), *Въ шлльп дѣло*, *Какъ бы не такъ*. Но не одинъ сей поэтъ на Руси. Мы можемъ, не спыдясь сравненія, назвать нѣсколько другихъ; а по баронъ *Брамбеусъ* попчасъ вообразинъ, что до него была пьма на сѣверь, и что онъ, какъ новый преобразитель Россіи, изданіемъ своего журнала озарилъ еѣ свѣтомъ.

Въ эпомъ родъ прелестна *Дмитріева* Ро-
за, которая оканчивается двумя такими
спрофами, какихъ *Тимофьевъ* во вѣки вѣковъ
не придумаетъ:

Но на щастье прочно
Всякъ надежду кинь;
Къ розѣ, какъ нарочно
Привилась польнь,

*

Роза не увяла,
Топъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужь спала:
Аромату нѣтъ.

Въ шуточномъ посланіи къ *Парашь*, у кн.
Долгорукова естъ изъ души вылившіеся спи-
хи; на пр.:

Я въ изумленіи любовался
При *Селименъ* памъ на всё,
Умомъ своимъ ей посужался,
А сердце пряталъ отъ неѣ.
Она нерѣдко пустошь мѣлаетъ
Про шѣхъ, кого бѣжишь обняшь;
По Русски молвишь: мягко спелешъ,
Да жѣстко, сказывающъ, спашъ,
Отъ нихъ, лишь шолько все усѣлось,
Поѣхалъ къ *Пашенькѣ* сидѣшь;
Мнѣ сердцемъ жить въ пошь день кошѣлось,
А не на золопо глазѣць.
Хозяйка, суясь, не хлопчешъ;
Есть кресла—сядь, не хочешъ—спой;
Кому смѣшно—пускай хохочешъ;
Кто любитъ пѣшь—пожалуй поѣ.
Она свое пригожство знаетъ,
Но такъ имъ мало дорожишь,
Что даже часто забываешъ,
Гдѣ зеркало ея стоишь.
А *Селимена*... ахъ, какъ спыдно!...
Съ прямо почпи не сводишь глазъ;
И какъ ни кроешся, а видно,
Что въ день сойдецца съ нимъ спо разъ,
Что я красою понимаю,
Что я зову любезной бышь,
Въ шебъ по, *Пашенька*, вспрѣчаю;
Другимъ дано лишь шолько слышь,

Живи разсудка подъ закономъ,
Богатыхъ не ревнуй судьбъ;
Къ богатымъ придумъ всё—съ поклономъ,
А съ сердцемъ—бросяцца къ шебъ.

У эпога народнаго поэта много оспроум-
ныхъ куплетовъ въ его пьесахъ: *Авось*, *Къ*
Швейцару, *Я*, *Везетъ*, *Въ послѣднемъ вкусп*
геловькѣ. Надобно согласиться, что между
его стихами много вставочныхъ, необрабо-
танныхъ; за то ужь, что хорошо: то хо-
рошо чрезвычайно.

Н. М. Карамзинъ въ молодости своей на-
писалъ очень милую шутку надъ лицемѣра-
ми ханжами. Ежеди въ ней нѣтъ пошъ сжа-
лоспи и силы, какую находимъ въ оспрыхъ
куплетпахъ князя *Вяземскаго*: за по плавность
и сладость стиховъ вознаграждаетъ сей не-
доспапокъ.

Пора, друзья, за умъ намъ взяпъся,
Безупуство кинушь, житье пуѣмъ.
Не вѣкъ за бабочкой гоняпъся,
Не вѣкъ бышь рѣзвѣмъ помылькомъ.

Безпечной юности упѣха
Есть въ самомъ дѣлѣ спрашнѣй грѣхъ,
Мы часто плакали отъ смѣха:
Теперь оплачемъ прежнѣй смѣхъ.

И другу, недругу закажемъ,
Кого нибудъ въ соблазнъ вводишь;
Прямымъ раскаянемъ докажемъ,
Что можемъ праведнымъ бышь,

Простите, скромные диваны,
Свидѣтели нескромныхъ сценъ!
Просните хитроспи, обманъ,
Бѣда мужей, забава женъ!

Ошныиъ будетъ все иное:
Чтобъ спрогимъ людямъ угодишь,
Мужей оспавимъ мы въ покоѣ,
А женъ начнемъ добру учишь; и пр.

Мерзляковъ... кто бы эпому повѣрилъ?...
Важный *Мерзляковъ* оставилъ намъ также
одну грустную и вмѣспѣ насмѣшливую,
просподушную и поучительную пѣсню. Волпъ
первая спрофа:

Жизнь смертныхъ—тяжелое бремя;
 Спраданіе—участъ людей;
 Надѣйся на будущее время,
 А слезы украдкою лей.

Неподдѣльная попка, ненапрянутыя сен-
 пенціи, Русскій пародный юморъ, непохожій
 ни на Англинскій сплинъ, ни на Германскую
 хандру: вопъ достоинство эпои простой,
 но глубоко-задѣвающей сердце пѣсни.

Рецензентъ оканчиваетъ свое похвальное
 слово выпискою изъ пѣсни *Тилофьева*: *Среди*
пылающей Москвы. Не ужели не совѣстно
 ему было пощивать своихъ добрыхъ чи-
 папелей эпою жидкостью, и не уже ли мо-
 жно находить удовольствіе въ эпихъ спи-
 хахъ, послѣ живыхъ картинъ Освобожденной
 Москвы, соч. *И. И. Дмитріева*, послѣ велико-
 дѣльныхъ спрофъ *Жуковского* въ Пѣвцѣ во спа-
 нѣ Русскихъ воиновъ и его же высокихъ спи-
 ховъ о Москвѣ въ Посланіи къ Императору
Александру?

Г. Тилофьевъ, по дарованіямъ, плодовитости
 и механизму стиховъ—спойтъ въ одномъ ря-
 ду съ покойнымъ *В. Л. Пушкинымъ*, княземъ
Г. А. Хованскимъ и княземъ *П. И. Шалико-*
вымъ.

А. Кораблинскій.

2 Октября,
 1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОСТИ.

O voi, che della natura atteneste cuor
 tenere, lunghi lunghi da questa terra.
Torquato Tasso.

I.

Прекрасны вы! давно въ мечтѣ превожной
 Въ васъ воплощенъ мой гордый идеаль,
 Но восхвалилъ вполне васъ невозможно,—
 Достойныхъ васъ нѣтъ словъ и нѣтъ похвалъ.
 Предъ вами всё препещеть и нѣмѣеть!
 Въ васъ видя образецъ чистѣйшей красоты,
 Воспорженный поэтъ благоговѣеть,
 И пылкія его окованы мечтны....

И такъ не приношу я жервенныхъ куреній
 Передъ властительной богиней моей,
 Но всякій разъ въ восторгѣ вдохновеній
 Склоняю я колѣна передъ ней;
 И всякій разъ, какъ пламенной душою
 Лечу въ шопъ міръ, гдѣ такъ привольно мнѣ,
 Всѣ съ шпою же таинственной красою,
 Она напушпвуетъ мнѣ въ горней вышинѣ.

II.

Я замѣчалъ, какъ вы съ заспѣчивостью
 тайной
 Кругомъ бросали взоръ, исполненный огня,
 Дарили имъ, быть можете и случайно,
 Забытаго, унылаго меня;
 Какъ вы мои читали пѣснопѣнья,
 Съ величіемъ во взоръ и въ очахъ,
 И свѣтлая улыбка наслажденья
 Являлася на дѣвспвенныхъ устахъ.
 Я замѣчалъ—но щепшно мечпою
 За чѣмъ себя безплодно утѣшать:
 Не бытъ знакомымъ мнѣ съ опрадою земною,
 Восторговъ, радостей мнѣ въ міръ не встрѣчалъ!
 Предчувствіе безвременной кончины,
 Какъ пляжкій грѣхъ, мнѣ душу бременилъ,
 И не волнуютъ грудь грядущаго картинны
 И въ душу свѣтлая мечта не залепилъ.

III.

Но если искру вы взаимности тапше
 Ко мнѣ въ своей сердечной глубинѣ,
 Скорѣй еѣ сокройте, угасите,
 И навсегда забудьте обо мнѣ!
 Пустьъ смерть моя васъ горько не востре-
 вожилъ,
 Пустьъ съ равнодушіемъ услышите о ней,
 Пустьъ чѣрной пеленой думъ вашихъ не об-
 ложилъ
 Воспомианье о любви моей.
 Пустьъ вашу крошкую, безоблачную младость
 Волненъе раннихъ буръ печалью не мрачилъ,
 Пустьъ неоплучная при васъ сіяетъ радость,
 Пустьъ лучше буду я опвергнутъ и забытъ.

Ө. Мещовъ.

Августъ, 1835.

О М О Н И М Ъ.

Бываю брачное, болѣзненное, даже
Бываю смертное, хопь радѣ шь, хопь не радѣ!

Кисейное, рогожное и гаже.

Я деревянное бываю у солдашъ,

У егерей, кавалеристовъ,

Кромѣ аршиллеристовъ.

Когда солдашъ идешь на бой

Меня всегда берѣшь съ собой.

Въ № 86-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Ambre*.

М О Д Е С.

Je sais que les manches sont fort larges, ainsi que les entournures, mais ce n'est plus le manteau *classique du nom*; la taille est arrêtée, il faudra donc toujours être habillée sous son manteau. J'engage fort les femmes, qui entendent leurs aises et qui cependant veulent être à la mode, à avoir deux manteaux; marchands, couturières et *propriétaires*, tout le monde y gagnera. J'en ai vu un de ces *romantiques manteaux* que j'ai trouvé fort joli, malgré ma désapprobation; il était en étoffe *Angelo*, soie et laine, à dessins verts sur un fond violet; le petit collet en velours mat, garni d'une haute dentelle noire, une grande cordelière de soie verte serrait la taille. Je crois que mon indulgence pour lui venait de qu'il était porté par une ravissante femme que j'aime excessivement. Je n'ai point encore entendu dire que nous eussions ni robes, ni chapeaux, ni fichus à *la comète*: cela nous prouve la déconsidération dont l'a frappée son manque de queue; au reste, elle devait s'attendre à cela, arrivant à la suite de l'ouvrage des *Moninkins de Fenimore Cooper*, qui place l'intelligence de messieurs les singes (ses héros) dans cette partie de leurs corps. On nous prédit, pour le cinq octobre, *une belle pluie de feu*. Il y a quelques années, je m'effrayais de ces sortes de prédictions; mais j'ai appris, depuis ce temps, à me défier de tant de choses, que même les plus effrayantes me trouvent calme. Il en est toujours ainsi dans la vie, je suppose; tout s'use et vieillit, les émotions de peines comme celles de joie; il est cependant des affections qui ne changent pas, j'en juge par cette ten-

dre et constante amitié que je ressens pour vous. — *Sarah*.

Pl. No 31. Chapeau de satin. — Manteaux en cachemire brodé et tissu.

М О Д Ы.

Я знаю, что рукава чрезвычайно широки и проймы также, но это уже не плащъ *классический по названію*; шалія означена, и потому надо будетъ всегда быть одѣтой подѣ плащемъ. Я со-вѣтую женщинамъ, любящимъ покоиться, и ко-торыя хопяшь однако слѣдовать модѣ, имѣть два плаща; купцы, швеи и *обладательницы* ихъ, всѣ выиграють. Я видѣла одинъ изъ эшихъ ро-манпическихкихъ плащей, который, не взирая на мое неодобреніе, показался мнѣ очень красивъ; онъ былъ изъ матеріи *анжело*, шелкъ съ шерстью, зелѣный узоръ по фиолетовому грунту; малень-кій воротникъ изъ машого бархата обшитъ широкимъ чернымъ кружевомъ; длинная cordelière, изъ зелѣнаго шелку, обхватывала шалію. Я полагаю, что мое снисхожденіе къ нему произошло опъ пого, что онъ былъ надѣтъ на прелестной женщины, которую я чрезвычайно люблю. Я еще неслыхала, чтобы у насъ были плащя, шляпки или плапочки à *la comète*: это намъ доказываетъ неуваженіе, поразившее еѣ за недосмапокъ хвос-ста; впрочемъ она должна была ожидать эшаго, появясь потчасъ послѣ сочиненія *Фенимора Ку-пера*, въ *Moninkins*, который помѣщаетъ умъ госпожъ обезьянъ (своихъ героевъ) въ эту часть ихъ шѣла. Намъ предсказываютъ, на пятое Ок-тября, *прекрасный огненный дождь*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я пугалась шакого рода предска-заний; но съ того времени научилась сомнѣваться въ сполькихъ вещахъ, что даже спрашныя на-ходяшь меня спокойною. Всегда такъ бываешь въ жизни, какъ я предполагаю; все испоаается и спаръешь, припадки, горя и радости; есть однако привязанности, которыя не измѣняются; я сужу объ этомъ по нѣжной и постоянной дружбѣ, которую чувствую къ тебѣ. — *Sarah*.

Карп. No 31. Апласная шляпка. — Машо изъ вышшаго кашемира.

П о п р а в к а.

Въ № 85-мъ Лип. Прибавленій на стр. 677 въ примѣч. строк. 9 напечатано: *Евгеній*, а надобно читашь: *Алвросій*.

№ 31^и Номер. Труд. къ П. Н.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 88.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 №
и 40 картинокъ моды, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Ноября 2 дня 1835 года.

Злослова, говоряшь, совсѣмъ перемѣнилась:
Видалъ ли прежде кто, чтобы она бѣдилась?
А нынѣ безъ сего не можешь дня пробыть.
Мнѣ кажется, теперь за умъ она хвашилась;
Не лучше-ль, во сто разъ, себѣ лицо бѣдишь,
Чѣмъ славу добрую другихъ людей чернишь?

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСКАТЕЛЬ КЛАДОВЪ.

(Народное преданіе).

Сочиненіе А. Апелл.

Ночь давно уже наспушила, тишина царствовала въ мѣстечкѣ, лавки, двери запирались, свѣчи потухали одна за другою; на церковной колокольнѣ пробило одиннадцать часовъ, а *Маргарита* еще сидѣла на скамейкѣ, передъ домомъ дяди своего булочника *Бернарда*, не помышляя о томъ, что пора уже предаться сну. Возлѣ неё былъ молодой человекъ; они сидѣли рука объ руку; казалось, что нѣжнѣйшія узы связывали ихъ сердца, погруженные однако въ глубокую горесть. *Георгъ* (такъ назывался ея любезный) долженъ былъ отправиться путешествовать — обязанность, которой подвергался каждый ученикъ, по окончаніи своего ученія, — и одна мысль о семъ путешествіи, содѣлывающая молодыхъ людей въ его дѣтствѣ столь щасли-

выми, приводила въ смущеніе бѣднаго *Георга*. *Маргарита*, не менѣе опечаленная, но болѣе твердая духомъ, спаралась его утѣшить.

— Полно, *Георгъ*, — говорила она, скрывая свои слѣзы: если уже должно намъ расстаться, то не будемъ терять по крайней мѣрѣ твердости! Не печалься, что мы разлучаемся, ибо кто знаетъ, гдѣ щастіе тебя ожидаетъ?... Только вспоминай иногда меня, и хотя изрѣдка, пиши ко мнѣ, чтобы я могла радоваться, когда щастіе въ чемъ либо посѣтитъ тебя.... —

«Нѣтъ,» сказалъ *Георгъ*, обнимая *Маргариту*, которая заливалась слезами: «нѣтъ, я не могу жить безъ тебя!.. Могу ли я въ чемъ успѣть, будучи отъ тебя далеко? Мысль о разлукѣ съ тобою совершенно лишаетъ меня твердости духа; мнѣ ли думать о щастіи! Если бы твоей дядюшка захотѣлъ оспавить насъ вмѣстѣ, то я служилъ бы ему вѣрою и правдою. Я не потребовалъ бы отъ него другой платы, кромѣ хлѣба, который съдалъ бы у него, и каждый кусокъ умѣлъ

бы я не даромъ заработать; да мнѣ и не нужно ничего другаго, кромѣ того, чтобы любить тебя, называть тебя моею *Гретли*» (*).

—Ахъ, ты только теперь такъ говоришь, мой бѣдный *Георгъ*, потому что ты не знаешь, что надобно для жизни; всё кажется легкимъ для того, кто живетъ одинъ; въ хозяйствѣ—совсѣмъ дѣло другое; начнутся работы, увеличатся нужды—и будешь чувствовать себя бѣднымъ и злополучнымъ. Я вижу примѣръ въ моемъ дядюшкѣ; онъ еще промышленяетъ, любитъ трудиться, бережливъ, а все между тѣмъ безпреспанно жадуется. Время теперь такое тяжкое!...—

Георгъ никакъ не уступалъ разсужденіямъ столь благоразумнымъ; онъ хотѣлъ доказать *Маргаритѣ*, что тяжело сносить перзанія любви, нежели всѣ трудности жизни обыкновенной, и прощаніямъ не было конца, не смотря на пропаяныя оклики ночнаго стража, который, унывымъ звукомъ своей трубы, напоминалъ о позднемъ часѣ ночи.

Спарикъ *Бернардъ* вышелъ изъ дому.

«Ну!» сказалъ онъ двумъ любовницамъ нѣсколько съ гнѣвомъ: «кончили ли вы сегодня? Я думаю, что вамъ было время сказать прощай!... Ты, *Гретли*, ты знаешь, что у насъ завтра попытся печь для пироговъ къ свадьбѣ сосѣда; ты должна до свѣту встать, ибо не надобно пропустить такой случай.»

—Милый дядюшка,—сказала *Маргарита* съ ласковымъ видомъ,—подарите мнѣ пожалуйста еще четверть часика! Ахъ! Богъ знаетъ когда бѣдный *Георгъ* и я опять увидимся! Онъ ѣдетъ очень надолго, быть можетъ навсегда... Я вамъ обещаю, что печка будетъ затоплена прежде, нежели вы проснешесь; я брошусь въ постелью не раздѣваясь. Да! будьте покойны, слезы прогонятъ сонъ отъ глазъ моихъ!...—

Спарикъ былъ пронутъ горестью *Маргариты*. «Если бы я былъ богатымъ, дѣти мои,» сказалъ онъ: «по не навлекъ бы вамъ эпой пе-

чами; но вы знаете, что я едва могу доставать потребное для жизни и долженъ лишать себя всего, чтобы возстановить мое небольшое состояніе, разоренное войною; но если это быть должно, то не превозмте себя продолжительными прощаніями; припомъ, во всякомъ дѣлѣ, дорога только первая минута—и кто знаетъ, впрочемъ, составитъ ли еще ваше щастіе по, что вы теперь желаете?...»

—Ахъ, дядюшка, это легко сказать,—возразила *Маргарита*: и когда нещастіе не самихъ насъ постигаетъ, то хорошо давать совѣты. Помните ли вы, въ какой горести два года тому назадъ вы были, когда съ приближеніемъ непріятеля должны были оставить вашъ домъ и все ваше имѣніе?... И что значить домъ, что значить всѣ земныя блага въ сравненіи съ другомъ, котораго любимъ спраспно?... Подарите намъ еще минуточку и ляжьте спокойно спать, я не забуду запереть двери.

Спарикъ *Бернардъ*, въ половину убѣжденный словами *Маргариты*, согласился, чтобы она осталась еще на четверть часа; но было уже около полуночи, когда бѣдные любовники собрались съ духомъ, чтобы разспаться. Наконецъ, *Маргарита* первая встала, въ послѣдній разъ поцѣловала *Георга*, дрожащимъ, задыхающимся голосомъ повторила *прощай!* и тихо вошла въ домъ.

Замкнувъ спарательно двери, она прокралась на цыпочкахъ и безъ свѣчки въ свою небольшую комнату. Долго сонъ бѣжалъ отъ глазъ ея, заливавшихся слезами; она собрала всѣ мелочные подарки, полученные отъ *Георга*, разложила ихъ на своей постелѣ, и, при слабомъ мерцаніи луны, съ нѣжностью любовалась ими. Каждый изъ нихъ напоминалъ ей какую нибудь радость, какое либо удовольствіе или нѣжное воспоминаніе—и погруженная въ сладостное и грустное мечтаніе, она забывала бѣгущіе часы, и наконецъ заснула отъ усталости и изнеможенія силъ.

Вдругъ она просыпается, и испугавшись, что прошелъ часъ, когда ей должно было идти работать, ибо въ кузницѣ, которая

(*) Уменьшительное названіе *Маргариты*.

была напропивъ, свѣтился огонь; она слышнть шумъ мѣховъ, и мастеровые принялись уже за работу. Она съ поспѣшностью сходилнть по лѣспницѣ, которая вела изъ ея комнаты въ кухню, раскладываетъ дрова подъ очагъ, схватываетъ огниво, высѣкаетъ, искры летятъ; но въ поропахъ, она двигаетъ съ мѣста пруть и огонь нѣсколько разъ потушаетъ. *Маргарита* съ неперпннемъ кидаетъ огниво, беретъ жаровню и рѣшается пойти къ сосѣду, попроситъ нѣсколько горячихъ углей. Въ семъ намѣреннн она отворяетъ дверь, переходитъ черезъ улицу и входитъ въ лавку. Мѣха въ движенин, работники суеятся вокругъ наковальни, поднимаютъ свои тяжелые молоты—и пылячи искръ летятъ отъ раскаленнаго желѣза. *Маргарита* застѣнчиво кланяется и, не осматривая вокругъ себя, проситъ позволеннн взять нѣсколько углей: не получая отвѣта, она спѣшитъ наполнить свою жаровню и убѣгаетъ, досаду на грубость кузнецовъ, которые не только не обратили на неѣ вниманнн, но даже не отвѣчали на ея дружеское привѣтствнн.

По возвращенин въ кухню, она бросаетъ уголь на очагъ; но, къ великому удивленнн, виднтъ, что они черны и потухли; она принуждена отпрайтъся опять за другими. Занятые своею работою, мастеровые, не оборачиваясь при ея входѣ, продолжаютъ ковать: она опять наполняетъ свою жаровню самыми горячими угольями—и убѣгаетъ еще скорѣе, нежели въ первый разъ, боясь, что отъ отъ сыраго упреннаго воздуха они не потухли; но лишь успѣла опрокинуть ихъ на очагъ, какъ вдругъ они почернѣли, и сколько она ни раздувала ихъ, невозможно было достать ни одной искры. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, *Маргарита* рѣшилась въ третнн разъ отпрайтъся въ кузницу.

Вошедъ въ лавку, она проситъ извиненнн, что часто приходитъ, и наложивъ уголь въ жаровню, собирается уйти. Но вдругъ одинъ изъ кузнецовъ, переставъ работать, обращается къ ней и грубовымъ голосомъ произноситъ: Не возвращайся сюда, или ты погибла!...

При сихъ словахъ, испуганная *Маргарита* взглядываетъ на того, кто говорилъ ей; она хочетъ закричать, но ужасъ смыкаетъ уста ея....

У наковальни работали не люди нашего свѣта, а при страшные скелета, поднимавшие своими сухими, коспьявыми руками тяжелые молоты и оканчивавшие свою ночную, паинственную работу. Покрытые пылью лоскутья савана, служившие имъ одеждою, шевелились при каждомъ движенин ихъ рукъ изсохшихъ, и синеватое пламя кузницы отражалось зловѣщимъ свѣтомъ на эптомъ ужасномъ прнн. Послѣ минутнаго молчаннн, всѣ при скелета оспавляютъ работу, и обращая къ дѣвушка, полумертвой отъ страха, свои опустѣлыя вѣки, подъ коими нѣгда блистали глаза человѣческіе, они намѣреваются схватить еѣ. Ужасъ внезапно возвращаетъ ей силы, страхъ придаетъ крылья, она бѣжитъ, перебѣгаетъ улицу, бросается въ домъ; но лишь только она прибѣжала въ кухню, колѣни ея подгибаются, и она падаетъ на полъ безъ чувствъ.

Бернардъ спалъ мало: онъ не очень полагался на заботливость *Маргариты*, и опасаясь, чтобы работа не замедлилась, поспѣшилъ встать съ постели. Все было тихо въ домѣ; изъ чего онъ и заключилъ, что *Маргарита*, опягченная печалью, не могла встать въ обыкновенный часъ. Онъ, ворча на заблужденнн молодыхъ людей, пошелъ въ кухню, чтобы самому всё приготовить. Но каково было его удивленнн, когда онъ увидѣлъ бѣдную свою племянницу, лежавшую еще въ обморокъ, у очага!... Сперва онъ подумалъ, что она спитъ. Но холодный потъ, покрывавшнн лицо ея, скоро объяснилъ ему истинное ея положеннн, и онъ поспѣшилъ прнвестн еѣ въ чувство.

Когда *Маргарита* пришла въ себя, упреннн свѣтъ едва освѣщаль кухню; луна давно уже сокрылась, а *Бернардъ* не успѣлъ зажечь лампаду. На вопросъ о причинѣ случившагося съ нею, *Маргарита* съ страхомъ вокругъ себя посмопрѣла и, движимая ужасомъ, бросилась въ объятнн своего дяди, и тихимъ голосомъ рассказала ему свое спран-

ное приключеніе. *Бернардъ* ни сколько не повѣрилъ этому разсказу. Кузница была еще заперта, въ сосѣдственныхъ домахъ все было спокойно и онъ заключилъ, что испугъ ея былъ только дѣйствіемъ безпокойнаго сна. Тщепно *Маргарита* повторяла ему самыя малѣйшія обстоятельства; пщечно напоминала она ему, что потухшіе уголья взяты съ другаго очага—недовѣрчивый дядя не переставалъ все приписывать утомительному сну.

«Озабоченная своимъ дѣломъ,» сказалъ онъ: «ты вспала во снѣ, какъ часпо съ иными бываетъ, что они, спящіе, ходятъ ночью,—и приняла призраки своего воображенія за дѣйствительныя существа.» *Маргарита* не убѣдилась; она не переставала успрямлять испуганный взоръ на потухшіе угли, и едва слушала *Бернарда*, который уговаривалъ еѣ приняться за работу. Но, когда первые лучи восходящаго солнца проникли въ кухню и отразились на стѣнахъ и очагѣ, новое чудо обратило ея вниманіе и заспавило дядю умолкнуть.

По мѣрѣ того, какъ солнечные лучи ударяли въ кузничные уголья, сіи послѣдніе начали издавать удивительный блескъ; казалось, они сбросили мрачную ночную одежду, и явились при свѣтѣ въ наспоющемъ своемъ видѣ; и *Бернардъ* едва могъ вѣрять глазамъ своимъ, когда онъ увидѣлъ блестящій кусокъ изъ подъ пепла... Колеблясь, взялъ онъ его, но лишь только очистилъ отъ пепла, какъ, по совершенномъ освѣщеніи очага солнечными лучами, всѣ уголья внезапно превратились въ чистое золото. Сія перемѣна послѣдовала только съ тѣми, которые *Маргарита* принесла изъ кузницы; прочіе оставались черными и потухшими.

«Ты право въ сорочкѣ родилась,» сказалъ дядя, осполбенѣный отъ удивленія: «ибо ты нашла кладъ... и могла бы разбогатѣть навсегда, если бы совѣсть твоя не запрещала имъ воспользоваться.»

Маргарита была внѣ себя, видя сіе чудо; она сдѣлалась вдругъ обладательницею богатства, коихъ цѣна казалась ей неисчисли-

мою, и мысль объ ея любезномъ прежде всего ей предспавилась:—Слава Богу,—вскричала, бросившись на шею къ своему дядѣ: *Георгъ* не поѣдетъ! Теперь не зачѣмъ ему опыскивать въ чужихъ земляхъ вѣрный кусокъ хлѣба. Онъ можетъ на мнѣ женишься, мы теперь богаты, и сего богатства будемъ намъ довольно на всю жизнь! Ахъ! пустите меня,—продолжала она, видя что *Бернардъ* хочетъ остановить еѣ: пустите меня, я побѣгу объявить ему сію радостную вѣсть.—

Бернардъ съ большимъ трудомъ могъ удержавъ *Маргариту*, волнуемую безпредѣльною радостью; онъ смотрѣлъ на чудное золото и задумчиво потрясалъ головою.

«Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь оставить у себя это сокровище?» спросилъ онъ еѣ.

—А почему же нѣтъ? — отвѣчала она съ живостью: я не безчестнымъ манеромъ его получила; самъ Богъ, кажется, мнѣ его посылаетъ въ ту самую минуту, когда самая небольшая сумма денегъ могла обезпечить мое щастіе.—

«Всѣ, что ты говоришь, кажется мнѣ очень справедливымъ, моя милая,» возразилъ спаркъ: «я знаю, что мое сужденіе предспавится тебѣ спраннымъ... Но я боюсь, нѣтъ ли въ этомъ дьявольщины... Не уже ли ты думаешь, что страшный, полуночный часъ, потъ часъ, когда всѣ Христіане почіютъ сномъ, подъ снѣю святыхъ Ангеловъ, былъ избранъ благодѣтельными духами, дабы пугать смертныхъ подобными видѣніями и ниспосылать имъ дары, столь необыкновенные?... Развѣ ты не чувствовала перзаній смерти при видѣ сихъ ужасныхъ призраковъ? И вмѣсто привѣтспвія, вмѣсто благословенія, когда ты, съ невинностью въ душѣ, возвращалась въ кузницу, развѣ не встрѣтили они тебя спраннымъ скрежетомъ зубовъ, и развѣ не угрожали тебѣ погибелью, если придешь въ чепвертый разъ?... Нѣтъ, *Гретли*, это не чистые и не добрые духи, тѣ, которые принимаютъ на себя образъ мертвецовъ, чтобъ пугать живыхъ.... Я не желалъ бы претящспвовать твоему щастію;

но есть примѣры, которые доказываютъ, что злой духъ не иначе даритъ свои сокровища, какъ на тяжкихъ условіяхъ, и что его богатства, сколь бы велики ни были, исчезаютъ столь же скоро, какъ снѣгъ передъ солнцемъ. Еще чаще, они помрачаютъ умъ и разсудокъ того, кто обладаетъ ими, такъ, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ употребить ихъ въ свою пользу. Я совѣтую тебѣ, дочь моя, подождать еще при дни. Если, по прошествіи сего времени, твое сокровище не исчезнетъ: ибо мнѣ случилось слышать, что въ сундукахъ, гдѣ спрятаны были подобныя богатства, часто не находили ничего, кромѣ мухъ или дубовыхъ лиспьевъ; и если тогда ты будешь осматриваться при желаніи сохранить его,—то претью долю, какъ обыкновенно дѣлается, мы отдадимъ въ церковь, чтобы освятить осматриваемое, которое ты сбережешь на случай крайней необходимости. Между тѣмъ, для твоего счастья и спокойствія, я совѣтую тебѣ хранить въ глубокой тайнѣ всё это приключеніе, не говорить даже *Георгу*. . . Это возбуждаетъ только зависть сосѣдей, послужитъ поводомъ къ множеству непріятныхъ распросовъ и, быть можетъ, къ невыгоднымъ сужденіямъ на твой щѣпъ.»

Маргарита, пораженная благоразуміемъ сего совѣта, обѣщала своему дядѣ сообразоваться съ онымъ. Путешествіе *Георга* было отсрочено подѣ благовиднымъ предлогомъ.

По прошествіи трехъ дней, сокровище не измѣнило своего вида, и *Маргарита*, сопровождаемая своимъ дядей, отправилась подѣ вечеръ въ ближній монастырь, для принесенія въ даръ части ея золоту, какъ было условлено. Священнослужитель, которому она вручила свое приношеніе, осыпалъ её похвалами за благочестіе; и какъ блестящія слитки золота не обратились въ уголья, переходя въ его свѣтлыя руки: то *Бернардъ* и заключилъ изъ сего, что Богъ желаетъ счастья обоимъ любовникамъ. На другой же день онъ объявилъ, что, видя печаль своей племянницы, рѣшился уступить ея желанію выдать её за мужа за *Георга*; онъ совѣтовалъ молодымъ супругамъ любить прудъ, порядокъ и бе-

режливоспъ, далъ имъ квартиру возлѣ своей и уступилъ имъ свою булочную, дабы они могли жить, не касаясь до таинственнаго золоту, а самъ довольствовался небольшимъ доходомъ, который они ему удѣляли, и который былъ доспапоченъ для его содержанія. Да,—нерѣдко повторялъ онъ *Маргаритѣ*,—ты должна помнить, что благословеніе Божіе не можетъ сънять богатства, пріобрѣтенныя столь чуднымъ и ужаснымъ образомъ.—

Небольшое хозяйство шло какъ нельзя лучше; *Маргарита* была такъ щастлива, что скоро забыла свое ночное приключеніе, или по крайней мѣрѣ сохранила о немъ смутное воспоминаніе, какъ о пляжкомъ снѣ. Сокровище было тщательнo зарыто *Бернардомъ*; онъ одинъ зналъ мѣсто, гдѣ оно лежало, и долго не предсказывалось случая, чтобы оно попадобилось. *Георгъ* работалъ неусыпно; жена его была бережлива и прилежала къ пруду, и скоро небольшой домъ ихъ дяди показался имъ слишкомъ тѣснымъ для распросранившагося круга ихъ торговли.

Георгъ присоединилъ къ булочному мастерству еще новый промыселъ: онъ снабжалъ городокъ и окрестности всякаго рода товарами; и честолюбіе, возрасшая вмѣстѣ съ прибытками, подспрекало его занять квартиру, которая была бы попроспоритѣ.

Прекрасный домъ, на самомъ выгодномъ мѣстѣ, продавался; за него просили не очень дорого; но цѣна превышала способности *Георга* имѣть къ пріобрѣтенію сего дома; и онъ долженъ былъ опказаться отъ покупки и отъ всѣхъ плановъ, которые имѣлъ въ виду. *Маргарита* не могла легко утѣшиться отъ сей неудачи; она такъ льстила себя мыслью, что будетъ занимать самый красивый домъ въ городкѣ, что будупъ окружатъ её всѣ возможныя домашнія удобства, въ коихъ она не разъ завидовала своимъ сосѣдкамъ! Ея грусть, безпрестанно усиливаемая, напомнила ей о безплезномъ сокровищѣ, которыми она обладала, и вдругъ ей пришло на мысль, что млада воспользоваться имъ—наспала.

Не сказавъ еще своему мужу, она совѣтовалась съ *Бернардомъ*, и спросила его: не

будеть ли достачно зарытаго клада для покупки споль желаннаго дома.

Спарикъ испугался, услышавъ о семь кладѣ, о которомъ онъ не могъ вздумать безъ пайнаго ужаса. Не разъ собирался онъ уговорить *Маргариту* бросить въ рѣку сіи подозрительныя богатства; но боязнь обративъ ея вниманіе на сіе таинственное золото, всегда удерживала его. Онъ поспѣшилъ воспользоваться симъ случаемъ, чптобы сообщить племянницѣ свои недоумѣнія и безпокойства.

«Избавься, дочь моя, отъ эшаго сокровища, о которомъ одна мысль приводитъ меня въ содроганіе; вспомни, цѣною какихъ терзаній ты приобрѣла оное! Пусть работа твоя, твоего мужа, бережливостъ ваша, замѣнятъ всякія другія богатства! Вы щастливы, что же вамъ еще нужно болѣе?...» И къ сему увѣщанію, онъ присоединилъ всѣ жалостныя рассказы, которые могли прийтти ему на память, дабы отвратить *Маргариту* отъ ея намѣренія. Сіи отеческія убѣжденія, мысль объ ужасной ночи, проведенной ею въ кузницѣ, долго её удерживали; но сіе впечатлѣніе было непродолжительно, и желаніе наслаждаться пріятною жизнію, мало по малу его изгладило; наконецъ, она забыла обѣщаніе, которое дала своему дядѣ, чптобы никому не говорить о кладѣ, и рѣшилась открытъ все своему мужу.—Онъ будетъ умѣть лучше меня, говорила она сама себѣ, побѣдитъ мнительностъ или упрямство дядюшки, и заспавитъ его наконецъ опдашь сокровище, которое принадлежитъ намъ. —

Георгъ слушалъ рассказъ своей жены сперва съ удивленіемъ, а потомъ съ недовольнымъ видомъ.—«Зачѣмъ,» сказалъ онъ съ досадою, которая была первая со дня ихъ сватьбы: «зачѣмъ было скрывать сдо ихъ поръ отъ меня это спранные приключеніе, и рассказать когда я пропустилъ случай употребить его съ пользою? Одинъ мѣсяць ранѣе — и ты сдѣлала бы меня, можетъ быть, самымъ богатѣйшимъ человѣкомъ всего края; теперъ уже поздно... Я могъ бы взять подрядъ, отъ котораго отказался, по неимѣнію капиталала, и твоя неумѣстная скрытностъ

лишаетъ меня всего того, что я могъ бы выиграть.»

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

НЕБЕСНЫЙ СВОДЪ.

(*Изъ Гулибольдта.*)

Великолѣпнѣйшая часть Южнаго неба, на коей блистають: *Кентавръ*, *Корабль*, *Арго* и *Южный крестъ*, пребудуть вѣчно неизвѣстною для Европы. Только подъ экваторомъ, въ одно и то же время, наслаждаются единственнѣйшимъ и величественнѣйшимъ зрѣлищемъ созвѣздій Южнаго и Сѣвернаго неба. Тамъ нѣкоторыя изъ нашихъ сѣверныхъ созвѣздій, каковы: *Большая* и *Малая Медвдица*, по причинѣ низкаго стоянія, являюцца въ изумительной, почти устрашающей величинѣ. Жипель пропиковъ не только видитъ всѣ звѣзды, но и самая природа окружила его предспавителами *всѣхъ* формъ распнѣй.

ДОМЪ ЖИВОПИСЦА АЛБРЕХТА ДЮРЕРА.

Домъ славнаго Нѣмецкаго художника *Албрехта Дюрера*, въ Нюренбергѣ, сохранилъ свою спаринную физиогномію. Онъ купленъ тамошнимъ магиспратомъ — и опданъ въ наймы обществу молодыхъ художниковъ, нослщему имя сего знаменитаго живописца. Въ залѣ нижняго этажа поставленъ бюспъ *Дюрера*, украшенный лаврами и вѣнкомъ изъ звѣздъ.

ПЕРЕВОДЪ АНГЛІЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ.

Въ Лондонскомъ государственномъ архивѣ найденъ переводъ *Bozicia de Consolatione*, сдѣланный славною Англійскою королевою *Елисаветою*. Эпопъ переводъ почти весь написанъ собственною рукою королевы. Въ немъ соблюденъ размѣръ стиховъ подлинника и вѣрностъ; но мало красотъ шипическихъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

7.

Въ Петербургѣ получена осьмая книжка сухаго, безцвѣтнаго, холоднаго *Телескопа*. И въ шестой все еще плынулась *Бальзакова* повѣспь *Отець Горіо*, не знаемъ почему названный *Дядь Горіо*; во Французскомъ подлинникѣ спойтъ *le père Gorio*. Въ этомъ журналѣ давно уже нѣтъ никакого признака ни жизни, ни современности; ничего живопрещущаго. На оберткѣ его можно выписнушь 1735, 1935 пакже, какъ 1835 годъ, не боясь сдѣлать анахронизмъ. Въ немъ помѣщаются:

Мысли *Аристотеля*,

Правила *Сенеки*,

Правила *Деларошфуко*.

Жизнеописание семи Греческихъ мудрецовъ.

Новѣйшее извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ Александромъ Македонскимъ надъ Персами.

Съ послѣднею почтою полученное извѣстіе объ экспедиціи Персидскаго царя *Ксеркса* противъ Аѳинянъ и Спартанцевъ.

Спапислика Римской имперіи.

О высокомъ соч. *Лонгина*.

Физика, соч. *Пивагора*.

Химія, соч. *Оалеса*, и другія сему подобныя спашья, почерпнушыя изъ *Плутарха*, *Квинта-Курція*, *Робертсона* и *Юма*.

А. *Кораблинскій*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БОЖЬЯ ГРОЗА.

Идешь гроза: се, гнѣвъ Твой ярый!
 О Боже! се Твои намъ кары:
 Земля дрожитъ, кипитъ пожары!
 Вездѣ удары на удары!...
 Какой же Духъ? Какія чары
 Закрыи у людей и души и глаза?
 Имъ не видна,

Имъ не слышна
 Твоя гремящая гроза!

Ф. *Глинка*.

С H A R A D E.

Dans mon premier, lecteur, reconnais un pronom ;
 D'un empire fameux, mon dernier est le nom.
 Mon entier, inventé par l'homme de génie,
 Prête un secours puissant à l'humaine industrie :
 Cet entier, de nos jours, avec horreur cité,
 A servi les projets d'un scélérat infâme ,
 Dont le sanglant forfait et l'exécrable trame
 Seront encor maudits par la postérité.

Въ No 87-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Ложь*.

M O D E S.

J'ai eu grand'peine à trouver le temps de vous écrire ce soir, ma chère *Nancy*; je ne pouvais me débarrasser de deux visites que j'ai beaucoup de plaisir à recevoir ordinairement et qui aujourd'hui m'eussent bien obligée en *goûtant* moins le charme de ma société! L'un est un artiste qui semble tout frais émoulu du temps de *François Ier* et qui *mangerait* comme on mangeait du temps de la *renaissance*, si la tradition indiquait quelque chose à ce sujet. L'autre est un homme de lettres que l'on voit toujours voyageant avec cinq ou six brochures à la main, et qui, partout où il passe, laisse quelques bribes de son écriture; mais c'est assez médire du prochain, surtout de ceux-là pour lesquels j'ai beaucoup d'amitié, malgré leur longue station de ce soir. J'étais d'autant plus contrariée que je venais de recevoir des magasins de la *Caravane* une superbe collection d'échantillons, dont je voulais vous dépeindre quelques uns, afin que, dans la *commande* que vous devez me faire, vous puissiez fixer votre choix. Je vous engagerai à prendre, pour douillette de *coin du feu*, de la *norvégienne*; c'est un *coutil de soie* très fort et très solide; j'en ai une sous les yeux, fond noir, à petites lignes cerises, qui vous conviendrait à merveille. Pour robe de visite du jour, il vous faut de la *florestine-marron*, fond mat, à rayures très rapprochées de lignes blanches satinées et parsemées de petits bouquets détachés, en soie brillante, de la couleur du fond. Pour robe de soirée *grave*, du *satın sergé*, fond blanc ou gris pâle, à grandes fleurs brillantes; le gris surtout est ravissant et du meilleur goût. Pour robe de bal, si vous voulez

être la plus élégante, ayez une robe de gaze noire, brochée en fleurs de couleur et feuilles vertes, sur un dessous de satin blanc; rien n'est d'un effet plus merveilleux. Aux lumières, le fond de ces robes, si léger et si transparent, disparaît entièrement; il ne reste plus à l'œil que ces mille couleurs brillantes et chatoyantes, qui rappellent les nuances du papillon et ces mouches aux ailes lumineuses dont parle le voyageur enchanté. Pour manteaux, il faut une étoffe brochée, laine sur laine, couleurs tranchantes sur fond marron ou *vert-myrtle*. On signale une petite innovation dans les manches des robes non habillées. Ces manches, toujours fort larges, sont serrées aux poignets par un ou plusieurs poignets, mais on laisse dépasser sur la main deux doigts du bout de la manche, ce qui forme garniture. On brode des écharpes de mousseline de l'Inde en or ou soie de couleur; beaucoup le sont *au crochet*, broderie si à la mode du temps de nos *grand'mères*. On parle de broder les souliers pour cet hiver. Les souliers de velours noir seront de mode, dit-on; on mettrait dessus des bouquets de rose ou des dessins gothiques en or. Pour quiconque a un joli pied, la séduction sera grande; mais gare les pieds en bateaux!... Vous verrez que ce seront ceux-là qui suivront de plus près la nouvelle mode.

М О Д Ы.

Я съ большимъ трудомъ нашла время писать къ тебѣ сегодня вечеромъ, милая *Нанси*; не могла отдѣлаться отъ двухъ поѣшителей, которыхъ я обыкновенно принимаю съ большимъ удовольствіемъ, и которые очень бы меня одолжили сегодня, если бы менѣе нашли прелести въ моемъ обществѣ. Одинъ изъ нихъ аршистъ, который, кажется, будто только что изслѣдовалъ время Франца I-го, и который спалъ бы въ постѣ, какъ ѣли во времена возрожденія, если бы преданіе говорило о томъ что нибудь. Другой, литераторъ, котораго видно всегда съ пятью или шестью брошюрами въ рукѣ, и который вездѣ, гдѣ бываетъ, оставляетъ нѣсколько словъ, его рукою написанныхъ; но полно злословить ближняго, особенно такихъ, къ которымъ я весьма расположена, не взирая на то, что они засиѣлись у меня сегодня вечеромъ. Мнѣ тѣмъ досаднѣе было, что я только что получила изъ магазина *de la Caravane*

великолѣпное собраніе платьиковъ, изъ которыхъ хотѣла тебѣ нѣкоторые описать, для того, чтобы когда ты будешь себѣ заказывать черезъ меня, ты могла опредѣлить свой выборъ; я совѣтовала бы тебѣ взять для дульета *de coin de feu, norvégienne*; этошь шелковый камаенокъ, весьма плотный и прочный; у меня лежишь подъ глазами, по черному грунту мелкія вишневыя полоски; для тебѣ это было бы весьма прилично. Для визитнаго платья днемъ, тебѣ надо матерію *florestine marron*, по маповому грунту весьма частыя бѣлыя апласныя полоски, устьяныя отдѣльными мелкими букетами, изъ блестящаго шелку, такого же цвѣта какъ грунту. На платьѣ для *важнаго* вечера, *at-laca sergé*, грунту бѣлый или блѣдно-дикій, съ крупными блестящими цвѣтами; дикой цвѣтъ особливо прелестенъ и лучшаго вкуса. Для бальнаго платья, если ты хочешь быть въ цѣлогодичнѣ одѣта, то сдѣлай черное газовое платьѣ, затканное цвѣтными узорами съ зелеными листьями, на бѣломъ апласѣ: ничего нѣтъ прелестнѣе на взглядъ. При свѣчахъ, грунту эпихъ прозрачныхъ и легкихъ платьевъ совершенно исчезаетъ, для глазъ ослѣдомъ только тысячи разныхъ блестящихъ опликомъ цвѣтовъ, напоминающихъ тѣни бабочекъ и эпихъ мухъ съ огненными крылышками, о которыхъ говоришь восхищенный путешественникъ. Для платьей затканная шерстяная матерія, рѣзкіе цвѣта по каштановому или зеленому мидювому цвѣту. У простыхъ платьевъ есть небольшая перемена въ рукавахъ. Рукава все также широки, перехвачены однимъ или нѣсколькими обручиками, но конецъ рукава свущенъ на руку въ два пальца ширины, что составляетъ оборку. По Индѣйской кисей вышивають шарфы золотомъ или цвѣтнымъ шелкомъ, нѣкоторые вышивають памбурною иголкою; вышиванье, бывшее въ такой модѣ во времена нашихъ бабушекъ. Поговаривають о вышитыхъ башмакахъ къ нынѣшней зимѣ. Черные бархатные башмаки, говорящъ, будутъ въ употребленіи, на нихъ будутъ букеты розъ или готическіе узоры золотомъ. У кого красивая ножка, это будетъ весьма соблазнительно; но бѣда для ногъ въ видѣ лодокъ. Ты увидишь, что эти самыя будутъ слѣдовать за модою, какъ можно ближе.

(Оплати сего письма въ слѣд. листкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 89.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 6 ДНЯ 1855 ГОДА.

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оспавиль, не допивъ до дна
Бокала поднаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ расшаться съ нимъ!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСКАТЕЛЪ КЛАДОВЪ.

(Оповѣстіе.)

Маргарита была весьма опечалена неудовольствіемъ, съ которымъ мужъ ея принялъ открытую имъ тайну, и въ первый разъ домашнее щастіе ея было встревожено. Она представила, въ свое извиненіе, увѣщанія дядюшки, и самыми нѣжными ласками старалась разсѣять гнѣвъ *Георга*; но въ томъ не успѣла. Онъ утверждалъ, что дядя, по обыкновенію старыхъ людей, говорилъ всё это только для того, чтобы завладѣть деньгами, но что онъ заспавилъ его отдавъ ему ихъ, и наказылъ столько грубостей на щепъ человека, который служилъ ему опцомъ, что *Маргарита*, оскорбленная несправедливостью своего мужа, не могла удержавъ своихъ слезъ.

На другой день *Георгъ* былъ ласковѣе съ своею женою, и старался разными уловками возобновить разговоръ о таинственномъ со-

кровищѣ, которое занимало ихъ наканунѣ. Онъ привелъ ей на память многія непріятности, кои они потеряли, со вспуленія въ бракъ, опъ своей крайней бѣдности. «Съ этими деньгами,» говорилъ онъ: «которыя ты пріобрѣла довольно дорогою цѣною, и слѣдственно имѣешь полное право употребить въ нуждѣ, мы избавились бы опъ тысячи пятгоспныхъ заботъ, опъ множества ночей, проведенныхъ безъ сна; и теперь были бы мы богаты, и я не долженъ бы былъ кланяться моимъ заимодавцамъ, чпобы они отсрочили мнѣ плащежъ на нѣсколько дней. Наконецъ, *Маргарита*, чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе чувствую, какъ мы глупы, чпо лишаемъ себя такого пособія; не спану мѣшкавъ долѣе, я хочу, чпобы сегодня же дядюшка вручилъ мнѣ сіе сокровище.»

Георгъ разгорячился, произнося сіи послѣднія слова, и вышелъ, чпобъ исполнить свое намѣреніе. *Маргарита* не смѣла иппи за нимъ въ комнаты своего дяди, и съ большимъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ кончипся разговоръ ихъ.

Скоро услышала она страшный шумъ; прибѣжавъ къ пойдъ комнатѣ, она увидѣла какъ мужъ ея вышелъ съ досадою отъ дяди, и отправился изъ дому.

Старикъ препеталъ отъ душевнаго волненія и печали, и едва могъ собраться съ силами, чтобы упрекнуть *Маргариту* за ея нескромность. Разказавъ ей объ оскорбленіи, нанесенномъ ему *Георгомъ*: «Смотри, нещастная!...» прибавилъ онъ: «низпосылаешъ ли Господь благословеніе свое на сіи пагубныя богатства!... Мы жили въ спокойствіи, благополучіи, согласіи, а съ пойдъ минушъ, какъ ты сказала объ эпимъ зловѣщемъ кладѣ, демонъ раздора поселился между нами!...»

Маргарита старалась успокоить его; она изыскивала разныя причины, чѣмъ извинить своего мужа; скрыла, что онъ и на неѣ разсердился; представила дядѣ своему необходимость имѣть домъ обширнѣе для ихъ торговли, и употребила всѣ способы, склонить его въ пользу своихъ плановъ обогащенія; но старикъ упорствовалъ въ прежней своей мысли. Онъ не опказался возвращить имъ сокровище, объявивъ однако же, что не намѣренъ имъ пользоваться ни подъ какимъ видомъ; что онъ скончаетъ жизнь въ своемъ маленькомъ домѣ, и что почель бы за преступленіе принять малѣйшее участіе въ благополучіи, коего источникъ споль подозрителенъ.

Въ пойдъ же день вечеромъ сокровище находилось уже въ рукахъ *Георга*, и часть ночи онъ болѣе ничего не дѣлалъ, какъ любовался чудными слитками. *Георгъ*, расчисливъ приблизительно ихъ цѣнность, нашель, что онъ можель купить пойдъ прекрасный домъ, съ надбавкою прошивъ цѣны, за которую онъ былъ проданъ, и что у него останелься достаточная сумма, для исполненія плана, который родился въ умѣ его при разказѣ *Маргариты*: а именно, купить домъ кузнеца.

Хозяинъ тайнственной кузницы конечно не знаель, что подъ жилищемъ его сокрыты богатства; ибо съ большимъ трудомъ могъ пропитывать себя работою, и не разъ объявляель о продажѣ своего вепхаго дома, попо-

му, что не имѣль средствъ исправить его. Недавно еще онъ предлагаль *Георгу* купить домъ его.

Объ эпимъ-то покупкѣ намекаль *Георгъ*, упрекая *Маргариту*, что она споль долго скрывала сію важную тайну, и что такимъ образомъ воспрепятствовала его щастію. Теперь же, узнавъ цѣну сей развалины, онъ рѣшился приобрести еѣ во что бы то ни спало. Онъ даже успѣшилъ сдѣлать предложеніе кузнецу о продажѣ, боясь, чѣмъ другой кто, щастливѣе нежелы онъ, не предупредиль его въ эпимъ намѣреніи.

Вечеромъ, въ пойдъ же день, *Георгъ* отправился въ гостиницу, гдѣ обыкновенно собирались всѣ охотники попить, и куда часто приходиль кузнецъ—за чашею пива прогнать свои заботы.

Георгъ скоро отыскаль его; сѣлъ возлѣ и завель разговоръ. Онъ говорилъ о тяжкихъ временахъ, о дороговизнѣ припасовъ, о замѣшательствѣ въ торговыхъ дѣлахъ, о неудобствахъ кузнечнаго ремесла—и безпреспанно подливаль сосѣду. Наконецъ, разговоръ зашель о продажѣ развалины. Кузнецъ, обрадованный, что нашель покупателя, едва могъ скрыть свое восхищеніе, а *Георгъ* представляль нѣкоторыя возраженія, не желая дать замѣнить какъ радовался онъ эпимъ покупкѣ.

Между пѣмъ, зала мало по малу наполнилась гостями, и скоро не оспалось ни одного спода, ни одной скамейки, которые не были бы заняты. Въ сію минушу, къ небольшому споду, у котораго *Георгъ* сидѣль съ кузнецомъ, разсуждалъ о своемъ дѣлѣ, подошелъ незнакомецъ, хорошо одѣтый и важно вида. Онъ поклонился кузнецу, какъ своему старому знакомому, и вѣжливо просиль у него позволенія сѣсть къ споду и поставить бутылку,—въ чемъ нельзя было ему опказать. Онъ, казалось, хотѣль изьявить за то признапельность своими услугами и особеннымъ спараніемъ оживить разговоръ. Онъ имѣль неисчерпаемый источникъ оспрыхъ словъ и забавныхъ шутокъ, и высказываль ихъ съ такою любезностью, съ такою веселостью, что скоро всѣ гости вышли изъ-за сподовъ и спали въ кружокъ

около незнакомца, чтобы его слушать. Кузнецъ, повидимому, былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ предпочелъ сѣсть возлѣ его, и даже съ гордостью посмапривалъ на другихъ, потому что онъ въ особенности къ нему обращалъ разговоръ свой: тогда какъ *Георгъ*, досадуя, что эмпотъ говорунъ прервалъ сдѣлку, которая почти приведена была къ концу, взглядывалъ на него изкоса, насильно смѣялся его шуткамъ, полкалъ ногою кузнеца, и начиналъ разговоръ, на которомъ они остановились. Наконецъ онъ довелъ до того, что внимательный незнакомецъ, неумѣвшій повидимому быть скромнымъ, нашелъ возможность вмѣшаться въ разговоръ. Лишь только онъ узналъ о чемъ идееть дѣло, какъ обращаясь къ *Георгу*: А! а! молодой человекъ,—сказалъ онъ съ выразительною улыбкою: вамъ болѣе хочется имѣть *двѣствленную землю*, на которой находилъсѣ эпа развалина, нежели самое строеніе!... Если угодно, то я вамъ помогу еѣ разрабашивать, и—продолжалъ онъ, понизивъ шашнспвенно голосъ: для каждаго изъ насъ ошашнетсѣ довольно. —

Георгъ припворилсѣ, будто не понимаешъ словъ незнакомца, и хотѣлъ оставитъ ихъ безъ замѣчанія; но слушаштели и особливо хозяинъ кузницы, въ которомъ слова эпи возбудили любопытство, хотѣли знать, что значитъ *двѣственная земля*, и почему могла она имѣть цѣну.

—Правда, естъ ошъ чего припши въ удивленіе, господа,—сказалъ важно незнакомецъ: что почтенные жиптели сего городка споль мало знаютъ любопытныя подробности о землѣ ихъ, и вмѣсто того, чтобы вамъ угоспшитъ, какъ слѣдовало бы по насшоашему, незнакомца, который васъ посѣщашетъ, рассказомъ о сихъ чудесахъ, онъ же долженъ вамъ ихъ рассказывать! Быть можетъ вы припворяешесѣ, будто бы ничего не знаете, и хотите посмѣяшсѣ надо мною, человекомъ простымъ и добросовѣстнымъ.. Но я не охотникъ до шутокъ; какъ бы то ни было, однакожъ я вамъ расскажу, что въ чужихъ земляхъ говораштъ о вашемъ городкѣ, который однако въ прежныя времена былъ городомъ, а потомъ

смѣйшесѣ, сколько хотите.—Послѣ эшаго предисловія, незнакомецъ кашлянулъ, харкнулъ, выпилъ спаканъ вина, и спалъ рассказывать въ слѣдующихъ словахъ:

«Кто изъ васъ, господа, читалъ Туринскіе лѣтописи, тому должны быть извѣсны чудныя приключенія одного изъ самыхъ древнихъ языческихъ государей Турингіи, по имени *Мервига*, или лучше *Меервигта*. Машъ сего Государя, происходившая ошъ королевской крови, любила купать его въ морѣ, и лѣтописи говораштъ, что она имѣла шайную связь съ какимъ-то морскимъ чудовищемъ; ошъ чего и сынъ ея получилъ названіе *Меервигтъ* или *Мервигъ*; что, по однимъ, значитъ тюлень, а по другимъ, *сынъ моря*. Я могъ бы цѣлый день рассказывать вамъ о чудесахъ его царствования; но мой сосѣдъ, господинъ кузнецъ, гораздо болѣе любопытствуетъ знать собственно тѣ чудеса, которые касаются до его кузницы... И такъ, эмпотъ *Меервигтъ* не происходилъ ошъ королевской крови, развѣ со спороны матери, но онъ обладалъ несмышнымъ богатствомъ, и свержъ того, былъ опекуномъ наследнаго принца. Но эмпотъ, уничтоживъ своимъ дурнымъ поведеніемъ достоинство прешпола, лишешъ былъ народомъ своего сана, и на мѣсто его возведенъ *Меервигтъ*. Сдѣлавшисѣ королемъ, *Меервигтъ* выпроилъ множество укрѣпленныхъ замковъ въ Турингіи, желая утвердитъ власть свою, и жилъ преимущественно въ одномъ, который названъ имъ *Меервигтбургъ*, ошъ чего селеніе Меебисбергъ удержало свое имя. Въ эмпотъ замкѣ, который находился неподалеку ошъ Эрфурта, спряталъ онъ огромное сокровище, состоявшее въ золотѣ, жемчугѣ и камняхъ драгоценныхъ, принесенное чудовищемъ въ даръ на свашбу его матери.

«Въ послѣдствіи замокъ разрушенъ. На мѣстѣ его выпроена часовня во имя... Я забылъ какъ его звалъ.»

—Должно быть св. *Діонисія*,—сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

«Быть можетъ;» возразилъ незнакомецъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: «ешъ ишеца, которыхъ никакъ нельзя запомнитъ...»

Но обратимся къ нашему повѣствованію... Подъ эту самую часовнею *Меервихтова* со-кровище было погребено до 1100 года, пока прое изъ жителей сего мѣстечка, узнавъ тайну, рѣшились овладѣть имъ.

«Тѣ изъ васъ, которые знаютъ эту часовню,» примолвилъ незнакомецъ, посматривая на слушателей съ видомъ вопрошающимъ: «быть можетъ замѣтили, на самомъ верху ея, при головы, вырѣзанныя на камнѣ, и возлѣ нихъ лошадиную подкову, порпныя ножницы и пастушій посохъ.»

— Я самъ видѣлъ ихъ,—сказалъ кузнецъ: однакожь никто не могъ располковать мнѣ, что это значить.—

«Я вамъ расскажу,» возразилъ услужливый незнакомецъ. «Эти три головы представляють именно трехъ смѣлыхъ поварищей: кузнеца, портнаго и пастуха, которые завладѣли *Меервихтовымъ* сокровищемъ. Въ памяти своего успѣха, они велѣли вырѣзать свои изображенія надъ входомъ, и представили каждого съ принадлежностями своего промысла. Пастухъ купилъ на золото, доставшееся ему по дѣлежу, обширныя земли, сдѣлался сильнымъ владѣльцемъ и основалъ городъ Шафштапъ. Портной, который былъ склоненъ къ распочительности, промоталъ свою часть съ молодыми повѣсами. Что же касается до кузнеца, то онъ возвратился въ свой родимый городъ, похоронилъ кладъ въ своемъ домѣ и принялся за прежнее ремесло. Скупость была единственною его слабостью; онъ умеръ, не прикасавшись къ своему золоту; и съ пѣхъ поръ, какъ слышно, строго спережелъ свой кладъ.»

«Спранно,» присовокупилъ рассказчикъ, окончивая сіе повѣствованіе и обращаясь къ кузнецу: «что вы, мой дорогой сосѣдь, еще ничего не замѣтили необыкновеннаго въ вашей старой кузницѣ, потому что вы единственный кузнецъ этого мѣстечка, и съ давняго времени въ вашемъ домѣ всегда была кузница; и такъ, стало бытъ у васъ найдена часть *Меервихтова* сокровища.»

— Ей! Ей! въ первый разъ отъ роду слышу объ этомъ,—сказалъ удивленный кузнецъ.

—О! если бы въ нашемъ домѣ нашелся кладъ, то оно очень бы пригодилось и для меня и для отца моего, потому что мы всегда жили въ бѣдности!—

«Ну! вотъ теперь представляется случай разбогатѣть,» возразилъ незнакомецъ: «для этого не нужно болѣе минуты.»

И тогда, съ большою подробностью онъ началъ рассказывать объ этомъ кладѣ пакія чудеса, описалъ съ такою точностью золотыя вещи, рѣдкіе жемчуги, драгоценные камни, шупъ зарытые, что можно было подумать, что онъ самъ ихъ видѣлъ, и съ сей минуты кузнецъ, ослѣпленный и какъ бы въ безпамятствѣ отъ одной мысли обладать такимъ богатствомъ, потерялъ совершенно охоту продать за дешевую цѣну столь высокія надежды.

Георгъ былъ въ отчаяніи; алчность къ золоту, еще увеличившаяся отъ рассказа незнакомца, заставила его позабытъ всякое приличіе, и онъ успремилъ всю ярость свою на рассказчика, который своею повестью прервалъ его сдѣлку: дѣло дошло до грубостей; отъ брани перешли къ дракѣ; гости приняли сторону одни того, другіе другаго; отъ этого произошла страшная суматоха, которую только полиція усмирить могла. Незнакомецъ исчезъ такъ, что никто не замѣтилъ, *Георгъ* за все поплакался и опвѣденъ былъ въ тюрьму, откуда его выпустили не иначе, какъ со внесеніемъ пени, которой часть составляла всю условленную сумму за развалину, причинившую такой безпорядокъ.

Между тѣмъ кузнецъ, по приходѣ къ себѣ въ домъ, началъ перебирать всю свою лавку, надѣясь отыскать кладъ, зарытый его предѣстникомъ. Нѣсколько дней онъ только эшимъ и занимался; но ничего не нашелъ подъ поломъ, кромѣ камней и обломковъ. Его поиски произвели только то, что кузница сдѣлалась негодною, фундаментъ ея поврежденъ, и кузнецъ не могъ уже болѣе заниматься ремесломъ своимъ.

Тогда, раскаяваясь, что не принялъ предложеній *Георга*, и проклиная болтливаго незнакомца и его пустословные рассказы, онъ рѣшился, при первомъ случаѣ, возобновить

переговоры. Сей случай скоро представился. *Георгъ*, не смотря на бывшее съ нимъ неприятное происшествіе, день и ночь думалъ о своей безразсудной спекуляціи и не поколебался обѣщать обрадованному кузнецу сумму, которая составляла изрядную часть оставшагося у него сокровища, чѣмъ имѣлъ право почитать своею собственностью развалину, гдѣ, по мнѣнію его, должны были зарыты несмѣтные богатства.

Однако же, не смотря на удовольствіе, доставленное ему сею покупкою, онъ не объявилъ женѣ своей, съ какою цѣлью пріобрѣтена имъ развалина, а рассказалъ ей, въ присутствіи стараго дяди *Бернарда*, исторію *Меервигова* сокровища почти такъ, какъ передалъ ему незнакомецъ. Но въ то время, когда онъ говорилъ, примѣтное смущеніе *Маргариты* обнаруживало безпокойство, пробужденное въ ней эпимъ повѣствованіемъ. Съ сей минуты онъ рѣшился не открывать ей своего плана, боясь, что она воспрепятствуетъ привесть его въ исполненіе. Между тѣмъ и онъ самъ намѣревался его оставить, когда дядя *Бернардъ*, слушавшій его съ большимъ вниманіемъ, сказалъ: «Ты худо знаешь эту исторію, *Георгъ*; я, въ дѣтствѣ еще, слышалъ объ ней, но мнѣ рассказывали ея иначе: прое поварищей были нечестивцы, которые дѣйствительно пробрались въ часовню св. Діонисія, съ тѣмъ, чѣмбы похитили сокровище съ помощью колдовства и дьявольскихъ заклинаній. Они успѣли; но худому началу—худой конецъ. На другой день они найдены были всѣ мертвыми на своихъ постеляхъ, съ перевороченными шеями, лицомъ чернымъ какъ уголь и обращеннымъ назадъ. Что же касается до сокровища: то оно безъ вѣспи пропало. Епископъ тогда освящилъ церковь, оскверненную ихъ злоумышленіемъ, и дабы увѣковѣчить память ихъ преступленія, предупредить правотѣрныхъ и воспрепятствовать, чѣмбы они, подобно симъ несчастнымъ, не обратились на путь, ведущій къ гибели, онъ велѣлъ выставить изваяніе головы сихъ нечестивцевъ надъ дверями, гдѣ дѣйствительно и теперь можно ихъ видѣть.»

Слова *Бернарда* произвели нѣкоторое впечатлѣніе на *Георга*; и, разсуждая самъ съ со-

бою о томъ, какая могла быть причина, побудившая незнакомца рассказать иначе окончаніе *Меервиговой* исторіи, вдругъ пришло ему на память, что незнакомецъ никакъ не хотѣлъ произнести имя Святаго, въ честь котораго воздвигнута часовня. Сія мысль возбудила въ немъ тайный ужасъ, и намѣреніе завладѣть сокровищемъ, представлялось ему нечестивымъ и дерзновеннымъ. Какъ онъ еще не заплапиль кузнецу условленной цѣны, то и рѣшился опѣдѣлаться опѣ него, если возможно, и спокойно пользоваться тѣмъ, что у него осталось, не заботясь умножать свое достояніе иначе, какъ прудомъ и промышленностью.

Но *Георгъ* былъ не въ силахъ исполнить столь благоразумное предположеніе; кузнецъ, обрадованный столь выгодною продажей своего дома, не согласился уничтожить условіе и принудилъ *Георга* довершить начатое дѣло. Въ сіе время, томъ, который продалъ ему домъ на площади, потребовалъ уплаты; и какъ остальнаго сокровища *Маргариты* было для сего недостаточно, то *Георгъ* вынужденъ былъ занять деньги съ большими процентами, дабы удовлетворить своихъ кредиторовъ.

Тогда исполнилось предсказаніе *Бернарда*: *Нѣтъ благословенія Божія надъ силами деньгами*, нерѣдко пвердилъ онъ;—онъ вѣкъ принесутъ только горе.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя *Георгъ* былъ попрежнему дѣятеленъ, трудолюбивъ; но у него было много заботъ, и не во всѣхъ работахъ видно было хозяйское око. Его переездъ въ новый домъ, которому не было подобнаго во вселѣ мѣстечкѣ, подалъ поводъ къ издержкамъ, коихъ прежде избѣгали, ко внутреннимъ украшеніямъ, кои до того времени не представлялись юной чепъ необходимыми; покупка чудной кузницы была другимъ источникомъ издержекъ и попеченій. Слѣны этой лачужки, потрясенныя розысками кузнеца, угрожали паденіемъ; городское начальство потребовало, чѣмбы *Георгъ* выстроилъ новый домъ, въ высокую цѣну, несоотвѣтственный его предположеніямъ, и объявило, что въ противномъ случаѣ сроетъ и возьметъ въ казну эту раз-

валину, для которой *Георгъ* сдѣлалъ столько расходовъ. Не разъ, среди довольства и пріятностей, кои доставляло ему новое жилище его, онъ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о старинной бѣдной хижинѣ *Бернарда*, въ коей опрятность была единственнымъ украшеніемъ, и гдѣ обитали миръ и скромное довольство. Часто онъ намѣренъ былъ обратиться къ своей простой, безмятежной жизни; уже было поздно. Его кредиторы, видя, что онъ замышляетъ столько предпріятій, начали сомнѣваться въ вѣрномъ полученіи своихъ денегъ, и по истеченіи сроковъ, не захотѣли переписывать векселей. *Георгъ* употребилъ всѣ усилія — уговорить ихъ и получить опсрочку; онъ скоро былъ вынужденъ объявить о продажѣ своего дома, стоившаго ему шакъ дорого; но никто не соглашался дать ту цѣну, за которую онъ былъ заложенъ. Тогда стали угрожать *Георгу* судомъ, и несчастный увидѣлъ себя на краю пропасти, и еще въ большей нищетѣ, нежели пять лѣтъ тому назадъ, когда, лишенный всего, онъ долженъ былъ опправиться искать щастія въ чужихъ краяхъ. Тогда онъ не былъ женатъ, не имѣлъ никакихъ заботъ, вселенная была открыта предъ нимъ и ничто еще не помрачало пріятныхъ лучей надежды. Теперь, жена беременная, дѣтя—раздѣляли судьбу его; и взирая на эти драгоцѣнныя существа, онъ не былъ одушевляемъ тѣми сладостными чувствованіями, кои естественны для него, кто носитъ священное имя супруга и отца; но душа его была исполнена терзаніемъ и пагубными предчувствіями.

Въ эти горестныя минуты, когда, предвидя свое злополучіе, онъ раздраемъ былъ столько глубокою печалью, часто приходило ему на мысль ночное приключеніе *Маргариты* и воспоминаніе о сокровищахъ, которыя, по словамъ незнакомца, должны быть погребены подъ кузницу. Тогда пробуждалось въ душѣ его желаніе овладѣть этимъ кладомъ, и сіе желаніе день ото дня возрастало съ большею живостью. Часто онъ посѣщалъ одинъ самые темные закоулки въ сихъ древнихъ спѣнахъ; иногда онъ оставался тамъ за полночь, ожидая появленія привидѣній, и малѣйшій шорохъ

возбуждалъ его вниманіе; но наковальня не издавала звуковъ, мѣха раздувательные были неподвижны; ничто не приводило кузницу въ движеніе, и только холодъ пробѣгалъ по бѣдному *Георгу* опъ завываній ночнаго вѣтра, дующаго сквозь разбитыя спекла и ращелистыя стѣны.

Между тѣмъ, не покидая своихъ мечтательныхъ надеждъ, и не смотря на свое разстроенное положеніе, онъ рѣшился предпринять надлежащіе розыски. Исправленіе дома было предлогомъ къ симъ новымъ работамъ: ибо молодой *Георгъ* постыдился бы обнаружить свое настоящее намѣреніе. Пока у него были деньги, дѣло шло своимъ порядкомъ, но скоро работникамъ надоело трудиться безъ платы, и они оставили кузницу. Изъ нихъ остался только одинъ: онъ не былъ извѣстенъ въ околонтѣ и казался весьма простымъ, но очень прудолобивымъ.

Въ одно утро, онъ подалъ *Георгу* кусокъ скорія, родъ каменстаго спекловастаго вещества, которое, подобно пѣнѣ, является на поверхности плавильныхъ мепалловъ. Могло случиться, что сей кусокъ образовался въ самой кузницѣ; но легковѣрный *Георгъ* не усомнился принять его за вѣрный признакъ столь желаннаго сокровища; онъ весьма щедро наградилъ работника и осыпалъ его самыми леспными обѣщаніями на будущее время. Съ сей минуты онъ не выходилъ изъ кузницы: ибо безпреспанно ожидалъ открытія сокровища. Но дни протекли, земля была во всѣхъ мѣстахъ глубоко изрыта, а ни малѣйшаго признака мепалловъ не было обнаружено.

Печаль, овладѣвшая *Георгомъ*, не укрылась опъ работника, который съ тайственнымъ видомъ сказала ему: Если позволите, сударь, сказаать вамъ, что я думаю... Мнѣ кажется, что разрывая землю, чтобъ узнать въ какомъ положеніи находилса фундаментъ, вы имѣете совершенно другую цѣль; можно даже подумать, что вы ищете... быть можетъ, кладъ?... Если это справедливо, ибо вы предпринимаете прудъ бесполезный: по нельзя получить такимъ образомъ кладъ, особливо, если онъ давно уже зарытъ. Вы

конечно слышали, что металлы, зарытые въ землю, обращаются въ самыя нѣдра оной, оныя собственной ли своей пляжеспи, или, что върооятнѣе, гномы увлекаютъ ихъ: ибо подъ землею духи имѣютъ полную власть надъ золотомъ и серебромъ; клады составляютъ удѣлъ ихъ, и когда владѣлецъ ихъ умираетъ, то они принадлежатъ имъ. И пакъ, сударь, когда вы намѣрены опыскивать какое нибудь сокровище: то всѣ труды ваши пропадутъ, если вы не подружитесь предварительно съ гномами. —

Съ Нѣмец. Z. Z. Z.

К В А К Е Р Ы.

Упрямство Квакеровъ, не давая присяги, черѣдко бываетъ чувствительнѣе для ихъ кармана. Вотъ пому примѣръ:

Одинъ буйнъ надѣлалъ множество проказъ въ лавкѣ у Квакера; но не могъ бытъ присужденъ полиціею ни къ заплатѣ убытковъ, ни къ наказанію, попому, что хозяинъ-Квакеръ отказался подтвердить присягою свои показанія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

8.

Къ намъ пишутъ изъ Кяхты, что въ журналѣ Средиземнаго государства (въ Китаѣ), подъ заглавіемъ: *Двѣнадцатиглавый огнедышущій Драконъ*, издатели начали съ нѣкотораго времени изъяснять свое негодованіе противъ со- блазнительныхъ, неблагопристойныхъ, раз- вращающихъ нравы книгъ. На это издатели журнала: *Лучезарное свѣтило*, замѣтили имъ, что они отчасти сами поощрили сочи- нителей подобныхъ тусныхъ книгъ, смотря сквозь пальцы на своихъ юныхъ сотрудни- ковъ, *восписующихъ или похвалы въ собствен- номъ ихъ періодическомъ изданіи*. Они совѣ- стуютъ держать юныхъ, *рьяныхъ* сотрудни- ковъ въ ежовыхъ рукавицахъ и не давать имъ самовольничать.

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Е. А. К—фъ.

Слагая вирши, юныхъ Музъ
Бывало стихотворцы звали;
Хоть не всегда палантъ и вкусъ
Богини-сѣстры имъ внушали.

Но минуль вѣкъ для Пьеридъ;
На нихъ прошла ужъ нынче мода,
И въ божества другаго рода
Поэту вѣришь долгъ велишь.

И эпи божества—вы, дамы;
Вы, вдохновеніе пѣвцовъ:
Улыбка ваша, пара словъ—
Живить въ нихъ даръ ничпожнѣй самый.

Я не былъ съ Музами знакомъ;
Но, вмѣсто чистыхъ дѣвъ призванья,
Довольно вашего желанья—
И вопъ куплеты въ ващъ альбомъ.

А. Г—въ.

A MON ENFANT.

Mon bel enfant, te voilà blanc et rose,
Né dans ce monde et couché sur mon sein,
Fleur d'aujourd'hui toute fraîche et mi-close,
Mise par Dieu sur le large chemin:
Tes yeux chéris, innocens de lumière,
N'ont pas encor dans les miens pu jaillir:
A Dieu déjà j'adresse une prière:
Pour voir tes yeux, je demande à vieillir!

Toi mon Jésus, si mignon et si frère,
Qu'avec le souffle on n'ose te toucher;
Un faible oiseau du frôle de son aile,
Comme un épi, peut te faire pencher:
Qu'une caresse ou te presse ou t'effleure,
Ton front rosé semble aussitôt pâlir:
Je te regarde et puis mon âme pleure:
Pour t'embrasser, je demande à vieillir!

Si tu savais combien je compte l'heure!
Car pour toi l'heure est tout un jour pour nous:

Déjà dans toi je me berce et me leurre,
 En t'appelant de ton nom à genoux!
 Dans tous les noms que je voudrais t'apprendre
 Il en est un qui me fait tressaillir,
 Celui de mère! oh oui! oui! pour t'entendre!
 Pour t'écouter je demande à vieillir!

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* опдаюць по инженерамъ горнымъ,
 По арміямъ, по флосамъ, корпусамъ,
 По сообщенія пущамъ.
Второй по безднамъ моря чѣрнымъ
 Носился въ корабль, который создалъ самъ:
 Съ нимъ плавалъ Гафешъ и Симъ и Хамъ.
 А *цѣлое* мое, копия не очень книжно,
 Сидишь въ судахъ, въ приказахъ неподвижно,
 Съ перомъ въ рукѣ—
 И въ износившемся въ лохмотья серпукъ,
 Бумаги пишешь, пишешь, пишешь,
 А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышишь.

Въ No 88-мъ, помѣщенная шарада значить: *Ma-chine*
 (*infernale*).

М О Д Е С.

Par un sentiment de convenance et peut-être de coquetterie bien pardonnable, du reste, beaucoup de *dilettanti* étaient en noir, samedi, à la représentation des *Puritains*; c'était une lugubre couronne offerte aux mânes de Bellini. On m'a parlé de la toilette d'une jeune dame qui se trouvait à l'Opéra le jour où les charmantes sœurs Essler firent leurs adieux au public parisien. Cette dame, très connue à Paris par son élégante originalité, avait une robe de mousseline de laine bleue, semée de petites fleurs blanches; la jupe était garnie de deux volans pareils, une large dentelle formait chérusque autour du corsage; au bas de manches, une dentelle semblable flottait autour du bras, montée en *sabot*, et un petit tablier de la même dentelle couvrait le devant de la jupe jusqu'aux genoux. Un fil de perle portant une croix de turquoises était

suspendu autour du cou, et un gros nœud de ruban de taffetas bleu, rattachant les cheveux par derrière, complétait cette parure qui a été beaucoup remarquée.

Si nous reprenons nos vieilles modes, nous reprenons aussi nos vieux auteurs, et la *Comédie-Française* exhume de ses cartons, d'où sortent souvent de si pitoyables choses, tous les élus littéraires du temps de Louis XIV. Aussi, dit-on que le faubourg Saint-Germain a déjà fait louer une grande partie des loges. Bonsoir, chère sœur, mes bougies qui s'éteignent m'avertissent que j'ai assez *jasé* comme cela. — Votre *Sarah*.

М О Д Ы.

По нѣкоторому чувству приличія, а можетъ бытъ и кокетства, весьма извинительнаго впрочемъ, многія любительницы были въ черномъ, въ субботу, въ представленіи Пуританцовъ: это былъ печальный вѣнецъ въ честь пѣни Беллиниевой. Мнѣ говорили о нарядѣ одной молодой женщины, бывшей въ Оперѣ въ прошлый день, когда прелестныя сестры *Есслеръ* прощались съ Парижскою публикою. Эта дама, весьма извѣстная въ Парижѣ по своей щеголеватой спранныости, была въ голубомъ платьѣ изъ шерстяной кисеи, усыянной бѣлыми мелкими цвѣточками; юбка опдѣлана двумя такими же оборками; широкое кружево составляло *chérusque* около лица, внизу рукавовъ, такое же кружево висѣло около руки, сдѣланное манжетами, и небольшой передникъ изъ такого же кружева закрывалъ передъ юбки до колѣнъ. На шеѣ была нипка бусъ, на которой висѣлъ крестъ изъ бирюзы, и большой бантъ изъ голубыхъ шафяныхъ ленъ, прихвѣпывавшій задніе волосы, довершалъ этотъ замѣтный нарядъ.

Если мы принимаемся опять за старинныя моды: то принимаемся опять и за старинныхъ сочинителей, и *Французскій театр* выкапываетъ изъ своихъ картоновъ, откуда выходятъ часто весьма жалкія вещи, всѣ избранныя творенія времени Людовика XIV; попому, говорящъ, предметъ *Saint-Germain* наняло большую часть ложъ. Прощай, милая сестра, догарающія свѣчи напоминаюшь мнѣ, что я заболпалась. — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 90.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модь, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 9 ДНЯ 1835 ГОДА.

Подъ кочкой сей Злословъ Памфилъ,
Какъ змѣй убиный пропнулся:
Злослова друга онъ, языкъ свой прикусилъ,
И желчью захлебнулся!

Ивановъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЗЯТІЕ ИВРЕИ.

Въ 1800 году, во время Италіанской войны, Французская армія, подвигаясь къ Милану, Турину, Генуѣ и полямъ Маренго, претерпѣвала на пути своемъ чрезъ цѣпь Альпійскихъ горъ отъ Сен-Бернара до Ницы и Монтенапа ежедневно возрастающія трудности; но духъ воиновъ и физическія силы ихъ не ослабѣвали, и всѣ препятствія исчезали передъ ними. — Мы намѣрены описать здѣсь прехдненную осаду маленькой крѣпости *Ивреи*, возвышающейся на двухъ холмахъ, по берегу рѣки *Доріи-Балтеи*, копорой жили пели, не смотря на слабыя укрѣпленія и недоставкою долговременной осады, защищались однако-жь цѣлыя прее сутокъ съ невѣроятною храбростью и патриотизмомъ, имѣя только 4,000 человекъ Австрійскаго гарнизона и 25 орудій противъ 30,000 Французской арміи, предводительствуемой славнѣйшими генералами въ цѣлой Европѣ: *Массеною*, *Ланолемъ* и *Бернадотолемъ*.

Генераль-аншефъ Французской арміи, доходя на остановку свою у этой едва кое-какъ укрѣпленной мазанки, погда какъ онъ въ одинъ день взялъ Александрію и въ одинъ только часъ Каиръ, — горя сверхъ того переплнѣнемъ занявъ выгодную позицію, чптобы удобнѣе дѣйствовать на Миланъ, — генераль-аншефъ 25-го Мая 1800 года велѣлъ дивизіи *Лана* напасть со всѣми силами своими на городокъ *Иврею*, — и баталіонъ генерала *Коше* атаковалъ крѣпость штыками. Пятнадцать орудій, защищавшихъ её, обращены были противъ неѣ и открыли легионамъ республики трудную, но свободную дорогу. Они вошли въ крѣпость напѣвая *Марсельезу*, — и по прехъ-часовомъ геройскомъ сопротивленіи, осажденные, вытѣсненные изъ цитадели, рассыпались по городу; — нѣсколько солдатъ и жипелей, съ намѣреніемъ продать дорога жизнь свою, вошли въ домъ генераль-адьюпанпа *Г....* и въ одну минупу мирное жилище эшаго спараго и почтеннаго воина превратилось въ наспоющую крѣпость, которую наскоро укрѣпили.

Ланъ опрядилъ офицера съ двумя баталіонами бригады своей, чптобы какъ можно

скорѣе выгнать сопротивлявшихся изъ новаго ихъ укрѣпленія. Мы умолчимъ о имени офицера изъ уваженія къ его фамиліи, нѣкоторые члены которой занимаютъ нынѣ почтенныя мѣста въ арміи нашей, и скажемъ только, что майоръ *Л.*, извѣстный жестокою своею—ворвался въ домъ генерала *Г.* по трупамъ храбрыхъ воиновъ, тамъ защищавшихся.—Генераль-адъютантъ *Г.* оставшись въ живыхъ одинъ изъ небольшого гарнизона своего, схватилъ топоръ и долго опраждалъ имъ Французовъ; когда же майоръ *Л.* бросился съ саблею въ рукахъ, чтобы ворваться въ комнату, гдѣ укрѣпились еще нѣсколько солдатъ, тогда генераль *Г.* такъ сильно ударилъ его топоромъ, что прошибъ бы ему голову, если бы офицеръ не отклонилъ искусно удара саблею.—Храбрый и заслуженный воинъ упалъ, плавая въ крови своей—и комната была занята Французами.

Майоръ *Л.*, который въ цѣлую военную жизнь свою не пощадилъ ни одного побѣжденнаго, уже заносилъ послѣдній смертный ударъ на генерала, какъ вдругъ изъ боковой залы вбѣжала молодая, прекрасная женщина, блѣдная, съ распрепанными волосами—почти въ безуміи, и бросаясь на колѣна передъ офицеромъ, кричала со всѣмъ отчаяніемъ супруги и матери: Пощадите, пощадите его!—онъ мой супругъ—онъ отецъ моего ребенка!

Жестокій взглянулъ равнодушно на эту прекрасную и прогательную женщину, которой вся душа изливалась передъ нимъ въ эту минуту, — потомъ оттолкнувъ её отъ себя, спокойно выспрѣлмилъ въ раненаго.

Госпожа *Г.* закричала—и съ невыразительнымъ отчаяніемъ кликнула *Жоржа*. Бѣдный ребенокъ, дрожа отъ страха, сидѣлъ подъ кроваткою.—Она подвела его къ майору.

—Подлецъ!—сказала она ему: вотъ сынъ мой, убей и его!—

Въ эту минуту громкія восклицанія раздались у дверей и Французскій генераль, окруженный офицерами, вошелъ въ комнату и остановился на окровавленномъ порогѣ. Майоръ, какъ громомъ пораженный, остановился, поблѣднѣлъ и снялъ шляпу. Госпожа *Г.*, по какому-то внушительному побужденію,

бросилась къ ногамъ генерала—говоря: *отомстите за меня!*—

Генераль поднялъ её ласково, и спросилъ, что произошло въ этой комнатѣ. Всѣ въ ней обвиняло майора—и обезображенный пруть генерала *Г.* и отчаяніе жены его—и этакъ ребенокъ съ ангельскою наружностію, блѣдный, дрожащій отъ страха—съ распухшими отъ слѣзъ глазами,—этакъ несчастный младенецъ, который звалъ отца,—но отецъ не просыпался!... Однимъ словомъ, генераль понималъ всё. Глаза его засверкали; онъ смялъ съ сердцемъ перчатку въ рукѣ своей, и оборотясь къ офицеру, стоявшему передъ нимъ съ препетнымъ почтеніемъ, закричалъ спрашнымъ голосомъ:

«Вы, сударь, подлецъ!—вы зарѣзали, — вы умертвили челоѣка беззащитнаго, храбраго и заслуженнаго воина, не смотря на мольбы жены его и на слѣзы невиннаго младенца,—это безчестно—подло—гнусно!»

—Генераль,—отвѣчалъ майоръ запинаясь: вамъ извѣстно, что...—

«Молчать!» закричалъ генераль: «Я не принимаю извиненій вашихъ, — вы недостойны болѣе служить во Французской арміи. Оп- дайте шпагу вашу, я исключою васъ изъ 22-й бригады—и изъ Италіанской кампаніи.»

Майоръ гордо поднялъ голову.

—Генераль,—вскричалъ онъ въ сильномъ смущеніи, но однако-жь со всею увѣренностію челоѣка, который за минутой до того жертвовалъ своею жизнію: генераль—вотъ мой крестъ и моя шпага, но я прошу васъ вѣлѣть судить меня.—

«Это будетъ сдѣлано, сударь,—завтра же будетъ сдѣлано.»

Потомъ снявъ шляпу передъ трупомъ генерала *Г.*, онъ сказалъ офицерамъ своимъ:

«Господа, почтите вмѣстѣ со мною прахъ храбраго воина.»

Госпожа *Г.* провела вечеръ эпаго ужаснаго дня въ слезахъ и отчаяніи; когда же генераль былъ похороненъ со всѣми военными почестями, эта несчастная женщина, попереившая въ одинъ часъ всё, что послѣ сына было для неѣ драгоцѣннаго въ свѣтѣ, впала въ то совершенное уничтоженіе всѣхъ силъ

души и пѣла, которое нельзя назвать ни ужасомъ—ни сумасшествіемъ, но только горестію, и эта горестъ была глубокая — для которой нѣтъ утѣшенія на землѣ. Пока ей должно было опомстить за мужа и сына, она сохраняла еще нѣкоторую бодрость и дѣятельность, но теперь, когда убійца уже получалъ должное наказаніе за свою жестокость — когда мечъ правосудія висѣлъ надъ головою его, — теперь печальная вдова думала только о великости потери своей, и нимало не испугалась, когда на другой день рано по утрамъ адъютантъ генераль-аншефа Французской арміи пріѣхалъ объявить ей, что генераль проситъ её къ себѣ въ Ратушу, гдѣ находилась главная квартира. — Не сказавъ ни слова, госпожа Г. взяла на руки сына своего, блѣднаго, изнуреннаго бессонницею и слезами—и въ молчаніи послѣдовала за офицеромъ.

Её потчасъ ввели въ залу совѣта, гдѣ собраны были въ эту минуту всѣ знаменитые воины республики, — люди, которымъ судьба готовила въ будущемъ жребій столь различный! — Изъ нихъ иные предопределены были завоевывать государства, возложивъ на себя царскій вѣнецъ, другіе оставили на поляхъ сраженія, — въ шуму дворовъ или въ вихрѣ политическихъ распрей—честь свою, спокойствіе и даже самую голову. — Госпожа Г. нѣсколько смутилась. — Эпопъ зовъ главнокомандующаго, — это торжественное молчаніе въ залѣ—устрашили её. Грудь ея стѣснилась и она не могла рѣшиться спросить, зачѣмъ требовали её въ Ратушу. Вдругъ раздался барабанъ на улицѣ—за нимъ ружейные выстрѣлы—и генераль вошелъ въ залу. — Увидя госпожу Г., онъ подошелъ, взялъ её за руку и подвелъ къ окошку. Она взглянула—и увидѣла слѣдствія военной экзекуціи.

«Смотрите, сударыня,» сказалъ онъ съ простотою древнихъ: «эпопъ Французскій офицеръ разспрылянь сію минутою соотечественниками своими, за то, что при взятіи одного города присупомъ—онъ умертвилъ Нѣмецкаго генерала.»

Онъ замолчалъ—и помѣнявшись взглядами съ нѣкоторыми изъ офицеровъ своей свиты, продолжалъ:

«Вы можете сегодня же оставишь *Иерею*. Генераль *Дезе*, которому я поручаю проводить васъ, ручается республикѣ за вашу безопасность. Прощайте, сударыня; скажите принцу *Карлу*, что вы были свидѣтельницею правосудія Французской арміи.»

Главнокомандующій Французскою арміею, тогда первый консулъ республики, былъ поэтъ, кто послѣ назывался Императоромъ *Наполеономъ*.

Т.

СОБРАНИЕ ТУРЕЦКИХЪ АНЕКДОТОВЪ.

Турецкія остроумія, или Менакиби Назиръ-Эдинъ-Холга.

Смѣло можно сказать, что истиннаго остроумія вообще мало, и что большая часть остряковъ—обязаны имъ памяти. чему служатъ доказательствомъ многочисленныя *собранія остроумныхъ словъ*, извѣстныхъ съ самой глубокой древности, и изъ которыхъ вѣрно три трети ничто иное какъ повторенія. *Гераклесъ*, *Гулелгасъ*, *Джо-Миллеръ* и пр. забавляли Грецію, Германію и Англію подогрѣтыми шутками, передѣливая ихъ на другой ладъ и выдавая старое за новое. Переводы *Станислава Гуліана* доказываютъ, что Китайцы усмѣхались тѣмъ же остроумамъ, которыми и *Джонъ-Булъ* заставлялъ хохотать Бриггандцевъ своихъ, а глупость, приписываемая нами Ирландцамъ, давно, по словамъ *Эджворта*, отличала жителей Гасконіи отъ прочихъ Французовъ, — и еще давнѣе того, была исключительнымъ свойствомъ пляхельныхъ и неловкихъ Беотійцевъ, надъ которыми такъ нещадно насмѣхались сосѣди ихъ Аѳиняне.

Книга, изъ которой намѣрены мы извлечь нѣсколько отрывковъ, служитъ вѣрнымъ доказательствомъ, что важные Мусульмане черпаютъ остроуміе свое изъ одного источника съ веселыми Европейцами, и что одинъ и тѣ же шутки смѣшаютъ людей при свѣтлыхъ водахъ Босфора и на туманныхъ берегахъ Темзы. — Словомъ, основа ихъ вездѣ одна, и разница только въ узорѣ.

Собраніе Турецкихъ шутокъ, изданное подъ титуломъ *Менакиби* (острое слово), пользуется народною славою во всей Оптоманской

имперіи, и не смотря на то, не найдешь двухъ экземпляровъ его совершенно сходныхъ между собою. Въ опривкахъ, избранныхъ нами, видна непринужденность ума и свобода выраженія.—Почти всѣ помѣщенные въ нихъ шутки принадлежатъ *Назирь-Эдинъ Холегу* (имя его значить шутъ), которому Турки вмѣстѣ съ остроуміемъ приписываютъ также что-то похожее на глупость или простосердечіе *дурагна*. — Слѣдующіе два анекдота доказываютъ эту спранныю прошивуположность въ умѣ его.

Однажды *Назирь-Эдинъ Холегъ* занялъ у сосѣда мѣдную коспрюльку, и несъ её обратно, вложилъ въ неё другую маленькую.—Эпо что такое?—спросилъ съ удивленіемъ сосѣдъ. «Твоя коспрюлька родила,» отвѣчалъ *Холегъ*. — Сосѣдъ не сказалъ ни слова и прибралъ объ коспрюльки. — Черезъ нѣсколько дней *Холегъ* попросилъ опять коспрюльку, и на эпошь разъ такъ долго не возвращалъ её, что хозяинъ пришелъ за нею самъ. «Ахъ, она умерла!» сказалъ ему *Холегъ*. — Эпо что за глупость?—возразилъ сосѣдъ: можетъ ли коспрюлька умереть?—«А почему-жь нѣтъ?» сказалъ *Холегъ*: «вѣдь ты повѣрилъ же, что она родила.»

Въ другой разъ онъ, увидѣвъ упокъ на озерѣ, погнался за ними и разогналъ ихъ; потомъ взялъ кусокъ хлѣба, помочилъ его въ водѣ, съѣлъ на берегъ и спалъ ѣспъ. — Чпо ты дѣлаешь, *Холегъ*?—спросилъ его прохожій. «А вотъ опвѣдываю, какова ушиная похлѣбка,» отвѣчалъ *Холегъ*.

Мы сказали о сходствѣ шутокъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ;—но изъ эпоаго нельзя заключать однако-жь, чпобы онѣ переходили опъ одного поколѣнія къ другому.—Слово, составляющее такъ называемую *солъ* слѣдующаго Турецкаго анекдота, — было помѣщено за двѣсти лѣтъ назадъ въ одномъ Англійскомъ собраніи анекдотовъ—и находилъ ся также во Французской баснѣ *Лафонтеня*, подъ заглавіемъ: *le Rieur et les poissons* — *шутъ и рыбы*.

Холегъ купилъ однажды рыбы, сварилъ её—но подалъ на столъ только мелкую, а крупную отобралъ и положилъ особо.—Сынъ его эпо примѣшилъ, и во время обѣда, нагнулъ

ся къ одной изъ рыбъ и чпо-то шепнулъ ей. «Чпо ты ей говорилъ?» спросилъ *Холегъ*. —Я спрашивалъ её—опвѣчалъ мальчикъ: каково было *Ионъ* лежатъ во чревѣ киповомъ, — и рыба опвѣчала мнѣ такъ: гдѣ намъ маленькимъ рыбочкамъ знать эпо! спроси у старшихъ сеспѣръ нашихъ, которыхъ отецъ пвой положилъ вонъ тамъ, и онъ вѣрно всё расскажемъ тебѣ. —

Нѣкто, говорилъ *Джозе-Миллеръ* сидя подъ окошкомъ, кричалъ знакомому, пришедшему навѣспить его, *чпо его нѣтъ дома*. — *Не правда, ты дома*—опвѣчалъ гость,—и хозяинъ ужасно разсердился за то, чпо пріятель осмѣлился обвинить его во лжи.

Почти совершенно потъ же анекдотъ, съ нѣкоторою только перемѣною, находимъ мы и въ Турецкихъ собраніяхъ.

—Эфенди!—сказалъ сосѣдъ *Холегу*: мнѣ сегодня нуженъ осель—пожалуйста ссуди меня пвоимъ до вечера.—«Моего осла нѣтъ дома,» опвѣчалъ *Холегъ*, и въ эпо самую минупу осель заревѣлъ на конюшнѣ. — Не спыдно ли тебѣ лгать, — сказалъ сосѣдъ: я слышу крикъ его.—«Какъ!» съ сердцемъ возразилъ *Холегъ*: «и ты вѣришь ослу болѣе, нежели мнѣ?»

Въ собраніи Китайскихъ оспрыхъ словъ мы находимъ, чпо кто-то слыша, чпо у него въ домѣ скрывался воръ,—опвѣчалъ тому, кто сказалъ ему объ эпомъ: Надѣюсь, чпо онъ *принесетъ* чпо нибудь, потому чпо *вынести* опъ меня нечего. — Турецкій анекдотъ кажется намъ еще лучше; вотъ онъ:

Воръ забрался въ домъ *Назирь-Эдина*; жена его, услыша шумъ, закричала: Эфенди—у насъ воры.—«Чпо за бѣда?» опвѣчалъ *Холегъ*: «авось они найдутъ у насъ чпо нибудь, а мы у нихъ опнимемъ.»

Въ среднихъ вѣкахъ, нѣкоторые ученые настаивали часто подвергались грубымъ насмѣшкамъ черни, но совсѣмъ пѣтъ внушали къ себѣ невольное почтеніе. Муллы кажутся имѣють въ Турціи такую же участь; и вотъ чпо выписали мы изъ древнѣйшаго изданія *Менакиби*.

Однажды *Назирь-Эдинъ* вздумалъ проповѣдывать, и спавъ на кафедрѣ, спросилъ у народа: «*Правовѣрные, знаете ли, чпо я хогу сказать вамъ?*»—Нѣтъ,—опвѣчалъ народъ. «А!

когда такъ, такъ нечего и говорить,» и Холгъ сошелъ съ кафедры. — Въ другой разъ онъ взошелъ на неѣ оцѣ и повпорилъ: «*Правотверные, знаете ли, что я могу сказать вамъ?*» — Знаемъ, знаемъ! — Если знаете, то что-жъ и говорить?» — Наконецъ, онъ явился въ претій разъ, и тогда народъ, желая смѣшати его, опвѣчалъ: одни знаютъ, другіе нѣтъ. — «*Хорошо!*» возразилъ Назиръ-Эдинъ: «*такъ пусть же тѣ, которые знаютъ, перескажутъ слова мои незнающимъ.*»

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

9.

Весьма долго г. профессоръ *Казеновскій* слѣпо держался мнѣній знаменитаго археолога *Шлѣцера*, касательно Россійскихъ древностей и древнихъ нашихъ лѣтописей, переводилъ его и печаталъ въ *Вѣстникъ Европы*.

Вдругъ въ немъ обнаружилось желаніе уничтожить сокровища, доставшіяся намъ отъ нашихъ спеленныхъ предковъ и доселѣ почитавшіяся священными. Мы не удивляемся, что Польскіе историки и *Т. Тю-Гонджи-Оглу* стараются представить подлинность нашихъ лѣтописей подозрительною: имъ не нравится древность, простота изложенія и достоинство *Нестора*, *Сильвестра*, *Симона* (епископа Суздальскаго), *Иоанна* (священника Новгородскаго) и другихъ. Намъ понятна также цѣль *Сергѣя Скромненки* и *Николая Полеваго*: имъ хочется обратить на себя вниманіе соотечественниковъ, заставитъ ихъ говорить о себѣ. Иначе располковать нельзя ихъ мнѣній, которые пропиваются очевиднымъ, осязаемымъ доказательствомъ.

Но ученому мужу, оказавшему премногія важныя услуги археологіи вообще и опечетвенной исторіи въ частности, не зачѣмъ прибѣгать къ такимъ средствамъ. Очевидно, что онъ составилъ себѣ всю историческую систему, — а системы, къ сожалѣнію, какъ извѣстно, не разъ уже вводили въ заблужденіе самыхъ достопочтенныхъ людей.

Есть еще претій разрядъ невѣрующихъ, п. е. мелочныхъ и *кустарныхъ* (*), выдающихъ себя за глубокихъ мыслителей и опровергающихъ даже то, что $2 \times 2 = 4$, что кругъ круглъ, а преугольникъ имѣетъ при угла. Для нихъ мы расскажем маленькой анекдотъ, случившійся въ Лондонѣ съ однимъ медикомъ, позваннымъ къ больному гипохондрику. — «Подъѣхавъ къ дому *Н****, я позвонилъ въ колокольчикъ — и Негръ, слуга больного, впустилъ меня;» говоритъ въ своихъ запискахъ самъ эпотъ медикъ: «Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, было нѣсколько темно; по безпорядку постели я заключилъ, что онъ въ чрезвычайномъ волненіи. Я подошелъ къ нему. Онъ лежалъ, сложивъ руки крестомъ на груди; голова его была повернута къ лѣвому плечу и до половины закрыта подушками; лицо блѣдно и обезображено. Его спрадальческій видъ поразилъ меня. Не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія, онъ устремилъ на меня глаза.»

— А, любезный докторъ!... Какой ужасный случай, какое спрашное, необычайное приключеніе!... Кто бы могъ подумать? —

«Ради Бога, скажите, что съ вами сдѣлалось? Вы больны?»

— И вы спрашиваете меня! —

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Съ нынѣшняго только утра, и именно съ осьми часовъ обнаружились первые признаки. —

«Если вы не объяснитесь вразумительнѣе, я не въ состояніи буду ни понять васъ, ни лечить.»

— Съ осьми часовъ, повторилъ больной, не обративъ вниманія на мои слова. Ну, что?... не правда ли, что эпо очень любопытное и достойное наблюденія событіе?... Какъ я вамъ показался съ перваго взгляда? что вы ощутили, увидѣвъ меня: состраданіе, или позывъ къ смѣху?... Мнѣ очень хочется знать эпо. —

(*) Любимое словцо *Н. А. Полеваго*.

« А мнѣ очень хочется знать: зачѣмъ вы призвали меня? чтобъ дурачить? мнѣ некогда; прошу васъ не задерживать меня.»

— Вы шутите!... Кто? я васъ дурачу? Послѣ этаго вы слѣпы! Гдѣ у васъ глаза? Развѣ вы не видите чудовищнаго, необычайнаго и ужаснаго превращенія, которому я подвергся?... развѣ вы не видите его?—

«Я вижу только то, что въ вашихъ словахъ нѣтъ ни капли здраваго смысла. Я думаю, что у васъ горячка, и вы бредите. Полноше, полноше! Дайте мнѣ пульсъ.»

— Я брежу!... Вы, сударь, бредите... или нарочно пришли оскорблять меня!—

« Увѣряю васъ, нѣтъ. »

— Такъ посмотрите же на мою голову.—

« Ну, вижу; что жъ такое? »

— Что такое! что такое!... Она перевернулась, сударь, приняла обратное положеніе!—

Голосъ и глаза его обнаруживали сильный гнѣвъ и негодованіе. Я не могъ удержаться отъ смѣха, и началъ хохотать.

« Ха, ха, ха! Какой же вы искусникъ! Ни одинъ больной не опишетъ лучше васъ своей болѣзни. У васъ перевернулась голова? Да, да, я это вижу наконецъ. »

— Докторъ! ваша веселость неумѣстна; оставьте ваши шутики: я не потерплю ихъ; я не позволю насмѣхаться надъ моимъ несчастіемъ... Ахъ, прибавилъ онъ, заплакавъ горькими слезами: не довольно ли и того, что я долженъ претерпѣвать ужасныя, жестокия мученія!—

Я принялъ серьезный видъ и сѣлъ у его изголовья.

« Чѣмъ вы больны, Н***? »

Этотъ вопросъ еще больше взбѣсилъ его. Онъ сѣлъ въ постели и вскричалъ, пылая гнѣвомъ:

— Чѣмъ я больнъ? И вы спрашиваете, чѣмъ я больнъ? Развѣ вы не видите этаго, слѣпецъ? развѣ не видите вы, что у меня голова перемѣнила положеніе, что она перевернулась, что лицо у меня сзади, а затылокъ спереди? Это ужасное, неслыханное дѣло!—

Онъ легъ и спрямалъ голову подъ одеяло; но услышавъ, что я смѣюсь, опять вскочилъ, еще въ большемъ гнѣвѣ.

— Довольно! не угодно ли вамъ оставить меня, докторъ?—

« Зачѣмъ же? »

— Вы меня оскорбляете.—

« Повторяю вамъ, что и не думалъ. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія ни обижать васъ, ни дѣлать вамъ неприятностей.»

— Какъ! я вполне вѣряю вамъ, спѣшу призвать васъ, въ надеждѣ, что вы употребите всѣ средства вашего искусства пропивъ ужаснѣйшаго недуга, какимъ только можетъ быть пораженъ человекъ; а вы, вмѣсто того, чтобъ облегчить мои страданія, увеличиваете ихъ вашею безразсудною веселостью! Повторяю вамъ въ послѣдній разъ: если вамъ угодно, потрудитесь приступить къ исполненію вашихъ обязанностей, иначе прошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе сей часъ же оставить мой домъ.—

Онъ говорилъ серьезно. Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что временное, но сильное заблужденіе овладѣло его умомъ. Тогда уже почелъ я необходимымъ не противорѣчить ему, и показавъ видъ, что согласенъ съ его мыслями: и потому, принявъ важный и спокойный видъ, я сказалъ:

« Теперь, любезный Н***, я вижу наконецъ въ чемъ дѣло.»

— Слава Богу, насыду!—

« Я это очень хорошо видѣлъ и при самомъ входѣ: но такъ, какъ дѣло слишкомъ необыкновенно: то зная, что вамъ иногда приходятъ въ голову забавныя мысли, я подумалъ, что вы хотите сыграть со мной шутку.»

— Сыграть шутку!—

« И нарочно повернули такимъ образомъ голову, чтобъ посмотреть, что я скажу.»

— Увы, докторъ, вы ошиблись! мое несчастіе слишкомъ существенно!—

« Но совершенно ли вы увѣрены въ этомъ? »

— Какъ нельзя болѣе!—

« И это необыкновенное положеніе ни сколько не зависитъ отъ вашей воли? »

— Безъ всякаго сомнѣнія. Неужели вы можете предполагать, что я добровольно могу обезобразивать себя такимъ образомъ и подвергалъ всегдашнему мученію?—

«О, нѣтъ, нѣтъ. Я вижу, что это рѣдкій случай, необыкновенное явленіе; однакожь, иногда бываетъ, что воображеніе...»

— Не почитаете ли вы меня ребенкомъ, докторъ?— прервалъ бѣдный Н***.— Повторяю вамъ, что я въ полномъ умѣ, что разумокъ мой нисколько не разстроился, но голова перевернулась.—

«Хорошо, хорошо! теперь я совершенно убѣдился, и не отчаиваюсь найти противъ этого средство. Скажите только какимъ образомъ случилось съ вами это несчастіе?»

— Мнѣ приснилось нынѣшнюю ночь, что я прѣхалъ въ Вестъ-Индію, гдѣ, какъ вы знаете, у меня много плантацій, и осматриваю тамъ работы моихъ невольниковъ; вдругъ поднялся страшный ураганъ: деревья, дома, все сокрушалось опъ его яроспи; земля какъ будто верпѣлась подъ нашими ногами. Я смотрѣлъ на эти опустошенія съ ужасомъ; вдругъ порывомъ вѣтра повернуло мнѣ голову, какъ вы видите. Я чувствовалъ жестокія спраданія и, проснувшись, увидѣлъ съ ужасомъ, что это не сонъ. Ахъ, докторъ, какое несчастіе! чѣмъ заслужилъ я такое бѣдствіе?... Я долженъ быть спрашенъ, не правда ли?...—

«Да, не красивы; но противъ всего есть средства. Покажите языкъ;... дайте мнѣ пульсъ... Маленькая лихорадка: это очень естественно...»

Потомъ я началъ осматривать его шею, голову, грудь и спину съ такимъ вниманіемъ и важностью, которыя, кажется, его обманули; я нарочно медлилъ при этомъ осмотрѣ, потому что онъ далъ мнѣ предлогъ молчать и не обнаруживъ голосомъ невольной веселости, которой я совершенно не могъ удерживать.»

Этотъ больной выздоровѣлъ; дай Богъ, чтобъ и у нашихъ больныхъ головы спали на прежнее мѣсто!

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ГОНДОЛЬЕРЪ И ПОЭТЪ.

(Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье).

У стѣнъ Венеціи, владычицы зыбей,
Безпечный гондольеръ въ мерцаніи ночей
Скользишь вдоль береговъ безъ шума и безъ слѣда,
Поѣшь Эрмитаго, Ринальда и Такиреда.

Онъ любитъ свой напитокъ, безъ пламы онъ поѣшь,
Безъ гордыхъ умысловъ, безъ страха, безъ заботъ;

Поѣшь—и сладостно объятый вдохновеньемъ,
Свой путь на безднѣ водъ увеселяешь пьнемъ.

Какъ онъ, безъ опъзыва пою въ спирани чужой!
И звуки тайныя, придуманныя мной,

На морѣ жизненномъ мой жребій услаждаютъ,
Гдѣ сполько бурныхъ волнъ ладью мою вращаютъ

В. Тулаиискій.

1826. Одесса.

CHARADE DE 3 SYLLABES.

Quand mon premier roule sur mon dernier (r)

Arrête ou gare la culbute;

Mais si mon tout s'abat, c'est bien une autre chute,

Adieu la cave et le grenier.

Въ No 89-мъ, помѣщенная шарада значить: *Приказ-Ной.*

MODÈS.

Oh! le vilain mois d'octobre que nous avons, ma chère sœur! Paris semble un vrai lac de boue, Paris réputé si brillant! Ce n'est point dans les rues qu'il faut le juger. Toutes les figures qu'on y rencontre à pied sont ennuyées et quelquefois ennuyantes. Pour moi, je ne connais que deux choses qui pourraient me faire dans ce moment, affronter les *autans*, un rendez-vous et les poursuites d'un créancier. Comme, Dieu merci! je ne suis dans l'un ni l'autre cas, je reste bien tranquille au coin de mon feu. Cependant, je n'ai pu résister à la prière de gens fort aimables qui m'ont voulu conduire au ballet de l'*Ile des Pirates*. Je voulais voir si les deux gracieuses danseuses françaises, mesdemoiselles Duvernay et Pauline Leroux, pourraient faire oublier les deux allemandes Essler. J'ai été pleinement satisfaite; d'ailleurs, j'ai toujours eu une prédilection toute particulière pour mademoiselle Duvernay. Il y a quelque chose d'ingénu et de passionné sur cette figure et dans cette personne, qui m'en fait un être tout poétique. L'ensemble de ce ballet est plein de grâce et d'entente, seulement on pourrait prier M.

(1) Ce dernier est de deux syllabes.

Montjoie д'être un peu plus *forban*, si c'était possible. On ne lui demande pas du *dandysme* et une bouche en cœur, mais quelque chose de farouche, de graves moustaches, des sourcils contractés, des manières rudes, enfin de ces bons noirs attributs de *forban*, qui font qu'une femme se passionne ou se jette à la mer plutôt que de vous appartenir.

Il y avait à l'Opéra un grand mélange de toilettes d'été et d'hiver, et en général beaucoup de simplicité. J'ai remarqué la comtesse P... dont la singulière coiffure a attiré mon attention. C'était un demi-filet en chenille verte, qui ne couvrait que le haut de la tête et encadrait le front, en descendant sur les oreilles. Ce filet était entouré d'un rang de grosses perles, dont deux rangs pendaient de chaque côté de la figure. A l'endroit où les mailles se rattachent l'une à l'autre, était placée une perle. Les cheveux étaient en bandeaux devant et nattés derrière. Avec cela, une robe de mousseline blanche à manches longues, le corsage avec montant garni d'Angleterre, une écharpe de *grenadine* verte autour du cou, et la ceinture flottante de même couleur. Lady A... avait une redingote que j'ai trouvée un peu prématurée, en pou-de-soie rose, garnie d'une haute bande de cygne, l'ouverture du jupon sur le côté, garnie de même. La pèlerine moins grande qu'on ne les fait ordinairement garnie aussi et ne se joignant pas devant; un bonnet de blonde, de forme très basse avec une simple bande sur le front et les garnitures des côtés très avançantes. Voilà ce qu'il y avait de plus remarquable à cette représentation; ensuite beaucoup de toilettes mêlées de blanc et de sombre, comme images de la fin des beaux jours et du commencement des vilains.

Pl. No 32. Chapeau de pou-de-soie. — Redingote de reps garnie de chicorée. — Bonnet de tulle. — Redingote de mousseline garnie de nœuds de ruban.

М О Д Ы.

О! какой у нас скверный Октябрь, любезная сестра; Париж кажется грязным озером, Париж, который прозвали блестящим! Не на улицах надо судить о нем. Все лица, встречающиеся на них, скучны и иногда наводят скуку. Я знаю только два случая, которые могли бы теперь заславить меня презрительного: любовное свидание и преследование заимодавца. Но какъ, благодаря Бога, меня не ждётъ ни то, ни другое, но я и сижу покойно у камина. Однако я не могла отказать просьбѣ весьма лю-

безныхъ людей, хотѣвшихъ везти меня въ балетъ *l'Île des Pirates*. Я хотѣла видѣть, заспавяшь ли двѣ локія Французскія панцовщицы, г-жи *Duvernay* и *Pauline Leroux*, забывъ двухъ Германокъ *Essler*. Я была вполне довольна; впрочемъ, я всегда имѣла особенное предубѣждение въ пользу г-жи *Duvernay*. Въ ней есть что-то просподушное и спрасшное, что дѣлаешь для меня изъ неѣ существо, исполненное поэзіи. Общій видъ этаго балета весьма пріятенъ и искусно расположенъ, только можно бы попросить г-на *Montjoie*, если возможно, бытъ побольше *разбойникомъ*. Опъ него не пребуютъ щегольства и рта въ видѣ сердца, но нѣкоторую суровость, важные усы, нахмуренныя брови, грубая движенія; наконецъ эти хорошія черныя принадлежности *разбойника*, которыми заспавляютъ женщину почувствовать спрасшь, или бросишься въ море, скорѣе, чѣмъ принадлежать ему.

Въ Оперѣ была смѣсь зимнихъ нарядовъ съ лѣтними и вообще весьма проспыхъ. Я замѣтила графиню П. въ весьма спранной прическѣ. Это была полу-сѣпка изъ зеленой синели, которая покрывала верхъ головы и окружая лобъ, опускалась на уши. Эта сѣпка была обложена нипкой крупныхъ бусъ, опъ которой два ряда висюль съ каждой спороны лица. Гдѣ пепли схвываются, была буса. Волосы спереди были гладкіе и сзади коса. При этомъ, бѣлое кисейное плащье съ длинными рукавами, лифъ вверху обшитъ Англійскими кружевами; около шеи обернуть зелѣный гrenaдиновый шарфъ; длинный поясъ того-же цвѣта. Леди А... была въ редингопѣ, не совсѣмъ приличномъ времени года, какъ я думаю, изъ розоваго *pou-de-soie*, обшитомъ широкою полосою изъ лѣбяжьяго пуха; разръзъ юбки на боку обшитъ имъ-же. Перелинка не такъ велика, какъ дѣлають обыкновенно, поже обшита и не сходится спереди; блондовой чепчикъ очень низкой, просто съ лентою на лбу и оборки съ боковъ весьма выдались. Вотъ, что было замѣчательнѣйшее въ этомъ представленіи; потомъ много нарядовъ бѣлыхъ съ тѣмнымъ, какъ будто изображеніе окончанія хорошей погоды и начала дурной.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 32. Шляпка изъ *pou-de-soie*. — Редингопъ изъ репса, обшитого цикоріемъ. — Тюлевой чепчикъ. — Кисейный редингопъ, обшитый баншами изъ лентъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 91.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 13 ДНЯ 1835 ГОДА.

Воскреснемъ ли когда отъ чужезаспья модъ,
Чтобъ умный, бодрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не щипалъ за Нѣмцовъ.

Грибоѣдовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

АЛБЕРТЬ И КОРЕНТИНА.

(Повѣсть.)

Былъ день поминовенія по покойникамъ, и жители деревеньки Л. наполняли сельскую церковь и кладбище. Небо было мрачно, въперъ былъ между полуобнаженными деревьями, и сыпалъ на землю послѣдній осенній листъ; унылый колоколъ соединялъ протяжный гулъ свой съ мольбами Христіанъ по усопшимъ, и въ древнихъ сводахъ храма, при тускломъ мерцаніи угасавшихъ паникадилъ, раздавался прощальный гимнъ, да вѣчный покой опшедшимъ отъ суеты міра.

Албертъ сошелъ съ лошади, привязалъ еѣ къ дереву, вошелъ въ церковь и спалъ на колѣна вмѣстѣ съ другими.

Онъ также плакалъ и молчалъ.

Ровно за годъ передъ тѣмъ, въ эпопѣ самый день, онъ скакалъ въ Парижъ, получивъ извѣстіе о смерти невѣсты своей, прекрасной и милой *Корентины*, и опца ея, владѣтеля Генфонскаго помѣстья.

Албертъ любилъ первую любовью юности, и со всею жаромъ молодой, пламенной души, клялся, что никакая женщина не замѣнитъ въ сердцѣ его милой *Корентины*.

На другой день онъ долженъ былъ ѣхать; они ходили молча по полямъ и роцамъ, окружавшимъ замокъ, и думали о близкой разлуцкѣ.—Грустные взгляды, тяжелые вздохи—безъ словъ высказывали нѣмую поску ихъ.

Наконецъ *Корентина* прервала молчаніе.

—И пакъ, ты ѣдешь!—сказала она: Не знаю, но какое-то пайное, непонянное предчувствіе говоритъ мнѣ, что я больше не увижу тебя,—не приму отъ тебя брачнаго кольца, не сожму руки опвоей въ здѣшнемъ мірѣ!—и она нѣжно пожала ему руку.

«Къ чему такія спрашныя предвѣщанія?» сказалъ *Албертъ*.

—Ахъ, я не могу преодолѣть невольной поски!—За чѣмъ ѣдешь ты прежде нашей свашьбы?—

«Опецъ мой эпога пребуешь; и если я не поѣду, онъ лишится половины имѣнія.»

— Имѣнія?—вскричала *Корентина*: Вѣчно грубыя заботы міра, передъ которыми жизнь души ничто!—

«Не обижай меня, *Корентина*; я достоинъ любви твоей, и умѣю понимать себя.—О! я хочу жить съ тобою жизнію души и на землѣ—и памъ, въ мірѣ духовъ!—вездѣ, вездѣ съ тобою, *Корентина* моя!»

Они подошли къ часовнѣ, построенной надъ гробами предковъ *Корентины*.

— Войдемъ, сказала она.—Скоро и я буду жить подъ этимъ мраморнымъ сводомъ.—О милый! я сойду туда прежде тебя! Скажи, будешь ли ты вѣренъ *Корентинѣ* твоей, даже и тогда, когда могла разлучить ея съ тобою?—

«*Корентина!* я клянусь въ помъ здѣсь, и кладу руку на сердце твое, какъ на священный жертвенникъ. О, если я когда нибудь измѣню кляпвъ моей, то пусть явится пѣнь твоя изъ мрака гробницы, и преслѣдуетъ меня въ часы ночные; пусть грозный голосъ твой разразится надъ главою преступника!»

—Довольно! я буду помнить слова твои,— отвѣчала *Корентина*.—И такъ—въ жизни или по смерти, ты мой! и она сняла кольцо съ руки своей и надѣла на руку друга.

Они молча вышли изъ часовни и возвратились въ замокъ. Вечеръ былъ печаленъ, разлука еще печальнѣе.—На другой день съ разсвѣтомъ *Албертъ* сѣлъ въ почтовую коляску, и взглянулъ въ послѣдній разъ на башню, гдѣ находилась Образная комната *Корентины*, но сама она не подходила къ окнамъ.—Лошади помчались, и пронесли мимо часовни. Въ это время послышалось *Алберту*, что какой-то глухой, какъ бы вышедшій изъ гробовъ, голосъ повпорилъ вслѣдъ за нимъ прощальные слова *Корентины*: *Въ жизни или по смерти, ты мой!*

Ровно черезъ годъ, изъ числа въ число, *Албертъ* надѣялся воротиться къ свашѣбѣ съ *Корентиною*,—но увы! не успѣлъ даже на похороны ея!

Всѣ это происходило въ помятый роковой для Франціи годъ, въ который одинъ изъ

государей ея уничтожилъ *Нантское постановленіе* дѣда своего *Генриха IV*, и лишилъ подданныхъ свободы вѣроисповѣданія. Христиане не имѣли болѣе права служить Творцу—каждый по внушенію своего сердца.

Въ Британіи многія семейства заразились ученіемъ *Лютера*, и предпочли гнѣвъ монарха—опреченію отъ мнѣній своихъ.

Въ отсутствіе *Алберта* г. *Генбонъ* подвергся гоненію правительства за вѣру. Ему грозили лишеніемъ всего имѣнія, и даже пюрмою, но смерть избавила отца и дочь отъ участи ихъ ожидавшей, и съ тѣхъ поръ мрачное уединеніе воцарилось въ древнемъ замкѣ и обширныхъ садахъ его.

Албертъ, по дорогѣ въ Л., проѣзжалъ мимо *Генбонскаго* помѣстья, и хотѣлъ еще разъ посѣтить мѣста, гдѣ недавно все дышало веселіемъ. Подъемный мостъ замка былъ опущенъ, дворъ его заросъ терніемъ и крапивою, все было пусто и уныло; *Албертъ* подошелъ къ спорожу.

Старый *Ивонъ* сидѣлъ подъ деревомъ и читалъ книгу; жена его прjala возлѣ него.—Услышавъ шаги *Алберта*, онъ поднялъ голову и закричалъ: Пресвятая Богородица! не ужьли это господинъ *Албертъ!*

— Возможно ли!—подхватила *Женевьева*.—Ахъ г-нъ *Албертъ*, вы наследникъ помѣстья: не пріѣхали ли вы сюда, чтобы овладѣть имъ?—

«Нѣтъ!» отвѣчалъ *Албертъ*: «я вошелъ сюда только для того, чтобы съ вами вмѣстѣ плакать о *Корентинѣ* и узнать подробности кончины ея. Ахъ, для чего не было меня съ нею!—для чего не на груди моей сказала она послѣднее слово, опдала послѣдній вздохъ свой?»

— Вы добрый и честный человекъ,—сказалъ *Ивонъ*, и я увѣренъ, что хотя и самъ католикъ, но не похвалите жестокости, съ какою поступаютъ нынче съ протестантами!—

«Сохрани меня Боже!» отвѣчалъ *Албертъ*. «Родители воспидали меня въ законѣ, но они внушили въ меня любовь къ ближнему, какого бы онъ вѣроисповѣданія ни былъ, и потому, не смотря на различіе вѣры нашей,

я хотѣлъ соединить участь мою съ участью *Корентины*, и отецъ ея не пропивился пламенному моему желанію. Но увы! смерть разрушила всё!»

Албертъ посѣдилъ замокъ, комнаты *Корентины*, ея Образную и садъ, гдѣ пролегло для него столько блаженныхъ часовъ. *Ивонъ* провожалъ его всюду — и даже въ часовню, въ которой за годъ передъ тѣмъ онъ произнесъ поржеспивенную клятву. Неизъяснимая грусть спѣснила душу *Алберта*. Спановилось темно, вечеръ былъ сумрачный и осенній въперъ бушевалъ въ полѣ. *Ивонъ* уговаривалъ его ночевать въ замкѣ. «У васъ естъ память своя комната,» говорилъ онъ ему: «лучше провеспи ночь у насъ, нежели ѣхать въ такую непогоду, и еще вспрѣшпите можетъ быть *Краснаго челоуька или Бѣлыхъ двѣхъ.*»

Албертъ былъ не совсѣмъ чуждъ суевѣрія; слѣды перваго воспипанія неизгладимы въ душѣ челоуька, даже при самомъ глубокомъ умѣ и высокой образованности, но они еще болѣе замѣтны въ людяхъ, расположенныхъ къ апохондріи и мечпашельности; и потому *Албертъ*, не смотря на просвѣщеніе свое и доказанную храбрость, невольно почти вѣрилъ народнымъ сказкамъ, слышаннымъ имъ въ ребячествѣ.

Онъ рѣшилъ оспапьяся, и спарикъ проводилъ его въ комнату, занимаемую имъ нѣкогда. Скоро яркій огонь запылалъ въ каминѣ, и лампа, поставленная на столѣ, освѣпила уединенный кабинетъ.—*Ивонъ* удалился, и печальный *Албертъ*, оставшись одинъ, сѣлъ въ большія кресла—и предался грустнымъ воспоминаніямъ.

Прошелъ часъ, *Албертъ* всё сидѣлъ въ помѣ чудномъ забвеніи самаго себя и всего окружающаго, которое не естъ сонъ, но въ которомъ, однако, чувства наши находяпся въ какомъ-то непоняпномъ усыпленіи, и самая душа дремлетъ вмѣстѣ съ ними.—Вдругъ что-то зашевелилось и послышался тихій вздохъ. *Албертъ* вострепенулся, открылъ глаза — кто-то въ бѣломъ мелькнулъ мимо его и исчезъ въ ту же самую минупу.

Албертъ полагая, что это былъ сонъ, спарался не думать о немъ, и совсѣмъ тѣмъ ощущалъ какое-то необыкновенное смущеніе

духа.—Онъ раздѣлся, легъ въ постелю, и хотѣя не скоро, но заснулъ.—Тогда разгоряченное воображеніе, обращая мысль его безпрестанно на одинъ предметъ, превожило его спранными сновидѣніями: ему казалось, что передъ нимъ въ тонкомъ облакѣ носился образъ дѣвы въ бѣлой одеждѣ, и въ воздушныхъ, неопредѣленныхъ черпахъ ея онъ узнавалъ *Корентину*.—*Въ жизни и по смерти ты мой!*—твердилъ тихій и знакомый голосъ.

Первые лучи солнца разбудили *Алберта*; онъ посѣпшилъ вспапья, одѣлся, сошелъ въ садъ, пробѣжалъ въ смущеніи по аллеямъ, посѣпилъ еще разъ часовню и продолжалъ пупъ свой въ Л., гдѣ обыкновенно проводилъ лѣпу.

И печаль имѣетъ крылья—и она, какъ радость, улетаепъ отъ насъ въ слѣдъ за временемъ! Свѣпскія удовольствія скоро разсѣяли грустнаго *Алберта*, и ппаякая поска спала съ сердца его. Онъ былъ молодой, хорошѣ, любезенъ, богатъ; слѣдовапельно маппери наперерывъ спарались привлечь его — и дѣвушки искали ему нравипья; но *Албертъ* долго слылъ нечувствительнымъ, и, казалось, никого не замѣчалъ особенно. Наконецъ, сердце его снова узнало любовь, или, лучше сказать, онъ полюбилъ не сердцею, а воображеніемъ молодую *Понтивель*, оспроумную, черноволосую красавицу, которая обладала искусствомъ обворежапья всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ еѣ, и опличила *Алберта* въ полпѣ обожателей. Это польспило самолюбію молодаго челоуька, и онъ вполне предался новымъ чувствамъ своимъ, забывъ *Корентину*.

Годъ праура его приходилъ къ концу—и *Албертъ* предложилъ руку свою *Юліи*. Отецъ ея былъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ враговъ протеспанпямъ, и по мѣспу, занимаемому имъ въ государспвѣ, имѣлъ всю возможность вредипья имъ. *Албертъ*, какъ близкій родспвенникъ покойнаго г. *Генбона*, былъ его наследникомъ, и г. *Понтивель* желалъ, чтопы дочь его по замужспвѣ жила въ прекрасномъ помѣспѣ Генбонскомъ,—но какъ замокъ пребовалъ большихъ починокъ, по *Албертъ* почелъ за нужное ѣхать туда прежде свапьябы.

Тоска овладѣла опяпъ душою его, когда онъ вѣхалъ въ ворота замка. Образъ *Корен-*

тины носился передъ нимъ въ печальныхъ спѣнахъ его. Онъ почти не думалъ о дѣвцѣ *Понтивель*, и предался воспоминаніямъ прошедшаго со всею силою прежней любви своей.— Кто разгадаетъ сердце человѣческое?— *Юлія* была во всемъ цвѣтѣ жизни и здоровья. *Корентина* давно оставила землю, и жила только въ памяти *Альберта*—какъ призракъ сна, какъ блѣдная пѣнь минувшаго.— Но *Альбертъ* забывалъ *Юлію* и плакалъ о *Корентинѣ*, упреляя себя въ невѣрности!

Альбертъ поѣхалъ къ невѣстѣ, и въ слѣдующее воскресенье—обрученныхъ въ первый разъ окликали въ церкви. Это случилось наканунѣ дня, успаовленнаго для поминовенія мертвыхъ. *Альбертъ* воротился домой очень грустенъ, провелъ цѣлый вечеръ одинъ передъ каминомъ, и не могъ ничѣмъ заняться.— Открывая и закрывая попеременно книги, онъ нечаянно взялъ поэму *Данте*, и глаза его остановились на первой пѣсни *Чистилища*. Въ эту самую минуту раздались за спѣною глухіе, протяжные звуки, похожіе на церковное чтеніе, и потомъ—пихій, несказанно пріятный голосъ — ангельскій голосъ *Корентины*, запѣлъ панихиду. «Это дѣйствіе вступоженнаго воображенія моего;» подумалъ *Альбертъ*, и сталъ опять читать—какъ вдругъ потъ же голосъ, полный неземной печали, ясно пропѣлъ стихъ изъ псалма:

De profundis clamavi ad te Domine.

Изъ преисподняя земли возвахъ къ тебѣ Господи!

За пѣмъ слѣдовалъ тихій вздохъ—и, послѣ нѣкоторыхъ невнятныхъ звуковъ, пѣніе замолкло; молчаніе снова водворилось въ замкѣ: только ночная сова, сидѣвшая на карнизѣ оконъ, изрѣдка прерывала его, и въ унылыхъ ея крикахъ—отдавалось что-то похожее на вопль человѣческій.

Дважды это странное явленіе *Корентины* превожило *Альберта*. Въ первый разъ онъ видѣлъ её, въ другой слышалъ ея голосъ—и мысль о ней не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью.—Однако чистый упренный воздухъ освѣжилъ чувства его, упомянутыя безсонницею, онъ поѣхалъ къ *Юліи*, и провелъ день весело; но въ вечеру, когда возвратился къ себѣ, какой-то невольный, тайный ужасъ

овладѣлъ имъ, и мысли о мертвецахъ, привидѣніяхъ—его не покидали, какъ онъ ни силился отгонять ихъ. Боясь лечь въ постель, онъ взялъ книгу, оставшуюся на столѣ—это была опять поэма *Данте*,—опять пѣнь *Чистилища*!

Лишь только *Альбертъ* углубился въ чтеніе, какъ голосъ *Корентины* раздавался возлѣ его.

«О *Альбертъ*, *Альбертъ*!» произнесъ онъ: «я страдаю — а у тебя нѣтъ для меня слезы сожалѣнія.»

Альбертъ вскочилъ; холодный потъ пробѣжалъ по пѣлу его,—потомъ упалъ въ кресла, и провелъ ночь почти въ совершенномъ безпамятствѣ.

На другой день глаза его были мупны, лицо блѣдно, и онъ смѣшался, когда *Юлія* спросила о причинѣ ужасной перемѣны его.

Назначенъ второй окликъ — *Альбертъ* пришелъ въ церковь, и смотрѣлъ съ восторгомъ на *Юлію*, которой красота обращала на неѣ глаза всѣхъ присутствовавшихъ.

Проповѣдникъ взошелъ на кафедру, и передъ проповѣдью, спалъ читать успаовленныя молитвы за усопшихъ; но лишь только произнесъ онъ: *Оставленіе грѣховъ и свѣтлый покой подаждь имъ Господи!* какъ вдругъ *Альбертъ* вздрогнулъ, и глаза его успремались на черной нагой, гдѣ сполалъ креслѣ и поминная свѣча, и надъ которымъ висѣла большая картина, изображавшая состояніе душъ въ чистилищѣ. Одна фигура отдѣлялась отъ прочихъ, какъ будто бы она выходила изъ картины, — и сложа руки на грудь, казалось, умоляла *Альберта*. — Онъ узналъ *Корентину*, и голосъ ея сказалъ ему на ухо: *Альбертъ*, я страдаю, а у тебя нѣтъ для меня слезы сожалѣнія — нѣтъ молитвы о душѣ моей!

Альбертъ поблѣднѣлъ, ноги его подкосились, и его вывели изъ церкви на погоспѣ; тамъ сѣлъ онъ на камень, и почти въ безпамятствѣ, смотрѣлъ на гробницы. Скоро однакожь ужасная тоска его облегчилась, и слезы умиленія полились по блѣдному лицу.— О, я могу плакать и буду молиться о тебѣ!—прошепталъ онъ, вспавъ и подходя къ церкви.

«*Благодарствуй,*» отвѣчали ему тихо.—*Альбертъ* оспановился и глядѣлъ вокругъ себя—но не видалъ никого.— Въ это время полпа молодыхъ дѣвицъ въ бѣломъ платьѣ, въ бѣлыхъ покрывалахъ, входила въ церковь.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СОБРАНИЕ ТУРЕЦКИХЪ АНЕКДОТОВЪ.

(*Окончаніе.*)

Вотъ еще исторія, помѣщенная во всѣхъ почти Европейскихъ собраніяхъ анекдотовъ, которую находимъ мы и въ Турецкой книгѣ, и припомъ такъ легко и пріятно рассказанную, что намъ бы жаль было не сообщитъ её читателямъ.

Жена *Холги*, желая однажды сыграть надъ нимъ шутку, подала ему похлѣбку чрезвычайно горячую, но забывшись, отвѣдала её сама и такъ обожгла ротъ, что заплакала отъ сильной боли.—Что съ тобой сдѣлалось? спросилъ её мужъ: развѣ ты обожглась?—«Нѣтъ, отвѣчала она, но эту похлѣбку ма-лущка любила, и отъ того я плачу всякой разъ, когда ѣмъ её.»—*Холгъ* повѣрилъ жень — и принялся было ѣсть, но также обжегся и заплакалъ.—«Что съ тобой сдѣлалось?» спросила она съ насмѣшкою: «о чѣмъ ты плачешь?»—Да какъ же мнѣ не плакать,—сказалъ *Холгъ*: какъ я подумаю, что такая добрая женщина, какъ покойная швоя мать, оставила послѣ себя такую злую дочь, какъ ты? —

Однажды *Назиръ-Эдинъ* былъ приглашенъ на большой пиръ, и какъ онъ явился на немъ въ изорванной и запачканной одеждѣ, — никто изъ присутствовавшихъ не хотѣлъ взглянуть на него. *Холгъ* тихонько ушелъ домой, надѣлъ новыя шаровары, богатую шубу и возвратился на праздникъ. Тогда всѣ уже приняли его съ опмѣнною учтивостію, осыпали его ласками и просили сѣсть на первое мѣсто. *Холгъ* сѣлъ, но къ великому удивленію гостей и хозяина, спалъ обмакивать въ каждое блюдо рукавъ шубы своей.—*Холгъ-*

Эфенди, что ты дѣлаешь? кричали ему со всѣхъ сторонъ.—«Кормлю свое пламя изъ благодарности, что, по милости его, меня здѣсь такъ хорошо принимаютъ;» отвѣчалъ *Назиръ-Эдинъ*. Эта насмѣшка была не первая, которую онъ позволилъ себѣ на щѣтъ предразсудковъ своихъ согражданъ; но ничто не было забавнѣе средствъ, которыми выдумывалъ онъ для избавленія себя отъ гостей, часно насильно къ нему называвшихся.

Одинъ крестьянинъ принесъ ему зайца, и за то *Холгъ* оставилъ его у себя обѣдать. Спусти нѣсколько времени, цѣлая полпа народу пришла просить его позволить сѣсть съ нимъ за столъ. «А кто вы таковы?» спросилъ у нихъ *Холгъ*.—Мы сосѣди того чело-вѣка, который принесъ тебѣ зайца,—отвѣчали они. *Холгъ* принялъ ихъ ласково, и за обѣдомъ поставилъ передъ каждымъ большой сосудъ съ водою.—Госпи удивились.—Что это значить, *Холгъ*?—говорили они: За чѣмъ эта вода?—«Это та самая вода,» отвѣчалъ *Назиръ-Эдинъ*: «въ которой варился заяцъ.»

Разъ невольникъ прибѣжалъ запыхавшись, крича ему: *Назиръ, Назиръ* — что ты дашь мнѣ за добрыя вѣсти? Богъ послалъ тебѣ сына. «За это я благодаренъ Богу, а не тебѣ,» отвѣчалъ *Холгъ*.

Въ слѣдующемъ анекдотѣ увидимъ мы, что *Холгъ*, при всемъ умѣ своемъ, не могъ однако вывернуться изъ бѣды, и почти попался въ собственныя свои сѣпи.

Онъ зашелъ однажды въ чужой огородъ, и спалъ красить рѣпу, морковь и проч., припрятывая все это въ большой мѣшокъ и за пазуху. Вдругъ прибѣжалъ огородникъ—и схвативъ его за воротъ, закричалъ: Что ты тутъ дѣлаешь?—*Холгъ* сначала было смутился, но скоро пришелъ опять въ себѣ, отвѣчалъ: «Меня въпрямъ бросило сюда.»—Пусть такъ—возразилъ хозяинъ: но гдѣ взялъ ты эти овощи?—«О! въперъ такъ сиденъ, что онъ качалъ меня туда и сюда, и я, чтобы какъ нибудь удержаться, хватался за гряды.»—Хорошо; но кто наполнилъ мѣшокъ твоей?—«Вотъ объ этомъ-то я только думалъ, когда ты пришелъ сюда,» отвѣчалъ *Холгъ*.

Гуляя однажды по большой дорогѣ съ бандурою въ рукахъ, онъ встрѣтился съ путешественникомъ, который спросилъ его: куда онъ идетъ? «А вотъ собравъ деньжонокъ, играя на бандурѣ,» отвѣчалъ *Холегъ*.—Спой мнѣ какую нибудь пѣсенку, я дамъ тебѣ за то нѣсколько *паризовъ*.—*Холегъ* было отказался, но, испуганный угрозами путешественника, наспроилъ бандуру, и запѣлъ первый стихъ народной баллады, которая начиналась такъ:

Я гулялъ по берегу моря и потомъ остановился.

Холегъ повторилъ его въ другой, въ третий и въ четвертый разъ. — Что-жъ ты спалъ на одномъ мѣстѣ — вскричалъ путешественникъ: подвигайся же.—«Покажи прежде мнѣ деньги свои;» отвѣчалъ *Холегъ*: «погда я можеть быть пойду далье.»

Въ этомъ собраніи *Турецкихъ анекдотовъ* есть много насмѣшекъ надъ судьями, но онъ прѣбуютъ слишкомъ длинныхъ поясненій. Вотъ, однако-жъ, одинъ анекдотъ, который можеть безъ нихъ обойтись.

Однажды кадій (судья) Сари-Гиссара, деревеньки, лежащей близъ Константинополя, напился пьянъ и заснулъ въ виноградникѣ. *Холегъ*, прогуливаясь съ пріятелемъ, увидѣлъ спящаго судью—укралъ плащъ его и надѣлъ на себя.—Скоро кадій проснулся и, примѣняя покражу, разослалъ своихъ подчиненныхъ по всему околodку. Одинъ изъ нихъ узналъ плащъ кадія на *Холегъ*, и схватилъ вора—припачилъ его въ *Меккебетъ* (Земской судъ).—Гдѣ ты взял это плащъ, *Холегъ-Эфенди*?—спросилъ кадій. *Холегъ* отвѣчалъ такъ, чтобы всѣ присутствовавшіе могли слышать его: «Сегодня поупру, гуляя съ пріятелемъ, мы увидѣли въ виноградникѣ одного кадія, который до того забылъ святой законъ, именемъ котораго онъ судитъ насъ, что напившись пьянъ, валялся замертво посреди поля. Товарищъ мой на него плюнулъ съ презрѣніемъ и толкнулъ ногою, но я взялъ только его плащъ и надѣлъ на себя.—Если оно принадлежитъ тебѣ кадій, то я его опдамъ тебѣ.»—Нѣтъ, нѣтъ, *Холегъ*,—сказалъ испугавшійся и приспѣженный судья: это плащъ не мое, и я совсѣмъ не знаю его.—

Похожденія бѣднаго *Гулеласа* кончатся хипростію, съ помощію которой онъ добился до того, что его похоронили честно. *Холегъ* употребилъ такое же средство, чтобы избавишься отъ *Монкира* и *Некира*, двухъ посланниковъ ада, которые мучатъ души грѣшниковъ, какъ скоро пѣла ихъ предадутся землѣ.

Холегъ сдѣлалъ духовную, и въ ней изъявлялъ желаніе быть положену въ старую могилу.—Какая тебѣ нужда, въ какую могилу положатъ тебя?—спрашивали друзья.—«А вотъ какая,» отвѣчалъ *Холегъ*: «когда *Монкиръ* и *Некиръ* навѣстятъ меня памъ,—я имъ скажу, что умеръ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ и былъ уже въ рукахъ ихъ; а если они мнѣ не повѣрятъ, то скажу имъ, чтобы они посмопрѣли мою могилу; и такимъ образомъ избавлюсь отъ когшей ихъ.»

T.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

10.

Временный издатель *Телескопа*, г. Виссаріонъ *Бльинскій*, на стр. 86 и 87 *Молвы обмолвился* здравымъ сужденіемъ о *Поль-дѣ-Кока*. «Всѣ произведенія *Поль-дѣ-Кока*,» пишетъ г. *Бльинскій*: «эшаго корифея кабаковъ и лакейскихъ, должны доставлять полное удовольствіе любителямъ неблагоприспосойныхъ сочиненій.

«Ни одному писателю такъ не пощаслилось на Руси, какъ *Поль-дѣ-Коку*: знакъ добрый!... И чему-жъ дивишься, если нѣкоторые крипики не шупя увѣряютъ, что *Поль-дѣ-Кока* есть раг *éxcelence* нравственный писатель. Г. *Гоголь* былъ имъ пожалованъ въ *Поль-дѣ-Кока!*»

Примыганіе Издателя Лит. Прибавленій: И еще недавно авпоръ *Постоялаго двора* былъ названъ *Русскимъ Поль-дѣ-Кокомъ*. Неизвѣстно, доволенъ-ли онъ симъ прозваніемъ, а г. *Гоголь* просилъ насъ поржественно объявить, что онъ опрекается отъ сей чести.

A. *Кораблинскій*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НОВОСЕЛЬЕ.

(Сказка).

Купецъ перебрался съ семьей на новоселье;
 На славу завести придумалъ онъ веселье;
 Созвалъ родню и дорогихъ гостей,
 А чтобъ имъ было веселѣй,
 Испрашилъ онъ рублей до шприспа,
 И заманилъ къ себѣ лихова гитариспа;
 За нимъ,
 Съ орудіемъ своимъ,
 Втащилися—скрыпачъ, да безъ руки гудочникъ
 И шумъ—нѣмой, его помощникъ.
 Хоть своего они не знали ремесла,
 За то любили прибаушки,
 И на пирушку ихъ охота привлекла—
 Спроказить что нибудь для шумки;
 А гитариспъ не ихъ десяпка слылъ,
 Такой искусникъ былъ,
 Какихъ немного въ мірѣ!
 Всѣ ноты такъ онъ зналъ, какъ дважды два—четыре.
 Ударилъ въ струны онъ,
 Запѣлъ,—и все вокругъ пришихло, приуныло,
 Его лишь перекапный понъ
 Съ гитарой выражалъ пріятно, нѣжно, мило:
*«Малютка шлеми ноль, просилъ—
 Для Бога—пищи лишь днесьня
 Слѣпцу, котораго водилъ,
 Къльзъ славенъ Римъ и Византія.»*
 Тутьъ госпи къ печкѣ припаясь,
 А кто на столъ облокопаясь,
 Почпи себя забыли,
 Ршы паспсжь распахнувъ, лишь усомъ шевелили,—
 Какъ будшо сладкій звукъ на мѣсто меда пили.
 Завидливый скрыпачъ опъ нѣжнспи пакой
 Досадовалъ, рвался и морщился съ поской:
 Терпѣнія молчашъ ужъ въ немъ не доспавало,—
 А болъ опъ того,
 Что въ головѣ его
 Хмѣльна бушевала.
 «Постой же! думалъ онъ, вопъ я, какъ захочу,
 Топчасъ перехвачу
 Томпшельное пѣнье;
 Не будешъ гитариспъ птянушь на погребенъе.»
 Подумалъ, заиграмъ на скрыпкѣ голубца!

Пошелъ плясашъ смычекъ въ рукахъ у молодца;
 А разумъ скрыпача поѣхалъ за дровами!
 Скрыпачъ запѣлъ въ разладъ съ упрямыми спрунами:
«Лишь только занялась заря.»
 Къ тому добавилъ прибаушкой.
 Вспряхнулъся однорукой;
 Ни слова онъ не говоря,
 Гудокъ въ кольщи вписнулъ
 И раза два—при свиснулъ,
 Ну вдругъ смычкомъ пилипъ всѣ спруны на гудкѣ;
 Движеніе его вспревожило нѣмова.
 Хопя онъ вымолвилъ не могъ ни полуслова,
 Однако-жь на его вершѣлась языкѣ
 Та пѣсня круговая,
 Копорую онъ пѣлъ,
 Когда еще языкъ развязанный имѣлъ.
 Вверхъ приподнявъ плечо и силы напругая,
 Безъ словъ онъ загудѣлъ какъ рой шмелей и ось;
 А шамъ пошло—какъ скрыпъ колѣсь.
 Тутьъ дѣлашъ нечего, гитарара замолчала,
 И уши заложивъ, умолкнулъ гитариспъ,
 Но лишь гудѣлъ гудокъ подъ свиспъ,
 Скрипица дребезжала,
 Пилилъ скрыпачъ, пицалъ нѣмой,
 Гудокъ покрѣкивалъ, какъ ушка;
 Забыли, что давно пора ихъ гнать мешлой.
 Чудеса безъ разсудка,
 Успали наконецъ—замолкли чудаки;
 Качали головой сѣдые спарики...
 (Къ пакой разладицѣ не всякому привыкнушь!)
 И гитариспу всѣ—ура хопѣли крикнушь,
 Но не успѣли пикнуть,
 Какъ развозилися по шрецинамъ сверчки:
 Чирикающъ хвалу нѣмому,
 Потомъ гудочнику и скрыпачу плохому,
 А гитариспа гнать совѣшуютъ въ полчки.

*

Хопъ здравые умы таланпы уважающъ,
 Но нынѣ голосъ ихъ сверчки ужъ заглушающъ.

Е. Алитановъ.

О М О Н И М Ъ.

Бываю кожаныи, надушый и шумлю,
 Когда желѣзнымъ рпомъ усердно работаю.

Бываю заячій, соболий, не шумлю,
 А шихо плечи одѣваю;
 Спасая шѣло я и въ вьюгу и въ морозъ,
 И не боюсь сѣдой зимы угрозъ.

Въ No 90-мъ, помѣщенная шарада значить: *Char-pente.*

M O D E S.

Je vous apprendrai avec plaisir que la mode des spencers reparait: c'est une si jolie chose que je ne conçois pas que le bon goût du siècle ne l'ait pas ramenée plutôt. Ceux de velours grenat et velours noir avec brandebourg sont les mieux portés jusqu'à présent; c'est une innovation toute fraîche éclosée, que l'on peut engager les plus éléganter à saisir dans sa primeur. Rien ne va mieux aux femmes que ce corsage froncé avec une belle et ample jupe blanche, ornée d'une haute broderie. Avec cela une capote de satin blanc, garnie de ruches de rubans, une colerette *chêrusque* autour du cou, et je crois qu'on ne peut avoir une mise plus distinguée.

Savez-vous, ma chère sœur, qu'avant ces temps de brouillards j'étais devenue très flaneuse, et que j'ai découvert (découverte que bien d'autres ont faite avant moi) le magasin du *Caméléon*, rue de la *Bourse*, dans lequel, outre un assortiment complet de rubans pour modes, ceintures, écharpes et toutes les nouveautés possibles, il y a un dépôt où on s'occupe spécialement de réassortimens en grand de toutes espèces d'étoffes de soie, laine pour robes et manteaux. On apporte un grand soin à ce genre d'industrie,

bien agréable et bien commode pour les personnes aux robes desquelles il arrive des accidens.

М О Д Ы.

Я тебѣ скажу съ удовольствіемъ, что мода на шпенсеры опять показывается; это такъ красиво, что я не понимаю, какъ изысканный вкусъ нашего вѣка не возобновилъ еѣ прежде. Изъ бархата, гранатового цвѣта и чернаго съ брандебургами самыя употребительныя до сихъ поръ; этой модѣ, вновь показавшейся, можно посовѣтовать щеголихамъ слѣдовать въ ея началѣ. Ничто такъ не идетъ къ женщинамъ, какъ эполетъ собранный лифъ съ красивой и полной бѣлой юбкой, съ широкимъ шипьемъ. Съ эполетъ бѣлой апласный капотъ, обширный рюшемъ изъ леншъ, оборочекъ *chêrusque* около шеи, и невозможно, я думаю, одѣвшись опличнѣе.

Знаешь ли ты, милая сестра, что прежде этого шуманнаго времени, я сдѣлалась большою пѣшеходкой, и что я открыла (открытие, сдѣланное многими прежде меня) магазинъ *Хамелеона*, въ улицѣ *de la Bourse*, въ копоромъ, кромѣ полнаго подбора модныхъ леншъ, поясовъ, шарфовъ и всевозможныхъ новостей, есть отдѣленіе, гдѣ особенно занимаютъ прибраніемъ, въ большомъ количествѣ, всякаго разбора шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, для плащевъ и плащей. Эпото рода промышленностію занимаются съ большимъ шпаніемъ, весьма пріятнымъ и спокойнымъ для особъ, у копорыхъ случается что нибудь съ плащами.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1836 году. Планъ остается прежній, по есть: каждую Среду и Субботу будетъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Чрезъ каждыя 9 дней господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣднею почпою полученныхъ модъ, модныхъ мебелей, вещицъ, экипажей, плащевъ, шляпокъ, чепцовъ, и пр. и пр. Всѣхъ же картинокъ въ годъ 40.

Исправностъ, съ какою выходили *Новости Литературы и Славянныя* съ 1822-го по 1831-ой годъ, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832, 1833, 1834 и 1835 годахъ, ручается почтенной Опечеспенной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листковъ сей газеты сапирической, крипической, модъ, псапровъ и словесности.— С. П. Б. 1835, Окшября 24 дня.

Издапель; Спашскій Совѣшникъ и кавадерь *А. Воейковъ.*

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ здакій. —

Печатать позволается: 9 Ноября 1835 года. — Цензоръ *А. Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 92.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 16 ДНЯ 1835 ГОДА.

Клавъ ссорился съ женой, однако-жь онъ не правъ,
И все лишь о пустомъ хлопочеть.
О чемъ бы вздорилъ имъ—одинъ имѣя нравъ?
Онъ хочеть быть болѣшимъ, она того же хочеть.

П. Сумароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

АЛБЕРТЬ И КОРЕНТИНА.

(*Окончаніе.*)

Во всю недѣлю, послѣдовавшую за вторымъ окликомъ, *Албертъ* былъ грустенъ и разсѣянъ даже возлѣ *Юлии*. Она сердилась, беспокоилась и уговаривала его позвать докпора.—

За день до подписанія контракта и публичнаго сговора, *Албертъ* бесѣдовалъ съ однимъ изъ своихъ друзей.

«Другъ мой,» говорилъ онъ: «ужасное бремя тяготитъ совѣсть мою.»

— Опкой мнѣ сердце свое, — отвѣчалъ ему пошъ: благоспѣ Господа неисшима, и свѣшлый попокъ ея не бѣжитъ успѣ кающагося грѣшника. —

«Прежде всего скажи мнѣ, какъ ты думаешь, могутъ ли мертвые выходить изъ гробовъ, и являться живымъ?»

— О, я вѣрю этому; иногда дозволяется оставившимъ міръ сей возвращаться на

землю, къ тѣмъ, кого любили они по плоти, но только въ важныхъ случаяхъ.—

«Ахъ, мы должны молились о душахъ ихъ!»

—Такъ! молебны наши не тщетны, и Царь небесный облегчаетъ имъ путь испытанія. Но молебны недовольно, если она не сопроложена съ нашей споры сердечнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ нашихъ.—

«О, только бы душа *Корентины* переспала преслѣдовать меня!!»

— Какъ! — вскричалъ другъ его, — развѣ она являлась тебѣ?—

«И неоднократно,» отвѣчалъ *Албертъ*: «она напоминала мнѣ кляпву мою...»

— Но эта кляпва разрушена.—

«*Нтъ!*» произнесъ голосъ, какъ бы вышедшій изъ спѣнъ храма: «въ жизни или по смерти, я буду его супругою!»

Первая минута произвела въ обоихъ удивленіе и ужась;—вездѣ было пусто, но онъ

не примѣшилъ фигуры, сполвшей возлѣ спатуи *Маріи* Магдалины и святой *Соломіи*. — Она спояла молча и недвижимо.

— Другъ мой, — не связалъ ли ты себя съ нею какою нибудь роковою клятвою? *Въ жизни и по смерти*, сказала она, *я буду его супругою!* — О! какія клятвы нравственность не дозволяетъ. — *Албертъ* всё еще споялъ на колѣняхъ, погруженный въ глубокую задумчивость. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вспалъ и произнесъ громко: *Клятва дана и я сдержу еѣ!* Вдругъ одна изъ спатуи опдѣлилась отъ прочихъ, и тихо приближалась къ *Алберту*. Мы уже сказали, что разсудокъ его не имѣлъ большой твердости; припомъ воображеніе его находилось въ ужасномъ напряженіи, слѣдовательно не мудро, что онъ узнавъ *Корентину* въ спатуу, твердо повѣрилъ, что душа ея пришла напомнить ему о его обѣщаніи. «*Корентина*, я твой!» вскричалъ онъ: «веди меня съ собою, я хочу итти за тобой и раздѣлить спраданія твои, если могу тѣмъ облегчить ихъ.»

— Нѣтъ! — отвѣчала она слабымъ голосомъ: нѣтъ, я не хочу эпаго; мнѣ позволено приходить къ тебѣ; но ты одинъ только можешь видѣть меня. — Ты клялся быть моимъ супругомъ, и такъ завпра въ полночь приходи въ часовню. —

«Приду!» отвѣчалъ онъ безъ размышленія; но когда посмотрѣлъ вокругъ себя, *Корентина* уже исчезла.

Онъ возвратился домой, и провелъ ночь въ неизъяснимомъ волненіи. Положеніе его понятно, если мы разсудимъ, какъ сильно внутреннее убѣжденіе въ душахъ, съ младенчества расположенныхъ къ суевѣрію и таинственности (*mysticité*). На другой день *Албертъ* не смѣлъ итти къ *Юліи*; онъ хотѣлъ писать къ ней, но остановился. — Что, думалъ онъ, скажу я ей въ извиненіе, и могу ли повѣрить имъ ужасную мою тайну? — *Албертъ* рѣшился предоставить всё судьбѣ, и такимъ образомъ не отвѣчалъ ни за щастіе, ни за несчастіе свое.

Юлія прождала его цѣлый день; — пришелъ вечеръ, но *Албертъ* не явился. Она съ без-

покойствомъ говорила объ этомъ съ опцомъ, который полагая, что женихъ наканунѣ сватъбы вѣроятно поѣхалъ въ городъ за подарками, не обратилъ большаго вниманія на жалобы дочери и, съ улыбкою удовольствія, утѣшалъ еѣ шутками.

Но когда и другой день и вечеръ прошли въ тщетномъ ожиданіи, тогда *Юлія* со слезами приступила къ опцу, пребуя, чтобы онъ послалъ въ замокъ Генбонъ узнать, что дѣлается съ *Албертомъ*. Гордый отецъ сначала на это не согласился; но боязнь дочери и собственное его безпокойство о здоровьи будущаго зятя — заставили его исполнить просьбу *Юліи*. До замка щипалось при мили по проселочной дорогѣ; *Юлія* всунула въ руку посланнаго небольшую монету, и строго приказала ѣхать не останавливаясь и какъ можно скорѣе.

Микель, сынъ садовника, распоропный и проворный мальчикъ, выѣхалъ поздно, и еще позднѣе пріѣхалъ въ замокъ *Алберта*. Онъ нашелъ ворота запертыми, и ни одной свѣчки не свѣпилось въ окнахъ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ; но никто не вышелъ, кликалъ *Ивона* — *Ивонъ* не отвѣчалъ. Бѣдный *Микель*, не зная что дѣлать, пошелъ бродить вокругъ степнѣ парка, и опыскалъ проломъ, сквозь который онъ въ дѣтствѣ пролѣзалъ, чтобы красить плоды, или ловить пшницъ въ звѣринцѣ. — Блуждая въ тѣснопѣ по лѣсу, онъ дошелъ до часовни, откуда сквозь стекло свѣпился слабый огонь и слышались какіе-то голоса. Любопытство заставило его посмотреть въ щель запертой двери. Но сначала онъ не видалъ ничего, кромѣ спатуи и гробницъ, отъ которыхъ распилались длинныя тѣни по каменному помосту часовни, освѣщенной лампадою. Вдругъ засвѣпились свѣчи на алтарѣ, какая-то женщина, въ бѣломъ платьѣ, спала на колѣна и возлѣ неѣ молодой человекъ, въ которомъ мальчикъ узналъ *Алберта*; потомъ приблизился священникъ, благословилъ чепу и соединилъ руки ихъ; потомъ раздались звуки органа и свадебные гимны, и наконецъ всё пропало. Ночь была темная и *Микель* не зналъ дороги. Онъ рѣшился ждаль разсвѣпа у

дверей часовни, сълъ на деревянную скамейку, и заснулъ крѣпкимъ сномъ; проснувшись, онъ поѣхалъ домой, но проѣзжая мимо замка, хопѣлъ зайти къ спарику *Ивону*; — но какъ опять никто не вышелъ и не отвѣчалъ, когда онъ звонилъ у воротъ въ колокольчикъ, по онъ рѣшился не дожидаться больше и ѣхать назадъ. Можно вообразить удивленіе *Понтивеля* и дочери его, когда *Микель* разсказалъ, что видѣлъ въ часовнѣ Генбонскаго замка. Опець *Юли* топчасъ поскакалъ туда самъ.

Онъ также нашелъ ворота запертыми, и вошелъ во внутренность парка черезъ проломъ спѣны; но всё тамъ было пусто, и онъ не встрѣпилъ никого, даже *Ивона*. Удивленный до крайности, г. *Понтивель* намѣревался уже возвратиться домой, какъ заревѣла буря и полилъ проливной дождь, что заставило его войти въ часовню — и провести тамъ всю ночь, потому что буря не унималась. — Хотя г. *Понтивель* былъ не суевѣренъ, однако не могъ совершенно побѣдипъ того пайнаго, невольнаго ужаса, котораго каждый изъ насъ болѣе или менѣе ощущаетъ въ уединенномъ мѣспѣ, ночью — и особенно въ жилищѣ смерти. Однако, не смотря на усталость свою, онъ скоро заснулъ въ углу часовни. — Въперъ всё шумѣлъ между деревьями и завывалъ подобно спонамъ человѣческимъ.

Вдругъ г. *Понтивель*, во снѣ или на яву, увидѣлъ передъ собою *Альберта*, блѣднаго, съ неподвижными глазами — какъ привидѣніе. Долго г. *Понтивель* не могъ выговорить ни одного слова; наконецъ, пришедъ въ себя, онъ спросилъ *Альберта*, правда ли было всё то, что онъ слышалъ? «Правда,» отвѣчалъ *Альбертъ* печально: «я далъ кляшву принадлежать ей и въ жизни и по смерти — и выполнилъ обѣщаніе, но Богъ наказалъ меня, и душа моя спражаетъ въ чистилищѣ; что касается до тебя, жестокой, по знай, что правосудіе небесное готово наказатъ тебя за гоненіе несчастныхъ братьевъ твоихъ; кровь твоя прольется за ихъ кровь — и вѣчный огонь... по бьетъ полночь! — я долженъ возвратиться — она ждетъ меня, проспи.» — И *Альбертъ* исчезъ во мракъ.

Первые лучи солнца разбудили *Понтивеля*; гроза миновалась; онъ возвратился къ себѣ и разсказалъ о происшедшемъ. Всѣ догадки кончились тѣмъ, что путь было что-то сверхъ-естественное, что *Альбертъ* умеръ и тѣнь его возвратилась на землю. Дѣвица *Понтивель* сначала огорчилась — но скоро нашла утѣшителя, и вышла за мужъ.

Между тѣмъ гоненія за вѣру продолжались во Франціи; *Альбертъ* скрывался въ хижинѣ подъ плащемъ крестьянина, не заботясь о слухахъ, которые носились во всей Брешани на щетъ его. *Ивонъ* и жена его жили съ господиномъ, погруженнымъ въ мрачную меланхолю; цѣлые дни несчастный *Альбертъ* бродилъ по лѣсамъ — гдѣ, по народнымъ преданіямъ, обитали нечислые духи. Вечеромъ онъ возвращался въ хижину, молился — и потомъ ложился въ постель съ печальнымъ, но вмѣспѣ сладкимъ чувствомъ. Ровно въ полночь, когда опдаленный колоколь ударялъ на башнѣ двѣнадцать, дверь хижины тихо отворилась, и *Корентина*, блѣдная какъ мерпвецъ, останавливалась на порогъ и тихимъ голосомъ произносила: *и въ жизни и по смерти я буду твоею супругою*; — потомъ садилась у его кровати, цѣловала его и оспавалась съ нимъ до разсвѣта; но лишь только слышался крикъ пѣлуха, котораго, какъ извѣстно разгоняетъ привидѣнія, *Корентина* открывала глаза, давала супругу послѣдній поцѣлуй и уходила, дѣлая знакъ рукою, чтобы онъ не слѣдовалъ за нею.

1695 й годъ оканчивался, и г. *Понтивель* съ дочерью и зятемъ возвращались изъ деревни. Проѣзжая мимо Генбонскаго замка, они примѣтили въ немъ необыкновенное движеніе. Окна и двери были украшены цвѣтами и увѣшаны бархатомъ. Крестьяне пѣли и плясали у воротъ, и старый *Ивонъ* управлялъ праздникомъ. Удивленные путешественники остановились и послали спросить, что было причиною такого спранныго веселія, тамъ, гдѣ всё недавно еще было мрачно и пусто? — Мы празднуемъ возвращеніе добраго нашего господина, — сказалъ *Ивонъ*. «Какъ, развѣ *Альбертъ* возвратился?» — И г. *Альбертъ* и г. *Генбонъ*. — «Г. *Генбонъ*? по вѣдь онъ давно умеръ!»

— Не для всѣхъ — отвѣчалъ *Ивонъ*. — Съ пѣхъ поръ, какъ смерть г. *Луеуа* прекратила гоненія на протестантовъ, которыя эпопѣ жестокой министръ дѣлалъ именемъ *Людвика XIV*, господинъ нашъ возвратился въ свое помѣстье съ дочерью и зятемъ — и мы празднуемъ это щастливое происшествіе. —

Албертъ вылезъ изъ ипохондрии и суетвѣрія — и уже не трепеталъ отъ страха, когда въ часъ полуночный входилъ въ брачный покой — съ *милыми своими привидѣніемъ*.

Т.

КИТАЙСКІЕ САДЫ.

Китайцы въ садахъ своихъ приняли образецъ натуры, и стараются подражать ея искусственнымъ краскамъ, какъ можно ближе къ подлиннику. Главное ихъ попеченіе обращено на разбивку грунта. Онъ можетъ быть гористъ, сухъ, болопистъ, орошенъ потоками, или совсѣмъ не имѣть воды; они изъ всего умѣютъ извлечь пользу, и припомъ съ очень малою прапою денегъ.

Китайцы мало ходятъ, и потому не ищутъ въ садахъ ихъ нашихъ длинныхъ Европейскихъ алей. Всѣ искусство ихъ состоитъ въ разнообразіи и противоположности. Они любятъ кривыя, излучистыя тропинки и непроходимыя лабиринты, выводящіе васъ или къ зелѣному холмику, или къ красивой бесѣдкѣ. Китайскіе садовники подобны искуснымъ живописцамъ: они избираютъ въ природѣ только то, что поражаетъ, и стараются не только о томъ, чтобы каждая часть отдѣльно представляла, что нибудь пріятное или разительное, но чтобы все цѣлое вообще было ново и прекрасно. Они раздѣляютъ предметы на три рода: *пріятные, ужасные и волшебные*. Къ сему послѣднему отдѣленію принадлежатъ все то, что романтики и стихотворцы наши называютъ *чудесными*. У Китайцевъ почти на каждомъ шагу вы наслаждаетесь удовольствіемъ пріятной нечаянности: то слышите подъ землею журчаніе ручейка, то шумъ водопада — но глаза ваши не видятъ его; — то вдругъ оста-

навливаетесь передъ высокою скалою, огромнымъ замкомъ, или дикою пещерою — и всѣ они такъ расположены, что въперъ кружась около нихъ, или завываетъ подобно спонамъ спраждащаго, или глухо раздаются въ пространствѣ — или вырываютъ съ ужаснымъ ревомъ, бушуютъ какъ буря, и невольно заставляють васъ содрогаться. Здѣсь обыкновенно растутъ густыя деревья, благоухаютъ рѣдкіе цвѣты и поютъ прекрасныя птицы.

Въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для *ужаса*, Китайцы, съ невѣроятнымъ искусствомъ, кладутъ граничныя громады камня, такимъ образомъ, что онѣ висятъ надъ вашею головою и, кажется, грозятъ раздавить васъ. — Иногда, блуждаете вы по непроходимымъ подземельямъ, гдѣ царствуетъ мракъ ночи; иногда быстрый попокъ, спремаясь съ огромнаго утеса, съ яростію разливается по долинь и, кажется, въ одну минуцу попопнитъ всё, васъ окружающее. Вы видите ступи деревьевъ, полувырванныя изъ земли бурями и частымъ наводненіемъ; голые пни съ раскиданными около нихъ вѣтвями; развалины обгорѣшаго строенія, и кое-гдѣ по горамъ нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, которыя свидѣтельствуютъ о несчастной участи жителей и частомъ опустошеніи этой печальной долины.

Но за *ужасными* слѣдуетъ всегда *пріятное*, и Китайскіе садовники оказываютъ не менѣе соображенія и искусства въ щастливомъ соблюденіи противоположностей, тѣней и свѣта. Изъ узкой долины, гдѣ видъ ограничивается горцою или лѣсомъ — выходите вы на открытую площадку — и глаза ваши обнимають неизмѣримое пространство; — оставя цвѣтущіе берега рѣки или озера, взбираетесь на опивсисный утесъ, или блуждаете по непроходимымъ дебрямъ, или по прекраснымъ густымъ рощамъ, гдѣ массы деревъ, формы ихъ, цвѣтъ зеленъ — всё подобрано и размѣщено съ такимъ вѣрнымъ подражаніемъ природѣ, что вы часто не вѣрите, чтобы искусство могло дойти до этой степени совершенства.

Въ большихъ садахъ есть особыя приюпы для утра, полдня и вечера. Такъ какъ въ Кипаѣ климатъ опмѣнно жаркій, то въ садахъ ихъ обыкновенно очень много воды, и случается, что на небольшомъ пространствѣ земли остаются сухими однѣ острова и нѣсколько гранитныхъ скалъ. — Кипайцы съ большимъ стараніемъ прорываютъ у себя озера, рѣки, каналы, и, подражая во всемъ природѣ, разнообразяютъ берега ихъ, копорыя иногда высоки, иногда оплоги, иногда пещаны, а иногда покрыты зеленымъ дерномъ и цвѣтами. Часпо опушаютъ ихъ кустарникъ, между тѣмъ какъ вдали, изъ ущелья горъ, выбѣгаетъ свѣтлый ручей, пропадаетъ подъ землю, являешся опять, и наконецъ исчезаетъ въ озерѣ.

На испещренныхъ лугахъ пасупся многочисленныя стада; по оплогостямъ горъ, вдавшимся въ рѣки и озера, сѣютъ пшено; маленькія лодочки мелькаютъ по водамъ, подъ тѣнью деревъ, осѣняющихъ берегъ, а въ концѣ канала возвышается какое нибудь прекрасное зданіе, и скала, на которой стоить оно, вырублена на подобіе перассы, или образуешь въ озерѣ небольшой чудесный островъ.

Ни одна нація въ свѣтѣ не можетъ сравниться съ Кипайцами въ искусствѣ обрубливать камень; въ Кантонѣ и другихъ городахъ ихъ—есть люди, единственно посвятившіе себя этому занятію. Въ одной изъ южныхъ областей Кипая показываютъ куски мрамора, омываемаго часпо волнами, и копорому вода придаетъ попеременно различныя и странныя формы; изъ его обломковъ Кипайцы дѣлаютъ многія прекрасныя подражанія.

Кипайцы съ удивительнымъ и скупствомъ разнообразяютъ деревья, соединяя развѣсистыя съ пирамидальными, мѣшая темную зелень съ свѣтлою или желтоватою, или цвѣтущія расптнія съ дикими и печальными кустами; они также разбрасываютъ шамъ и сямъ обгорѣлыя пни, переломанныя вѣтви, или сорванную кору, какъ будто опаленную молніей.

Любя спраспно всё нечаянное, Кипайцы вездѣ, гдѣ только могутъ, прорываютъ подземные ходы, пещеры, гдѣ мракъ, сгущаясь постепенно, всегда разсѣвается вдругъ внезапнымъ и яркимъ отраженіемъ свѣта отъ озера или бѣлымъ мраморомъ, копорымъ обложены берега его.—Въ садахъ ихъ находите вы вездѣ мирныя и прекрасныя убѣжища, но не иначе доспигаете ихъ, какъ путемъ пруднымъ и опаснымъ, гдѣ всё разочтено для эффекта, для соблюденія перспектпвы, копорую, впрочемъ, они плохо знаютъ. Каналы ихъ всѣ почти кривы, и алей идутъ суживаясь;—а суда спроятся одно меньше другаго, и окрашиваются темною краскою: отъ этаго каналы и алей ихъ кажутся безконечными.

T.

РАЗЛИЧНЫЕ РОДЫ РАСТѢНІЙ, ОТКРЫТЫЯ НА ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ.

(Изъ Гулiboldта) (1).

Три вопроса тщательно различать должно между собою: 1) Сколько описано родовъ растѣній въ выданныхъ сочиненіяхъ? 2) Сколько открыто уже, п. е. сколько находится расптній въ правникахъ (гербаріяхъ) безъ описанія? 3) Сколько предположительно существоуетъ на поверхности земной?

1. Система *Линнея*, включая и *тайно-брагнныя*, содержитъ только 10,042 породы.

2. *Вилденовъ*, въ книгѣ изданной въ 1797 по 1807, описалъ уже 17,457 породъ расптній *явно-брагнныя*. Если прибавить къ тому 3 п. *тайно-брагнныя*: то число это возрастетъ до 20 тысячъ.

(1) Переводъ г. *Неронова*, копорому опечиственная словесность весьма обязана за ясное и прекрасное предложеніе Путешествія барона *Гулiboldта* по Америкѣ. Этого прудъ важнѣе, чѣмъ намарать четыре толстыхъ тома соблазнительнаго романа, или путешествія по грязи, навозу и гною.—В.

3. Робертъ *Брунъ* нащипалъ сперва до 37 п. *явно-брагннхъ*.

4. Я (Александръ *Гулбольтъ*) сдѣлалъ явственное распределение 44 п.

5. Въ росписи *Штейделл* содержится болѣе 39 тыс. породъ растѣній.

6. *Декандолъ* нашелъ въ Европейскихъ правникахъ и растѣннхъ до 56 тысячъ.

Я полагаю, что, при совершенномъ незнаннн внутренности Южной Америки (Маппо, Гроссо, Парагвад, Буэносъ-Айреса, восточнаго склона Андесской цѣпи, Саяпа-Круца-дѣ-ла-Сьерра, всѣхъ земель, лежащихъ между Оринокомъ, Рио-Негро, Амазонкою и Сурусомъ); Африки, Мадагаскара, Борнео; внутренней и восточной Азии (Тибета, Бухарн, Китай, полуострова Малакки), невольно приходнть на мысль, что мы незнакомы еще и съ шрешью, даже, вѣроятно, съ пятою долею существующихъ на землѣ растѣннн! Эта мысль, какъ-бы охраняетъ древнюю мнѳу Зендавеста (2), въ которой написано, что «творнющая первоыпнная сила возвала изъ священной крови быка 120,000 видовъ растѣннн!»

О С Т Р О Т А.

Въ одномъ обществѣ, въ Парижѣ, удивлялись скорому обогащенню и знатности пролаза***.—«Онъ выросъ, какъ грибокъ;» сказалъ нѣкто. — Немудрено; — прибавилъ другой: извѣстно, изъ чего родятся шампнныоны. —

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

11.

Къ удивленню, мы нашли въ Сенпярской книжкѣ Бнблнотеки для чтення, на 69-й страницѣ Иноснранной словесности—вошь что:

(2) Священная книга древннхъ Персовъ, содержащая въ себѣ религню *Зороастра*.—Н.

«Флавнннъ есть романъ въ духѣ L'esprit du Christianisme и Les Martyrs, г. виконпа *Шатобрнана*, который гораздо болѣе принесъ бы пользы религнн, еслибъ не защищалъ ея такими книгами...»

О романъ *Шатобрнана*, подѣ заглавнемъ: L'esprit du Christianisme, мы не слыхивали, а господа книгопродавцы, поргующе Французскими книгами: *Белнзаръ*, *Брифъ*, *Шюшаръ* и *Слѣнннъ* захохотали мнѣ подѣ носъ, когда я спросилъ у ннхъ энопъ романъ. — «Вѣроятно, вамъ угодно имѣнть знаменитое шворенне *Шатобрнана* Génie du Christianisme,» замѣнилъ мнѣ одинъ изъ ннхъ: «шворенне, которое много вспомошествовало первому консулу *Бонапарте* возстановнть Хрнспанскую религню во Францн; въ которомъ сей краснорѣчнвый свѣтскнй проповѣдникъ блистательно доказалъ, что наша святая Вѣра есть самая воспорженная для поэповъ (1), самая человеклоубивая, самая швердая защитница законной свободы, самая ревностная покровнтельница изнщныхъ искусствъ и наукъ; что новый мнръ ей обязанъ всѣмъ, отъ земледѣлн до наукъ отвлеченнѣйшихъ, высочайшихъ; отъ богадѣленъ и больницъ до храмовъ, построенныхъ *Мишель-Анжамн* и украшенныхъ *Рафаэллами*; доказалъ, что нѣтъ въ свѣтѣ морали божественнѣе, нѣтъ ничего прекраснѣе и великолѣпнѣе ея догматовъ, ея обрядовъ, ея богослуженн. *Шатобрнннъ* взялъ за эпнграфъ къ безсмертной своей книгѣ великую мысль великаго *Монтескѣ*, который, разсмапривая благошворное влннне религнн на законодательство, въ восторгѣ воскликнулъ: *Удивительное дѣло! Хрнспанская вѣра, которая, по вндимому, нмлетъ цѣлью только блаженство другой жнзни, дѣлаетъ счастье и здѣшной* (2). Новый *Паскаль*, онъ пламеннымъ перомъ изобразилъ, какъ религнн ру-

(1) Адъ, *Данта*; Пошернннн рай, *Мнльтона*; Освобожденный Иерусалнмъ, *Тасоа*; Мессада, *Клопштока*; Генриада, *Альжра*, *Заира*, *Вольтера*; *Телемакъ*, *Фелелона*. — К.

(2) Chose admirable! La religion chrétienne, qui ne semble avoir d'objet que la félicité de l'autre vie, fait encore notre bonheur dans celle-ci. *Montesquieu*. *Esprit des Lois*, I, 24, chap. 3.

ководствуешь гений, очищаешь вкусъ, раз-
вертываешь добродѣтельные спраспи, даешь
бодрую силу мысли, указываешь божествен-
нымъ перстомъ на благородные очерки пи-
сателя и на чистые образы живописцу; онъ
оканчиваетъ пѣмъ, что поставляетъ за сла-
ву исповѣдывать одну вѣру съ *Невтономъ* и
Боссуэтомъ, *Лейбницею* и *Кларкомъ*, *Паскалемъ*
и *Расиномъ*.»—Нѣтъ, нѣтъ! милостивый го-
сударь, я не такой неучъ, какъ вы полагаете,
вскричалъ я съ жаромъ: я благоговѣю передъ
безсмертнымъ твореніемъ Французскаго *Ци-
церона*; но пришелъ купить романъ *L'Esprit
du Christianisme*, о которомъ упомянулъ ба-
ронъ *Брамбеусъ*. Эпопъ мыслитель, архео-
логъ, путешественникъ, крипикъ, кото-
рый ошибъ крылья великому *Кювю*, насмѣ-
хается надъ знаменитымъ *Гулболдтономъ*
и надъ безсмертнымъ открытіемъ *Шампо-
ліона*, — не мѣжь такъ грубо ошибиться и
увѣрительно печатать о такой книгѣ, ко-
торая никогда не существовала!— «Я со-
вершенно согласенъ съ вами,» подхватилъ
извѣстный Викторъ *Бурьяновъ*, стоявшій въ
споронѣ и слышавшій весь споръ нашъ: «ба-
ронъ *Брамбеусъ*, который беретъ просвѣпить
Россію и преобразить Русскій языкъ послѣ *Ка-
рамзина* и *Пушкина*, ничего не говоритъ не
обдумавъ.»—О чемъ вы такъ хлопчете?—
перебилъ его рѣчь извѣстный *В. В. В.*: конь и
о чепырехъ ногахъ—да спотыкается. И вы-
сокостепенный баронъ *Брамбеусъ*, какъ че-
ловѣкъ, дѣлаетъ промахи. Его крипическій
разборъ *Черной женщины*, гдѣ онъ, оставя
еѣ въ споронѣ, написалъ прескушный прак-
татъ о Магнетизмѣ; его рецензія на Роксо-
лану, гдѣ онъ, бросивъ вѣпу султаншу, вы-
сказалъ намъ всё, что видѣлъ на Воспокѣ;
его сравненіе *изряднаго* право-описательнаго
романа Поспояльй дворъ съ превосходнымъ
историческимъ *Ледяной домъ*, гдѣ онъ срав-
ниваетъ пудъ съ аршиномъ и цѣнитъ мѣдъ
дороже Аравійскаго золота: вотъ вамъ по-
руки въ эпопъ.—«Почтенный господинъ *В.
В. В.* правъ;» замѣтилъ одинъ изъ книгопро-
давцевъ: «баронъ хотѣлъ сказать о *Што-
бриановомъ романъ Атала*, составляющемъ эпи-
зодъ въ безсмертной его книгѣ *О Духъ Хри-
стіанства*; *Брамбеусъ* любитъ упопрелять

пу рипорическую фигуру, въ которой цѣ-
лое принимается за часть, а часть за цѣлое.»
—Самый вѣрный способъ громоздить парадок-
сы на парадоксы и запмѣвать истину!—
прибавилъ философъ *Велланскій*, профессоръ
физики.

А. Кораблинскій.

31-ое Октября

1855.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТОРОЖЕВОЙ КАЗАКЪ.

Орловъ Кавказскихъ внемля крику,
Донской казакъ спорожевой,
Безмолвно преклонясь на пику,
Стоитъ одинъ во тмѣ ночной.
Густая мгла кругомъ аула,
Луны невидна въ облакахъ;
Порой лишь окликъ караула,
Какъ эхо вшорится въ горахъ.
Черкесь не рыщетъ по полянъ,
Природа дремлетъ—Терекъ спитъ,
И рѣдко въ сумрачномъ шуманъ
Унымый филинь пролешитъ.
Споитъ казакъ, врага не чая;
Всѣ спитъ—всѣ въ мерпвой пищинѣ.
Но вдругъ, какъ туча громовая,
Черкесь промчался на конѣ.
Казакъ вздрогнулъ, опасность зная,
Поправилъ мѣпкій писполетъ;
Взвилася пудя роковая...
И ужъ въ живыхъ Черкеса нѣтъ.
Луна изъ тучи проглянула,
Конь пролѣтелъ безъ сѣдока,
И вотъ, смѣняетъ съ караула
Казакъ лихова казака.

П. Ефимовъ.

26 Октября

1855.

CHARADE ET LOGOGRIPHE.

Privez-moi de deux pieds (1), sous la forme de griphe,
Je puis être à mon tour, charade et logogriphe:
Où Ninive exista, mon premier fut un dieu;
(1) C'est à dire de la 3-e et 4-e lettres.

En quittant mon dernier, l'aiglon s'envole aux cieux:
 Répétez maintenant mon centre (2), je vous prie,
 Dêité dans Memphis, Argos fut ma patrie:
 Disposez en jouant mes élémens épars,
 Sous vingt aspects divers, j'appelle vos regards:
 J'attaque ou je défends aux mains du militaire;
 Je fournis aux mortels l'aliment ordinaire;
 Minéral, végétal, on m'admet aux repas;
 Je donne à tout la vie et parfois le trépas;
 Que de fois je m'unis aux doux soins d'une mère,
 Aux ébats d'une sœur, aux caresses d'un père!
 Pussions-nous, vous et moi, les partager long-temps
 Ces charmes d'un temps d'or, où nous étions enfans!
 Signe du zodiaque, à toute la nature
 J'annonce le retour des fleurs, de la verdure;
 Titre d'honneur suprême; un point changé, cercueil
 Où la grandeur de l'homme a pour reste un linceuil;
 Allons, plus gai pourtant, dans les verres je mousse
 Quand l'aimable cruchon me verse belle, rousse,
 A vous! à nos amis!... Dans le livre sacré,
 Fille de patriarche, et poète inspiré;
 Poisson, fleur et le reste: enfin haussons visière,
 Eclairons tous ces traits d'un seul jet de lumière:
 Aveugle, pauvre, errant et cependant fameux,
 Mon maître, en m'accablant, se rendit odieux;
 Trente ans dans les combats, je défendis son trône,
 Sur son front, à cinq fois, j'affermis la couronne,
 Cinq fois je repoussai de barbares essaims,
 Et pour prix je reçus un bâton de ses mains.

Въ № 91-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Млъ*.

M O D E S.

On vient de faire une découverte dont, hélas! pour notre malheur, nous ne jouirons pas, malgré notre goût pour les bijoux à la mode. La malachite, cette jolie pierre précieuse d'un beau vert nuancé, dont on fait à Rome de si belles parures, est depuis long-temps devenue très rare. On n'en trouve plus dans aucune

(2) Il est formé des deux lettres indiquées par la note 1.

mine de cuivre, et ce qui en existe maintenant est dans le commerce. Mais voici qu'un morceau colossal de cette pierre vient d'être trouvé dans les mines de *Mr. Demidoff*, sur le versant des monts Oural. Ce *diamant-colosse* vient d'être remis à l'académie des sciences de l'Institut, par le savans *M. de Humboldt*; il ne pèse pas moins de cinq mille kilogrammes:—c'est, sans hyperbole, *une malachite monstre*. Si on savait les académiciens sensibles aux beaux yeux, on leur enverrait une députation de jolies femmes pour les séduire et les décider à se dessaisir de ce précieux dépôt qui figurerait si bien sur leur cou d'albâtre; mais, hélas! on n'est pas académicien pour aimer les jolies femmes, ainsi il faut faire son deuil de la *malachite*.

Adieu, chère sœur, j'en reste sur ces regrets qui ne sont rien comparés à ceux de ne nous pas voir. — *Sarah*.

М О Д Ы.

Недавно сдѣлано открытіе, копорымъ, увы! къ несчастію, мы не будемъ пользоваться, не взирая на нашъ вкусъ къ моднымъ драгоценнымъ вещамъ. Малахитъ, этошъ красивый драгоценный камень, прекраснаго зеленаго цвѣта съ опшѣнками, изъ котораго дѣлають въ Римѣ такіе красивые приборы, съ нѣкотораго времени сдѣлался весьма необыкновененъ. Его не находятъ болѣе ни въ какомъ мѣдномъ рудникѣ, а что прежде было найдено, то все въ торговлѣ. Но вотъ найденъ необыкновенной величины кусокъ эшаго камня въ рудокопняхъ г-на *Демидова*, въ Уральскихъ горахъ. Этошъ *алмазъ-колоссъ* отданъ въ Академію наукъ, ученыхъ г-мъ *Гумбольдтомъ*; онъ всипѣ не менѣе пяти тысячъ килограмовъ. Эпо, безъ преувеличенія, *гудо-малахитъ*. Если бы знали, что академикомъ могутъ пронуть прекрасные глаза, то можно бы къ нимъ опсправить депутацію пригожихъ женщинъ, чтобъ соблазнить ихъ и заставить расстаться съ драгоценнымъ залогомъ, копорый былъ бы такъ красивъ на ихъ алебастровыхъ шеяхъ; но, увы! академики не на то сошворены, чтобъ любить пригожихъ женщинъ, и такъ надо проститься съ малахитомъ.

Прощай, любезная сестра, я горюю о малахитѣ; но эша грусть ничто въ сравненіи съ причиняемою мнѣ разлукою съ тобой. — *Sara*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 93.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 карпинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30; съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Ноября 20 дня 1835 года.

Умолкъ Соловушка. Конечно бѣдный болѣнь,
Или подружкой недоволенъ,
А можешь и несчастливъ въ ней?
—Мнѣ жалокъ онъ, сказали печально Воробей. —
«Онъ жалокъ?» Зяблица къ словамъ его присада:
«Какъ мало въ сердцѣ ты чиналъ!
Я лучше опгадала:
Любилъ онъ, такъ и цѣлъ: спалъ шаспливъ, замолчалъ.»
И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЧЕРКИ СИЦИЛИИ.

Островъ Сицилія, въ древности именовав-
шійся Тринакриєю, остаеся доселѣ весьма
малоизвѣстнымъ, хотя бы и заслуживалъ по
оригинальности своей вниманіе путешествен-
никовъ. Мы ѣздимъ обыкновенно по слѣдамъ,
проложеннымъ прежними странствователями:
съ охотою посѣщаемъ Неаполь, Венецію,
Римъ, и не обращаемъ вниманія на Сицилію,
покрытую остатками Арабской, Греческой
и Римской архитектуры, лежащими разсы-
ленно среди распоргнутыхъ землепрясеніями
скалъ и отражающимися при солнечномъ
блескѣ въ прозрачныхъ водахъ моря. Всѣ
просвѣщеннѣйшіе народы: Римляне, Ка-
спильцы, Мусульмане, Англичане, Францу-
зы, поочередно наслаждались въ ней жизнью,
и воздвигали среди горъ ея, которыя ба-
гровишь заходящее солнце, колонны порпи-
ковъ своихъ и спупени театровъ. Я про-

велъ въ этой странѣ, богатой воспомина-
ніями, нѣсколько лѣтъ моей молодости, по
между горными жипелями Алькамо, по меж-
ду Трапанскими мореходцами, прикрывая себя
нерѣдко ихъ шапкой и ихъ краснымъ пла-
щемъ, единственной одеждою, которую они
безпечно набрасываютъ на свои мощные чле-
ны. Я изучалъ въ близости эпическую страну,
чуждую просвѣщенія, съ ея энергическимъ,
но неразвитымъ характеромъ, и преклонялъ колѣ-
на предъ торжественнымъ шествіемъ мо-
наховъ, при коемъ народъ съ претепомъ
падалъ ницъ, тогда какъ издали раздавался
звонъ монастырскихъ колоколовъ. Между про-
исшествіями, мною собранными, которыя
отнюдь не романы, а истинные анекдоты,
коихъ даже подробностей я нимаю не раз-
украсилъ, есть много забавныхъ, живопис-
ныхъ, невѣроятныхъ, глубокотрагическихъ.
Полуобразованность и суевѣріе, угнетающія
Сицилію, служатъ поводомъ ко многимъ пре-
ступленіямъ; дурное управленіе и слабоспъ

законовъ служатъ худою обороною нравственности и добродѣтели: простолюдить, если онъ виновенъ, бѣжипъ въ горы; дворянинъ-пресупникъ удаляется въ свой замокъ.

Въ 1820-мъ году, Капанскій священникъ, донъ *Людвигъ Джіани*, взошедъ на кафедру и желая выславипъ себя поборникомъ забытыхъ законовъ, а можетъ быть для того только, чптобы заинтересовать своихъ слушателей, ввелъ въ свою проповѣдь историческій рассказъ, коего дѣйствующія лица были еще всѣ въ живыхъ и принадлежали къ лучшимъ дворянскимъ фамиліямъ въ городѣ. Черезъ три дня онъ уже помился въ пемницѣ, гдѣ правительство выдержало его три года за то, что онъ обнаруговалъ преступленіе, въ которое была замѣшана Сицилійская аристократія. Тотъ же самый донъ *Людвигъ Джіани*, по выходѣ изъ пемницы, рассказывалъ мнѣ другое происшествіе, которое заслуживаетъ быть сохраненнымъ.

Между Сиракузами и Капаною возвышался древній замокъ Сарацинской архитектуры, принадлежащій фамиліи герцоговъ *Ла Брука*. Лѣтъ 25 тому назадъ въ этомъ замкѣ, живописнѣйшемъ по положенію своему во всей Сициліи, жилъ одинъ изъ герцоговъ, отецъ юной дочери, славившейся своею красотою и богатствомъ. Оснадацатилѣтняя *Констанція Ла-Брука* отличила въ толпѣ многочисленныхъ своихъ обожателей впрочема сына графа *Риццари*, друга отца ея. Младшіе братья, которые по существующимъ въ Сициліи обычаю и законамъ получаютъ въ наслѣдство только самую малую часть отцовскаго имѣнія, обыкновенно предназначаются въ духовное званіе. Взаимная любовь молодыхъ людей устранила герцога и графа; они положили удалитъ *Албано Риццари* и послали его въ Римъ, гдѣ онъ долженъ былъ окончипъ ученіе и начать духовное поприще, къ которому былъ вовсе не сроденъ и въ которое не намѣревался вступать. Онъ поѣхалъ изъ одного только повиновенія отцу. Между тѣмъ старшій братъ *Албано* находился безоплочно при *Констанціи*, которая постоянно отвергала его предложеніе и отказы ва-

лась опъ замужства. Пропекло два года старшій братъ, опринутый этою дѣвушкою, вепупилъ въ бракъ съ другою, и умеръ въ скоромъ времени послѣ свадебнаго празднества. Это происшествіе перемѣнило совершенно положеніе *Албано Риццари*, который сдѣлался теперь главою семейства, наслѣдникомъ пишуровъ и родоваго состоянія; онъ успѣшилъ оставить Римъ, получилъ позволеніе опъ папы выпипи изъ духовнаго званія и началъ искать руки *Констанціи*.

Ничто не противилось исполненію его желаній; назначенъ былъ даже день для бракосочетанія, котораго церемонія должна была совершиться въ замкѣ *Ла Брука*. Все окружное дворянство было приглашено на этотъ праздникъ. Подлѣ *Ла-Брука* жилъ одинъ дворянинъ древней фамиліи, имѣвшій довольно хорошее состояніе, по имени кавалеръ *Бруни*.—Онъ нѣсколько разъ домогался руки *Констанціи*, которая никогда не подавала ему ни малѣйшей надежды.—Онъ также получилъ письменное приглашеніе на свадьбу, но оставилъ его безъ отвѣта; слышали только, что онъ грозилъ чѣмъ-то обомъ семействомъ. По возвращеніи молодаго *Риццари*, онъ оставилъ свое жилище и неизвѣстно куда скрылся: никто не обратилъ вниманія на это обстоятельство, имѣвшее самыя прагическія послѣдствія.

Въ утро дня, назначеннаго для бракосочетанія, блескъ и радость царствовали въ церкви *Ла-Брука*, наполненной множествомъ посѣпителей, раздѣлявшихъ, казалось, счастье супруговъ. Въ то время, когда священникъ надѣвалъ на палець невѣсты вѣнчальное кольцо, въ одномъ изъ угловъ зданія раздался продолжительный, громкій и обидный смѣхъ.—Все собраніе смуда обернулось, но виновникъ шума не былъ опкрытъ—и вѣнчаніе продолжалось. Гости разошлись по садамъ парка *Ла-Брука*. За обѣденнымъ столомъ слѣдовалъ балъ; нѣсколько оркестровъ, расположенныхъ, одни въ тѣни деревьевъ, другіе въ большихъ залахъ замка, составили около себя нѣсколько танцующихъ группъ. Главнымъ мѣстомъ танцовъ была пріемная

зала, убранный гирландами, въ коей находились молодые съ своими родителями. Въ одиннадцать часовъ, когда танцы наиболѣе воодушевились, двѣ замаскированные особы показались въ обществѣ. Маски столь же обыкновенны въ Сициліи, какъ и въ Венеціи, и можно часпо встрѣтить наряженныхъ особъ, вмѣшивающихся въ танцы съ незамаскированными; учтивость преуещъ только, чтобы маска была поднята для хозяина дома. Эти два гостя одѣты были въ костюмъ Сицилійскихъ мужиковъ; ихъ танецъ былъ чуденъ, живъ, смѣлъ. Они держали въ рукахъ своихъ претпьяго танцора, или, по крайней мѣрѣ, чучело человеческой фигуры, также въ маскѣ и одѣтое въ черное. На груди его вышито было серебромъ: *Tristitia*. Эту фигуру, изображавшую *пегаль*, или *меланхолію*, посадили маски на диванъ и представляли, что совершаютъ надъ ней обрядъ погребенія. Ихъ окружили и поспѣшь поняли смыслъ эпои спральной аллегоріи, пантомимы вмѣстѣ печальной и веселой. — Они хороноли *пегаль*, покрывъ и обернувъ ея краснымъ сукномъ, и продолжали свою забаву. Чтобы полюбоваться жестами и апшпшюдами новоприбывшихъ гостей, бросили танцы и составили около ихъ кружокъ. Одинъ изъ нихъ, который былъ выше и дороднѣе, казался человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ; другой, по движеніямъ пріятнымъ и легкимъ, по палии гибкой и тонкой, казалось, принадлежалъ къ женскому полу; но ни тотъ, ни другой не хотѣли снять маски — то они били ногами въ кадансъ объ полъ, то вершались взявшись за руки, между пѣмъ, какъ оркестръ оглушалъ радостными звуками своды замка.

«Пусть они снимутъ маски!» кричали со всѣхъ сторонъ изумленные зрители.

Тотъ изъ танцоровъ, который по внѣшнимъ формамъ казался женщиною, подошелъ къ графу *Альбано Риццари* и подалъ знакъ, что желаетъ съ нимъ говорить. За нимъ подошелъ другой танцоръ и указалъ пальцемъ на сосѣдную комнату. Можно было понять, что они не согласятся снять маски ни передъ кѣмъ, кромѣ самаго хозяина, который и согласился ипши за ними. Они

снова начали свои смѣшныя жесты, свою безумную пантомиму, взяли подъ руки лежавшій на диванѣ прупъ *пегали* и понесли его въ сосѣдную комнату, предшествова графу *Альбано*. Балъ снова начался. Прошло около 20 минутъ, но ни графъ, ни танцоры не показывались. Молодая графиня безпокоилась; взоры ея безпрестанно пробѣгали по всѣмъ угламъ залы и вопрошали физиономіи присутствовавшихъ, ища молбдаго супруга, который скрылся съ двумя масками.

Наконецъ онѣ показались, переодѣтые въ Испанскіе костюмы изъ чернаго бархапа; праурный крепъ развѣвался на ихъ черныхъ покахъ. Онѣ держали въ рукахъ чучело, обернутое въ красное сукно, и положили его снова на диванъ; но только у него не было замѣтно теперь ни головы, ни ногъ. Онѣ возобновили предъ нимъ свои таинственные танцы, которые были теперь гораздо печальнѣе, чѣмъ прежде; по спановились они на колѣна, принимая плачущій видъ, по поднимали къ небу руки и выражали множественномъ различныхъ тѣлодвижений глубокую горестъ. На нихъ долго смотрѣли; но наконецъ многіе изъ присутствовавшихъ начали уже скучать печальною сценою, которая вовсе была неумѣстна при брачномъ торжествѣ. — Молодая вдругъ поблѣднѣла; находившаяся подлѣ неѣ невѣстка, изумившись внезапной переменѣ ея лица, спросила ея: «что съ вами?»

— Не знаю сама, — отвѣчала *Констанція*: нѣсколько минутъ уже я чувствую себя дурно. — Лишь только она произнесла слова сіи, какъ маски, приблизившись къ ней, сказали на просцонародномъ Сицилійскомъ нарѣчій: *Venite a piungere le nostre e le vostre miserie* (*).

Слова сіи были произнесены такъ громко, что всѣ присутствовавшіе могли ихъ слышать. *Констанція* упала въ обморокъ; окружавшія ея особы поддержали ея, и въ то время, какъ поропились подать ей помощь, маски скрылись, оставя на диванѣ покрывное краснымъ чучело. Нельзя было не замѣнить

(*). Придите, отдайте наши и ваши несчастія. —

спранный неподвижности эпой фигуры, которую щипали живою; подняли покровъ, взяли её за руки и увидѣли, что это былъ человекъ, котораго пѣло холодно была какъ ледъ. Сняли маску—это былъ прупъ графа *Альбано Риццари*.

Крики ужаса, продолжительные споны женщинъ, смятеніе и беспорядокъ наполнили залу; это была ужасная сцена, которой описать невозможно. Друзья графа поспѣшили въ погоню за убійцами, но не опыскали никакихъ слѣдовъ. *Альбано* былъ ими удавленъ въ спальнѣ, споль блестяще убранной по случаю брака; въ ней найдены ясные слѣды преспуленія, и на брачномъ ложѣ лежалъ кипарисный вѣнецъ. Всѣ подозрѣвали въ этомъ дѣлѣ кавалера *Бруна*, который, какъ въ послѣдствіи узнали, задолго до сего несчастнаго происшествія переѣхалъ на жительство въ *Вѣну*. Масокъ же, которыхъ въ лицо никто не видалъ, никакъ не могли опыскашь; должно полагать, что они скрылись отъ розысковъ полиціи въ развалинахъ, которыхъ пакъ много въ Сициліи, или нашли себѣ безопасное убѣжище въ какомъ нибудь монастырѣ.

Тотъ, кто не знаетъ Сициліи, можетъ удивиться этому разсказу и усомниться въ истинѣ сего происшествія. Оно носитъ на себѣ топъ живописный, дикій, спранный и смѣлый характеръ, которымъ отличаются обычаи сей спраны. Если бы сдѣлалось гласнымъ всё то, что происходитъ даже въ наше время въ древней Тринакріи, если бы раскрыта была частная жизнь нѣкоторыхъ Сицилійцевъ разныхъ сословій, то обнаружилось бы множество происшествій, которыя ужасомъ или забавною причудливостію, своимъ безчеловѣчіемъ или оригинальностію, превосходятъ всѣ выдумки романистовъ. Это спрана, совершенно опдѣльная, чуждая всѣхъ извѣстныхъ законовъ, исполненная спранностей; Мавританская, Кастильская, Италіанская, дикая, изнѣженная, образованная, которой нельзя поспичъ или узнать иначе, какъ изъ примѣровъ и изъ разсказовъ. Въ высшемъ классѣ причуды иногда бывають споль же спранны, сколь и невинны. Я не

спану говорить о князѣ *Палагожіа*, испрапившемъ цѣлые миліоны на изваянія карикатуръ; онъ очень извѣстенъ по милости *Гёте* и г-жи *Сталь*, которыя сполько смѣялись надъ его глупостями, что вѣрно читатели наши легко припомнятъ себѣ его имя. Не въ дальнемъ разстояніи отъ обширнаго помѣстья его, получившаго прозваніе *Прихоти Палагожіа* (*Folie Palagogienne*), находится другой паркъ, принадлежащій князю *Бутера*, бывшему долгое время Сицилійскимъ посланникомъ при Французскомъ дворѣ. Этомъ - то князь приказалъ выспроить въ саду своемъ монастырь, наполненный восковыми монахами. Здѣсь представлены фигуры въ различныхъ положеніяхъ: нѣкоторыя изъ нихъ уполяютъ свой голодъ въ коридорахъ или упиваются на чердакахъ и въ погребкахъ, другія дерутся на дворѣ, любезничаютъ съ молодыми дѣвушками, играютъ на биліардѣ и въ шахматы, однимъ словомъ дѣлають всё то, что неприлично ихъ сану. Это сапира изъ воска, забавная пародія, имѣющая двойное достоинство: мѣстной истины и пріятной оригинальности. Но сколько происшествій, по истинѣ ужасныхъ, бывшихъ слѣдствіемъ полуобразованности и безсилія законовъ, таиися въ лѣтописяхъ фамилій! Разбойники, коими наполнены сочиненія г-жи *Радклиффъ*, вспрѣчаются въ Сициліи на каждомъ шагу. Берега ея опустошаются корсарами; древніе монастыри ея, предоставленные въ распоряженіе монахамъ, за которыми никто не смотритъ, служатъ мѣстомъ гнусныхъ злодѣній, которыя прикрыты здѣсь непроницаемою тайною. Вообще здѣшній народъ не дорожитъ человѣческою кровію. Еще не забыто происшествіе, случившееся въ 1800 г. около Августы, гдѣ было убито 350 человекъ Французовъ, возвращавшихся изъ Египта и заброшенныхъ бурей сюда на берегъ: это была вторая Сицилійская Вечерня. Неаполитанское правительство оставило безъ наказанія такое злодѣяніе, хотя и то правда, что тогда трудно было опыскашь зачинщиковъ и исполнителей сего убійства, потому что въ этомъ дѣлѣ весь народъ принималъ участіе. — Нерѣдко случается, что шайка разбойниковъ нападаетъ

на какой нибудь монастырь, построенный въ горахъ и беретъ его силою оружія; тогда они не щадятъ никого, рѣжутъ и мужчинъ и женщинъ, и монаховъ и монахинь, и расхищаютъ всѣ сокровища, которыхъ Христіане по обыкновенію кладутъ для сохраненія въ монастыри.—Общественное благочиніе находится въ худомъ состояніи и представляется споль мало средствъ къ обезпеченію собственности гражданъ, что для лучшаго сохраненія оной, должно обращаться къ церквамъ и монастырямъ, которымъ впрочемъ Сицилійскіе бандиты не всегда оказываютъ должное уваженіе. Большая часть монастырскихъ настоятелей единственные банкиры Сициліи; имъ обыкновенно вручаютъ на сохраненіе всѣ драгоценныя вещи, и оказываемая имъ довѣренность служила неоднократно поводомъ различныхъ происшествій, большею частію прагическихъ, но нерѣдко и забавныхъ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

ЛЕЙПЦИГСКАЯ БИТВА.

(Изъ записокъ стараго солдата).

Посвящено подполковнику П. В. Курепанову.

Въ долгія зимнія ночи, сидя у огня, я съ какимъ-то особеннымъ восхищеніемъ вспоминаю о знаменитой Лейпцигской битвѣ. Сколько величественныхъ, поразительныхъ сценъ было тамъ .. О день великій! день вѣчно памятный для стараго солдата! Мнѣ кажется, что я и теперь вижу землю, покрытую разбросанными пушками, разбитыми пороховыми ящиками, прутами и умирающими.

Посмотрите: вотъ здѣсь картинно пылаютъ древніе замки, загородные дома и хижины бѣдныхъ. Пожаръ! пожаръ! за чѣмъ ты коснулся пріюта убогихъ? Пощади эти горестныя развалины, гдѣ добродѣтельный бѣднякъ имѣлъ себѣ единственное убѣжище!

Скажите: отъ чего происходитъ, что человекъ въ дни мира и спокойствія, находясь при послѣднихъ ступеняхъ къ гробу, чаще вспоминаетъ о мгновеніяхъ жизни горест-

ныхъ, нежели о золотыхъ и пріятныхъ дняхъ юности?—Скажите: отъ чего мать любитъ болѣе по дитя, которое въ младенчествѣ было слабѣ другихъ, и у колыбели котораго она провела такъ много горькихъ и безсонныхъ ночей?

Вопросы сіи пусть разрѣшатъ другіе, а не я. Мнѣ, старому солдату, проспительно остаться въ молчаніи: ибо я въ тѣ лѣта, когда должно бы сидѣть за книгами въ классѣ, учился уже работать шпагою въ полѣ, гдѣ предстояла каждому солдату одна наука: *умереть со славою.*

Лейпцигъ! я помню тебя, городокъ щастливый и веселый. Я помню твою богатую торговлю, цвѣтущую твоей окрестности, гдѣ я любилъ въ мечтахъ бродить по красивымъ твоимъ улицамъ и вспоминать юныхъ и милыхъ твоихъ обитательницъ.

Нынѣ, когда ты спокойно дремлешь, помнишь ли ты тотъ ужасный день, когда вокругъ тебя раздавался громъ болѣе чепырехъ сотъ Французскихъ пушекъ, чтобы не допустить союзныхъ Монарховъ къ твоимъ мирнымъ спѣнамъ?

Я помню этотъ день, какъ помнятъ все ужасное и величественное въ мірѣ; не спану стратегически описывать движеній и передвиженій, написковъ и опспуповъ той и другой арміи; скажу только, что битва была ужасная: въ шести баталіонахъ моего корпуса и перваго полка Морской артиллеріи, стоявшихъ въ грозномъ боевомъ порядкѣ вдоль по Дубенской дорогѣ, въ нѣсколько часовъ оспалось въ живыхъ не болѣе ста солдатъ и два—три офицера; прочіе были убиты, изувѣчены, или взяты въ плѣнъ. Товарищи! миръ праху вашему!— Въ дни мира вы были добрые друзья мои, а въ дни брани храбрые солдаты.

На другой день, $\frac{5}{17}$ числа, войска непріятельскія и наши опдыхали, упомянутыя кровопролитіемъ.

$\frac{6}{17}$ числа происходило то большое сраженіе, въ которомъ *Наполеонъ* показалъ весь свой геній, но гдѣ слава не увѣнчала лавровымъ вѣнкомъ прежняго своего любимца.

Я сравниваю Лейпцигскую битву съ величайшимъ зданіемъ, которое стоя нѣсколько вѣковъ въ пвердомъ основаніи своемъ, борется со всеокрушающимъ временемъ — но мало по малу уступая напору силы, падаетъ наконецъ съ шумомъ и прескомъ.

Нашъ полкъ почти совершенно испребленъ и присоединенъ къ другой бригадѣ. Это присоединеніе произвело почти такое же дѣйствіе, какъ присоединеніе нѣсколькихъ саншмовъ къ бюджету.

Быстро мы сдѣлали нападеніе на прелестное, образцовое селеніе Шенфельдъ. Съ какою горестію я вспоминаю скромную колокольню его, содѣлавшуюся жертвою пламени.

На этомъ самомъ мѣстѣ генералы *Фридрихъ* и *Когорнъ* были убиты, а генералъ *Кампанъ* раненъ. Всѣ они прославились отличною своею храбростію, а *Когорнъ* сверхъ того былъ извѣстенъ суровостію въ обращеніи и разговорѣ. Когда кто нибудь былъ раненъ, онъ съ неохотою позволялъ, чтобы двое изъ солдатъ вышли изъ фронта, для опнесенія раненаго на мѣсто перевязки. Когда же опорвало самому ему ядромъ ногу, онъ съ суровостію закричалъ на тѣхъ, которые хотѣли ему помочь: чтобы оставались на своихъ мѣстахъ, и дали бы ему умереть спокойно.

Одинъ бомбандиръ упалъ, раненый пулею въ грудь: глаза его закрылись, онъ приговорился уже умереть; но когда поварищъ хотѣлъ опнять у него ружье, онъ крѣпко прижалъ его къ груди своей и проспопалъ: Постой немного, постой, дай мнѣ прежде умереть!

Вечеромъ мы начали опспупать и $\frac{7}{12}$ числа упромъ вступили въ Лейпцигъ.

Опспупеніе наше было ужасно. Изнуренные, голодные, послѣ трехъ-дневнаго боя: генералы, солдаты, офицеры, маркипанты, артиллерія конная и пѣшая, пѣхота и конница — съ шумомъ, бранью, крикомъ и проклятіями спѣшили къ мосту на Эльсперъ. Здѣсь полагали предѣлъ всему — какъ будто бы за нимъ находилось прекрасное и милое опчество наше — Франція; но обстоятельство сдѣлались еще ужаснѣе, когда не-

ожиданно съ пылу показались свѣжія Русскія войска съ 4 орудіями. Огонь ихъ губительно свирѣпствовалъ въ спѣсенной подпѣ нашей. Не было никакой надежды: добрые жители Лейпцига также посылали намъ ружейные выспрѣлы изъ оконъ своихъ.

Наконецъ, мостъ былъ взорванъ на воздухъ; я видѣлъ, о, не дай Богъ никогда впередъ видѣть, какъ лепали обломки моста вмѣстѣ съ членами тѣхъ, которые почипали себя щасливвыми, достигши его. Смотри на эту ужасную картину, сердце разрывалось горестію; я, воинъ, плакалъ какъ дитя. Все погибло; князь *Понятовскій* и многіе генералы упонули въ Эльсперъ.

Изъ le Finistér *A. Гренъ.*

ЧТО ТАКОЕ ОТЕЧЕСТВО?

Родная моя земля, изъ произведеній которой образовалось мое тѣло. Она орошена потомъ дѣдовъ моихъ, куплена и бережена ихъ кровью, смѣшана съ прахомъ моихъ предковъ. Слѣдственно, мое опчество есть часть собственнаго существа моего, а я составляю часть земли родной. Мнѣ кажется, что если я сожму въ рукѣ комъ родной земли: то изъ неѣ брызнетъ кровь, та же кровь, которая печетъ въ моихъ жилахъ.

Государства, находящіяся въ благораспоренныхъ климапахъ, страны съ величественными горами, водопадами, вѣчнозелеными рощами и долинами — прекрасны; но онѣ для меня чужды. Такъ почно, какъ пригоже лицо, спройный спанъ, хотя очень мнѣ нравялся, но не могу п принадлежать мнѣ; они чужіе.

НОВАГО РОДА ПОЧЕСТЬ.

Меръ одного города, при провѣздѣ иносстраннаго принца, велѣлъ надѣть шипую перчатку на *деревянную руку*, которая прибила къ сполбу для указанія дороги.

Вотъ новаго рода почестъ, какой доселѣ не сохранилось въ лѣтописяхъ церемоналовъ!

СУМАСБРОДНЫЙ СКАЧОКЪ.

Одинъ Англичанинъ, прогуливаясь верхомъ въ окрестностяхъ Брайптона, сдѣлалъ такой отважный скачокъ черезъ канаву, что привелъ всѣхъ путь бывшихъ въ страхъ и удивленіе.—«Яувѣренъ,» замѣтилъ ему одинъ его пріятель: «что въ цѣлой Англій не найдется человѣка, который бы отважился на такой скачокъ.»—И, полно, братецъ, опивъ-чалъ всадникъ: въ домъ сумасшедшихъ ты найдешь не одного, а двадцать человѣкъ.—

Р О З Ы.

Спранно, что во всей южной Америкѣ нѣтъ ни одной розы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

12.

Сердечное наслажденіе, съ коимъ прочитали мы новый романъ г. *Сумарокова*, подъ заглавіемъ *Наслѣдница*, побудило насъ перечитать *повѣсти и рассказы* того же писателя.

Вопъ слѣдствія, нами выведенныя:

1. Г. *Сумароковъ* владѣетъ языкомъ очень мило. Его слогъ плавленъ и опряженъ. Онъ хорошо обдумываетъ и хитро проводитъ свои дѣйствующія лица по сценѣ, хорошо ихъ обставляетъ и, хотя, прочитавъ ихъ, дамы не проводятъ безсонныхъ ночей, какъ послѣ повѣстей г. *Павлова*, однако же *Сумароковъ* принадлежитъ къ пріятнымъ и занимательнымъ расказчикамъ.

2. Жаль, что сей писатель иногда выписываетъ изъ Франціи такія пружины для Русскихъ повѣстей, которыя никакъ нельзя къ нимъ приладить. Напр: у него дядя грозитъ племянницѣ монаспырѣмъ за то, что она не хочетъ итти за нелюбова ей человѣка. По нашимъ законамъ, не только дядя, но и родители не власны ни приневолить дочь къ замужству, ни поспричь въ монаспырь.

3. Не менѣе того жаль, что г. *Сумароковъ* нѣсколько пристрастенъ къ поединкамъ. Эпопъ ядъ, завезенный къ намъ изъ запад-

ной Европы, не распроспранилъ на св. Руси своего пагубнаго дѣйствія. Дуэли у насъ чрезвычайно рѣдки, никогда почти не бываютъ за бездѣлицу, и никогда не кончались шуткою. Слѣдственно, эту важную пружину не надобно дѣлать и въ романахъ пошлою, всѣдневною. Послѣдняя глава послѣдней его повѣсти совсѣмъ не кспати путь приклеена. Она разочаровываетъ.

А. Кораблинскій.

10-е Сентября,

1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

М О Т Ы Л Ё К Ъ.

(*А. Г. Т—у.*)

Краса воздушная полей,

Холмовъ жилецъ золопокрылой!

Лешать со мракомъ бурныхъ дней

Туманы осени унылой.

Увы! завянешъ рощи листъ

И на попокъ свалился водный,

И стонитъ буйныхъ въпровъ свистъ

Съ долины праздникъ хороводный.

Тогда, любимый неба сынъ!

Тогда гдѣ жизнь швола? Гдѣ радость?

Пріюпъ, веселье средъ долинъ

И беззаботной воли сладость?...

Твой вѣкъ щасливый опивъшетъ,

Туманъ заспелетъ горь вершину,

И въспрь пустынный занесетъ

Тебя въ безвѣстную пустыню.

А—въ.

Л О Г О Г Р И Ф Ъ.

Я злапомъ, серебромъ, желзомъ обладаю,

Въ землянкѣ обитаю;

Но голову съ меня сорви —

И рыбу мною ты лови.

Другую прочь: я утверждаю

Все то, что утвердишь за благо ты найдешь.
Прочь трептью липеру... такъ что-жь?
Съ одною гласною тебя я оставляю.

Въ No 92-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Bélisaire*, въ коемъ заключаются: *Bel, aire, Isis, sabre, blé, sel, ail, air, baiser, bélier, sire, bière, Lia, Elie, raie* и *lis*.

MODES.

Vous vous rappelez, sans doute, ma chère *Nancy*, ce désolant rejeton de la famille de mon mari, qui habitait les environs de Cambridge, et qui faisait lui, et son aimable moitié, des apparitions à Londres, qui nous mettaient au désespoir. Eh bien! ils sont ici; oui ici, à Paris; elle avec ses rubans coquelicots et son teint bilieux; lui, avec son habit à pointe et son pantalon collant *canelle*. Vous souvenez-vous que nous disions que son père, le marchand de draps, s'était retiré du commerce avec dix mille livres sterling de revenu et la charge d'un bâtiment de draps-*canelle*, dont il vêtissait sa femme, ses enfans et ses domestiques. Toute cette famille, de couleur claire, se rendant au temple le dimanche, nous a souvent bien divertis. C'est sous l'influence de la même nuance qu'ils m'ont apparu hier, et je n'avais encore vu que les jambes de mon cousin qu'il était reconnu. Ils viennent pour se meubler et se faire habiller *at the french fashion*, (je suppose que la provision de draps est épuisée).

J'ai commencé par prier *Edouard* de vêtir, tant bien que mal, le mari des débris de sa toilette, et j'en ai fait autant de mon côté pour la femme. Puis, nous nous sommes mis en route, car ils sont fort pressés de retourner vers les huit enfans qu'ils ont laissés à *Clifton-Hall*. Notre première excursion a été chez M. *Sergent*, le coiffeur, qui a employé son art, son talent et sa hardiesse, à mettre la tête de ma cousine dans un état présentable. Ses cheveux sont assez beaux; il les a taillés et bouclés à *la Ninon*, genre de coiffure qui semble devoir prendre une grande vogue cette année, car elle va à peu près à toutes les figures, mais seulement jusqu'à un certain âge. Une femme de quarante ans, coiffée ainsi, à moins qu'elle ne soit remar-

quablement belle et conservée, a l'air d'avoir une perruque.

Pl. No 33. Redingote de drap Cape de Maure.— Gilet de zibeline.— Manteau sans manches.

МОДЫ.

Ты вѣрно помнишь, милая *Nancy*, жалкую опраель фамилии моего мужа, жившую въ окрестностяхъ Кембриджа, эту смѣшную пару чудаковъ, которая появленіемъ своимъ въ Лондонъ, приводило насъ въ отчаяніе. Представь, они здѣсь; да здѣсь, въ Парижѣ; она въ своихъ красныхъ лентахъ съ желчнымъ цвѣтомъ лица; онъ въ своемъ фракѣ съ мыскомъ и панталонахъ въ обтяжку коричневаго цвѣта. Помнишь ли ты, какъ мы говаривали, что отецъ его, торговавшій сукнами, оставивъ торговлю, имѣлъ десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ доходу и корабль, нагруженный коричневымъ сукномъ, изъ котораго онъ одѣвалъ жену, дѣтей и слугъ. Все это семейство *свѣтлаго цвѣта*, шедшее въ воскресенье въ церковь, часто насъ забавляло. Оно показало мнѣ вчера подъ вліяніемъ того же цвѣта, и я пошчасъ узнала своего родспвенника, увидѣвъ только ноги его. Они пріѣхали чшобъ запасшсь мебелью и одѣться *at the french fashion*, (я предполагаю, что запасъ сукна истощился.)

Я попросила *Эдуарда* одѣть какъ нибудь мужа изъ остатковъ своего гардероба, и сбѣдала позже съ женою. Пошомъ мы отправились въ путь, отъ того, что они очень поропяются возвратиться къ восмерымъ дѣтямъ, оставленнымъ ими въ *Clifton-Hall*. Мы начали съ г-на *Sergent*, парикмахера, который употребилъ всё свое искусство, палантъ и смѣлость, чшобъ дать голову моей кузины приличный видъ; онъ обрѣзалъ волосы и завилъ *à la Ninon*,—прическа, которая кажется должна войти въ большое употребленіе въ нынѣшнемъ году, пошому что она идетъ почти ко всѣмъ лицамъ, но только до извѣстныхъ лѣтъ. Женщина въ сорокъ лѣтъ, причесанная такимъ образомъ, если она не оплично хороша и не весьма сохранила себя, кажется будшо въ парикъ.

(Продолженіе сего письма въ слѣд. листкѣ.)

Карш. No 33. Реденгошь изъ сукна Cape de Maure.—Соболій жилетъ.—Маншо безъ рукавовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 94.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, НОЯБРЯ 23 ДНЯ 1855 ГОДА.

Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольноспѣ и покой
Замѣна щастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЧЕРКИ СИЦИЛИИ.

(Продолженіе.)

Нѣмецкій графъ *Ведеръ*, желавшій провести нѣсколько годовъ въ Сициліи, отправился туда въ 1806 году изъ Вѣны чрезъ Триестъ, и вышелъ на берегъ въ Капанъ. Будучи ревностнымъ католикомъ и славнымъ гаспрономомъ, и отличаясь болѣе физическими, нежели умственными способностями, онъ привезъ съ собою рекомендабельныя письма, деньги и большое любопытство; ему обещанъ былъ радушный приемъ въ монастырь святого Николая, занятомъ Бенедиктинскими монахами; онъ много слышалъ о ихъ вкусномъ столѣ и веселой жизни и надѣялся подъ ихъ кровомъ скорѣ вознаградишь себя за всѣ трудности путешествія. Близъ Капаны находятся два монастыря: св. Николая на Пескахъ (Saint Nicolas des Sables), лежащій близъ города и занятый нынѣ монахами, и святого Николая Старца (Saint Nicolas le Vieux), коего мѣстоположеніе столь же живописно и чудно, сколь опасно и страш-

но. — На лѣвомъ боку Эпны, въ двѣнадцати миляхъ отъ Капаны и въ одной милѣ отъ деревни Николози, возвышается это зданіе съ древними небольшими башнями, болѣе похожее на крѣпость, чѣмъ на монастырь. Столбчатый дубовый лѣсъ, осыная густою зеленью развалины его, придаетъ еще болѣе ужасъ симъ мѣстамъ. Монастырь сей, стоящій на высотѣ двухъ тысячъ пяти сотъ футовъ надъ поверхностью моря, построенъ въ 1156 году, и былъ столь часто разоренъ до основанія, заливаемъ потоками огненной лавы, разрушаемъ землетрясеніями, что иноки, возобновляя его неоднократно, наконецъ совершенно оставили въ 1558 году, спустились въ долину и построили тамъ для себя прочное и величественное зданіе, доннынѣ ими занимаемое.

Развалины монастыря св. Николая Старца исполнены какого-то величія и ужаса. Когда усламый путешественникъ останавливается у полуразрушенныхъ стѣнъ его, онъ чпшаетъ робкимъ взоромъ длинный рядъ пожаровъ, землетрясеній и другихъ бѣдствій,

поспигшихъ монастырь со времени основанія его, и воспоминанія о коихъ доселѣ напечатлѣны на камняхъ. Выборъ мѣстности, благопріятствующій духовнымъ размышленіямъ, возвышенность и обширность ландшафта, страхъ, причиняемый близостью волкана, глубокая тишина величественныхъ сихъ мѣстъ, куда иноки древнихъ вѣковъ приходили размышлять о Богѣ и вѣчности подлѣ опверслага жерла волкана, чистый воздухъ эпого высокаго мѣста, все соединяетъ здѣсь для наполненія души глубокими, поржественными чувствованіями, копоры къ сожалѣнію нарушаются иногда появленіемъ горнаго разбойника съ заряженнымъ карабиномъ.

Можно сказать, что бандиты, коихъ многочисленныя шайки покрываютъ Сицилію, раздѣляютъ здѣсь верховную власть съ правительствомъ и монахами, нерѣдко оспаривая еѣ у нихъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ состояніе сей страны было еще плачевнѣе; бандиты, ища себѣ пристанища въ пещерахъ горъ и въ развалинахъ старыхъ крѣпостей, осаждали и грабили прибрежные города Маскалуччію, Флоридію, Меллили; самая же Капана, имѣющая 60 тысячъ жителей, платила податъ этимъ разбойникамъ. Иногда посылали для преслѣдованія ихъ опряды жандармовъ, которые прятались за заборами и обрацались въ бѣгство при приближеніи непріятеля. Въ 1806 году монастырь святаго Николая сдѣлался убѣжищемъ одной самой сильной и самой страшной шайки разбойниковъ. Не спрашась изверженій волкана, разражавшихся надъ главами ихъ, они возвысили нѣкопорыя стѣны, укрѣпили свое убѣжище, продѣлали въ валу бойницы и скрывали въ огромныхъ монастырскихъ погребахъ и подземныхъ ходахъ добычу, награбленную ими въ долинахъ. Въ эту щасливую для нихъ эпоху, графъ *Ведеръ*, только что вышедшій на берегъ въ Капанѣ, желая опсправиться на обѣдъ въ монастырь св. Николая, просилъ перваго встрѣпившагося ему извозчика на мулахъ (*lettighiere*) указать ему пуда дорогу; (онъ не зналъ, что находился въ то время у самыхъ стѣнъ монастыря св. Николая на Пескахъ). Изво-

щикъ, говорившій только грубымъ и горпаннымъ Сицилійскимъ нарѣчіемъ, полагалъ, что его Нѣмецкое сіятельство (говорившее очень дурно по Ипаліански), желало знать дорогу къ монастырю св. Николая Спарца; онъ никакъ не могъ вообразить, чтобы вздумали нанимать у него карету съ двумя мулами для пого, чтобы ѣхать въ монастырь св. Николая на Пескахъ, подлѣ котораго они находились. Какъ бы то ни было, онъ подрядился за условленную цѣну свезти графа съ пожитками его въ монастырь св. Николая Спарца, и они гоповы уже были опсправиться въ путь, когда извозчикъ, снявъ свою красную шапку и приближась къ графу, произнесъ съ пою веселою и ироническою гримасою, копорая споль свойственна Сицилійскимъ фізіономіямъ:

«Нельзя ли спросить ваше сіятельство, большая ли у васъ поклажа?»

Графъ, вполонину только понимавшій его исковерканный языкъ, наполненный звуками *z, g* и *oi*, посмопрѣлъ искоса на своего вожагаго, и опвѣчалъ ему на Ипаліанско-Нѣмецкомъ нарѣчіи:

— Поклажа моя! Я беру еѣ съ собою, лѣнивецъ! —

«А!» сказалъ Сициліецъ, выпаращивъ глаза и высунувъ языкъ: «*voustra zzellincza!* мнѣ кажется, что не лучше ли бы было опспавить поклажу-то въ Капанѣ!»

— Оставивъ безъ себя поклажу и деньги! — закричалъ упрямый графъ: нѣтъ! нѣтъ! —

«Какъ прикажете, ваше сіятельство!» опвѣчалъ Сициліецъ. «Но клянусь вамъ пятою *Giezi Sanizo*, что вещь, копорая попадетъ пуда, не воропится назадъ.»

— Тебѣ жалъ пвоихъ муловъ, какъ я вижу, — закричалъ графъ, не понявшій конца фразы, и видѣвшій въ словахъ Сициліяца одну только хипрость для увеличенія своихъ пребованій и для того, чтобы взять съ него побольше денегъ. — Поворачивайся скорѣе, бездѣльникъ! вьчучь мула и скорѣе въ путь. —

«Какъ прикажете, ваше сіятельство.»

Сициліецъ навьючивалъ мула, но такъ медленно и насвистывая такую печальную пѣсню, что нашъ Нѣмецъ вышелъ изъ терпѣнія, выхватилъ изъ чушекъ два огромные пистолета, и произнося всѣ возможные ругательства, избобрѣенныя Нѣмецкимъ языкомъ, угрожалъ Сицилійцу гнѣвомъ своимъ, если онъ не поторопится. Извозчикъ однакожь не оробѣлъ и насвистывая шарантеллу, медленно повиновался новому своему господину. Мулы пошли рысью, и вожапый, соображая всѣ обстоятельства, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, заключилъ естественнымъ образомъ, что графъ очень хорошо зналъ о разбойникахъ, занимавшихъ въ то время монастырь, и что онъ имѣетъ къ нимъ отличныя рекомендабельныя письма. Припомъ же, какъ эпи рыцари большаго дорогъ не дѣлаютъ никакого зла извозчикамъ, если только они имъ не пропиваются, то нашъ Сициліецъ повиновался безпрекословно и направилъ путь къ *San-Nicolao-il-Vecchio*. Было уже шесть часовъ, а графъ *Veders* еще не обѣдалъ. Не оскорбляя нравовъ Нѣмцовъ, которые въ Вильгельмъ Мейсперъ *Gème* представляются намъ сопровождаемыми множествомъ пуддинговъ, погруженными въ море вкусныхъ ликеровъ и воспаляющимися запахомъ сладкихъ пирожныхъ, можно достоверно полагать, что послѣ длинной дороги и довольно строгой діеты, нашъ путешественникъ предавался сладкимъ мечтаніямъ о кухнѣ опшельниковъ, о приѣмѣ, котораго онъ удостоится, объ отличныхъ винахъ, которыя будутъ опрышны для него изъ погребовъ, и о Сицилійскихъ винногодникахъ, которыми наполнился его тарелка. Пускай его предается себѣ эпимъ сладостнымъ мечтамъ, между тѣмъ, какъ пара муловъ, погоняемыхъ вожапымъ, пробирается около овраговъ горы Эпны. Вдругъ графъ опомнился, пораженный дикимъ и ужаснымъ видомъ мѣстности. Ему кажется, что они уже слишкомъ долго въ дорогѣ, и, поднявъ занавѣску своего экипажа, онъ закричалъ:

—Извозчикъ, гдѣ мы теперь?—

«На дорогѣ къ св. Николаю, ваше сіятельство.»

—А!... Безопасна ли эта дорога?—

«Не совсѣмъ-то, ваше сіятельство! я уже вамъ объ эпомъ докладывалъ.»

—Чортъ побери!... Много ли еще ѣхаетъ, и когда мы дождемъ?—

«Надѣюсь, что прежде ночи.»

—Прежде ночи! — повторилъ въ гнѣвѣ проголодавшійся пупникъ.—Поспѣшимъ; почтенные братья пожалуй опужинаютъ, и мнѣ ничего не доспанется.—

При словахъ *погтенные братья*, лицо Сицилія сдѣлало гримасу, болѣе комическую пропивъ обыкновеннаго, и выражавшую удивленіе. Онъ, казалось, сомнѣвался въ помъ, имѣетъ ли графъ почныя свѣдѣнія, и сказалъ смѣючись съ значительнымъ пономъ:

«Какъ кажется, ваше сіятельство очень поропитесь?»

—Меня мучитъ ужасный голодъ.—

«Эпи господа излечатъ ваше сіятельство опъ голоду.»

—Надѣюсь, надѣюсь, — продолжалъ графъ, бывшій въ заблужденіи.—Но я начинаю думать, не лучше ли бы было мнѣ опобѣдаться въ Капанѣ?—

«Zzellinza! Не прикажете ли повернуть къ городу моихъ муловъ?»

—Тысяча чертей! нѣтъ! къ монастырю, какъ можно скорѣе!—

«Zerebillo da Tedesco! Упрямая Нѣмецкая башка,» ворчалъ про себя извозчикъ, направляя муловъ по камениспымъ пропинкамъ горы Эпны.—То опускаясь изъ рыпвины въ рыпвину, то подымаясь съ одной высоты на другую, то вскарабкиваясь на вершины упесиспыхъ скалъ, то погружаясь въ бездны, подобныя адскимъ, наши путешественники прибыли наконецъ къ огромному монастырю, коего мрачныя и полуразрушенныя стѣны вѣнчали вершину одной горы. Извозчикъ слезъ на землю и дрожащею рукою приподнялъ, по приказанію графа, ржавую желѣзную щеколду. Она упала съ сильнымъ шумомъ, котораго эхо повторялось нѣсколько минутъ въ сводахъ и впадинахъ разрушеннаго зданія. Стаи ночныхъ ппицъ вылетѣли изъ ращелинъ и взвились въ воздухъ; вскорѣ послѣ сего раздался звукъ колокола, по-

хожій болѣе на набашь, нежели на пихій монастырскій звонъ, перекапился по пропалямъ, долинамъ, ущельямъ, грохоча въ неприспунныхъ развалинахъ, и, подобно грезѣ, гремя и перяясь въ опдаленіи.

— Чортъ возьми, какой колоколъ! — вскричалъ графъ. — Однакожь дверь не опворяется; надо полагать, что монахи крѣпко почи-ваютъ: ударъ еще разъ. —

Говоря эпо, онъ поднялъ голову вверхъ, и глазамъ его представилась фигура небри-пая, съ щепинистыми волосами, въ родѣ лицъ *Сальватора Розы*: она ходила по развалив-шейся стѣнѣ и внимательно разсматривала путешественника, извощика и муловъ. — Изъ опверстія стѣны выспавилось что-то длин-ное, похожее на мѣдную трубу, направлен-ную къ головамъ путешественниковъ. Всякій бы другой принялъ эпо за оружіе; но графъ *Ведеръ*, занятый духовными размышленіями, мѣшавшимися въ головѣ его съ идеями га-спрономическими, совсѣмъ эпого не предполагалъ. Однакожь не менѣе того онъ удивился эпому непріятельскому наблюденію и изви-нялъ его только по опасному положенію мо-настыря.

— Добрый вечеръ, другъ мой! — вскричалъ онъ. — Вы конечно привратникъ монастыря; опоприйте пожалуйста намъ. —

«Вы слишкомъ спѣшите; скажите мнѣ на-передъ, кто вы таковы?»

— Моя фамилія графъ *Ведеръ*; у меня еспь рекомендабельныя письма къ вашему почтен-ному настоятелю. —

«А, хорошо! А сколько васъ здѣсь?»

— Двое только, я и извощикъ; опворите-ка воропа, а между тѣмъ онъ сниметъ съ муловъ поклажу. —

«Вы все таки очень спѣшите; а велика ли у васъ поклажа?»

— Нѣтъ не очень; я не спѣсю васъ. —

«О, не безпокойтесь: чѣмъ больше, тѣмъ лучше.»

Графъ не могъ не замѣнить, что эпотъ грубый человекъ имѣлъ нѣкоторую своего

рода учтивость, и спокойно ожидалъ, пока онъ сойдетъ и опопретъ ему ворота, ви-сѣвшія на старыхъ крючьяхъ. Лишь только привратникъ опворилъ ихъ, по немедля схватилъ чемоданъ съ такимъ усердіемъ, ко-торое графъ почелъ добрымъ для себя зна-комъ.

— Проводите меня къ вашему настояте-лю, — сказалъ сей послѣдній.

«Къ нашему настоятелю?» повторилъ привратникъ.

— Да, вопъ письмо къ нему, — продолжалъ *Ведеръ*, вынимая его изъ кармана: достопо-чтенному настоятелю Бенедиктинцевъ мо-настыря св. Николая.

«Очень хорошо, очень хорошо. (Приврат-никъ едва могъ удержаться опъсмѣха.) «Нашъ атам... я хотѣлъ сказать нашъ настоя-тель, занявъ пеперь разъѣздами по окрес-нымъ мѣстамъ; но я увѣренъ, что онъ услы-шалъ звонъ большаго колокола и скоро воро-пится. Оптошлите эпого человека, въ немъ вы не имѣете болѣе нужды;» прибавилъ онъ, указывая на погонщика муловъ, который не заставилъ повторить эпого въ другой разъ, и немедленно опправилъ обратно въ Капану, напѣвая дорѣгою любимую свою пѣсню и не разъ не оглянувшись назадъ. Внутренній видъ монастыря былъ чрезвычайно спра-ненъ: вездѣ видны были развалины; памъ и сямъ изломанныя бочки; крестовъ съ распя-тіемъ и священнои упвари вовсе не было; въ престолахъ устроены были камины; по-всюду примѣтны были слѣды опустошенія, которыхъ никто и не думалъ исправлять. Привратникъ, замѣпивъ удивленіе графа и постигая причину онаго, спарался успо-коить его, какъ только умѣлъ.

«Мы часино бываемъ подвержены, » сказалъ онъ ему: «набѣгамъ и нападѣніямъ разбойни-ковъ, скрывающихся въ горахъ. Если-бъ у насъ были какія либо драгоценности, по мы должны бы пщательно скрывать ихъ. Впрочемъ, вамъ вѣрояпно извѣстно, что у насъ еспь другой совершенно безопасный монастырь, который лежитъ въ долине:

вамъ обо всемъ эпомъ расскажем самъ на-
спояпель. И такъ, какъ мы должны упо-
треблять для своей защиты оружіе, то и
не носимъ одежды нашего ордена. Войдите
въ эту келью и осмотрите хорошенько ва-
шу поклажу. Помните, что вы дадите мнѣ
её спрятать. Если чего нибудь попомъ недо-
спанеть, то начальникъ нашъ, котораго
гнѣвъ ужасенъ, ни за что мнѣ эпото не про-
спитъ.»

Ведеръ восхищался такою честностью; но,
мучимый голодомъ, отпустилъ приврапни-
ка и перпѣливо началъ дожидаться споль
давно ожидаемаго и споль необходимаго для
него пеперь обѣда.—Спустия часъ, вошло къ
нему новое лицо въ полувоенномъ и полу-
гражданскомъ плащѣ, и за нимъ приврапникъ.

«Вопъ нашъ наспояпель,» сказалъ сей по-
сѣдній: «подайте имъ ваше письмо.»

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

Д В А С Т Р А Н Н И К А.

Еврейская сказка.

Спранникъ шель черезъ пустыню; запасъ
его истощился,—жилица сыновъ Адамовыхъ
были еще далеко; — онъ изнывалъ опъ голо-
да и жажды и въ поскѣ души своей гово-
рилъ такъ:

О Превѣчный, Твоя всемогущая рука со-
здала плоть мою—не ужьли не спасешь Ты
созданія своего опъ погибели?

Помани, что я сосудъ скудельный и не со-
круши меня!

Ты влилъ въ меня вещество какъ млеко и
утвердилъ кости и мышцы мои.

Ты даровалъ мнѣ жизнь и блага земныя и
милосердіемъ своимъ хранилъ духъ во плоти
моей.

О Господи! почпо извлекъ Ты меня изъ
чрева матери, и не далъ мнѣ умереть въ
минушу рожденія?

Почпо воззвалъ Ты меня изъ ничпожества?
Или почпо, не вкусивъ плода жизни, не со-
шелъ я во гробъ?

И взоры его успремилась на холмъ, копо-
рый стоялъ среди песковъ, какъ снопъ по-

среди нивы. И лампада сердца его, попухав-
шая во пьмѣ печали, зажглась внезапно: на
холмѣ сидѣлъ Арабъ и готовилъ себѣ пищу.
У ногъ его былъ водоемъ—другъ спранника.

И душа спрадальца исполнилась радостію
и уста произнесли слова мудраго: *Ожиданіе
томитъ сердце, но исполненіе надежды подобно
древу жизни.* Арабъ обернулся и узналъ со-
опечественника; онъ спросилъ его о кров-
ныхъ своихъ, но не раздѣлилъ съ нимъ пищи.

—Добрая вѣспъ изъ родной спраны,—гово-
рилъ онъ: опрадна сердцу, какъ чистый ис-
точникъ успамъ жаждущаго.—Скажи, здрав-
спвуетъ ли жена моя, сынъ и верблюдь
мой? —

«Пока здравспвуютъ;» отвѣчалъ спран-
никъ, и слова его были оспры, какъ кошь
сыновъ Моага.

Арабъ опвернулся опъ спранника и спалъ
раздувать огонь.—Долго споль передъ нимъ
спранникъ, молча и сложа руки.

«Я думаю,» сказалъ онъ попомъ: о бѣлой со-
бакѣ пвоей; если бы она была жива, по
была бы не спарѣ пой, которая лежишь
на пекѣ у ногъ пвоихъ.»

Арабъ быспро взглянулъ на него.

—Какъ?—развѣ умерла бѣлая собака моя?—

«Воиспину такъ;» отвѣчалъ спранникъ.

—Но опъ чего-жь умерла она?—

«Опъ того, что съела мерпваго верблюда
пвоего.»

—О! и верблюдь мой!!! —

«Умеръ, и мнѣ жаль его. Я въ жизнь не
видалъ такога живопнаго.»

—О верблюдь мой! верблюдь мой!—возонилъ
Арабъ: вѣрный поварищъ господина пвоего;
голосъ мой придавалъ крылья ногамъ пво-
имъ,—на пвоемъ хребтѣ я носился по пу-
спынѣ легче вѣпра, быспрѣ козы, скорѣ
бѣлаго спрофокамила — и смѣялся надъ ко-
немъ всадника.—О верблюдь мой, верблюдь
мой!—кто опдаспъ мнѣ верблюда моего! —
Скажи, кто убилъ его?—

«Онъ издохъ съ голоду, когда умерла жена
пвоя и ему некому было дать корму.»

—И жена моя! подруга моей жизни!—мапъ сына моего!—

«Она умерла опъ слезъ по сынъ пвоемъ.»

—Спранникъ, что сказалъ ты?— О, я нещаспный! Но скажи, какъ умеръ онъ? —

«Домъ пвой обрушился и упалъ на него,—и жилище пвое спало добычею пламени.»

И Арабъ расперзалъ одежду свою—и оспавя пищу, побѣжалъ по пуспынѣ.

Но спранникъ вкусилъ обѣдъ, копорый Арабъ не предложилъ ему,—и онъ опмспилъ Арабу хипро-сплепенною ложью.

T.

СУВОРОВЪ НЕ ЛЮБИЛЪ ЗЛОСЛОВІЯ.

Князю *Суворову* чипали однажды сочине- ніе, въ копоромъ жестоко нападали на од- ного умершаго писателя. «Ругайте, шевели- пте его кости;» сказалъ онъ: «опъ покой- никовъ анпикрипики нѣтъ!»

ПРАВИЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНІЕ.

Кто-то спросилъ *Вольтера*, какъ сказапъ правильнѣе: дай мнѣ пипъ, или принеси мнѣ пипъ?—«Что касаешся до васъ;» опвѣчалъ съ важностью Фернейскій мудрецъ: «что бу- дешъ правильнѣе, если сказапъ *поведи меня на водопой.*»

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

13.

Французскія газетпы вошли въ границы бла- гочинія. Послѣ того, какъ вышелъ новый за- конъ, обуздывающій ихъ нахальство, без- чиніе и своевопство, ни одинъ еще жур- налистъ ни однимъ словомъ не проврапся ни пропивъ Бога, ни пропивъ короля, ни пропивъ законовъ, ни даже пропивъ нрав- ственности и приличія. Можно надѣяться, что и писатели ихъ оспавяптъ въ покоѣ сы- новей, покорныхъ своимъ родипелямъ; пе- респанутъ смѣяться надъ женами, вѣрными мужьямъ своимъ, кричапъ пропивъ свято- сти брака, пропивъ священниковъ и мона-

ховъ, набожности, цѣломудрія и смирен- номудрія.

А. Кораблинскій.

2 Октября

1855.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ.

Звукомъ Ангельскаго хора

Полны были небеса;

Въ свѣтлой скиини Фавора

Совершались чудеса:

Средь ээирнаго черпгога,

Въ блескѣ славы и лучей,

Созерцали образъ Бога

Илія и Моисей.

*

Въ то мгновенье, надъ Фаворомъ

Серафимъ, покинувъ ликъ,

Восхищенья полнымъ взоромъ

Къ диву горнему приникъ.

Брапья пѣли; но щаспливый,

Онъ ихъ звукамъ не внималъ,

И украдкой, молчаливый,

Тайну Бога созерцалъ.

*

И въ небесное селенье

Возврапился Серафимъ:

Лучезарное видѣнье

Неразлучно было съ нимъ.

И полешомъ непримѣпнымъ

Вѣкъ за вѣкомъ пролетѣлъ:

Лишь о немъ въ ээирѣ свѣпломъ

Брапьямъ внемлющимъ онъ пѣлъ.

*

Разъ заперяпные звуки

Долепѣли до земли:

Скопко слезъ, молипвъ и муки

Звуки пѣ произвели!

Не одна душа, желаньемъ

Испомаясь узрѣпъ Фаворъ,

Съ несвершеннымъ упованьемъ

Оплешѣла въ Божій хоръ.

*

Къ шѣмъ моленіямъ Создатель
 Слухъ любви преклонилъ :
 Божьей пайны созерцатель
 Къ намъ на землю посланъ былъ.
 Ангелъ смѣлый въ наказанье
 Съ жизнью принялъ горе слезъ ;
 Но свое воспоминаше
 Онъ въ усладу взялъ съ небесъ.

*

Духомъ Божимъ вышній геній
 Осѣнился съ первыхъ лѣтъ ,
 И упраченныхъ видѣній
 Рано въ немъ проснулся свѣтъ.
 Слезы лѣя по небѣ ясно ,
 Сквозь ихъ радужный кристалъ ,
 Онъ въ величїи прекрасномъ
 Чиспыхъ брашьевъ созерцалъ.

*

И любилъ, осирошѣлой,
 Думой въ небо залезать ,
 И замыслилъ кистью смѣлой
 Къ прочной ткани приковать
 Возвращенныя видѣнья ,
 Часно, облакомъ живымъ ,
 Въ мигъ великаго прозрѣнья ,
 Пролетавшїя предъ нимъ.

*

Вспоминалъ, какъ въ мїръ призванный,
 Онъ на лонѣ свѣжихъ крылъ,
 Госпъ небесъ Богоизбранный,
 За Создателемъ парилъ ;
 Какъ съ крылашымъ роємъ брашій
 Въ день шворенья несъ дары ;
 Какъ изъ Божескихъ объятій
 Всюду сыпался мїры.

*

Онъ означилъ, какъ стопами
 Богъ, раздвинулъ свѣтъ и пьму ;
 Какъ повѣсилъ надъ звѣздами
 Въ небѣ солнце и луну ;
 Какъ по основу планеты
 Океанъ перстомъ провелъ ,
 Какъ изъ нѣдръ ея безъ смѣты
 Сонмъ пвореній произвелъ.

*

Разъ, помясь своей упрасой ,
 На яву онъ видѣлъ сонъ :
 Вдругъ молишвою крылатой
 Въ небо былъ перенесенъ ,
 Слышалъ Ангеловъ напѣвы ,
 Сонмы ихъ изобразилъ ,
 И въ средѣ ихъ образъ Дѣвы
 Кистью быспрой уловилъ.

*

Но любимое видѣнье ,
 Чшо упрасилъ Серафимъ ,
 Въ недосупномъ опдаленъ ,
 Всѣ туманилось предъ нимъ.
 Тщешно не смыкались вѣжды ,
 И пымалъ молишвой взоръ :
 Погасалъ ужъ лучъ надежды ,
 Не сходилъ къ нему Фаворъ.

*

Чшо земныя краски плѣнья ,
 Солнца пышныя лучи?—
 Предъ лучемъ Преображенья ,
 Какъ предъ солнцемъ блескъ свѣчи.
 Къ смерти шеспвовалъ унылый ,
 Не сверша души завѣтъ ,
 И въ разсѣлинахъ могилы—
 Чшо-жь онъ видитъ?—Божїй свѣтъ!..

*

Лучъ сверкнулъ... И воспыкала
 Кисть божественнымъ огнѣмъ ;
 Море яркаго кристала
 Пролилось надъ полошномъ.
 И ужъ Бога ликъ онкрышый
 Онъ очами ясно зрѣлъ ;
 Но видѣнїемъ несыпый,
 Бросилъ кисть... и улешѣлъ!

*

Тамъ его видѣнье вѣчно ;
 Тамъ, безъ горя и безъ слезъ ,
 Созерцаешъ онъ безпечно
 Диво пайное небесъ ;
 У Фавора величавый
 Спражемъ спалъ—и на крылахъ
 Свѣтъ Божеспвенныя славы
 Блещетъ въ радужныхъ лучахъ.

Шевыревъ.

C H A R A D E.

De mon premier la douloureuse atteinte
 T'empêche d'être mon second;
 De mon entier, alors, tu porteras l'empreinte,
 Et dans les yeux et sur ton front.

Въ No 93-мъ, помѣщенный логогрифъ значить: *Руда.*

M O D E S.

De le coiffeur, nous sommes allés chez Lesage, le tapissier à la mode nouvelle et à la mode ancienne; car ce sont deux titres qu'il faut cumuler maintenant. Nous avons acheté un meuble en lampas, gris broché de blanc, monté en bois d'ébène, forme et dessin gothiques; pour quatre fenêtres, des rideaux en lampas pareils aux meubles avec les *contre-rideaux*, en gros de Naples blanc. Des *portières* semblables, car maintenant il n'y a plus d'appartemens fashionables sans portières. Je ne désespère point de les voir bientôt soutenues par quelques jolis pages à tête blonde. Ce n'était peut être pas la moins agréable des modes antiques! un grand fauteuil à dos renversé, à bras bien rembourrés et garnis de franges, tenta beaucoup ma cousine pour y faire endormir son mari après le dîner; mais lorsqu'il sut que ce meuble si *comfortable* s'appelait à la *ganache*, il ne voulut plus en entendre parler. J'eus beau lui dire que les extrêmes se touchent, il n'y eut pas moyen. Alors le marchand, qui entend bien son affaire, lui en montra un exactement semblable, mais de couleur différente, en lui disant que celui-là se nommait à la *Voltaire*. Il se précipita dedans. Alors, et comme sous le coup d'une inspiration, il commença, en mauvais français, à débiter la *Henriade*, et le fauteuil fut acheté. Je ne vous dirai pas les mille objets que nous avons choisis, comme tables, consoles, *chaises à la Dagobert*, table de nuit, jardinière, porte-lampe, guéridon, le tout en palissandre incrusté ou marqueterie de nacre et d'ivoire. Enfin, que voulez-vous? c'est une rage de vieux, de gothique qui passe tout ce qu'on peut imaginer.

Voici les lits en *baldaquins*, à colonnes, revenus; (Dieu garde des ruelles). On ne veut plus de flèches, de couronnes soutenues par des amours, de franges croisées dans tous les sens. Tout cela est relégué maintenant dans l'entresol de la petite bourgeoise, et les grandes dames se couchent à la *Louis XIV.*

M O D Ы.

Опъ парикмахера мы поѣхали къ *Лесажу*, обойщику по новой модѣ и по старинной модѣ; эти два названія теперь надо совокуплять. Мы купили мебель, обшпунную сърымъ лампасомъ, зашпаннымъ бѣлымъ; мебель же изъ чернаго дерева, форма и узоры готическіе; для чешырехъ окошекъ занавѣски изъ шакого же лампаса, съ *contre-rideaux* изъ бѣлаго гроденапля. Занавѣски къ дверямъ такія же, пошому что теперь нѣтъ моднаго апартаментна безъ занавѣсокъ у дверей. Я не опчалаюсь видѣть въ скоромъ времени занавѣски эти, поддерживаемыя нѣсколькими красивыми пажами съ бѣлокурыми головками. Можеть бытъ это была одна изъ самыхъ пріятныхъ модъ старинны! Большія кресла съ опкинутаой спинкой, съ хорошо-набитыми ручками, опдѣланныя бахрамой, приводили въ сильное искушеніе мою кухню, чшобъ усыплять въ нихъ мужа послѣ обѣда; но когда онъ узналъ, что эша удобная мебель называется à la *ganache*, то не хотѣлъ болѣе объ ней слышать. Я старалась его увѣрить, что крайности сходящяся, но не было средсшва. Тогда купецъ, знающій свое дѣло, показалъ ему точно такія, но другаго цвѣща, сказавъ, что эти называются à la *Voltaire*. Онъ бросился въ нихъ. Тогда, какъ будто подъ вліяніемъ вдохновенія, онъ началъ, дурнымъ Французскимъ языкомъ, чшпать вслухъ стихи изъ Генріады, и кресла куплены. Я не скажу тебѣ о множествѣ разныхъ предметовъ, выбранныхъ нами, какъ-то: о столахъ, консоляхъ, стульяхъ à la *Dagobert*, ночныхъ шпидокахъ, jardinière, porte-lampaxъ, геридонахъ, все сдѣланное изъ палисандра съ наклейкою или наборкою, работы изъ перламутра съ слоновой костью. Наконецъ, чего ты хочешь? это бѣшенство ко всему старинному, ко всему готическому, превосходитъ всякое вѣроятіе.

Вошь опять появились кровати съ балдахинами, съ колоннами (Боже избави опъ нишей, ruelles). Стрѣлы, вѣнки, поддерживаемые купидонами, бахрамы, перепутанныя во всѣ стороны, все это оставлено, все опправлено на анпресоли къ мелкимъ мѣщанкамъ, а дамы высокаго штона почиваютъ à la *Louis XIV.*

(Ожоганіе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 95.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургѣ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, НОЯБРЯ 27 ДНЯ 1855 ГОДА.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты;
За чѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

О ЧЕРКИ СИЦИЛИИ.

(Окончаніе.)

Мнѣмъ наспопашель лѣпъ сорока пяти, мужественной осанки и выразительной фizioноміи, поклонился графу, взялъ изъ рукъ его письмо и, прочитавъ его съ довольнымъ видомъ, сказалъ:

«Очень сожалѣю, что дикое положеніе нашего монастыря не позволяетъ мнѣ принять васъ, какъ бы слѣдовало; вы сами видите, что мы бѣдные пустынники горъ, и спользу насъ самый скудный. Прошу извинить насъ и принять нашу благодарность за довѣренность, которую вы намъ оказали, ища у насъ гостепріимства. Что касается до денегъ, которыя вы намъ опдали, по будте спокойны на щепъ ихъ; сундукъ монастырскій не выпуститъ ничего изъ себя, и припомъ я обещаю вамъ приложитъ объ нихъ особенное попеченіе; жаль только, что сумма не такъ значительна.»

Наконецъ бѣдный графъ дождался ужина. Сильный аппетитъ не далъ ему осмотрѣть

внимательно залу, которой убранство было таково, что и живописцу трудно бы было придумать чтонибудь болѣе спранныго и смѣшеннаго. Въ сводѣ висѣла дымящаяся лампа, которой длинныя концы походили на зѣвъ химеры, пышащей огнемъ и дымомъ; при шрепещущемъ свѣтѣ ея рисовались въ комнатахъ самыя уродливыя фигуры. Коспюмы были также разнообразны, какъ и лица: въ нихъ было и золото и мѣдь и лохмотья. На одномъ и помъ же изъ собесѣдниковъ видны были и дорогія шкани различныхъ эпохъ, и мужская и женская одежда. Вообще собраніе имѣло военный видъ; при каждомъ изъ сидѣвшихъ находился едва не цѣлый арсеналь: песаки, кинжалы, ножи, сабли, палаши. — Эпи господа, въ которыхъ не было замѣтно ничего монашескаго и религіознаго, живо уничтожали кушанья, и опускали по временамъ пакія слова, которыя заспавляли графа невольно приподымать голову. — Въ залѣ не было никакихъ украшеній; во кругъ висѣла феспонами украшенная паушина и нѣсколько заблудившихся лепучихъ мышей били крыльями о пополокъ. Не слышно было ни благословеній, ни молиствъ; вино было превосходное; всеобщая пишина

прерывалась только сплукомъ гаспрономиче-скаго оружія и восклицаніями, выражавшими голодъ или жажду присущствовавшихъ. За десертомъ языки развязались; рассказывали разные исторіи и сказки; рассказы о грабежахъ особенно забавляли этихъ господъ.

«Ну право!» вскричалъ одинъ изъ нихъ, забывши свою роль монаха: «эти разбойники не такіе еще мерзавцы, какъ объ нихъ думаютъ. Графъ *Ведеръ*, котораго навѣрно ограбятъ прежде пріѣзда его въ Капану, согласится со мною въ этомъ,—я увѣренъ.»

— Какъ имъ будетъ угодно, — сказалъ графъ, которому вино придало храбрости: я имъ отдаю все, что они могли бы взять у меня.

«А если-бъ они попросили исполненія этого обѣщанія?»

— Они не слышали его. —

«*Пер Виссо*,» вскричалъ другой: «берегитесь, графъ; у насъ въ монастырѣ часто бываютъ шпіоны.»

— Я этого не полагаю. Развѣ разбойники, о которыхъ вы говорите, недалеко отсюда? велика ли ихъ шайка? —

«Они очень близко отсюда, и въ такомъ числѣ, что вамъ не уцѣлѣть иначе, какъ какимъ нибудь чудомъ.»

Эта шутка перешла уже за границу, и веселіе графа, которое придало ему опличное вино его собесѣдниковъ, вдругъ исчезло. Напрасно пріоръ принимался нѣсколько разъ возобновить его и предлагалъ графу огромный кубокъ, изъ котораго пили самые удалые изъ поварихей: онъ былъ все скученъ.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, — сказалъ пріоръ,—что вы не открыли погонщику муловъ, который васъ сюда доставилъ, что такое находится въ вашемъ чемоданѣ. Назадъ тому около шести мѣсяцовъ одинъ бѣдный путешественникъ, гостившій у насъ, былъ совершенно обворованъ бандитами, которые влѣзли въ его комнату чрезъ окошко. —

«Правда,» прервалъ одинъ изъ присущствующихъ: «что это случилось въ самую зиму, и въ монастырѣ оспавался только

одинъ изъ нашихъ поварихей, который не могъ защитить несчастнаго.»

Спарались всѣми средствами успокоить бѣднаго графа и усыпить виномъ его спрахи и подозрѣнія. Наконецъ успѣли въ этомъ. Сонъ его былъ споль крѣпокъ и продолжительенъ, что онъ проснулся уже не на зарѣ, а при полномъ блескѣ солнца, потянулся, протеръ себѣ глаза и осмотрѣвшись, съ удивленіемъ замѣтилъ, что спалъ на мшистой землѣ подъ открытымъ небомъ, имѣя подъ головою одинъ только свой чемоданъ. Монастырь, монахи, настоятель, споловал, все это исчезло. Все, съ нимъ случившееся, вдругъ представилось его мыслямъ: всѣ слышанныя имъ имена, слова погонщика муловъ, разговоръ вчерашнихъ собесѣдниковъ, различное мѣстоположеніе двухъ монастырей, все это озарило его свѣтомъ. Онъ поспѣшилъ открыть свой чемоданъ, въ которомъ все находилось въ опличномъ порядкѣ; онъ нашелъ въ немъ всѣ свои замѣчанія, записки, наблюдения, очерки, свои дѣловыя и любовныя письма, свой курительный табакъ и пѣнковую трубку; все, исключая денегъ, которыя онъ отдалъ наканунѣ настоятелю; вмѣсто ихъ лежала слѣдующая росписка:

«Симъ свидѣтельствую, что я получилъ отъ графа *Ведера* сумму денегъ въ три тысячи шесть сотъ сорокъ четыре червонца, въ которыхъ и обязуюсь отдать опчепъ тому, кто имѣетъ на то право.

Подписано: пріоръ монастыря св. Николая. 16 Октября 1806. Монастырь св. Николая Старца.

Эти ловкіе мошенники, которыми графъ охотно простилъ сдѣланное ему денежное оскорбленіе—изъ благодарности за то, что они оставили его живымъ, при помощи храбрости и щастія, держались въ своей крѣпости въ печеніе двухъ лѣтъ. Но, полагаясь слишкомъ на благопріятствовавшія имъ обстоятельства, они—какъ и почти всегда случается—употребили ихъ во зло; отважность ихъ не знала никакихъ границъ, и наконецъ они задумали осадить и разграбить городъ Капану. — Нападенія ихъ, нѣрѣдко повторившіяся, пробудили наконецъ

вниманіе правительствъ.—Находившіеся тогда въ Мессинѣ при баталіона Англійскихъ войскъ, призваны были на помощь, и прибыли въ то самое время, какъ разбойники монастыря св. Николая Спарца спускались съ своихъ горъ. Побѣжденные превосходствомъ въ числѣ, они укрѣпились въ одномъ домѣ и держались въ немъ три дня. Передъ самымъ опъездомъ своимъ графъ *Ведеръ* повстрѣчался съ пріоромъ монастыря св. Николая Спарца, т. е. съ разбойничьимъ атаманомъ. Лишенный всѣхъ знаковъ своего прежняго достоинства, онъ сидѣлъ теперь на лошацѣ, обративъ голову къ набережной, будучи окруженъ полицейскими солдатами, и преслѣдуемый насмѣшками черни, которую онъ долго содержалъ въ страхѣ, и которая готовилась теперь насладиться его казнію.

Надобно признаться, что эти господа рѣдко бывають такъ милосерды, какъ настоятель монастыря св. Николая Спарца. — Въ 1828 году монастырь св. Клара (*Saint-Clair*) взятъ былъ приспущомъ, и всѣ монахини преданы поруганію и смерти. На другой день послѣ эшаго кровопролитія, поджидая обоза съ жизненными и другими припасами и съ двумя или тремя сундуками денегъ, отданныхъ на сохраненіе настоятельница, разбойники отворили молча ворота, впустили повозки и завладѣли ими. Вскорѣ потомъ сбѣжали они нападентіе на одинъ мужской монастырь. На этотъ разъ непріятель ихъ былъ силенъ; монахи защищались мужественно и сдались, уже вытерпѣвъ двухъ или трехдневную правильную осаду, когда не оставалось у нихъ совсѣмъ запасовъ: всѣ они были убияны.

Весьма странно, что между этими людьми споль грубыхъ нравовъ встрѣчаются лица, которыя по вѣжливости своей, образованности ума и пріятности обращенія могутъ войти въ соперничество со всѣми тѣми, что въ обществѣ есть самага ловкаго и совершеннаго. Путешественники изъ Сицилійскихъ дворянъ отличаются нерѣдко быспропомъ и пріятностью ума, и я могъ бы поименовать многихъ изъ нихъ, которые, проживая въ различныхъ горо-

дахъ Европы, блестящъ памъ въ самомъ высшемъ кругѣ общества. Впрочемъ, должно признаться, что не смотря на всю пріятность ихъ обращенія, въ нихъ проглядываетъ какой-то опъенокъ своеправія и спранныости.—Около Палермы повстрѣчался я съ однимъ спарымъ Сицилійскимъ графомъ, человекомъ остроумнымъ, милымъ филантропомъ, у котораго была одна только спранныость—лечить сумасшедшихъ. Замокъ свой и паркъ, перешедшіе къ нему въ наслѣдіе отъ предковъ, обратилъ онъ въ больницу, въ которой производилъ лечение дѣромъ. Въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ, сказывалъ онъ, пораженъ онъ былъ спранныю меподую пользованія безумія.—Дѣла наблюдентія надъ признаками этой болѣзни, онъ убѣдился, что кропость и спнисходительность суть единственные прошивъ неѣ надежныя средства; что должно попкаать всѣмъ капризамъ и причудамъ ума лишеннаго, что строгое и грубое обращеніе только усиливають болѣзнь, и что настоящій домъ безумныхъ долженъ быть совершеннымъ раемъ. Руководствуясь этими правилами, онъ собралъ въ свое помѣстьѣ сумасшедшихъ со всей Сициліи. Здѣсь нѣтъ ни цѣпей, ни рубашекъ съ ремнями, ни тѣхъ маленькихъ и тѣсныхъ комнатъ, въ которыя обыкновенно сажаютъ несчастныхъ. Стѣны украшены самымъ пріятнымъ алфреско; множество бьющихъ фонтановъ поддерживаютъ свѣжесть воздуха. Всякій носитъ свое любимое платье, гуляетъ на свободѣ и находить въ людяхъ, опредѣленныхъ въ это спранны заведеніе, самыхъ усердныхъ и вѣрныхъ услужниковъ, готовыхъ выполнять малѣйшія его желанія.

Я посѣтилъ *Casa-de-Pazzi*, — такъ назывался этотъ домъ. Никакъ нельзя подумать, чтобы все это были сумасшедшіе; большія прямая аллея Италіанской виллы, множество водометовъ, зелѣные дуга, прелестный перассы, все это придавало сему жилищу видъ увеселительнаго дома. По деревьямъ развѣшены были койки, въ которыя, по приказанію графа, клали самыхъ упрямыхъ больныхъ; въ то время, какъ качаніе койки общало ихъ тѣлу полезное для здоровья дви-

женіе, кто нибудь подходилъ и брызгалъ шущя водою въ лицо больного. Эпа метода леченія походила болѣе на забаву, нежели на испязаніе; графъ увѣрялъ, что она всегда оказывалась удачною.—Подъ шѣнію дубовъ и большихъ елей множество занимательныхъ предметовъ для развлеченія: здѣсь рисованныя пейзажи, тамъ мелкій искусственный дождь, падающій съ высокой скалы невидимою роскою; далѣе раскрашенныя спашуи, такъ хорошо сокрытыя между листьями деревъ и споль искусно убранныя, что нельзя не признавъ ихъ за живыя и не смѣялься ихъ гримасамъ. Всякаго рода упражненія, укрѣпляющія здоровье: игра въ шары, въ мячъ, качанье на качеляхъ, плаваніе по небольшому озеру, купанье, входили въ систему леченія. Слугамъ особенно наказано было сохранять постоянно веселое расположеніе духа, и своимъ весельемъ развеселять умы эпихъ несчастливцевъ, опягченныя собственными своими развалинами.

Иногда для успѣшнаго излеченія старый графъ давалъ большіе праздники, въ коихъ старался польстить причудамъ своихъ питомцевъ. Въ честь пого, кто щипалъ себя королемъ Ипаліи, устраивалъ онъ торжественную коронацію.—Однажды праздновалъ онъ бракосочетаніе свое съ молодою Гречанкою, лишившеюся ума отъ страха во время одного пожара, и почишавшею себя султаншею. Такимъ образомъ производилъ онъ множество исцѣленій; но къ сожалѣнію долженъ былъ пожертвовать эпой благопворной спраспи почти всѣмъ своимъ состояніемъ, и передъ смертію едва совѣмъ не зашумался въ дѣлахъ своихъ. Медики всѣхъ образованныхъ странъ должны бы были не упускать изъ виду совѣтовъ и способа леченія эпого добраго оригинала.

(Metropolitain).—Съ Франц. N. N.

АРТЕМИДОРЪ и СЕПТИМІЙ.

Повѣсть.

Артемидоръ и Септимій учились вмѣстѣ въ Аѣнахъ, гдѣ, послѣ упадка Римской Имперіи,

долго еще процвѣтали науки, свѣпская любезность и философія. *Теодорикъ* возобновилъ памъ школы, разрушенныя варварами, и возвращилъ ученымъ доходы, копорыхъ лишила ихъ алчность Римскаго правительсва.

Артемидоръ родился въ Аѣнахъ — *Септимій* въ Римѣ. Первый былъ славнѣйшимъ дѣлекпикомъ Лицея, а второй первымъ ораторомъ Академіи.—Скоро взаимное уваженіе ихъ другъ къ другу превратилось въ нѣжную и постоянную дружбу.

Молодость есть время живыхъ и великодушныхъ ощущеній. Сердце юноши полно энтузіазма;—онъ удивляется всему благородному, всему высокому; онъ чувствителенъ къ нещастію ближняго, готовъ на всякое доброе дѣло, на всякое прекрасное пожертвованіе;—природа въ немъ мягка какъ воскъ, спраспи не дали еще очерствѣть душъ и не подавили въ ней чистыхъ, благородныхъ, добродѣтельныхъ наклонностей. — Щасливъ человекъ, когда за свѣплыми днями юности его слѣдуетъ мудрая опытность, и за ней старость.

Скоро друзья должны были разстаться; *Септимій* возвратился въ Римъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ воспоминаніе о *Артемидорѣ*, копорый съ своей стороны не забылъ друга. Черезъ нѣсколько времени Аѣнянинъ почувствовалъ въ себѣ прежнюю любовь къ наукамъ—и желаніе прославить имя свое въ отечествѣ. Успѣхъ наградилъ его за труды; и онъ, сдѣлавшись знаменитымъ, рѣшился соединить участь свою съ доброю и милою подрукою,—и предложилъ руку *Ипатіи*, молодой прекрасной дѣвушкѣ, соединившей съ красою рѣдкія качества сердца и ума. Родители *Ипатіи* и сама она приняли предложеніе молодого Аѣнянина, и скоро любовники были обручены. Но *Артемидоръ* опложилъ свашбу до пріѣзда *Септимія*, безъ котораго щастіе его казалось бы ему несовершеннымъ.

Оба друга были одарены природою съ равною щедростію, но характеры и наружность ихъ были различны. Храбрый, благородный, пылкій *Артемидоръ*—былъ высокъ, спашень и величавъ. — Тонкій и правильныя черты

Септимія, его средній роспъ, пріятность во всѣхъ движеніяхъ и обворожительное краснорѣчіе—показывали, что онъ былъ рожденъ плѣнять и увлекать сердца женщинъ; однако собственное его сердце долго не знало любви;—но, наконецъ, онъ увидѣлъ *Ипатію*, и позналъ весь пламень спраспи, въ то время, когда она уже обѣщала руку свою другому—и эпотъ щасливый соперникъ былъ другъ его!

Долго *Септимій* не понималъ чувствъ своихъ и предавался имъ въ невинности молодой, неопытной души своей.—Напослѣдокъ завѣса упала съ глазъ его,—и онъ съ ужасомъ увидѣлъ себя пресупникомъ! Горестъ и угрызеніе совѣсти скоро довели его до дверей гроба.

Артемидоръ не отходилъ отъ поспели друга и привелъ къ нему *Ипатію*, которая ходила за нимъ со всею нѣжностію сеспры—и не могла сморгнуть безъ слѣзъ на умирающаго. Скоро врачи объявили, что не было никакой надежды; но одинъ изъ нихъ сказалъ *Артемидору*, что, по видимому, какая-то тайная скорбь лежала на сердцѣ юноши, и что было еще средство помочь ему, если бы рѣшился онъ открыть кому нибудь душу свою. *Артемидоръ* сначала не повѣрилъ врачу—зная, что *Септимій* ничего не скрывалъ отъ него,—но тяжелые вздохи больнаго, слѣзы, которыя невольно текли изъ глазъ его, отчаяніе, съ которымъ онъ призывалъ смерть—всѣ удосповѣрили его наконецъ въ печальной истинѣ; онъ спарался угадать тайну спрадальца—и къ несчастію своему скоро узналъ её. Разъ ночью, *Септимій* въ бреду горячки клялъ пресупную любовь свою и обвинялъ себя въ измѣнѣ другу.—О, никогда,—говорилъ онъ: никогда *Артемидоръ* не узнаетъ невольнаго оскорбленія, которое я наношу ему.—Никогда *Ипатія* не прочтетъ тайны моего сердца,—я унесу её съ собою во гробъ.... умереть! умереть!.... вопъ вся моя надежда.—Тупъ несчастный зарыдалъ и лишился чувства; врачъ прибѣжалъ помогать ему,—*Артемидоръ* удалился изъ комнаты.—Душа его перзалась, но скоро великодушіе и дружба взяли верхъ надъ

самою любовью, и *Артемидоръ* рѣшился пожертвовать ею, чтобы спасти *Септимія*.—*Ипатія*, *Ипатія*!—говорилъ онъ: я видѣлъ слѣзы твои—видѣлъ твою блѣдность—твои спраданія—твою любовь.... О, можешь ли она не любить его? Такъ почно, она любитъ—она должна любить его,—чувство ея ко мнѣ было одно холодное почпеніе, сердце же ея принадлежитъ *Септимію*, и я её уступлю ему!—

Онъ пошелъ къ другу своему, и со всею нѣжностію, со всею осторожностію дружбы поспепенно приготовилъ его къ радостной переменѣ.—*Септимій* скоро выздоровѣлъ, и отъ руки друга принялъ невѣсту, ни мало не подозрѣвая, чего стоила ему такая жертва. *Ипатія* скрывала радость свою подъ покрываломъ скромности, но могла ли она скрыть её отъ глазъ несчастнаго, чувствительнаго *Артемидора*? Онъ видѣлъ всё, перзался и молчалъ. Скоро молодые супруги оставили Аѣины и возвратились въ Римъ.

Присутствіе друзей, имъ благодѣтельныхъ, ихъ щастіе и признательность—ушѣшали несчастнаго *Артемидора*, и давали ему силы переносить жребій свой. Когда же они удалились, тогда вся прежняя твердость оставила его, сердце его забилось—и слѣзы, долго удерживаемыя, полились ручьями. Но это продолжалось недолго, и скоро чувство собственного достоинства заспавило его припши въ себя и воспоржесствовало надъ горестію. «Какъ!» вскричалъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ: «я исполнилъ долгъ мой, и раскаяюсь! я сопспавилъ ихъ щастіе—и жалю о томъ!.. Нѣтъ, я не несчастливъ, потому что мнѣ оспаелся ихъ дружба, ихъ блаженство, спокойствіе совѣсти моей—и науки, науки—опрада жизни!—испочникъ чистыхъ и возвышенныхъ ушѣшений!»

Такимъ образомъ, воспоржесствовавъ надъ собою, *Артемидоръ* съ ревностію обратился къ занятіямъ, полезнымъ для отечества, и посвятилъ ему жизнь, которую не могъ посвятить *Ипатіи*. Но судьба готовила ему еще одно горестное испытаніе. Родители *Ипатіи* объявили въ судѣ, что онъ изъ гнус-

наго корыстолюбія продалъ её *Септимію*.— Удивленный, оскорбленный такою обидною клеветою, *Артемидоръ* защищался съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, но онъ не имѣлъ никакихъ доказательствъ своей невинности, и потому былъ приговоренъ къ пени, которая превышала его имѣніе, и осужденъ быть проданнымъ, какъ невольникъ. Его раздѣли и выславили на публичный торгъ съ прочими несчастными. — Купецъ изъ Фракіи купилъ его, и отвезъ съ собою въ эту дикую и бесплодную землю. Тамъ онъ долженъ былъ пасти стада грубаго и властолюбиваго господина своего, и цѣлые дни проводилъ въ тяжкой работѣ; единственнѣйшимъ отдохомъ и удовольствіемъ его была охота, которою занимался онъ въ рѣдкіе свободные часы.— Жизнь его была горестна, но покорность высшему Промыслу хранила его отъ опчаянія и оживляла сердце его надеждою.— Рано или поздно,—говорилъ онъ размышляя о судьбѣ своей — мы будемъ награждены за наше терпѣніе, если умѣемъ сносить удары рока съ твердостью—пламя безъ ропота данъ общему удѣлу человечества. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить опредѣленіе Небесъ — но въ нашей волѣ укрѣпить сердце противъ несчастія, и вооружиться кротостью и великодушіемъ.—

— Покорность Провидѣнію, — повторялъ онъ: составляетъ истинное достоинство человека.—

Черезъ нѣсколько лѣтъ нашелъ онъ средство избавившись отъ неволи, и рѣшился идти въ Римъ пѣшкомъ, не имѣлъ никакихъ средствъ совершить долгое и трудное путешествіе свое удобнѣе и спокойнѣе. Онъ ночевалъ въ пещерахъ, питался кореньями, пилъ воду изъ ручьевъ, и—наконецъ достигъ столицы Кесарей. — Въ этотъ самый день *Септимій* присутствовалъ въ Форумѣ, и толпа зрителей окружала судилище. *Артемидоръ* не могъ приблизиться къ Претору: увы! онъ забылъ, что время и печали совершенно измѣнили прежній образъ его, и что подъ бѣднымъ рубищемъ спранника ниско не узнавала нѣкогда знашнаго и богатаго *Артемидора*. Онъ надѣялся, что другъ узнаетъ

и обойметъ его—и цѣлый день ждалъ въ полѣ, чтобы *Септимій* замѣнилъ его — но тщетно; важный Преторъ не видалъ его, и когда онъ хотѣлъ наконецъ подойти къ нему—ликторы оттолкнули его съ грубостью. Что дѣлать, гдѣ провести ночь? у кого просить помощи, когда шопъ, кто одолженъ ему всѣмъ, изгналъ его изъ своего сердца? Несчастные подозрительны; *Артемидору* казалось, что *Септимій* узналъ его въ полѣ, но пренебрегъ имъ; онъ вышелъ изъ города, и упомянутый усталостью, рѣшился провести ночь въ одной изъ пѣхъ древнихъ огромныхъ гробницъ, которыя обыкновенно служили ночнымъ убѣжищемъ нищеты и пресупленію. Тамъ, положивъ голову на опрокинутую урну, забылъ онъ на минуту всё, и заснулъ крѣпкимъ сномъ добродѣтельнаго; сномъ, котораго не вкушаютъ пороки на пышномъ и мягкомъ изголовьѣ своемъ.

Во время его сна, вѣры пришли искать также убѣжища въ гробницѣ. Они поссорились между собою, раздѣляя добычу, и одинъ изъ нихъ убилъ своего поварища, и, обобравъ его, убѣжалъ. *Артемидоръ* спалъ, когда спражка нашла мертвое пѣло у входа въ подземелье. Несчастный, обвиненный въ воровствѣ и убійствѣ, былъ схваченъ и опведенъ въ темницу.

При немъ однако жъ не нашли ни оружія, ни вещей, похищенныхъ у убишаго; руки его не были обагрены кровію; словомъ, все доказывало его невинность, но эти самыя доказательства послужили къ его обвиненію. *Артемидоръ* впрочемъ имѣлъ всѣ способы оправдаться; но молчалъ, презирая людей, которыхъ зналъ, и ненавидя жизнь, сдѣлающуюся для него тягостною съ пѣхъ поръ, какъ онъ полагалъ *Септимія* неблагодарнымъ. Этотъ послѣдній ударъ казался ему ужаснѣе потери *Ипатіи*, потери имени, богатства и даже свободы, и онъ съ радостью принялъ смертный приговоръ свой, — но вдругъ судьба его перемѣнилась. Настоящій пресупникъ былъ пойманъ и приведенъ въ судъ, гдѣ признался въ своемъ злодѣяніи. Толпа, которая вообще любитъ всѣ драматическія происшествія, въ которыхъ спра-

ждушая невинность награждается, а пороки получаютъ должное наказаніе, полпа съ изумленіемъ видѣла мрачное равнодушіе *Артемидора*; но удивленіе зрителей обратилось въ сладкое умиленіе, когда Преторъ бросился въ объятія Аеинянина, называя его другомъ, благодѣтелемъ своимъ, снимая самъ оковы его и прижимая его къ сердцу. *Септимій* потчасъ узналъ его, но не понималъ, по какому странному случаю видѣлъ его передъ собою въ рубищѣ и обвиненнаго въ гнусномъ преступленіи. Оставшись на единѣ, друзья еще разъ обнялись, и *Артемидоръ* на груди *Септимія* пролилъ сладкія слѣзы и переспалъ ненавидѣть жизнь. Они не могли насмотрѣться, наговориться другъ съ другомъ—и *Септимій* желалъ знать всё, что было съ милымъ его *Артемидоромъ*—Ты опять описываешь меня во Фракію!—сказалъ Аеинянинъ съ улыбкою: ахъ, не напоминай мнѣ о прошедшемъ, я хочу забыть его въ своихъ объятіяхъ.—Скоро пришла *Ипатія* и подала ему на руки сына своего, — сына *Септимія*, ко которому съ эпою минушы *Артемидоръ* поклялся быть впорымъ опцомъ.—Выпробовавъ въ Аеинахъ полное удовлетвореніе за сдѣланное ему оскорбленіе и несправедливостъ, онъ пріѣхалъ опять въ Римъ, гдѣ получилъ почетное званіе и остался навсегда съ друзьями. Съ эаго времени жизнь его текла въ совершенномъ благополучіи, и онъ часто въ избыткѣ сердца повпорялъ слова мудреца: *Мы должны приниматьъ съ кроткимъ повиненіемъ всѣ испытанія, которыя Небу угодно посылать намъ, и думать, что нѣтъ на свѣтѣ нещастія, котораго бы всесильная рука Вышняго не могла обратитьъ для насъ въ величайшее благо.*

Т.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

14.

Вѣстникъ Европы въ продолженіе двадцати лѣтъ имѣлъ одного редактора; *Сынъ Отечества* тоже; а журналъ *Библиотека для чтенія*,

сущестующая годъ и десять мѣсяцовъ, перемѣнила уже двухъ редакторовъ—*Н. И. Греча* и *И. А. Крылова*. Теперь редакторомъ нѣкто г. *Коршъ*.

Когда *Крыловъ* сдѣлался преемникомъ *Греча*: тогда издапель опнесся къ сему послѣднему слѣдующимъ письмомъ:

«*М. Г. Николай Ивановичъ!* Ласкаю себя надеждою, что вы одолжите насъ мѣстомъ въ нѣсколько строкъ въ издаваемой вами газетѣ, какъ для извѣщенія публики о перемѣнѣ, послѣдовавшей въ редакціи Библиотеки для чтенія, такъ и для того, чтобы свидѣтельствовать искреннее наше сожалѣніе, что обширныя и разнородныя занятія ваши въ качествѣ издателя Св. Пчелы и общаго редактора Энциклопедическаго Лексикона, лишили содѣйствія вашего предпріятіе, которое при самомъ его рожденіи, вы поддержали и упрочили своимъ именемъ и своею дѣяпельностью. Чувствуя всю важностъ такой попери, чипатели Библиотеки для чтенія узнаютъ, по крайней мѣрѣ, съ удовольствіемъ, что журналъ сей, на мѣсто васъ избралъ въ руководители свои такого преемника, котораго слава можетъ быть для нихъ вѣрнымъ поручительствомъ въ дальнѣйшихъ успѣхахъ изданія. *И. А. Крыловъ* принялъ на себя званіе редактора Библиотеки для чтенія, и вторая книжка ея на сей 1835 годъ вышла уже подъ редакціею знаменитаго и любимаго поэта-баснописца.»

При настоящей перемѣнѣ редактора, такого письма уже нельзя было оправитъ къ *И. А. Крылову*: потому что г. *Коршъ* не сочинилъ ни Русской грамапики, ни исторіи Русской словесности, ни двухъ оплично-хорошихъ романовъ; онъ не баснописецъ, не поэтъ, не знаменитъ, а крошечку извѣстенъ въ Русской словесности *миньютурными* переводами съ Англійскаго *маленькихъ* газетныхъ *статеечекъ*.

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОСКА О НЕМЪ.

Гдѣ я?—себя не узнаю!
 Кругомъ, сдается мнѣ, все поже;
 Но я одинъ въ попьмахъ спою —
 И безъ Тебя поскую, Боже!
 Узри, прими поскую мою!
 Какъ изгнанникъ, какъ преселенецъ,
 Въ спранъ безводной и пусшой,
 Я вопію, какъ опьяшой
 Опъ груди матери младенецъ.
 Такъ въ предреченный грустный вѣкъ
 Нецаспльивъ будешь человекъ,
 Когда любовь упранишь Бога:
 Заянешь все въ его садахъ,
 Запахнешь на большихъ дорогахъ
 И запущнешь въ городахъ.

Ф. Глинка.

О М О Н И М Ъ.

То подъ карешою скрыплю, или подъ шлегой,
 Засалена, въ грязи, въ дегтю, въ смоли;
 То вдругъ и съ роскошью и съ нѣгой
 Сверкаю я на головѣ
 И серебрю собою мѣхъ бобровый.
 Вопль омонимъ гошовый!

Въ № 94-мъ, помѣщенной шарада значить: *Mal-aise.*

М О Д Е С.

Nous fûmes chez mademoiselle *Jenny Raybaud*, où nous commandâmes deux ou trois douillettes, vêtement qui commence à devenir indispensable. Elles sont en nuances foncées et garnies tout autour d'un liseré. Les pélerines sont ouvertes sur la poitrine ou à pointes; on n'en voit plus de toutes rondes. Au bas des manches un poignet très-étroit avec une petite manchette pareille à la robe. Les jupons croisent sur le côté. Quelques uns sont bordés d'un ou deux biais. Quand la robe est brillante, ces biais sont mats et à l'inverse. Le mat-myrte, gros-bleu, marron d'Inde

sont des couleurs fort distinguées. Les robes de visite ferment derrière, se font très montantes et à corsages tout unis, avec un petit collet carré tenant au corsage: cela diminue la longueur du dos. Les jupes fort amples, plissées à plis imperceptibles sans aucune interruption devant. Les manches toujours aussi larges, mode que les femmes, qui entendent leurs intérêts, se garderont bien d'abandonner. Pendant notre visite chez la couturière, *Edouard* avait conduit le *voltairien* chez le phénix des tailleurs... *Humann*. Quand ces bons parens vont reparaître à Londres, vous ne les reconnaîtrez plus. Demain nous explorons les modistes et les lingères, et le soir nous allons aux Italiens.

Adieu, bien chère, je vous quitte pour aller m'habiller ou nous habiller. A vous de cœur.—*Sarah.*

М О Д Ы.

Мы были у г-жи *Jenny Raybaud*, гдѣ заказали два или три дульета — одежду, начинающую дѣлаться необходимою. Она темныхъ цвѣтовъ, съ выпушкою кругомъ. Пелеринки открыты на груди, или съ мысками; совсѣмъ круглыхъ не видно. Внизу рукавовъ очень узенькія обшивки, съ узенькими манжетами изъ шакрой же матеріи какъ плашье. Юбки застегиваются на боку. Нѣкоторые обшиты однимъ или двумя *biais*. Когда плашье изъ блестящей матеріи, то *biais* дѣлаются маповые и наоборотъ. *Mat-myrte*, темно-синій, *marron d'Inde*, отличнѣйшіе цвѣта. Визитныя плашьа застегиваются сзади, дѣлаются съ высокими и совершенно гладкими лицами, съ маленькимъ чепвероугольнымъ воротникомъ, пришитымъ къ лифу: это укорачиваетъ длину спины; юбки весьма полны, складываются непримѣтными складочками, безъ всякаго раздѣла въ срединѣ. Рукава все также широки—мода, которую женщины, понимающія свои выгоды, никогда не оставляютъ. Въ продолженіе нашего посѣщенія швеи, *Эдуардъ* повезъ *Волтеріанца* къ фениксу порпныхъ... г-ну *Humann*. Когда эти добрыя родилы возвращаются въ Лондонъ, то вы ихъ не узнаете. Завтра мы отправляемся къ модисткамъ и бѣлошвейамъ, а вечеромъ въ Италіанскій театръ.

Прощай, любезная сеспра, я оставляю тебя, чпобъ ишла одѣваться. Твоя всѣмъ сердцемъ —
Sara.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 96.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Ноября 30 дня 1835 года.

Когда смѣются надъ тобой,
Ты говоришь, пріятель мой,
Что самъ надъ шѣми ты смѣешься.
Ахъ! какъ мнѣ жаль тебя! ты вѣрно надорвешься.

П. Сулароковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМООТВЕРЖЕНІЕ.

(Повѣсть.)

Добро твори другу . . . и освяти душу
пвою, яко нѣсть во адѣ взыскаши сла-
дости.

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

I.

Медленно по большой дорогѣ пянулась по-
возка, парою лошадей запряженная; колоколь-
чикъ заунывно звенѣлъ подъ раскрашенною
дугою. Въ ней сидѣлъ монахъ, худой и блѣд-
ный; горестъ начерпана была на лицъ его,
на которомъ проведены преждевременныя
морщины. Онъ былъ молодъ, черные усы и
борода едва опѣняли его верхнюю губу и
бороду. Повозка спустилась съ пригорка,
перѣехала кругоберегую рѣчку по бревен-
чатому мосту, поднялась на лѣсистую воз-
вышенность и исчезла изъ виду. Облака пы-
ли свились густыми кругами и разоспла-
лись по широкой столбовой дорогѣ.

Вдали между двухъ горъ величественно
возвышался монастырь во имя св. Іоанна
Крестителя; золотыя главы его выглядыва-
ли изъ-за вершины высокихъ деревьевъ. Ир-
пышь великолѣпно лежалъ на лонѣ бархат-
ной муравы. За монастыремъ прокрадывал-
ся сквозь частый лѣсъ спуденый ключъ;
въ немъ, когда природа покоится въ объ-
ятіяхъ сна, ясный мѣсяць, вырываясь изъ-за
облаковъ, купаетъ свои перловые лучи; да-
лѣе монастырское кладбище, и село, и роща,
которая, какъ зелѣная рама, заключаетъ кар-
тину и манитъ прохожаго насладиться пре-
лестными видами села Ивановскаго. Но вопъ,
изъ-за лѣса, снова показалась повозка, снова
гулъ колокольчика потревожилъ молчаніе ок-
рестности; проснувшееся эхо разнесло ме-
жду горъ заунывный звонъ его. Повозка пово-
ропила влѣво; монастырскія воропа пронзи-
тельно завизжали на ржавыхъ желѣзныхъ
пешляхъ, и зашворились за нею.

Молодой *Антоній* (имя монаха), вступя въ
эту свящую обитель, служилъ примѣромъ
для вѣпшихъ днями спарцевъ ревностью къ
божественной службѣ, спрогимъ поспомъ и

молчаніемъ. Настоятельница любилъ его за строгое соблюденіе уставовъ монастырскихъ, братія почитали его невольнo, а нѣкоторые думали видѣть въ немъ пѣндаго грѣшника,— умерщвленіемъ плоти, поспомъ и молитвою пришедшаго омытъ свои злодѣянія. Часто онъ предъ образомъ св. Крестителя рыдалъ, и слѣзы облегчали спрдадальца, можетъ бытъ не совсѣмъ забывшаго прелестнн свѣпа.

II.

Многіе, не зная Сибири, почитаютъ её спраною бесплодною, суровою, въ которой могутъ жить только одни Остяки и медвѣди; но пусть они посѣпятъ её, и тогда увидятъ, что Сибирь немного холоднѣе сѣверныхъ Русскихъ губерній, а жипели чепырехъ губернскихъ городовъ ея, особливо женщины, едва ли уступятъ въ образованности и любезности жипелямъ столицъ. Между красавицами города — а, очень недавно цвѣла *Юлія*. Она ловкостью обращенія, воспитаніемъ и пріятностью лица превосходила подругъ своихъ; прелестно танцовала, играла на фортепиано, говорила по Французски; молодѣжь увивалась около её, лишь бы былъ замѣченною ею, лишь бы заслужили ея улыбку, что конечно не очень нравилось подругамъ *Юліи*. Въ то время барышни и дамы любили вывѣдывать, что дѣлается въ городѣ; нѣтъ ли гдѣ сватьбы, кто кѣмъ занятъ,—чтобы послѣ перешептаться объ этомъ между собою. *Юлія* старалась удаляться всего того, что могло быть вредно ближнему; словомъ сказать, въ ней много было такихъ достоинствъ, которыхъ всегда и всѣмъ нравятся.

III.

Отецъ *Юліи* былъ совѣтникомъ въ городѣ — ъ, жилъ скромно, былъ посѣщаемъ двумя, тремя домами, какъ и вездѣ въ большихъ городахъ, гдѣ общество не единодушно, а дѣлится на партіи, которыя сходятся только въ собраніяхъ, а знакомство ведутъ на визитахъ. Но обратимся къ самой повѣсти. Отецъ *Юліи* вступилъ въ службу изъ простаго состоянія, дослужился до чина

коллежскаго секретаря, женился на дочери предсѣдателя. Помомъ, онъ пошелъ далѣе и далѣе въ чины, сдѣланъ совѣтникомъ и накопилъ порядочное состояніе. Вотъ вамъ крапкая біографія коллежскаго совѣтника и кавалера Степана Афанасьевича *Гвоздева*, отца *Юліи*. Супруга его была также очень обыкновенная женщина, которой всё удовольствіе состояло въ томъ, чтобы быть съ утра до вечера разряженною, какъ кукла, хотя эта кукла едва, едва проходила въ двери.

IV.

Въ — ъ большою частію лучшіе кавалеры пріѣзжіе, въ числѣ которыхъ особенно военные—душа собраній; но гдѣ не заглядываются на мундиры милыя созданія природы—женщины?

Въ числѣ молодѣжи города — а былъ *Елевъ*. Онъ происходилъ отъ благородной дворянской фамиліи; несчастіе раззорило его отца—и честная бѣдность досталась въ наслѣдство сыну. Когда *Елеву* минуло 18 лѣтъ, онъ опредѣлился къ должности. *Елевъ* не былъ почтени съ кѣмъ знакомъ въ — ъ, и большую часть времени проводилъ въ кругу своихъ родственниковъ. Однажды ему случилось быть въ собраніи; тамъ *Елевъ* увидѣлъ *Юлію* и не могъ отвести отъ нея очарованныхъ очей; они невольнo смотрѣли другъ на друга—и эта мнунта рѣшила ихъ будущее. За чѣмъ описывать, какъ открыли они другъ другу свои чувства? Прочтите любой романъ, повѣсть, поэму, и вы узнаете; вообще, это такъ часто случается въ нашей жизни, что навѣрное всякой изъ читателей самъ дополнитъ описаніе.

Наконецъ, *Елевъ* нашелъ случай познакомиться съ семействомъ совѣтника *Гвоздева*, и сдѣлался съ нимъ неразлучнымъ; его щипали за домашняго, а посторонніе ожидали скорой сватьбы, и многіе даже поздравляли совѣтника и полновѣсную его супругу съ *нагатыми дѣлами*, какъ это водится здѣсь.

Однакожь эта благочестивая чета вовсе не думала отдавать свою дочь за *Елева*, не имѣвшаго никакого состоянія; а былъ бѣд-

нымъ ужаснѣйшій порокъ. За то Юли очень нравились эти поздравленія.

У.

Было морозное утро, снѣгъ скрипѣлъ подъ ногою пѣшеходцевъ; они, упкнувъ носы въ шубы, пробѣгали по бѣлоснѣжному савану, въ который зима нарядила мерзлую землю; сороки плавали въ мѣрзломъ воздухѣ и пронзительнымъ крикомъ наводили тоску. Къ полудню сдѣлалась оттепель, на небѣ сбѣжались тучи,—чѣрные, какъ крыло ворона.

Казалось, снѣгъ иппи хотѣлъ;
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Модная коляска на полозкахъ, во весь опоръ на почтовыхъ промчалась въ воропта постоялаго дома; изъ неѣ вышелъ мущина лѣтъ 25. Онъ былъ высокъ ростомъ, имѣлъ пріятную наружность. Это Ройскій, очень богатый дворянинъ, пріѣхавшій въ Сибирь, отъ скуки, узнать: правда ли, что въ ней всё безжизненно, что люди убѣгаютъ другъ друга и живутъ въ берлогахъ, какъ бѣлые медвѣди, ихъ сосѣды? Онъ былъ не больше, какъ поручикъ отъ инфантеріи;

Но много у него добра,
Мѣховъ, апласа, серебра,
И на виду и подъ замками.

Быстро вбѣжалъ онъ по лѣспницѣ во второй этажъ, сбросилъ пушистую медвѣжью шубу и оспался въ синей венгеркѣ, спройно обхватившей понкій спанъ. Онъ осмотрѣлъ комнаты — и объявилъ хозяину, что нанимаесть весь этажъ помѣсячно, бросилъ Брегетовы часы, лорнетъ и кошелѣкъ на круглый столъ, покрытый вощанкою, приказалъ подать чаю — и, въ ожиданіи его, началъ расхаживать большими шагами по длинной и узкой средней комнатѣ, которую хозяинъ величалъ галереєю. Вотъ новый женихъ для дочерей предсѣдателей и совѣтниковъ (*). Батюшки и мапушки зазывали къ себѣ новопріѣзжаго, одинъ передъ дру-

(*) Здѣсь опцы и мапери, а также и сами дочки помѣшаны на богатствѣ или на ассесорствѣ: если женихъ бѣденъ, то непременно долженъ быть коллежскій ас-

гимъ спарались выказывать достоинства своихъ дочекъ, лишь бы сбыть скорѣе съ рукъ поваръ, который отъ долгаго лежанья порпился. Старушки щипають дочекъ лишнею мебелью въ домъ.

Зовуть сосѣда къ самовару,
А Талл разливаесть чай;
Ей шепчуть: Талл, примѣчай;
Потомъ приносятъ и гипсару,
И запищитъ она: Богъ мой,
Приди въ чертогъ ко мнѣ алапой.

Но Ройскій не примѣчалъ этаго — и всё, что клонилось до намековъ на щепъ женатой жизни, пропускалъ мимо ушей. Его опредѣлили въ одно присутственное мѣсто съ Елевилъ, и переименовали въ коллежскіе секретари. Почти одинакія ихъ лѣта, склонности и мнѣнія, сблизили съ нимъ Ройскаго. Они познакомились короче, сдѣлались пріятелями, а потомъ неразлучными друзьями.

Видали-ль вы отставшаго лебедя отъ роднаго стада, когда онъ неупомимо плывѣтъ по воздушной влагѣ, ищеть, хопя незнакомое, но соименное съ нимъ стадо лебедей; находить его и радуется, когда между чужими видитъ лебедя, также отставшаго изъ одного съ нимъ стада? Ему уже не такъ пляжка разлука съ своими пернапыми поварищами, и онъ переплываесть съ нимъ безконечное воздушное море, пока не найдетъ родной своей вереницы.

Такъ и Ройскій, вдали отъ своей родины, не надѣялся найти человѣка, который бы могъ понимать его; онъ думалъ жить среди разнородной смѣси лицъ, среди хладной пюрюмы преступниковъ, и какъ пріятно обманулъ, найдя въ —къ хорошее общество, и друга, который познакомилъ его и съ семействомъ совѣтника. Онъ подвелъ Ройскаго къ прелеспной Юли; отецъ и мапъ ея только и ждали этаго случая. Юли было уже 16 лѣтъ; ей нуженъ былъ мужъ, хопя бы и постымый: что нужды! Ея родители швердили, что Ройскій человекъ восплапа-

сесоръ, но если имѣесть маленькій чинъ, то долженъ быть богачемъ: отъ этаго здѣшнія барышни нерѣдко сядящъ весь свой вѣкъ въ дѣвцахъ.

ный, имѣеть большое состояніе п. е. денежки, золотыя денежки, слѣдовательно, онъ достоинъ быть мужемъ *Юліи*, и спарались уговорить *Елева* бывающаго у нихъ каждый день съ своимъ другомъ. На *Ройскаго* сдѣлала впечатлѣніе *Юлія*—и они, не открывая другъ другу настоящей причины, не ожидали повторенія приглашеній. Въ свободное время отъ должности, они спарались быть у совѣтника, гдѣ разговоры совѣтницы на щепъ ближняго, совѣтника на щепъ денегъ и невыгодъ холостой жизни, занимали досугъ, а чтеніе *Юліи*, прерываемое вздохами *Елева* и *Ройскаго*, попеременно одушевляло бесѣду.

VI.

Время шло своими исполинскими шагами. Зимы смѣнила весна; снѣгъ, пая отъ весенняго солнца, ручьями стекалъ съ горъ. Иртышъ, освободясь отъ своего ледянаго плѣна, съ шумомъ вырвался на родную свободу, и величаво капился въ заповѣдныхъ своихъ глинистыхъ берегахъ. Время шло, но ничто не измѣнило заведеннаго порядка въ домѣ совѣтника: по прежнему два влюбленные друга принимались у него какъ домашніе; по прежнему *Юлія* любила *Елева*, а совѣтникъ деньги *Ройскаго*.

Былъ полдень, когда *Елевъ*, завернувшись въ плащъ, медленно шелъ къ своему другу *Ройскому*; погода стояла прелестная, и щастливый мечтатель погрузился въ припныя надежды будущности.

Онъ удвоилъ шаги свои и скоро очутился у калитки квартиры, занимаемой *Ройскимъ*, но какъ удивился, найдя спавни у оконъ запертыми; онъ взошелъ на крыльцо, въ прихожую, и слуга, бывший почти всегда навеселъ, шапаясь, возвѣстилъ, что баринъ его помѣшался въ умѣ, и что онъ... Но *Елевъ* оставя усерднаго жреца *Вакхова*, пошелъ далѣе въ комнаты, свѣтъ въ которыя проникалъ только сквозь скважины спавней; онъ остановился у распворенныхъ дверей спальни друга. *Ройскій* сидѣлъ поникши опяченною головою и задумавшись. *Елевъ*, долго непримѣченный другомъ своимъ, всмапривался во всѣ его движенія.

Ройскій вспалъ съ какимъ-то опчаяніемъ, началъ ходити въздъ и впередъ по комнатамъ, и запѣлъ:

Ахъ, по тебѣ лишь сердце бьется,
Вся жизнь моя въ одномъ тебѣ —
И если мнѣ когда сгрустнется,
То по тебѣ!

Ройскій кончилъ; слѣзы капился по блѣдному его лицу; онъ подошелъ къ двери и, увидѣвъ *Елева*, отскочилъ; но скоро узнавъ своего друга, пожалъ ему руку и со вздохомъ сѣлъ съ нимъ на диванъ.

«Что это за сумасбродство, милый другъ? На кой чортъ заперъ ты спавни, закупорился и не ходишь для пого къ должности, что бы прѣтъ романы: я пришелъ о тебѣ навѣдаться, развѣ ты болѣнь?» спросилъ *Елевъ*.

— Нѣтъ.... Да! я болѣнь, я болѣнь! — вскричалъ *Ройскій*. Онъ замолчалъ и снова сталъ ходити по комнатамъ, попомъ позвалъ слугу—приказалъ ему отворить спавни, и съ какою-то мрачностью подошелъ къ *Елеву*.

—Такъ, другъ мой, я болѣнь; я люблю; ты бываешь у совѣтника, выдаешь *Юлію*, *Юлію*, эшаго ангела.... —

— Понимаю; ты любишь *Юлію*, ты любимъ *Юліей*? —

—То-то, что нѣтъ! Я люблю *Юлію*, но не любимъ ею. Выслушай, въ Воскресенье послѣ обѣдни я былъ у совѣтника и тамъ обѣдалъ. Когда кончился столъ, совѣтникъ заставилъ *Юлію* играть на фортепiano; она пѣла романсъ своего сочиненія; я ловилъ каждое слово, каждый звукъ и невольно затвердилъ куплетъ, который ты слышалъ. Она уже кончила и опець ушелъ въ свой кабинетъ, оставя меня съ *Юліей*, а я все еще стоялъ, въ ухахъ моихъ еще отдавался ея мелодическій голосъ; онъ попрысалъ мою душу, онъ запалъ въ сердце; я былъ внѣ себя, не зналъ, что я былъ; не зналъ, что хотѣлъ дѣлать; рѣшался упасть къ ногамъ ея; высказавъ всё, всё, что было на сердцѣ, перелилъ въ нее благородный пламень, которыми я пылалъ; но приходъ матери помѣшалъ мнѣ, и онъ же послужилъ сначала къ моему щастію. *Юлія* оставила насъ и

также ушла въ свою комнату, а я открылся совѣтницѣ въ спраски къ *Юлии* и просилъ ея руку. Совѣтница, не сказавъ ни слова, повела меня по принадлежности къ своему мужу; дражайшая его половина спала ходапайспвовавъ въ мою пользу и, своимъ поненькимъ, пискливымъ голоскомъ, пробудила его опъ важнѣйшихъ занятій. Когда онъ услышалъ, что я намѣренъ жениться на *Юлии*, то пошасилъ меня за руку къ своей милой дочери. «По рукамъ, любезный, по рукамъ, очень радъ, очень радъ!» кричалъ совѣтникъ, голосъ котораго опъ воспорга перемѣнился и перешель въ какое-то хрипѣніе; а я, не успѣвъ еще очувствоваться, какъ рука *Юлии* уже лежала въ моей рукѣ. Но изъ голубыхъ очей ея капились слѣзы, и казалось, слѣзы не радости, а печали; нѣтъ, она меня никогда не любила; сердце еѣ принадлежишь другому. Что мнѣ за щасье владѣшь рукою *Юлии*, не владѣя сердцемъ? Ахъ, *Елева*, милый *Елева*! Ты не любишь, пы не знаешь всѣхъ мукъ любви.—Онъ замолчалъ, глаза его сверкали и лицо было блѣдно, какъ у мертвеца.

Въ душѣ *Елева* слова *Ройскаго* также произвели опчаяніе; онъ не чувспивоваль подъ собою ногъ, и сухо проспившись съ другомъ-соперникомъ, пошелъ, не зная самъ куда, и очутился на кладбищѣ. А я знаю, что онъ думаль, я проникнулъ въ его мысли. О, кто изъ смертныхъ пойметъ, какой мрачный порывъ грусти кипѣль тогда въ его сердцѣ... Кому онъ передаспъ адскій пламень, который пожираль его внутренность? Нѣтъ, въ эту минушу онъ былъ между пропастью и землею — это жажда мессти; она грызла его сердце.....

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

15.

Многіе думаютъ, будто бы славный авторъ Историческаго Русскаго романа *Ледяной доли* въ карикатурѣ изобразилъ профессора элоквенціи *Василія Кирилловича Тредья-*

ковскаго, и что онъ не былъ ни такъ золъ, ни такъ подлъ.

Воптъ, что рассказалъ о немъ профессору Моск. Университета *Страхову* *Иванъ Васильевичъ Ступишинъ*, мужъ, уважаемый *Екатериною* Великою и одинъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней Русскихъ бояръ, скончавшійся въ 1720 году на 90-мъ году опъ рожденія. «Когда *Тредьяковскій* являлся съ своими одами во дворецъ: то всегда, по приказанію *Бирона*, изъ самыхъ сѣней, черезъ всѣ комнаты дворцовыя, ползъ на колѣняхъ, держа свои списы на головѣ обѣими руками, и когда доползалъ до *Императрицы* или *Бирона*:—то всегда дѣлаль имъ земные поклоны. *Биронъ* дурачилъ его—и надсѣдался со смѣху.»

Въ старинномъ изданіи сочиненій *Василія Кирилловича*, въ одномъ изъ примѣчаній, онъ самъ печатно хвалился *полугеніемъ отъ Всещедрой десницы олеузи*.

О томъ, что онъ ругался надъ опсѣченною головою *Вольнскаго*, слышалъ авторъ опъ профессора *Снегирева* и опъ другихъ особъ, достойныхъ вѣроятія.

А. Кораблинскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Стихотворенія *Владимира Бенедиктова*. С. П. В. 1835 г.

Нашъ вѣкъ есть существенно прозаическій. Мы требуемъ положительнаго. Онъ спалъ еще болѣе прозаическимъ съ тѣхъ поръ, какъ высокостепенный баронъ *Брамбеусъ* торжественно объявилъ господамъ поэтамъ, что—«Редакція Библиотеки для Чтенія убѣдительноше проситъ ихъ не присылать въ эпопъ журналъ стиховъ, поелику онъ въ нихъ не имѣетъ надобности.»—Прочитавъ эту сухую, обнаженную опъ всякаго чувства исповѣдь, передъ лицомъ всей читающей Россіи сдѣланную, мы приняли еѣ за выраженіе общаго мнѣнія—и съ сокрушенною душою сказали *прости*-воспоргамъ ума, мечпаніямъ сердца, очарованіямъ генія. Мы уже видѣли поэзію, сверпывающую свои золотыя крылья и возвращающую небу свои небесныя вдохновенія. Горькія стихо-

пворенія гг. *Банникова, Струговщикова, Гулевова, Чурманальева*, безконечныя, какъ голыя Саратовскія степи, вирши *Тимофьева*, въ Б. для Ч., безъ разбора и выбора помѣщаемыя, утвердили насъ въ этомъ несчастномъ мнѣнїи. Но въ поэтъ самый мигъ, когда, казалось, божественная оставляла неблагодарную словесность, которая важно перебирала въ рукахъ щѣпы вмѣсто лиры, и подслушивала въ харчевняхъ остропы лобазниковъ и рассказы чумаковъ,—великодушная и искусная рука удержала её за радужное покрывало. Благодаря ей, явились на Руси *Стихотворенія Бенедиктова*: ихъ встрѣпили души спрастныя, съ воображеніемъ пылкимъ, съ сердцами, сладкій трепетъ которыхъ опивчалъ біенію сердца молодого художника. *Ихъ раскупили какъ конфетты!* вопль, какъ выразился бы журналистъ XIX вѣка, увѣдомляя публику о первомъ успешномъ шагѣ *Бенедиктова* по большой дорогѣ къ славы и золоту. Мы полакомимъ лучше этими конфетками нашихъ чинапелей.

С М Е Р Т Ъ Р О З Ы .

Весна прилетѣла; обкинулся зеленью кустъ;
 Вось ангель цвѣтень у куста пого снова,
 Коснулся шипка молодого
 Дыханьемъ живительныхъ усь —
И роза возникла, дохнула, раскрылась, прозрѣла,
 Сладчайшій кругомъ ароматъ разлила и зарей заздѣла.
И ангель цвѣтень опъ прекрасной нейдѣтъ,
И пошрое царство свое забывала,
И шолько надъ юною розой порхала,
 Въ святомъ умиденьи поетъ:
 Рдѣй, царица дней прелестныхъ!
 Вешней радостью дыша,
 Льется нѣгой спруй небесныхъ
Изъ листковъ похушѣсонныхъ
 Ароматная душа.
 Вѣкъ швой красенъ, хошь не дологъ:
 Вся пы прелестъ, вся любовь;
 Сладкій сокъ швой—щастье пчѣлокъ;
 Альый листъ швой—брачный подогъ
 Золотистыхъ мопыльковъ.
 Люди добрые голубяшь,
 Любяшь пышный цвѣтъ полей;
 Ахъ, они-жь себя и губяшь:

Люди губяшь все, что любяшь —

Такъ ведется у людей!

Сбылось предвѣщанье — и юноша розу сорвалъ,
И дѣвы украсилъ чело эпой пламенной *жатвой*, —
И дѣвы привѣтъ съ обольстительной кляшмой
 Оспрадно ему прозвучала.
 Но чтожь? Не поблекъ еще цвѣтъ, опъ роднаго ку-
 спа опдѣленной,
 Какъ дѣвы съ приколотой розой чело омрачилось *измѣной*.
 Оспавленный юноша долго попомъ
 Спрадалъ въ воздаянъ за пагубу розы; —
 Но вопъ ужъ и онъ осушилъ свои слѣзы,
А плачущій ангель порхалъ, безупѣшенъ, надъ сирымъ
 кустомъ.

С М Е Р Т Ъ В Ъ М Е С С И Н Ъ .

Какое явленье? Не рушился-ль мїръ?
 Земля разсѣдается, лопаешь камень;
Изъ области мрака на гибельный пиръ
 Взивается люто синюющій пламень,
И стелется клубомъ душливый паръ,
 Колеблется зданья и рыщеть пожаръ.
 Не рушился мїръ, но Мессина дрожитъ:
 Подъ ней свирѣющъ подземныя силы:
 Владѣнїя жизни природа громишь,
 Спрямся расширишь владѣнїя могилы.
 Смотрише, какъ лавы спруцъ пошекли
Изъ челюстей ярыхъ дрожащей земли!
 Тамъ люди, испоргились изъ шапкихъ оградъ,
 Опъ ужаса, въ общемъ смятеньи, нѣмѣющъ;
 Тамъ мапери, въ блескъ горящихъ громадь,
 Съ безумной улыбкою нѣжно лѣлюющъ
 Безпечныхъ младенцевъ у персей своихъ;
 Пошеряны мысли, но сердце при нихъ!
 Взгляните: одна, какъ безъ жизни—блѣдна,
 Едва оживаешь въ объяхъ супруга,
 Вось дико очами блуждаешь она...
 Узрѣла—и ринулась съ воплемъ испуга:
 Малюпка родимый—души ея часъ—
 Споишь на балконъ, гоповомъ упасъ; —
 Споишь, и на бурныя волны людей,
 На лаву и пламя съ улыбкойзираешь,
И къ жаламъ несповыхъ огненныхъ змѣй
 Призывно рученки свои простираешь.
 Какъ щастливъ прекраснымъ невѣдньемъ онъ!
 Какъ щастливъ!—Мгновенье—и ружнешъ балконъ.

Нѣтъ, онъ не погибнетъ: жива его мать. —
 Супругъ ея щедро всей силой объятъ.
 Безумный порывъ ея хочетъ унять!
 Бесплодно усиле мольбы и заклипій!
 Смотрите—полпа, какъ спрѣлой, пронзена:
 Тутъ матерней грудью рванулась жена!
 Она ужъ на лѣспницѣ;—дымная мгла
 Её окружаетъ; вокругъ сыплется камень...
 Ужъ вопь на балконѣ... вопь сына взяла—
 Её пощадили дождь камней и пламень!
 Спасеніе близко... Но падаетъ домъ—
 И дымъ закружилъ могильнымъ сподбомъ.

ОРЕЛЛАНА.

Взгляните, какъ льется, какъ вьется она —
 Красивая, злая, крушая волна!
 Это мчится Ореллана,
 Величавая, глубокая,
 Шибче, шибче—и близка
 Къ черной безднѣ Оксана.
 Бурлитъ и реветь Океанъ-великанъ, —
 Гроза на хребтѣ, на плечахъ ураганъ;
 Вздучся, сгорбилъ приливомъ,
 Горы волнъ шума крушитъ —
 Будетъ схватка: онъ сердитъ
 И рѣка полна порывомъ.
 Лепитъ въ Океанъ Ореллана спрѣлой —
 И вопь налетѣла, реветь волны водной.
 Чуденъ водной битвы пламень!
 Пына бьетъ до облаковъ;
 На хребтахъ гусьихъ валовъ
 Сшиблись камни, съ камнемъ камень.
 Съ рѣкой Океанъ, какъ съ шигрицею левь!
 Двѣ арміи волнъ—далеко слышенъ ревъ.
 Гдѣ-жъ побѣда? гдѣ уклонка?
 Ты идишь назадъ, рѣка, —
 Ты упряма, пы дика!
 Бейся, бейся Амазонка!
 Свое взяла сила: рѣка не сдалась
 И въ грудь Океану, какъ жало, впиалась.
 Узвѣнъ боецъ огромной
 Захрипѣлъ и засноналъ;
 Тише, тише—и помчалъ
 Волны съ жалобою шумной.

LOGOGRIPE.

Le gros animal que je suis!
 Je peux offrir un doute à la raison humaine,
 Et je dis bêtement, qu'un de mes pieds démis,
 Chacun peut m'avalier sans peine.

Въ № 95-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Ось*.

MODES.

La mode est encore assoupie, ma chère sœur; mais que l'on y prenne garde, c'est le sommeil du lion; elle doit se réveiller terrible, si l'on en juge par les regards inquiets que se jetaient les grandes dames réunies au Théâtre - Italien, mardi dernier. Chacune craignait d'être prévenue, et se rassurait en voyant encore les grands chapeaux de satin blanc ou couleur de rose, encadrant le visage, les écharpes de gaze-laine serrées autour du cou, les robes montantes de couleurs foncées, tout cela était connu.... Cependant, dans une loge d'avant-scène se distinguait un bonnet formé de deux barbes de blonde, posées à plat sur le devant de la tête et nouées sous le menton, tandis que, par derrière, elles se communiquaient au moyen de quatre guirlandes de petites fleurs bleues, mêlées de feuillage d'un vert clair. Une robe de crêpe *de la Chine* d'un bleu pâle, une large frise de blonde, et des manchettes semblables, qui tombaient jusqu'au bout des doigts complétaient cette parure dont l'élégance était remarquable. L'attention était partagée entre cette loge et celle où l'on avait reconnu la duchesse de ***, toujours belle, toujours majestueuse. Ses beaux cheveux blonds brillaient de tout leur éclat sous un chapeau de pou de soie, *vert myrte*, dont la passe reculée ne dissimulait pas une seule boucle. Trois plumes courtes étaient presque couchées sur cette passe que garnissait un pli rond en ruban. Un peignoir d'organdie, semé de branches d'olivier, feuilles et fruits, brodées en laine et soie de couleur, un large ruban *vert myrte*, broché de blanc, passé au cou, une ceinture à bouts pendans composaient ce négligé. Le peignoir était doublé en taffetas blanc, et sa fraîcheur semblait être relevée par la robe cramoisie, brochée en aurore, d'une dame anglaise placée dans le voisinage. On comptait sur le turban de cette étrangère *trente-deux têtes* de plumes aurores et cramoisies, disposées sur un turban blanc. Ce luxe auquel ne suffirent point les autruches des pays connus, vou-

драйт-илъ passar le détroit? La duchesse de la . . . n'avait pas moins de plumes quand elle fut faire sa cour à *Guillaume IV*, le printemps dernier. . . Une croisa-de dans le désert deviendra indispensable, si cette mode devient générale. Un personnage, vêtu à l'orientale, à moustaches noires, à barbe et cheveux gris, semblait regarder la dame étrangère avec anxiété. Dieu sait les combats, les guerres que lui laissait entrevoir un tel *em plumement*. Les augures n'examinaient pas avec plus d'attention les poulets sacrés de Rome, que cet homme vénérable n'en apportait à suivre les mouvemens de sa voisine, et il ne serait pas impossible qu'il n'eût expédié un courrier à sa cour, afin de la préparer contre une invasion européenne. *Que de choses dans un menuet!* s'écriait *Marcel*. Que de choses dans une coiffure, pensait sûrement le diplomate. Eu sortant du spectacle, je remarquai que généralement les voitures ont passé du jaune au vert. — Le train est plus foncé que la caisse sur laquelle les armes ressortent vertes sur vert.

Pl. No 54. Coiffures ornées de fleurs et de ve-lours. — Robe de tulle garnie de nœuds pardessus de satin.

М О Д Ы.

Мода еще дремлетъ, любезная сестра, надо осперегаться, это сонъ львицы; она должна пробудиться страшною, если судить по безпокойнымъ взглядамъ, которые бросали другъ на друга дамы высокаго общества въ Ипаліанскомъ театръ, въ прошедшую среду. Каждая боялась быть предупрежденною, и успокоивалась, видя еще большія бѣлыя или розовыя апласныя шляпы, окружающія лица; шарфы изъ шерстянаго газа, обернутые около шеи; платья съ высокими лифами, темныхъ цвѣтовъ; все это было уже известно. . . Однако, въ ложѣ, на авансценѣ, отличался чепчикъ, составленный изъ двухъ блондовыхъ допоспей, спереди головы положенныхъ вгладь и завязанныхъ на подбородкѣ, между шѣмъ, какъ сзади онѣ соединялись посредствомъ чепырехъ гирландочекъ мелкихъ голубыхъ цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ зеленою свѣтлаго цвѣта. Платье изъ *Китайскаго* крепа блѣдно-голубаго цвѣта, широкая блондовая фреза, и манжеты такія же, висѣвшія до конца пальцевъ, довершали этою нарядъ, замѣчательный своею щеголеватостью. Вниманіе было раз-

дѣлено между эпою ложею и пою, въ которой открыли взоры герцогиню *de****, всегда прекрасную, всегда величественную. Ея прелестныя бѣлокурые волосы оплывались своимъ блескомъ подъ шляпкой изъ *pou de soie*, зеленого миртоваго цвѣта, открытое поле которой не скрывало ни одной булки. Три короткія пера почки положены были на это поле, обшитое круглою складкою изъ ленпы. Пенъуаръ изъ органди, усыянный вѣтками оливковаго дерева, листьявъ и плодовъ, вышитыми цвѣтною шерстью и шелками; широкая лента зеленого миртоваго цвѣта, зашканная бѣлымъ, повязана на шеѣ; поясъ съ длинными концами—составляли это неглиже. Пенъуаръ подложенъ былъ бѣлою шафкою, и свѣжестъ его была видна при малиновомъ бархатномъ платьѣ, зашканномъ свѣтло-краснымъ, надѣтымъ на одной Англійской дамѣ, сидѣвшей вблизи. На бѣломъ шюрбанѣ этой иноспранки сочли тридцать двѣ верхушки перьевъ, малиновыхъ и свѣтло-красныхъ. Роскошь эта, для которой недоспаютчны будутъ спраусы всѣхъ извѣстныхъ спранъ свѣта, не хочешь ли перейти къ намъ чрезъ проливъ? На герцогинѣ *de la . . .* не менѣе было перьевъ, когда она представлялась *Вильгельму VI* прошедшей весной. Если эта мода сдѣлается общою, то необходимо будетъ учредить походъ въ Африканскія пустыни. Нѣкто, въ восточной одеждѣ, съ черными усами, съдыми волосами и бородой, казалось, смотрѣлъ на даму съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Богъ знаетъ, какія сраженія, войны, предвѣщало ему такое *оперенье*. *Прорицатели* Римскіе (augures) не съ большимъ вниманіемъ разсмапривали священныхъ цыплятъ, съ какимъ этою доспопочтенный челоувѣкъ слѣдовалъ за всѣми движеніями своей сосѣдки, и весьма правдоподобно, что онъ отправилъ курьера къ своему Двору, чтобы приготовить его противъ Европейскаго нападенія. «*Какъ много всцей заплюгасть въ себя менуетъ!*» восклицалъ *Марсель*. — Чего не заключаетъ въ себя прическа,—думалъ вѣрно дипломатъ. Выходя изъ спектакля, я замѣтила, что вообще кареты перешли отъ желтаго цвѣта къ зеленому.—Ходъ шемте кузова, на кошоромъ гербы зеленые на зеленомъ.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

Карп. No 54. Прическа съ цвѣтами и бархатомъ. — Тюлевое платье, убранный апласными бантами сверху.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 97.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 4 ДНЯ 1855 ГОДА.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтшвъ,
И встрѣтилъ тамъ змью, ползущую по праху.
Зависливая тварь
Шипитъ и на орла кидается съ размаху.
Что-жь дѣлаетъ пернатыхъ царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу воздеваетъ. —
Такъ гений своему хулителю опмщаетъ!

И. Дмитриевъ.

СЛОВЕСНОСТЬ. САМООТВЕРЖЕНІЕ.

VII.

(*Окончаніе.*)

Ночь покрыла землю своимъ прауромъ и
загла погребальныя свѣчи на тѣмномъ эфирѣ. Всѣ спало.

Въ уединенной спальнѣ *Юліи* горѣла свѣ-
ча... Описать ли её, эту маленькую ком-
натку? Въ переднемъ углу теплилась лам-
пада у св. Образа; шесть стульевъ, выкра-
шенныхъ подъ красное дерево, бюро, малень-
кой шкафъ съ книгами—и въ углу кроватъ
съ каленкоровымъ занавѣсомъ, куда бы не-
вольно успремидся взоръ, полюбовавшся на
спящаго ангела; но *Юлія* не спала, она ду-
мала:

Ужасно, ужасно любить безъ надежды,
Ужь гробъ мой открыви!

Она думала: какъ минулы дружбы и люб-
ви скоро летятъ; милому, благородному *Еле-
ву* я скоро обязана сказать роковое проспи;
ужасно, что будетъ со мною! можетъ быть
я жизнию пожертвую принужденію; я не въ
силахъ скрывать чувствъ своихъ и не въ
моей волѣ побѣдить спрассть, которая впи-
лась въ сердце. Бѣдныя женщины, мы жерп-
вы горести; насъ заставляютъ любить и
скрывать свои чувства подъ маскою прили-
чія, отдавать руку, не спрашиваясь сердца...
Нешастный *Елевъ*, а я, я еще его нещастіе.

Вскорѣ весь городъ узналъ, что *Юлія*
просватана за *Ройскаго*. Экипажи попянулись
вдоль улицы къ дому совѣтника; скучныя
поздравленія и създъ молодыхъ барышенъ
къ *Юліи*, у которой они, по тамошнему
обычаю, должны были гостить до самой
свадьбы и шить приданое,—дѣлали ея поло-
женіе для неѣ еще несноснѣе; ни обновки,
ни игры, ни свадебныя пѣсни не развлекали
Юлію. Бѣдная, грустная, сидѣла она въ

кругу ихъ, какъ жертва, приговоренная къ закланію.

VIII.

Въ одинъ вечеръ, множество госпей съѣхалось въ домъ невѣсты; зажгли салныя огарки въ хрустальныхъ люстрахъ и въ свѣнныхъ подсвѣчникахъ, поставили на круглый столъ передъ диваномъ огромный подносъ съ вареньями, ягодниками, конфетками. Пожилыя дамы и мѣщину съѣли за карпочные сполки, молодѣжь увѣдалась около молодыхъ дамъ и барышень; вдали гордо расхаживали военные, закручивая свои усики, и звали во ожиданіи панцевъ... И вопъ загремѣлъ славный казачій оркестръ, поплянулись ряды танцующихъ—длинный Польскій. Но гдѣ же она? Гдѣ Юлія? Её нѣтъ между танцующихъ, она въ своей уединенной комнатѣ, слабо освѣщенной лампадою, обливалась слезами; *Елевъ* былъ съ нею.

«Что съ вами, вы больны Юлія? Какая блѣдность въ лицѣ! Вы дрожите? О, ради Бога, скажите мнѣ, что съ вами?»

— Ахъ, милый *Елевъ*, не уже ли вы ничего не знаете, я гибну, кто спасетъ меня? Что должна я дѣлать? Настоящее и будущее приводятъ меня въ ужасъ; не уже ли мы должны навсегда разлучиться? —

«Разлу-чипь-ся! Къ чему слѣзы, васъ *Ройскій* обожаетъ, вѣрно вы будете щасливы.» Онъ не могъ говорить болѣе, задыхаясь отъ горести, спѣсившей его дыханіе. «Прощайте, Юлія, навѣки прощайте, пусть эпопъ горестный поцѣлуй запечатлѣетъ нашу разлуку!»

— Нѣтъ, другъ мой, единственный другъ! Лучше умру, чѣмъ разстанусь съ побоею! — сказала она и упала на грудь его въ горькихъ слезахъ; вздохи ихъ смѣшались вмѣстѣ, а поцѣлуй слились. . . . .

Въ эту минуту вошелъ *Ройскій*.

IX.

Юлія, блѣлая какъ положно, вошла въ комнату, но не жениха, ни друга его *Елева*

не было. Свадьба, за болѣзнію невѣсты, опложена на мѣсяцъ.

Полночь. Медленно выѣзжали, одинъ по одному, экипажи изъ дома совѣтника; шумъ на время умолкъ и гробовое молчаніе заснуло его мѣсто.

Но вопъ на улицѣ послышался говоръ... Два пѣшеходца спѣшатъ, по избитой деревянной мостовой, къ тихому ночлегу.

«И пакъ, *Елевъ*, ты любишь Юлію и любимъ ею, но пого ли ожидалъ я отъ друга? Вмѣсто дружеской опкровенности — ты скрылъ отъ меня, что любишь: я вѣрно бы не сдѣлался твоимъ соперникомъ; но пеперь, пеперь все кончено!»

Со вздохомъ покачалъ головою *Елевъ*; прывъ вѣпра помѣшалъ дослушать его отвѣтъ.

X.

Все время, послѣ роковаго вечера, *Ройскій* не былъ въ домъ невѣсты; слухъ носился, что онъ по какимъ-то обстоятельствомъ оставилъ городъ; наконецъ, передъ самымъ дѣвишникомъ (*), онъ пріѣхалъ, и долженъ былъ приглашать всѣхъ своихъ знакомыхъ, а невѣста своихъ подружекъ на вечеръ. Всѣ съѣхались въ назначенный день, но не было ни *Ройскаго*, ни его несчастнаго друга.

Шумный говоръ мужчинъ и шопотъ дамъ въ комнатахъ, и вопросы: гдѣ женихъ? гдѣ *Ройскій*? переходили изъ устъ въ уста. Наконецъ вошелъ *Елевъ*; волосы у него были въ беспорядкѣ; томнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на разряженную невѣсту; онъ приковалъ его и не могъ опвести отъ Юліи, какъ будто въ послѣдній разъ её видя. Родители Юліи и всѣ знакомые обратились къ нему съ вопросами объ опсупствіи жениха, но опривисные: *нѣтъ, не знаю*, принудили совѣтника послать къ *Ройскому* челоуѣка и просить, чтобъ онъ послѣдилъ на дѣвишникъ.

Бьетъ на городскихъ часахъ 9-ть. Посланный совѣтника возвратился съ запечатан-

(*) Дѣвишники еще справляютъ здѣсь въ нѣкоторыхъ домахъ.

нымъ письмомъ на его имя. Всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли на хозяина. Онъ разломалъ печать и началъ молча пробѣгать любопытные для всѣхъ спроки; лицо его безпрестанно измѣнялось: онъ попеременно по краснѣлъ, по блѣднѣлъ; потъ градомъ пѣкъ по его лицу... Но вдругъ, подъ конецъ чтенія, нахмурившіяся брови его расправились—и радость блеснула въ глазахъ и отразилась въ чертахъ лица. Онъ вынулъ табакерку, понюхалъ табакъ, и окинувъ взоромъ все собраніе, промолвилъ разspanовочно: «Жаль!... Примѣрный молодой человекъ, благородное самоотверженіе, 50 п. рублей!... Впрочемъ, по мнѣ все равно; я сердечно радъ.»

Потомъ холоднокровно оборотясь къ офиціанту, приказалъ разносить заѣдки, и увидя *Елева*, сказалъ съ улыбкою самодовольствія: «Сей часъ узнаешь, пріятель, свою участь!» Потомъ взялъ его за руку и подвелъ къ *Юліи*.

«*Юлія*, дай ему свою руку!» важно повѣлывалъ совѣтникъ расплаканной дочери. И рука ея лежала въ рукѣ *Елева*. Гости выпучили глаза, разинули рты, развѣсили уши, и не понимали, что все это значить.

Неперпѣливость госпожи совѣтницы и гостей знавъ о *Ройскомъ*, и *Елева*—знавъ объ участи друга, заставили совѣтника, давъ прочитавъ его письмо:

«Милостивый государь!

«Вамъ извѣстно, какъ пламенно любилъ я вашу дочь, и уже могъ называть себя щасливимъ, получивъ ваше согласіе на мое предложеніе, но моя любовь была чужда для ея сердца: я вскорѣ узналъ, что *Юлія* любитъ моего друга *Елева*; пусть же будутъ они щасливы. Не хочу мѣшать имъ, и возвращая вамъ, м. г., данное мнѣ слово, осмѣливаюсь вмѣстѣ съ пѣмъ просить за моего друга; всё мое имѣніе оставляю ему, — а меня уже иноки *И**** монастыря приняли въ число братій, и въ то время, когда вы спанете чипать это письмо, я уже поспригся въ монахи. Проспите меня и сохраните въ памяти вашего богомольца *Антонія*.»

ХІ.

Цѣлый годъ прошелъ послѣ сватъбы *Елева* и *Юліи*; между ними игралъ ихъ малюпка; радость блистала въ глазахъ мапери и отца.

Въ одно время всё семейство согласилось иппи въ *И**** монастырь на богомолье. Они выбрали прелестный Іюньскій день; зеленъ полей и пріятная теплота воздуха оживляли набожное семейство. Сельскіе виды, роща, далѣе загородный домъ, кладбище и разбросанныя въ окрестности деревни—всѣ развлекало ихъ, и всё уводило ихъ въ міръ мечтаній. Они прошли уже 9-ть верспъ, и куполь монастырскій, какъ маякъ, выглядывалъ изъ подъ горы—еще полверсты и они уже были въ оградѣ монастырской.

Медленно при раза ударили въ колоколь на монастырской башнѣ; протяжное и заунывное пѣніе раздалось подъ сводами тихихъ келій. Всѣ желали узнать тому причину, и монастырскій служитель отвѣчалъ имъ: «Одинъ изъ братій опъ сей бренной жизни переселился въ вѣчную.»

Что-то тайное подспрекнуло *Елева* узнать о имени усопшаго, и какал печаль наполнила сердца всего семейства, когда узнали, что отецъ *Антоній*, другъ *Елева*, сбросилъ съ себя тяготившую его земную одежду.

Послѣ вечеренъ черные иноки попинулись изъ церкви по два въ рядъ, и протяжно запѣли: Святый Боже; братія выносили тѣло новопреспавльшагося. *Елевъ* и *Юлія* со слезами проводили бренные останки того, который былъ виновникомъ ихъ щастія; каждый бросилъ въ могилу горсть земли, слезами смоченной. Отспоявъ всенощну, *Елевъ* отслужилъ по другъ своемъ панихиду. На развѣтъ другаго дня они зашли на кладбище поклониться его могилѣ, усыпали её цвѣтами, и съ невыразимою тоскою возвратились въ городъ.

Въ оградѣ монастыря *И**** и нынѣ видна могила *Антонія*: простой, выкрашенный подъ мраморъ крестъ, и высокой кедръ осяняютъ её.

ХАРАКТЕРИСТИКА ШАЛИ.

Равенство женщинъ передъ шалью неоспоримо; однако-жь каждая носитъ её по своему. Слово одно, но смыслъ различенъ—и часто первое убиваетъ—но другой даетъ жизнь.

Матерія, узоръ, длина и цвѣтъ шали зависятъ отъ вкуса, привычки, наклонностей, мнѣній и состоянія; такимъ образомъ довольно одного взгляда на шаль, чтобы опредѣлить безошибочно званіе женщины, которую она украшаетъ.

Вамъ встрѣчается женщина, обернутая въ черную, съ большими букетами, Лионскую шаль; она закрываетъ ей всю палию и влочится по землѣ. — Будьте увѣрены, что это эго-закрипчая, мѣщанка, которой мужъ долженъ быть спрячій, докторъ или литераторъ. Она честная и добрая супруга; следовательно чернѣйшій цвѣтъ шали доказываетъ всѣ хорошія качества ея. Она выбрала его, для того, что онъ не бросается въ глаза и долго сохраняетъ доброту свою и глянецъ.

Женщина въ красной шали вѣрно жена приказнаго, виннаго погребщика или нопа-риуса. Она смертельно желаетъ имѣть дѣтей, а еще смертельнѣе того ѣздитъ въ кабриолетъ. Красный цвѣтъ обличаетъ это самолюбивое желаніе.

Шаль пестрая, модная—блестящая всѣми цвѣтами радуги, у которой конецъ тащи-ся по мостовой, обличаетъ актрису. По возможности надѣтъ её вечеромъ, потому что тогда она должна споятъ въ узкихъ кулисахъ, подъ текучими лампами, она выказываетъ её среди бѣлаго дня—при свѣтѣ полуденнаго солнца—и щеславіе её не въ проигрышъ.

На женщину же въ бѣлой шали смотрите съ презрѣніемъ;—она принадлежитъ къ числу гнусныхъ тварей; въ бѣлой шали пѣшкомъ не ходятъ; въ ней ѣздятъ въ каретѣ, въ открытой коляскѣ,—гуляютъ въ Булонскомъ лѣсу, сидятъ въ оперѣ, ѣдятъ мороженое у *Тортони*. Она виситъ въ прихожей на рукѣ колосальнаго егеря, облипаго золотомъ; потомъ съ рукъ егеря переходитъ въ руки щеголеватой горничной; отъ

неё къ модной торговкѣ, и наконецъ вымытая, пожелтѣлая, заштопаная, падаетъ на плеча какой нибудь щеславной гризетки, которая нерѣдко платитъ своею честью за удовольствіе подражать знатнымъ дамамъ... и тогда бѣдная шаль!... Тогда она, какъ извозничьи лошади, встрѣчается вамъ на каждомъ перекресткѣ—въ пыли, въ грязи, въ пятнахъ—проходите, и не оглядывайтесь!

Мы считаемъ не нужнымъ прибавить, что шаль есть, такъ сказать, символъ званія, которое женщина занимаетъ въ обществѣ, т. е. что модная, богатая и знатная дама не должна нигдѣ показываться въ бѣдой или посредственной шали, что для неё это также неприлично и смѣшно, какъ богатая шаль на плечахъ небогатой и скромной женщины. Шаль не только есть оселокъ богатства и связей, но ею также измѣряются умъ, рассудокъ и смѣлливость женщины; по ней можно даже узнать: замужняя она, вдова, или дѣвица. Молодыя дѣвушки должны беречься какъ огня пестрыхъ и огромныхъ шалей: онѣ должны остерегаться слишкомъ распускать ихъ по шали, если хопятъ выйти за мужъ. Бѣда, когда шаль дѣвицы хопя немножко перейдетъ ниже локтя, тогда прощай женихи, и она можетъ записаться въ старыя дѣвки. Тоже советуемъ мы и молодымъ вдовушкамъ, желающимъ вступить во второй или третій бракъ.—Въ такомъ случаѣ вдова должна держаться средней пропорціи между замужнею женщиной и дѣвицею—то есть, что шаль ея должна висѣть не менѣе какъ на двадцать пять и не болѣе двадцати семи вершковъ до пятки. Это условіе необходимо.

Не говоря объ опасностяхъ, которымъ подвергаются вдовы и дѣвицы чрезъ нарушеніе эпаго правила, помѣщеннаго въ законеніи моды и хорошаго тона, мы должны предупредить ихъ, что за такое пренебреженіе общаго мнѣнія, свѣтъ не будетъ имѣть большой вѣры къ уму ихъ и понкой смѣливости.

НАСТОЯЩІЙ ИЗОБРЪТАТЕЛЬ ПАРОХОДОВЪ.

Истинный изобрѣтатель пароходовъ былъ Испанецъ *Бласко-де-Лойола*. Въ 1543-мъ году, предложилъ онъ Императору *Карлу V*-му и сыну его *Филиппу II*-му проэктъ построения лодки, движущейся посредствомъ пара. Онъ производилъ опытно щастливые опыты надъ лодкою, построенною въ Барцелоуѣ. Остались этому доказательствомъ въ Саламанскомъ архивѣ протоколы, чертежи. Современники его не оцѣнили важности этого изобрѣтенія. *Бласко-де-Лойола* встрѣтила вражда и зависть.

ПРОДѢЛКИ ТОРГУЮЩИХЪ ЗАПРЕЩЕННЫМИ ТОВАРАМИ.

Въ одинъ пограничный Французскій городъ на длинномъ шестѣ несть крестьянина 56 былыхъ кроликовъ. Таможенные чиновники его обыскали—и нашли въ брюхѣ каждаго изъ эгихъ звѣрковъ по 6-ти аршинъ кружева. Весь поваръ оцѣнили въ 200,000 франковъ.

У Парижской заставы остановлены при полишинеля на масляницѣ. Въ огромныхъ горбахъ ихъ досмотрщики нашли ромъ. Они выпили его за здоровье весельчаковъ-полишинелей, а ихъ самихъ посадили въ караульню, вмѣсто маскарада!

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

16.

Въ No 44-мъ *згло* запоздавшей *Молвы* объявляется о новомъ журналѣ *Вѣстникъ Парижскихъ модъ*, который будетъ *будто бы* издаваться въ Москвѣ чрезъ каждые 5 дней, *будто бы* состоять изъ 75 номеровъ, каждый въ четверть листа, *будто бы* на веленовой бумагѣ. При каждомъ номерѣ объявляютъ по картинкѣ дамскихъ модъ и по одной въ мѣсяцъ мужской, что составитъ 96 картинокъ въ годъ, *будто бы* оплично выгравированныхъ и раскрашенныхъ. За все это платится 20 р. въ Москвѣ и 25 р. съ пересылкою.

Проказница эта *Молва*! Да худой спекуляторъ и пошль, кто предпринимаетъ та-

кое изданіе. Мы по долгу Христіанскому намѣрены предостеречь его. Да будетъ ему известно, что гравировка, оппечатка, раскраска 8-ми модныхъ картинокъ, прилагаемыхъ *А. Ф. Смирдинымъ* къ его *Библиотекѣ для чтенія*, обходятся ему, включительно съ бумагою и модными иностранными журналами, для сего единственно имъ выписываемыми, почти въ 10,000 рублей; а издапелю *Литературныхъ Прибавленій къ Р. И.* 40 модныхъ картинокъ стоятъ болѣе 8,000 рублей. Какимъ же образомъ при *Вѣстникѣ Парижскихъ модъ* будутъ давать картинку за 30 копѣекъ мѣдью, когда одна иллюминовка такой картинки не дешевле 30 копѣекъ, если на ней двѣ фигуры, какая нибудь мебель и нѣкоторыя уборы дамъ посеребренны, или позолочены? Положимъ, что станеть печатать его на первый разъ 1200 экземпляровъ: печатный на веленовой бумагѣ листъ не обойдется ему менѣе 95 рублей, 19 же листовъ почти въ 1800 рублей.

А. Кораблинскій.

2000 Ноября,

1835.

С. П. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МЛАДЕНЕЦЪ.

Надъ игривыми водами
Въ небѣ свѣтится луна,
Сыплеть брызги облаками
Серебристая волна.
Зыбь морскую разсѣкая
Вдалекѣ плыветъ челнокъ;
Мчится, парусомъ играя,
Въ немъ младенецъ одинокъ.
Беззаботный, щастья полный,
Онъ съ улыбкою глядитъ
На бушующія волны,
Какъ въ нихъ пѣнится, шумитъ,
Серебрясь, съдая влага,
И бросаетъ уплывъ челнъ.
Въ немъ, невинномъ, естъ опвага —

Не спрашится смерти онъ
И бѣды не понимаетъ;
Жизнь и смерть ему равны.—
Онъ не чувствуетъ, не знаетъ
Ничему еще цѣны.
И опиваги, щасья полный,
Изъ лепучаго челна
Онъ готовъ прилечь на волны,
Какъ на пухъ, на ложь сна.

Изъ Галанинъ.

Сентября 1854.

О М О Н И М Ъ.

Живу въ порахъ,
Въ рѣкахъ;
Я чѣренъ, но за столъ коль къ людямъ попадаю:
Тогда мундиръ я красный надѣваю.
Я немочь чѣрная, смертельная; когда
Въ чѣе шло я вопьюсь: тогда
Его въ клочки я разрываю;
Спрадальда до смерти всегда я загрызаю.

Въ No 96-мъ, помѣщенный логотифъ значить: *Vocef, oucf.*

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Сынъ Природы или уженъ свѣтъ, а не уженъ тьма, комедія-водевиль въ 3 отдѣленія, взятая изъ романа Поль-де-Кока (!!!!). Царство Женщинъ или свѣтъ наизворотъ, водевиль въ 2 дѣйствія, переводъ съ Французскаго Гг. Де-шаго и Ку-кова. *Бенефисъ г. Живокини.*

Временный издатель *Молвы* Виссаріонъ Григорьевичъ *Бѣлинскій* не принадлежитъ къ цѣху *Сиговыхъ*, *Гурьяновыхъ*, *Оолиныхъ*, Александра *Потапова*, Александра *Никитина*, Александра *Анфимыча Орлова*. Не пакимъ описалъ его и другъ его В. А. *Ушаковъ*. Онъ гораздо всѣхъ ихъ пограмотнѣе. Онъ только поставилъ себѣ за правило поблажать искаженному вкусу А***, Б***, В***, Г***, Д*** и всѣмъ буквамъ Русской азбуки. У него *Ломоносовъ*—педантъ; *Державинъ*—вялый прозаикъ; *Петровъ* въ своихъ одахъ холоденъ; шутки *Богдановича*, по его мнѣнію, грубы и глупы; стихи *Батюшкова* дерупъ

уши, морозятъ души; *Марлинскаго* онъ называетъ бездарнымъ, *Жуковскаго* порядочнымъ переводчикомъ съ Нѣмецкаго. Богъ съ нимъ! Быть не онъ одинъ пишеть на выворотъ. Нынче мода ходишь вверхъ ногами, здравый смыслъ перевернуть на изнанку!!! А вопъ оспрывокъ, копорый, ей Богу, не худо написанъ. Прочтите сами, если мнѣ не повѣрите!

«Я давно уже не былъ въ театрѣ, разумеется, по разнымъ недосугамъ; бенефисъ г. *Живокини* взмапилъ меня. Въ самомъ дѣлѣ, г. *Живокини* аршистъ съ истиннымъ паланпомъ, и когда не кривляется для угожденія райку (я даю этому слову обширное значеніе), то его умная, обдуманная игра доставляетъ зрителямъ большое удовольствіе. Я разъ пять былъ на водевилѣ: «*Хороша и Дурна*,» и не откажусь еще быть двадцать разъ, и все для г. *Живокини*, хопя эпотъ водевилъ и всѣми актерами играется прекрасно. И такъ, я прочелъ афишку и подумалъ: «Вечеръ наслажденія, добродушной веселости, благороднаго удовольствія! Гмъ!.. но комедія-водевилъ, передѣланная изъ неблагоприспосойнаго романа *Поль-де-Кока*?.. Однако-жь, подумалъ и пошелъ. Опкрывается занавѣсъ—и театрѣ исчезаетъ и уступаетъ свое мѣсто балагану... А прогос! Не случилось ли вамъ когда нибудь приглядываться къ шпукамъ паяцовъ и прислушиваться къ ихъ оспроумнымъ шпукамъ? Мнѣ случалось, потому что я люблю иногда посмотришь на нашъ добрый народъ, въ его веселыя минуты, чтобы получить какія нибудь данныя на щепъ его эстетическаго направленія. Теперь я могу удовлетворять моей наблюдательности и всегда и ближе, не дожидаясь Масляной и Святой недѣли и не ходя на Москву рѣку и Подновинское... Но пока еще не о томъ дѣло. Посмотрите: вопъ паяцъ на своей сценѣ, п. е. на подмосткахъ балагана; внизу, передъ балаганомъ пьма эстетическаго народа, ищущаго своего изящнаго, своего искусства; оспроты буфона сыплются какъ искры отъ огня; все смѣется добродушнымъ смѣхомъ; въ полпѣ видѣнъ Тапаринъ. «*Эй, кричишь ему паяцъ, вѣ, ннлзъ, поди, я припеку тебѣ пукли!*»

Земля и небо потряслись отъ хохота. Какъ вамъ эпо покажется? *Жюль-Жаненъ* говоритъ, что современный Французскій театръ представляется въ лицѣ паяца *Дебюро*: гдѣжь бы онъ спалъ искапъ нашего? Въ доброе спарое время, въ эпо время холоднаго классицизма, пѣвучей декламации, въ эпо время, наперсниковъ, проевъ добродѣтели, злодѣевъ, опекуновъ, горничныхъ, любовниковъ, въ эпо доброе спарое время, говорю я, театръ понимали лучше. Идеи объ искусствѣ не было; цѣль была забава; но забава благоприспосойная, умная, благородная, приличная, забава людей образованныхъ. А теперь?.. Теперь идея искусства только на журнальныхъ оберткахъ и афишкахъ, но въ художественныхъ произведеніяхъ и на театрѣ ея и духу нѣтъ. Но мы все-таки въ выигрышъ противъ нашихъ дѣдовъ: мы въ театрѣ какъ дома, нѣтъ! что я сказалъ! мы въ театрѣ, какъ... какъ... право не знаю, гдѣ!.. Къ чорту приличіе, долой благоприспосойность! Эпо классицизмъ, а мы романтики. Зачѣмъ намъ *Молера*! онъ классикъ! Давайте намъ *Поль-де-Кока*—онъ романтикъ! Да, мы не хопимъ лицемѣрить, давай намъ жизнь, какъ она есть, безъ прикрасть; природу пельзя украшай! давай намъ жизнь, какъ она есть на площадяхъ, на рынкахъ, въ харчевняхъ, въ романахъ *Поль-де-Кока* и въ Фантасмическихъ Путешествіяхъ барона *Брамбеуса*!... А что дѣлается на Французскомъ театрѣ? Развѣ памъ не даютъ водевилей, содержаніе которыхъ вертятся на... говорите вы. Такъ, но памъ въ самой неблагоприспосойности есть благоприспосойность, есть грація, которая хопъ сколько нибудь выкупаешь отсутствіе приличія. Помните ли вы басню *Крылова*: Осель и Собака?... Перенимають надо умбючи. И такъ, слава намъ! нашъ театръ уже не пародія на жизнь, а представленіе самой жизни, такъ какъ она есть, жизни на распаху, безъ... слава намъ!.. Сколько чудесъ было въ бенефисѣ г. *Живокини*! Нѣтъ, никогда не забуду я бенефиса г. *Живокини*! никогда не забуду я, какъ г. *Живокини* жаловался королеву, что его... что его... лишили невинности, и кто же? дама, ми-

ниспръ внупреннихъ дѣль... Никогда не забуду я, какъ королева (г-жа *Рѣпина*) и ея министры обольщали на сценѣ мушницъ, совѣщывали имъ оставить застѣнчивость, приличную нѣжному мужскому полу... я думалъ, я ждалъ, что все до конца пойдетъ наизворопъ; къ несчастію, эпого не было; видно оставлено до слѣдующаго бенефиса г. *Живокини*. И такъ, г. *Живокини* со слезами и съ спыдливостію (испивно Арепинскою) жаловался на насиліе, а въ ложахъ хлопали, въ креслахъ хлопали, раекъ просто поржеспивовалъ и въ немъ почно былъ рай... И вопъ оно, по высокое и божеспивное искусство, которое возвышаетъ душу, волнуешь сердце благородными, человѣческими ощущеніями, которое преобразаетъ человеческую жизнь и возноситъ нашу мысль къ идеи всеобщей жизни!.. Милоспивые государи, у насъ нѣтъ высокой комедіи, у насъ одна только комедія «Горе отъ Ума;» ну, на нѣтъ и суда нѣтъ; но если наши комики, водевиллисты не могутъ постигать высокаго комического, какъ постигалъ его *Грибодовъ*; если они не могутъ клеймить ничтожеспиво и эгонзмъ печатію позора, почему же бы имъ не издѣваться добродушно надъ нашею домашнею жизнію, нашими повседневными отношеніями, но смѣяясь оспро, умно и благоприспосойно?.. Если у насъ только одна комедія, по давайте намъ хопъ *Богачиновыхъ*, *Добрыхъ Малыхъ* или *Сору* двухъ сосѣдовъ: эпо все лучше...»

M O D E S.

Décidément, les chapeaux seront cet hiver très bas de forme, et la passe évasée et descendant sous le menton. Ma cousine en a fait provision chez Mme *Larochelle*. — Un est en velours *brun-Pompadour*, orné de deux plumes *fond brun-Pompadour*, bordées de petits anneaux *bleu-Raymond*; les rubans de satin *fond brun liserés de bleu*;—un autre en satin scabieuse, les rubans de satin en même couleur, liserés de vert laitue, orné de trois plumes *scabieuses* bordées de vert. Il vient d'apparaître chez MM. *Narey, Brousse, Delisle*, une nouveauté exclusivement destinée aux femmes de la haute classe de la société, par son élégance et sa valeur: ce sont des *mantelets-cachemire* fabriqués exprès pour cet usage, à dessins turcs. C'est le

vêtement le plus *comme il faut* qui se puisse voir; il remplace les pélerines, et peut se porter sous les châles et les manteaux. Les plus distingués m'ont paru être les noirs. Les palmes qui entourent le rond de la pélerine et les passes sont d'une richesse de dessin dont on ne pourrait assez faire l'éloge; c'est une des plus jolies modes qu'on ait vues depuis longtemps. J'ai exploré ce même jour le magasin de M. *Narey*, qui contient de bien belles choses, entre autres le *satin cachemire-sergé*, dessin imitant la porcelaine et la laque; le *bazin des Indes*, fond blanc et fond de couleur, ayant sur le foulard l'avantage de la solidité; le *ramboureck*, étoffe de cachemire et soie brochée; le *satin damassé*, à grands carreaux et fleurs brochées: c'est magnifique pour manteau. Un manteau tout fait a particulièrement attiré mon attention: il était en *mérinos-cottingue*, doublé en flanelle ponceau. Rien de plus élégant, de plus léger et de meilleur goût. Ce manteau pourrait marcher de pair avec un charmant châle de *cachemire d'Écosse* à petits carreaux et simple baguette. C'est la mort des *tartans* que ces jolis châles.

Adieu, ma bonne sœur; à vous de cœur et d'âme — *Sarah*.

Coiffures.—Robes de crêpe ornées de rubans.

М О Д Ы.

Рѣшительно, шляпы нынѣшней зимою будутъ съ низкими пулями, поле открытое, спускающееся подъ бороду. Моя двоюродная сестра за- паслась ими у г-жи *Larochelle*: Одна бархатная, цвѣта *brun-Pompadour*; съ двумя перьями, средина *brun-Pompadour*, а по краямъ мелкія колечки цвѣта голубаго *Raymond*; ленты апласныя, средина темная, каѣмки голубыя; — другая шляпка

апласная, цвѣта *scabiense*, апласныя ленты такого же цвѣта, съ каѣмками зеленого щевелеваго цвѣта, съ тремя перьями цвѣта *Scabiense*, съ зелѣными краями. У г-дъ *Narey*, *Brousse*, *Delisle*, показалась новостъ, исключительно для дамъ высшего класса общества, по своей щеголеватости и цѣнѣ: это *маитили-кашемировья*, выдѣланныя нарочно для этого употребленія, съ Турецкими узорами. Больше *comme il faut*, какъ эта одежда, нельзя ничего видѣть; она замѣняетъ пелеринки, и можешь надѣваться подъ шали и плащи. Самые оплчные мнѣ показались черныя. Пальмы, окружающія пелеринку и концы чрезвычайно богатыхъ узоровъ, заслуживаютъ полную похвалу: это одна изъ красивѣйшихъ модъ, какая показывалась съ давняго времени. Я въ этошь же день была въ магазинѣ г-на *Narey*, у котораго есть прекрасныя вещи, между прочимъ апласъ *cachemire-sergé*, узоръ на подобіе фарфора и лаковыхъ работъ; *панисфасъ Индійской*, съ бѣлымъ грунтомъ и цвѣтнымъ, имѣющій передъ фуларомъ выгоду прочности; *ramboureck*, матерія кашемировая, шелкомъ зашканная; камчатный апласъ, съ большими клѣпками и зашканными цвѣтами: это великолѣпно для плаща. Готовый плащъ особенно привлеке мое вниманіе: онъ былъ изъ мериноса-*cottingue*, подложенный пунцовою фланелью. Ничего не можешь быть щеголеватѣе, легче и лучшаго вкуса. Этошь плащъ можетъ стать на ряду съ прелестною шалью *cachemire d'Écosse*, съ мелкими клѣпками изъ проспыхъ палочекъ. Эти красивыя шали смертъ *тартанамъ*.

Прощай, добрая моя сестра, швоя душой и сердцемъ *Sara*.

Добавочная картинка модъ No 4. Прическа. — Креновое платье съ лентами.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду будутъ издаваться и въ наступающемъ 1836 году. Планъ остается прежній, по ешь: каждую Среду и Субботу будетъ выходить по листу печатному, а всѣхъ въ годъ 104 листа или номера. Чрезъ каждые 9 дней господа подписчики получаютъ по картинкѣ новѣйшихъ, съ послѣднею почтою полученныхъ модъ, модныхъ мебелей, вещицъ, экипажей, платьевъ, шляпокъ, чепцовъ, и пр. и пр. Всѣхъ же картинокъ въ годъ 40.

Исправность, съ какою выходили *Новости Литературы* и *Славянинъ* съ 1822-го по 1831-ой годъ, и *Литературныя Прибавленія* въ 1831, 1832, 1833, 1834 и 1835 годахъ, ручается почтенной Отечественной Публикѣ за вѣрное и своевременное полученіе листковъ сей газетъ сапирической, крипической, модъ, театровъ и словесности. — С. П. Б. 1835, Декабря 2 дня.

Издатель, Спашскій Совѣтникъ и кавалеръ *А. Воейковъ*.

С. Петербургъ. — Въ Типографіи Главнаго Управленія пушей сообщенія и публичныхъ зданій. —

Печашать позволяется: 30 Ноября 1835 года. — Ценъ рубъ *А. Никитенко*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 98.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 7 ДНЯ 1835 ГОДА.

Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ опоздалось!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРИАНА ШИМО.

(Повѣсть).

Домъ *Капрона*, спараго каноника, бывшаго прежде аптекаремъ, по чистопѣ и порядку, щитался первымъ въ цѣломъ Камбрѣ;— по крайней мѣрѣ такъ, съ гордосцію, говорилъ самъ хозяинъ.

Но, знаете ли, почему домъ *Капрона* пользовался такою славою?— Потому, что имъ управляла *Маріана Шимо*— идеаль ключницъ и казначей, олицетворенный въ ея образъ.

Почти ровесница семидесятилѣтнему господину своему,—древняя дѣва эпа, не смотря на старость, сохраняла во всей силѣ и свѣжести ту непреодолимую спраспъ къ чищеню и обшираню, съ которою, я думаю, родятся вообще всѣ Фламанки. Вставая съ разсвѣтомъ, *Маріана*, засучивъ по локоть рукава, вооружась щеткою, и держа въ другой рукѣ ведро съ водою—лила еѣ большими попоками на кирпичный полъ, и съ неутомимою дѣятельностію мыла, перла, чисти-

ла красныя плиты, до тѣхъ поръ, пока онѣ подъ искусною рукою ея принимали опять прежній глянецъ и цвѣтъ свой. Правду сказать, эпо опмѣнное стараніе ея о чистопѣ, наполняло домъ чрезвычайною сыростію; но за то вы не увидѣли бы въ немъ ни пылинки, ни пятнышка: такъ всё было тамъ свѣтло, чисто и опрятно. Въ сѣняхъ и на порогахъ каждой двери разосланы были рогожи, чтобъ обширать ноги—и никто изъ входящихъ не могъ безъ того войти въ комнату;—если же кто нибудь забывалъ или не хотѣлъ покориться этому уставу, тогда *Маріана*, смотря на званіе гостя, говорила ему съ большею или меньшею учтивостію: не угодно ли вамъ, сударь, обшереть прежде сапоги ваши?

Вымывъ полъ, *Маріана* принималась за мебель—выбивала еѣ, обметала, выширала, вошила дерево—и дѣлала его свѣтлымъ какъ зеркало; потомъ выпрясала она занавѣсы—расправляла ихъ, выбивала на дворѣ ковры—запопляла печи, и когда всё было прибрано, уставлено, выскреблено,—спановилась по среди комнаты—сложивъ руки, и обращая вокругъ себя довольный, но наблюдательный

взоръ, опъ котораго не могла ускользнуть пылинка. Увѣрившись наконецъ, что въ созданномъ ею порядкѣ ничто не нарушало общей гармоніи, она нѣсколько времени оспивалась въ какомъ-то созерцательномъ бездѣйствіи, какъ бы удивляясь себѣ въ пвореніи своемъ—и потомъ уходила въ свою свѣтлицу—занявшись упреннимъ шулетомъ.

Спустя четверть часа сходила она опять внизъ, въ бѣломъ какъ снѣгъ капотѣ, выглаженномъ, выправленномъ какъ съ иглочки, въ тонкомъ баписповомъ чепчикѣ, перебранномъ на лбу мелкими складками и надѣпомъ на щипательно напудренные букли; она вынимала изъ шкафа фарфоръ, готовила шоколадъ для господина, а потомъ входила въ спальню его.

— Здравствуйте, сударь, хорошо ли вы почивали?—говорила она ему, присѣдая и съ видомъ самодовольствія.

Каноникъ подымалъ съ подушки огромную свою голову и отвѣчалъ съ веселою улыбкою:

«Хорошо, *Маріана*; очень хорошо!» И поздри его расширились, вбирая въ себя благоуханныя испаренія шоколада; руки дрожали опъ удовольствія, принимая опъ *Маріаны* огромную чашку.

Пока онъ завтракалъ, *Маріана* открывала спавни, подымала споры, гасила ночную лампаду, и клала на кресла возлѣ кровати—вапочный шлафрокъ и красныя бархатныя пуфли, которыя сама она вышила золотомъ. Потомъ спановилась съ подносомъ у постели и ждала, пока господинъ ея опорожнитъ чашку.—Выпивъ еѣ до дна, *Капронъ* склонялъ опять голову на подушку, какъ человекъ, который уснулъ опъ того, что ѣлъ много и съ жадностью.

«Что новаго *Маріана*?» говорилъ онъ опдохнувъ.

И *Маріана*, продолжая убирать и обметать комнату, рассказывала ему всѣ спленни околodka, — что обыкновенно продолжалось часовъ до десяти.

—Ахъ, Господи! ужъ бѣетъ десять!—говорила она тогда съ удивленіемъ.—Вспаньте, сударь, поскорѣе, а по мнѣ не поспѣть на рынокъ.—

Каноникъ вздыхалъ, попягивался, зѣвалъ, и нехотя, но съ смиренною покорностью, продѣвалъ руки въ рукава шлафрока, который подавала ему *Маріана*, и всовывалъ дюжія ноги свои въ теплыя и мягкія пуфли; потомъ вспавалъ медленно — и съ видомъ усталости, опускался въ большія кресла съ подушками, придвинутыя *Маріаною* къ камину.

Удосповѣрясь, что господинъ ея не нуждался болѣе ни въ чемъ, и что она могла оставить его на короткое время, *Маріана* надѣвала манпилью и бѣжала на рынокъ.

Искупивъ всё нужное, возвращалась она въ одиннадцать съ четвертью, ровно къ тому времени, когда была пора снять съ очага горшокъ, который кипѣлъ на немъ съ семи часовъ утра; послѣ чего она шла въ свѣтлицу—надѣвала фаршукъ и принималась за спрянню.

Въ это время *Капронъ*, положи ноги на рѣшетку камина, читалъ пракпапъ о фармакопей; но нерѣдко прерывалъ чтеніе свое, чпобы вдыхать въ себя соблазнительный ароматъ, несшійся изъ кухни.—Иногда *Маріана* входила зачѣмъ нибудь въ спальню, и тогда онъ спрашивалъ у неѣ съ робкимъ любопытствомъ:

«А что будетъ у насъ сегодня за обѣдомъ, милая *Маріана*?»

—О, сударь! вы будете нынче славно кушать!—отвѣчала она съ гордостью.

«Напримѣръ?»

— А вопъ напимѣръ — какая похлѣбка! она варится съ семи часовъ. Потомъ дупели; во всемъ рынкѣ я нашла ихъ только въ одной лавкѣ, и зашлавила не очень дорого, хопя рѣшилась достать ихъ—во что бы по ни спало.—

«Дупели, *Маріана*!» говорилъ *Капронъ* облизываясь и мысленно пожирая ихъ.

—Да, сударь! дупели, да еще величиною съ мой кулакъ; да какіе жирные! какіе нѣжные!—

«Ну что-жъ еще будетъ, *Маріанушка*?»

— Зѣвно свѣжей сѣмги.—

«Свѣжей сѣмги! свѣжей сѣмги!.. ахъ, не ужъли!» восклицалъ спарый обжора почпи со слезами и задыхаясь опъ радости.

— А на закуску, сударь, я купила вамъ миндальнаго пирожнаго, которое вы пакъ любите.—

«*Маріанушка!* другъ мой! ты добрая и честная душа—и я не забуду своего испытаннаго усердія!... а въ какомъ часу будемъ мы объѣдать, душенька?»

— Какъ всегда, сударь, ровно въ часъ; какъ будто вы не знаете?— отвѣчала она голодомъ оскорбленнаго самолюбія.

«Ну, ну, не сердись!.. Что этакъ негодяй *Лагустъ* нейдетъ по сю пору? вѣдь я не успѣю ни выбраться, ни одѣться къ обѣду.— Онъ вѣчно заставляетъ меня дожидаться.»

Лагустъ пришелъ, выбрилъ его, одѣлъ, наговорилъ съ коробъ всякаго вздору, и пѣлъ сократилъ для него скучное время ожиданія. Наконецъ билъ часъ—часъ и одна минута—двѣ—три минулы, но *Маріана* не шла дожидать обѣда.—*Капронъ* перелъ першнѣ и не зналъ что думать. «Ну, слава Богу, вопъ она!» кричалъ онъ съ радостію, увидя ключницу, и, опираясь на ея руку, брѣлъ въ столовую.

Маріана завязывала салфетку на груди господина, наливала ему пивъ, рѣзала мясо, повворяя, чтобы онъ ѣлъ не шоропясь и хорошенько пережевывалъ куски. Послѣ обѣда отводила она его въ маленькую его гостиную, гдѣ онъ обыкновенно засыпалъ на короткое время.

Между пѣмъ скаперъ была снята, споль доставленъ къ спѣнѣ, кухня убрана, посуда перемыта, вычищена за-ново и разспавлена чинно по полкамъ. Послѣ чего *Маріана*, одѣтая по праздничному, садилась возлѣ господина съ чулкомъ и ждала, пока онъ проснетъ и скажетъ, что время итти къ г-ну *Фремери* на пикешъ или марьяжъ.— *Маріана* всегда провожала его, и потомъ возвращалась домой готовивъ ужинъ.

Какъ же скоро било 8 часовъ, она брала фонарь и шла за господиномъ, который, подкрѣпивъ себя легкою пищею, уходилъ въ спальню. Тамъ ключница раздѣвала его, надѣвала ему на голову теплый бумажный колпакъ; клала подъ одѣяломъ, на согрѣтую жаровнею постель, кувшинъ съ горячею водою, обернутый въ салфетку, потомъ укла-

дывала *Капрона*, какъ нѣжная мать укладываетъ милаго ребѣнка; засвѣчала лампаду, гасила свѣчу, и низко присѣдая, говорила ему *добрая ночь, сударь!*

Но *Капронъ* не всегда отвѣчалъ на это привѣтствіе, потому что въ это время онъ по большой часпи спалъ уже крѣпкимъ сномъ.

Такъ болѣе двадцати лѣтъ прожилъ каноникъ съ спарою своею ключницею, и жизнь его текла единообразно, спокойно и щасливо. *Маріана* берегла, нѣжила, баловала его какъ ребѣнка! Долговременная привычка внушала сердцу доброй спарушки все то, что можетъ внушить молодой женщинѣ спрасъ самая пламенная. *Маріана* любила господина своего всею душою, любила съ самоопверженіемъ, думала о немъ ежеминутно, и безпрестанно изыскивая средства угодить ему. Видѣ неудовольствія или безпокойства на лицѣ его, былъ для неѣ мучительнѣе самаго большаго безпорядка въ комнапахъ; цѣлые дни, и даже ночи, ломала она себѣ голову, чтобы выдумать что нибудь новое для *добраго господина*, и надобно было видѣть, какъ блесплы маленькіе глаза спарушки, видѣть таинственную улыбку ея, когда она приговоривъ что нибудь неожиданное для каноника, хотѣла, чтобы онъ вдругъ замѣпилъ это—и скрывала слезу радости, когда онъ, удивленный нечаянностью, благодарилъ еѣ за вниманіе. Иногда замѣняла она немного жесткое изголовье его подушкою съ леблѣжимъ пухомъ; иногда, когда онъ накануне жаловался на холодъ и сырость опъ пола, она постилала передъ каминомъ мягкій и теплый коверъ.— Разъ вечеромъ сильный вѣперъ, проходя сквозъ щель двери, задувалъ свѣчу. На другой день щель была законопачена, и свѣчка горѣла ясно и хорошо. Такимъ образомъ *Маріана* неуспѣно заботилась о томъ, кто былъ для неѣ все, и для кого не щадила она ни покоя, ни здоровья, ни даже жизни.—*Господинъ Капронъ удивится и будетъ доволенъ.* Въ этой мысли заключалась для неѣ награда за всѣ труды ея—за всѣ пожертвованія!

Хотя попеченія *Маріаны* не могли опдалить опъ *Капрона* неизбѣжныхъ слѣдствій лѣтъ и драхлости, но, благодаря имъ, онъ

по крайней мѣрѣ не чувствовалъ всей ихъ жестокости. Когда на примѣрѣ началъ онъ спаниваться крѣпокъ на ухо, тогда она спала говорить съ нимъ громче, и пихонько просила всѣхъ друзей его, подражать ея примѣру. — *Капронъ* не подозрѣвалъ постепеннаго своего ослабленія и даже часпо говаривалъ, что еслибъ не подагра, которая иногда бросалась ему на ноги, то онъ щипалъ бы себя почти молодымъ человѣкомъ; когда же у него совсѣмъ почти опіялись ногти, то и тогда *Маріана* нашла средство успокоить его, увѣряя, что это было ничто иное, какъ легкій подагрический припадокъ, отъ котораго онъ избавится въ короткое время: хотя бѣдный спарикъ былъ уже болѣе десяти лѣтъ разбитъ параличемъ!

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ*).

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ превосходной ученой книжки:

ОПЫТЪ О КОЖАНЫХЪ ДЕНЬГАХЪ,

сочиненный извѣстнымъ Русскимъ любителемъ древностей

С. В. Руссовымъ, въ 1835 году.

Г. Кагеновскій въ NNo IX и X-мъ Ученыхъ записокъ Московскаго Императорскаго Университета на 1835 годъ напечаталъ о кожаныхъ деньгахъ Разсужденіе, которое составлено изъ спашей Вѣспника Европы, помещенныхъ въ немъ тѣмъ же авторомъ въ 1827 и 1828 годахъ.

Въ свое время разбирали мы эти спашы порознь (1); теперь обозрѣваемъ ихъ въ полномъ сочиненіи тѣмъ съ большимъ любопытствомъ, что журнальныя спашы предсавлены здѣсь авторомъ въ другомъ расположеніи, со всѣми возможными дополненіями и примѣчаніями.

1) На стр. 34-й Разсужденія своего Авторъ увѣдомляетъ, — «что мы, разумѣется

Россіяне, не имѣемъ еще *полной*, крипически написанной исторіи.»

Пусть извинитъ насъ почтенный авторъ; мы этому не вѣримъ. Относительно предметовъ, въ разбираемомъ нами сочиненіи находящихся, въ Исторіи государства Россійскаго мы имѣемъ *полную*, крипически написанную исторію. Хотя въ заглавіи она не названа крипическою, но цѣлая половина ея, состоящая изъ разбора разныхъ памятниковъ и чисто изъ исторической крипки, даетъ ей полное право на сіе названіе.

2) На стр. 334 и 335-й авторъ самъ себя спрашиваетъ: какой дадимъ отвѣтъ судѣ неумышленному, «когда онъ попребуетъ опчета: опдѣляли-ль мы показанія дѣписателей о современныхъ происшествіяхъ опъ позднѣйшихъ переписчиковъ? Пользовались ли пособіями Дипломатики при очищеніи достоверныхъ документовъ опъ подлоговъ? Соображали-ль извѣстія о внутреннихъ происшествіяхъ Россіи съ вышедшими изъ горни-ла крипическаго вѣшними извѣстіями о всемірныхъ происшествіяхъ; спарались ли мы обнаружить Хронологическія пайны Русскихъ лѣтописей; знаемъ ли происхождение монетъ своихъ, цѣнность ихъ, опношенія, качество; хорошо ли знаемъ даже самыя ихъ названія?»

Не знаемъ, что авторъ скажетъ лично за себя; а Россійскіе Историки безъ малѣйшаго самохвальства, но смѣло и съ приличнымъ самосознаніемъ отвѣчать могутъ, что ими и сочинителемъ Исторіи государства Россійскаго всѣ вышеописанныя требованія выполнены сполько же, а во многомъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ Европейскихъ государствахъ.

3) На стр. 335-й автору кажется весьма непруднымъ доказать, что «извѣстія баснословныя повторемъ мы охотно, извѣстія ничтожныя о происшествіяхъ, не имѣющихъ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, съ важностію передаемъ въ своихъ Исторіяхъ, иногда слѣпо вѣримъ Хартіямъ XIV вѣка, даже гораздо позднѣйшимъ, симъ хранилищамъ современныхъ вымысловъ, и основываясь на ихъ свидѣтельствѣ, единственно рассказываемъ о важныхъ и неваж-

(1) См. въ Опечиственныхъ запискахъ на 1830 годъ спашью, подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Русскую правду*, и особую книжку, подъ названіемъ: *Опытъ о подлинности Несторовой лѣтописи*, С. П. Б. 1830 г.

ныхъ, ни чѣмъ другимъ не подкрѣпленныхъ событіяхъ вѣка XII и XI и даже X и IX.»

Это иногда случалось, пакъ какъ и во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, и паче съ XVI столѣтія, когда по замѣчаніямъ Шлѣцера, начали попадаться Россіянамъ Польскія, безстыдными вымыслами наполненныя книжонки; но со времени Болтина, Шлѣцера и Карамзина сей упрекъ Россіянамъ болѣе не принадлежитъ: въ Исторіи государства Россійскаго строго отдѣлено все историческое отъ баснословнаго, все прагматическое отъ романтическаго. Можно иногда съ усиліемъ опыскать ошибки маловажныя; но кто и гдѣ безъ ошибокъ?

4) На стр. 336-й автору ни почему не видно, говоритъ онъ, «чтобы Дипломатика щипалась у насъ пособіемъ необходимымъ для опличенія подложныхъ докуменшовъ отъ достовѣрныхъ.»

Ни почему не видно, что это говоритъ авторъ, живущій въ Россіи и понимающій смыслъ слова: Дипломатика? на что же Авторъ Исторіи государства Россійскаго собиралъ изъ всѣхъ библіотекъ и музеевъ, Русскихъ и Иностранныхъ, Воспочныхъ и Западныхъ печатныя и письменныя собранія практашовъ, актовъ и памятниковъ, надъ чѣмъ помилось, или вяло, какъ онъ признается, его воображеніе? На что у насъ напечатаны и печатаются огромныя собранія древнихъ грамотъ и памятниковъ? Эта историческая необходимость хорошо была известна еще князю Щербатову, котораго историческія томы опягчены прибавленіями разныхъ дипломатическихъ актовъ. Самимъ авторомъ замѣченная на стр. 336 перепечатка Смоленскаго договора съ Ригю, была требованіемъ полько Дипломатики (2).

(2) Здѣсь замѣтить нужно, что въ западныхъ государствахъ употреблялось большее вниманіе къ Дипломатикѣ по особымъ причинамъ: Король Шилтерикъ, почитая себя искуснѣйшимъ своего времени поэтомъ и грамматикомъ, предписалъ во всѣхъ областяхъ своего государства исправитъ древнія книги по собственнѣйшей своей орфографіи. Два учителя вздумали поупрямитъ и лишиться ушей. См. Dict. Feod. Par Collin de Planci, T. II, стр. 120. А сколько тамъ книгъ и докуменшовъ сожжено, поддѣано, всего описано не

5) На стр. 337-й авторъ продолжаетъ: «Скандинавія IX, X и XI столѣтія, еще сокрытая во мглѣ темныхъ преданій, служилъ для насъ сокровищницею происшествій историческихъ, удивительныхъ своими подробностями, и слыветъ колыбелью нашего законодательства, а позднія сказанія баснописцевъ Исландскихъ, заимствовавшихъ многія идеи отъ Англовъ, Франковъ и совершенно чуждыхъ Новгороду и Кіеву, мы принимаемъ въ рядъ источниковъ нашей Исторіи.»

Такъ думалъ, писалъ и другихъ хопѣлъ въ томъ увѣришь, не далѣе какъ съ годъ назадъ, извѣстный своимъ фантазіями, баронъ Браубеусъ; между тѣмъ у Россійскихъ историковъ Исландскія сказки почитались проско дѣпскою забавою, и выписывались иногда полько для показанія ихъ нелѣпостей. И почему же всѣ историки Русскіе за барона Браубеуса должны давать отвѣты судѣ неумолимому? Это кажется неправосудно!

6) На стр. 338-й авторъ далѣе упрекаетъ, «что до сихъ поръ мы еще не выикнули и не позаботились объяснить важнаго явленія въ Исторіи, п. е. что въ лѣтописяхъ нашихъ годъ начинается съ Марта, какъ у Западныхъ, а не съ Сентября, какъ у Грековъ, и что во многихъ документахъ лѣтосчисленіе показывается отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра.»

Началомъ лѣтъ съ Марта мѣсяца, въ древнихъ Россійскихъ лѣтописяхъ употребленнымъ, авторъ Разсужденія хочетъ подтвердить свое мнѣніе, будто бы тѣ лѣтописи не могли бытъ сочинены прежде XIV столѣтія, или прежде Уніи, попому, какъ онъ думаетъ, что если бы тѣ лѣтописи сочинены были прежде XIV столѣтія, то бы годы въ нихъ, по обыкновенію Византійскаго духовенства, начинались съ Сентября мѣсяца; но если бы Авторъ практаша читалъ Русскія лѣтописи съ такимъ же безприсраспіемъ и вниманіемъ, съ какими раз-

можно. Русскую землю отъ такихъ несчастій Богъ помилуовалъ: Преподобный Арсеній въ 1506 году, думалъ, что онъ при перепискѣ Евангелія могъ ошибитъся отъ употребленія Новгородскаго нарчія, самъ молилъ всѣхъ ради Бога исправить его погрѣшности. См. ту же самую статью въ Уч. запискахъ стр. 336.

смапривають ихъ Русскіе испорикки, по самъ онъ скорѣ всѣхъ увидѣлъ бы свою ошибку. Западное духовенство временъ Уніи начинало и донынѣ начинаетъ годы съ Января мѣсяца, а въ древнихъ Русскихъ лѣтописяхъ начинались оныя съ Марта почно такъ, какъ было при *Карлѣ великомъ* и его преемникахъ (3); слѣдственно сіе обыкновеніе въ Россіи принято не отъ Уніятскаго духовенства; но принесено Варягами - Русью еще въ IX столѣтіи, а въ XIV уже запрещено Соборнымъ постановленіемъ, послѣ котораго позднѣйшіе продолжители древнихъ лѣтописей спавили или начинали годы уже съ Сентября мѣсяца. Такимъ образомъ начинаніе лѣтъ съ Марта мѣсяца не только не подвергаетъ древнихъ Русскихъ лѣтописей сомнѣнію и не переноситъ ихъ въ XIV столѣтіе, но принадлежитъ къ самымъ неоспоримымъ доказательствомъ, что они составлены почно или въ XI или въ началѣ XII вѣка. Что принадлежитъ до древнихъ документовъ, въ коихъ по увѣренію Автора означено будто бы лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра; то пусть авторъ назоветъ ихъ докуменны по именамъ, а мы надѣмся представить ему также удовлетворительныя возраженія.

Все это относится къ предисловію сочиненія, которое авторъ украсилъ еще любопытнѣйшимъ слѣдующимъ примѣчаніемъ.

7) На стр. 337-й говоритъ онъ: «обычай щитають мягкую рухлядь чепыредесятками

(3) См. *Scip. Coetanei Pithoei 1588. Пар. стр. I, 161.* Можно и должно полагать, что Новгородцы XI вѣка имѣли или употребляли два лѣтосчисленія: первое Варягами - Русью, изъ коихъ нѣсколько было Христіанъ, заимствованное у Западнаго духовенства въ IX столѣтіи, а другое, принесенное въ Россію духовенствомъ Византійскимъ. Это довольно ясно разрѣшается *Остромировымъ* Евангеліемъ 1057 года, въ которомъ праздники (по нимъ раздѣлены Евангеліи) начаты съ Святой Пасхи, а святцы или имена Святыхъ на оборотѣ 102 листа съ Сентября мѣсяца; слѣдственно постановленіе Собора XIV столѣтія сошлось только въ томъ, чтобы и въ гражданскихъ и въ церковныхъ дѣлахъ начинались годы единообразно, т. е. по обыкновенію Византійскому съ Сентября мѣсяца.

или *сороками*, какъ Нѣмцы циммерами (*комнатами*), безъ сомнѣнія принявъ отъ послѣднихъ, т. е. Нѣмцовъ, слѣдственно не въ первой половинѣ XII вѣка.»

Щипали-ль Нѣмцы мягкую рухлядь циммерами или комнатами, мы не знаемъ; но въ Россіи у простаго народа щипаються сороками и деньги: наприм. вмѣсто 1 рубля и 20 копѣекъ, говорятъ: 40 алпынъ; а Московское духовное начальство съ недовѣдомыхъ временъ и официально, т. е. по книгамъ и вѣдомостямъ *сороками* щипаетъ Московскія церкви, наприм. сорокъ Кипайскій, сорокъ Пречистенскій, сорокъ Никитскій, сорокъ Срѣтенскій, сорокъ Ивановскій, сорокъ Замоскворѣцкій: см. книжку подъ назв. *Роспись Московскихъ церквей 1778 года, Москва.* И мы утвердительно можемъ сказать, что Московская Іерархія щепъ церквей сороками не могла заимствовать отъ Нѣмецкой мягкой рухляди.

8) Въ Испоріи гос. Россійскаго т. I, стр. 247, напечатано: *Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей: куницъ, бѣлокъ — слово куны значило деньги.* Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль: замѣнить ихъ мордками и другими лоскутками куньими и бѣлыми (4), какъ по пространно изъяснено въ примѣчаніи 524.—Авторъ Разсужденія, на стр. 16, X-й книжки, выписавъ сіе мѣсто слово въ слово, извиняется на стр. 338, что «Нумизматика наша съ младенческою неопытностью высыпала пучу кожаныхъ лоскутковъ, омрачила ими атмосферу испоріи и закрыла нѣкоторыя свѣтлыя почки въ письменныхъ памятникахъ нашихъ; что басня о кожаныхъ деньгахъ, яко бы государственной монетъ, съ давнихъ временъ владыа умами писателей чужихъ и нашихъ, и мы, вслѣдъ за ними, почно какъ бы околдованные какимъ нибудь безжалостнымъ чародѣемъ, полковали о кожаныхъ лоскуткахъ, о *бѣлыхъ лобкахъ*, о куньихъ мордкахъ. Къ щасію, не кому было шумить надъ нами.»

(4) Это прежде *Карамзина* напечатано полкователями Русской правды, изд. въ 1799 г. см. стр. 19.

Если по извѣстіямъ, самимъ авторомъ пра-
папа приводимымъ на стр. 340, 357, бѣлы
лобки, куньи мордки и другіе лоскупки,
употреблявшіеся у древнихъ Россіянъ и дру-
гихъ народовъ вмѣсто денегъ, упоминаются
въ лѣтописяхъ, граматахъ и даже указахъ,
то кто и какое право имѣлъ шупипъ надъ
ними, если не хопѣлъ бытъ самъ всеобщимъ
посмѣшищемъ? Мы будемъ разсуждать объ
этомъ со всею скромностію.

9) На стр. 339-й авторъ продолжаетъ: «еще
два шага впередъ и справка съ *Дюканжемъ*,
съ *Нарушевигомъ* и *Чаукиемъ*, внимательный
взглядъ на ходъ монетной системы въ сред-
ніе вѣки, нѣсколько соображеній—и мы давно
уже находились бы внѣ очарованнаго круга.»

Историки Русскіе съ *Дюканжемъ* справля-
лись, *Нарушевига* читали, съ графомъ *Чау-
киемъ* бесѣдовали, но мнѣній послѣднихъ двухъ
не приняли вѣроятно потому, что эпи-
два, такъ какъ и самъ Авторъ праппапа,
понимали *Дюканжа* неправильно, особливо
послѣдняго ошибка оказывается изъ ниже-
слѣдующаго.

10) На той же 339 стр. авторъ, думая
доказать, что древніе Россіане употребляли
вмѣсто разнѣной монеты не кожаные лос-
купки, но металлическіе обрѣзки, (рѣзанъ),
упоминаетъ о *брактеатахъ*, повсюду въ Евро-
пѣ употребительныхъ въ средніе вѣки, и
конечно извѣстныхъ всѣмъ Нумизматамъ на-
шимъ; *прибавляетъ за новостъ*, что въ Кіевской
лѣтописи (XIII стол., въ которомъ по мнѣ-
нію его въ Россіи лѣтописей еще не бывало)
не одинъ разъ упоминается о *бретіаницахъ*:
бѣже ту гоповизнины много въ бретіаницахъ,
далѣе и скотницы и бретіаницы (5).
Еще далѣе, на стр. 29-й, Авторъ увѣряетъ,
что онъ въ нумизматическихъ книгахъ съ
шиллингами и фенингами видѣлъ даже изобра-
женія брактеатовъ.

Употреблялись ли въ Европѣ брактеаты
въ смыслъ обрѣзковъ или обломковъ монет-
ныхъ и денежныхъ, мы не знаемъ; но если
бретіаницы, въ Русскихъ лѣтописяхъ упо-
минаемыя, были поже, что Европейскіе
брактеаты: то рѣшительно утверждаемъ,

что они имѣли значеніе совсѣмъ другое. Ка-
кое же? По совѣту Автора праппапа спра-
вляемся съ Словарями и находимъ: *Bractea*
seu brattea, ita enim saepius reperitur in libris
scriptum, από τῆ βραχίειν, i. e. linere, illinere,
dicta est. Latine Bractea tenue auri folium, quo
linebantur olim pedes lectorum, camerae et alia.—
Aurum per varios Bractearum: filorum, quibus
vestes intexebantur, et liquationum, auro enim
liquato deaurabantur pelles et vasa, usus perit.—
Coronis Claudius Pulcher primus bracteas dedit;
in corona nihil non esset aureum, aut deauratum
et caet. То есть брактеа или браптеа, какъ
чаще въ книгахъ употребляется, слово про-
изошло отъ Греческаго: мазать, намазывать.
На Латинскомъ языкѣ брактеаты значатъ
тонкіе листки золота, которыми украша-
лись ножки кроватей, комнаты, и проч., —
золото выходивъ на употребленіе разныхъ
брактеевъ: нипокъ, кои вплетались въ пла-
тья, и въ плавку, ибо плавленнымъ золотомъ
покрывались шапры и сосуды. *Клавдій* (Кра-
сивый) первый къ вѣнцамъ употребилъ брак-
теи, ибо въ вѣнцахъ погдашнихъ ничего не
оставалось не позолоченаго или не золотого,
и пр. Посему мы думаемъ, что въ Русскихъ
лѣтописяхъ XIII вѣка подъ названіемъ *бре-
тіанецъ* разумѣлись не обрѣзки или обломки
монетные, но золотыя и позолоченныя вещи,
златопшканыя одежды и другія украшенія,
называвшіяся на древнемъ Русскомъ нарѣчій
дорогимъ узорочьемъ, которыя въ Нумизма-
тическихъ книгахъ между монетами не изо-
бражались. Для опытныхъ читателей эта
ошибка ничего не значить; но чѣмъ настав-
никъ заплапипъ юношеспву, которое споль
грубую ошибку принявъ, какъ наставленіе
мудрое, разнесло по домамъ родителей; а
для насъ и пого важнѣе, что на сей ошиб-
кѣ основанъ весь праппапъ, нами разби-
раемый.

ЛЮДЯМЪ СВОЙСТВЕННО ОШИБАТЬСЯ.

Одинъ иносранецъ посѣпилъ Фернейскаго
мудреца. Въ разговорѣ, оживленномъ нѣко-
торыми учеными предметами, *Вольтеръ*, ко-
снувшись *Галлера*, называлъ его истинно ве-
ликимъ и добродѣтельнымъ человекомъ.

—Удивительно,—сказалъ ему прѣзжій: что будучи въ Бернѣ, я совершенно пропивный опзывъ слышалъ объ васъ отъ *Галлера*.—«Чему же дивитесь?» отвѣчалъ *Вольтеръ*: «можетъ быть, что въ этомъ случаѣ мы оба, какъ люди, ошибались.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ * * *

Ловлю, ловлю швой взоръ мгновенный,
Но онъ какъ молнья свѣшель, скоръ...
Молю шебя, о другъ безцѣнный,
Останови на мнѣ швой взоръ!
Онъ упишишь мое волнѣнье,
Оно уснетъ въ виду швоемъ —
Какъ Негръ забвенный въ упомнѣнн,
Пригрѣтый солнечнымъ лучемъ!...

И. Бартидискій.

LOGOGRIPHE.

Un habile joueur me pousse avec succès;
Sans queue, on me discute au parlement anglais.

Въ No 97-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Ракъ*.

MODES.

Il y a des choses, vous savez, ma chère sœur, dont on peut dire, quand on les voit commencer, que l'on ne sait où elles s'arrêteront; c'est ce que je puis vous écrire sur la mode aujourd'hui: je ne sais où elle s'arrêtera. Ce grand désir de conquêtes pourrait peut-être lui présager une chute; mais non, si elle est quelquefois languissante, elle ne s'en relève que plus fière. Pour la voir dans tout son éclat, il faut entrer chez monsieur *Delisle*, c'est là où elle a fondé la capitale de ses états, et où elle tient sa cour. Je voulais vous envoyer aujourd'hui une nomenclature, *extrait* des magnifiques choses que contient ce *musée fashionable*; mais il y avait tant de monde que personne n'a pu

disposer de son temps en ma faveur pour m'aider dans mon travail; je suis obligée de remettre cela à ma prochaine lettre.

On voit à l'Opéra, ou aux Bouffes des *pèlerines étoles* en satin bordées de cygne; elles descendent jusqu'à la naissance des manches et le milieu du dos. Ces étoles sont charmantes pour les jeunes personnes avec des robes d'organdi. C'est simple et élégant. Ce mot simplicité, on ne saurait trop le répéter aux jeunes filles. Une robe fraîche, un ruban, une fleur posée avec goût les embellit cent fois plus que tous ces nombreux accessoires dont, hélas, sont obligées de se surcharger celles qui n'ont plus que cela pour attirer les regards.

МОДЫ.

Есть вещи въ свѣшѣ, о которыхъ, какъ ты знаешь, любезная сесипра, можно сказать, когда видишь ихъ начало, что не знаешь, гдѣ онѣ остановятся; это самое могу я написать тебѣ о модахъ: я не знаю, гдѣ она остановится. Эта спрашь къ завоеваніямъ могла бы предвѣщать ея паденіе; но нѣтъ, если она когда нибудь упадетъ, то послѣ приподнимается еще съ большею гордостью. Чтобы видѣть еѣ во всемъ ея блескѣ, надо войти къ г-ну *Делилло*: шупъ основала она столицу своихъ владѣній, и содержитъ свой дворъ. Я хотѣла послать тебѣ сегодня перепись, *экстрактъ* изъ великолѣпныхъ предметовъ, наодящихся въ этомъ *модномъ музеумѣ*; но какъ въ магазинѣ было очень много, то нѣкто не могъ удѣлить времени, чтобы помочь мнѣ въ моемъ трудѣ, и я должна оплошиться это до слѣдующаго письма.

Въ Оперѣ или aux *Bouffes* видны пелеринки *étoles*, изъ апласа, обшитыя лебяжьемъ пухомъ; онѣ спускаются до начала рукавовъ и до середины спины. Эти *étoles* прелестны для молодыхъ особъ съ платьями изъ органди. Это просто и щеголевато. Слово простота, не можно довольно часто повторять молодымъ дѣвицамъ. *Свѣжее* платье, ленца, цвѣтокъ, положенный со вкусомъ, украшаетъ во сто разъ болѣе всѣхъ эшихъ принадлежностей, которыми, увы! вынуждены обременять себя шѣ, кому нечѣмъ болѣе привлечь взглядовъ.

(*Омонимъ сего письма въ слѣд. листѣ.*)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 99.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 50, съ до-
ставкою и пересылкою
85 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 11 ДНЯ 1855 ГОДА.

Когда-бъ всемогущимъ бытъ природа мнѣ судила,
Я-бъ одарилъ тебя любезностью, умою, —
Душъ нѣжныхъ свойствами, пылкимъ лицомъ —
Но, мудрая, она меня предупредила!

Милоновъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРИАНА ШИМО.

(Оюкханис.)

Французская революція сдѣлала попеченія *Маріаны* еще необходимѣе для спараго и дряхлаго каноника.

Капронъ нажилъ имѣніе свое аптекою. Онъ снабжалъ аптекарскими припасами монастыри, которыхъ до революціи было множество въ Камбре; и добрыя монахини обыкновенно осыпали подарками прежняго своего аптекаря. — По уничтоженіи монастырей затворницы разошлись, и *Капронъ* жалѣлъ объ эгихъ несчастныхъ, вынужденныхъ скитаться по свѣту безъ пристанища и пропитанія; но съ эгоизмомъ, свойственнымъ семидесятилѣтнему спарику, онъ сожалѣлъ еще больше о поспилахъ и вареньяхъ, которыхъ прежде получалъ отъ нихъ. Скоро однако-жь *Маріана* научилась дѣлать варенье и сладкіе пироги такъ хорошо, что каноникъ забывъ горе свое, пересталъ говорить о разрушеніи монастырей — и если иногда вспо-

миналъ о немъ, то попому только, что по привычкѣ всѣхъ спариковъ любилъ полицать новизну и выхвалять спарое.

Ужасы революціи, которыхъ сдѣлались жертвою многіе изъ его знакомыхъ, были ему мало извѣстны, попому что онъ, по болѣзни, уже съ годъ не выходилъ изъ комнаты, и что *Маріана*, строго наказывала всѣмъ пріятелямъ господина своего, не говорить ему ни о чемъ, что дѣлалось въ Парижѣ и цѣлой Франціи. — Ослушавшійся подвергся бы опрѣшенію отъ вкусныхъ обѣдовъ каноника, на которые онъ не звалъ никого безъ согласія *Маріаны*. Это было извѣстно всѣмъ, и попому каждый осперегался проговориться; и обѣды *Капрона* были всегда сытны и веселы, не смотря на царство ужаса и всеобщее уныніе и бѣдность.

Но самое бездѣльное происшествіе нарушило мирное блаженство *Капрона*.

Одна изъ старыхъ пріятельницъ его, г-жа *Фремери*, умерла, и нотаріусъ, который писалъ ея духовную, уведомилъ *Капрона*, что покойница завѣщала ему двѣнадцать

серебряныхъ приборовъ и своего попугая, препоручая его особенно нѣжнымъ попеченіямъ *Маріаны*. Ключница съ удовольствіемъ приняла на себя наложенную на неѣ обязанность—и пошла въ домъ покойницы за попугаемъ.

Явленіе этаго гостя было важнымъ происшествіемъ въ домъ каноника. Вычищенную за-ново клѣпку поставили на окно, къ которому *Капронъ* велѣлъ придвинуть кресла свои, и цѣлые дни занимался съ попугаемъ, давая ему куски сахара и заспавляя его болтать всѣми возможными средствами; но птица, вѣроятно удивленная и опечаленная перемѣною мѣста, хранила глубокое молчаніе. Однако-жь, нѣсколько дней спустя послѣ того, въ одно солнечное утро, она вдругъ заговорила, и вы можете судить о радости добраго *Капрона*, когда онъ услышалъ отъ неѣ первую и необходимую рѣчь на попугайномъ языкѣ: *Попинька кушать хогеть*. Не смотря на больныя ноги свои, спарикъ допацился до кухни, чѣобы объявить эту важную новость ключницѣ, и *Маріана* съ дѣтскимъ любопытствомъ приближалась къ клѣпкѣ.

Но попугай такъ разболтался, что, казалось, хотѣлъ теперь вознаградить себя за прежнее молчаніе. Онъ хохоталъ, пѣлъ, говорилъ и свисталъ такъ громко, что его слышно было на концѣ улицы. Добрые спарики не помнили себя отъ радости; они смотрѣли другъ на друга, и не смѣли произнести ни одного слова, чѣобы не перервать словоохотливости попугая. — Давно не было такого веселья въ домъ каноника.

Увы! веселье это продолжалось не долго!— Попугай вдругъ закричалъ изо всей силы:

«Да здравствуетъ король! да здравствуетъ король!»

Маріана чуть не упала въ обморокъ; но чувство опасности возвратило ей разсудокъ; она схватила клѣпку и унесла еѣ на погребъ.

Это уже было поздно!

Сосѣдъ *Капрона*, мясникъ, кабачникъ, и самый ревностный Санкюлотъ, былъ сердитъ

на *Капрона* за то, что *Маріана*, которая прежде забирала у него провизію и заказы—вадала ему сосиски и колбасы, вдругъ отказала ему отъ дому и нашла другаго мясника. Санкюлотъ, услыша преступныя восклицанія попугая, обрадовался случаю отмстить *Капрону* и его ключницѣ, и побѣждалъ объявить о томъ полиціи. Черезъ четверть часа *Капронъ* и *Маріана* были схвачены и опведены въ тюрьму.

Первымъ спараніемъ *Маріаны* было подкупить сторожей, чѣобы еѣ не разлучали съ господиномъ.

Бѣдный каноникъ въ совершенномъ униженіи смотрѣлъ вокругъ себя, не говоря ни слова, и принимая все это за ужасный сонъ.

Маріана развела огонь въ каминѣ и увѣрившись, что постеля господина ея была довольно мягка, и что ему будетъ не очень холодно, если она сверхъ одѣла покроешь его своею мантильею, раздѣла каноника и спала его уговариваешь.

«Намъ, сударь, болясья нечего,» говорила она: «скоро узнають, что мы невинны и выпустятъ насъ отсюда... Чѣобы за бѣда просидѣть здѣсь дни два? Послѣ того свобода покажется намъ вдвое милѣе;» сказала она очень громко, примѣпивъ сквозь дверь свѣтъ фонаря.

Это былъ шкюремщикъ, принесшій имъ ужинъ.

Ужинъ этотъ, за который *Маріана* заплавила дорого, и который она кое-какъ приправила, былъ не совсѣмъ дурень,—и каноникъ, которому *Маріана* чиспенько подала его на постель, скоро забылъ всё горе и проспалъ до 9-ти часовъ утра.

Но въ этотъ часъ его разбудили, чѣобы вести съ *Маріаною* въ національное судище.

Дорогою *Маріана* говорила ему въ полголоса, но такъ, чѣобы жандармы могли слышать еѣ: «Больно мнѣ, сударь, что этотъ глупый попугай надѣлалъ вамъ пакихъ хлопотъ. Я выучила его говорить тихонько

опъ вась, чптобы сдѣлать вамъ удовольствіе и, не смопря на ваше запрещеніе, принесла его опять въ домъ. Я не говорила вамъ ничего попому, чпто вы бы выгнали меня изъ дому, если бы знали, чпто я научила его пвердипть: *да здравствуетъ король*. Вы такъ любите республику.

Бѣдный глухой старикъ не слыхалъ ничего, и былъ слишкомъ удрученъ горестію, чптобы понять великодушное намѣреніе *Маріаны*.

Они вошли въ залу національнаго собранія—и начался допросъ.

— *Капронъ*, знаешь ли ты эпаго попугая?—

Маріана повторила вопросъ, котораго не слыхалъ господинъ еѣ, но измѣнивъ нѣсколько слова:

«Гражданинъ спрашиваетъ, знаете ли вы моего попугая?»

И, усремивъ глаза на господина своего, она съ пренепомъ ожидала отвѣта.

«Да,» отвѣчалъ *Капронъ*, какъ бы невольнo повинувась тайному внушенію *Маріаны*. «Точно, эпо попугай *Маріаны*;» и бѣдная *Маріана* вздохнула свободно.

— Гдѣ она взяла его?—

Капронъ не разслышалъ.—Я уже имѣлъ честь сказать вамъ, чпто онъ принадлежитъ *Маріаннъ*;—отвѣчалъ онъ.

«Точно такъ,» подхватила *Маріана*: «и какъ эпомъ попугай говорилъ *да здравствуетъ король*, и госп... по еспъ гражданинъ *Капронъ*, за то сердился, называл меня аристократкою, и грозясь выгнать меня изъ дому, по я и отдала его покойной г-жѣ *Фремери*; но по смерти ея, мнѣ не куда было дѣвать его, и я взяла его опять къ себѣ, не сказавъ о томъ госп... гражданину *Капрону*, опъ котораго я его спряпала, боясь, чптобы эпомъ спарый Санкюлотъ въ сердцахъ не убилъ бѣдной птицы моей.»

И она нарочно говорила опвернаться опъ *Капрона*, чптобы онъ не разслышалъ словъ ея.

Вдругъ сильное движеніе сдѣалось въ собраніи; кто-то продравшись сквозь толпу,

подошелъ къ балюспраду, опдѣлявшему зрителей опъ членовъ судилища.—Эпо былъ номаріусъ, душеприкащикъ г-жи *Фремери*, который хопѣлъ говорить, и помѣшать *Маріаннъ* жертвовать собою за спасеніе своего господина. Но умоляющій взглядъ ея остановилъ номаріуса, и онъ вмѣшался опять въ толпу.

Судъ, равнодушный къ прекрасному самоопверженію эпой необыкновенной женщины, не понимая и, можетъ быть, не подозрѣвая его, продолжалъ дѣлать допросы канонику, который отвѣчалъ такъ безсмысленно, чпто не могъ запутать себя, и сдѣлать великодушную ложь *Маріаны* пщетною. Онъ былъ оправданъ,—а *Маріана* приговорена къ смерти.

Въ по время, когда судья возвысилъ голосъ, чптобы произнести приговоръ,—она немного засуетилась, чптобы *Капронъ* за шумомъ не вслушался въ сентенцію.—Ей удалась и эпа хипрость.

По обычаю ужасныхъ эпихъ временъ—еѣ потчасъ опвели въ тюрьму, смѣжную съ комнапою палача; а между тѣмъ друзья упалили съ собою *Капрона*, и всѣми силами спарались скрыть опъ него участь *Маріаны*, — о которой бѣдный, спарикъ безпокоился, не видя еѣ возлѣ себя.

Когда палачъ занимался туалетомъ *Маріаны* — въ толпѣ зрителей, пришедшихъ смопрѣшь на эпи ужасныя приготовленія, сподаль человекъ, знакомый ей издавна.

— Послушай,—сказала она ему,—поди опъ меня къ двоюродной сестрѣ моей, *Францискъ Шоме*, и скажи, чпто я желаю, чптобы она опредѣлилась въ ключницы къ господину моему. Онъ добръ, не прихопливъ и возьметъ еѣ, когда узнаетъ, чпто я еѣ прислала.

—Моему господину нужна такал служанка, которая бы знала всѣ привычки его. Онъ любитъ рано ложиться спать, но если подушка его лежитъ низко, по кровь приливаетъ у него къ головѣ, а опъ эпаго можетъ сдѣлаться ему ударъ. О, Боже мой! если-бъ я могла сама повидаться съ *Францискою*, и сама

обо всемъ переговорить съ нею. . . Успѣютъ ли сходить за ней, гражданинъ?—

Палачъ сдѣлалъ знакъ головою, что нѣтъ.

— Ахъ, какое несчастіе . . бѣдный госп. . . .
Капронъ, что будешь съ нимъ безъ меня!—

И её повели на эшафопъ.

Всходя на ступени, она обернулась, чтобы въ толпѣ взглянуть еще разъ на того, кому завѣщала она сообщити наставленія ея *Францискъ*.

Черезъ недѣлю умеръ бѣдный каноникъ; опъ него скрыли, что *Маріана* пожертвовала жизнью своею его спокойствію; но онъ не могъ жить безъ неё—жить не слыша ея голоса, не бывъ окруженъ ея нѣжными попеченіями. Онъ умеръ зова её, чтобы она подала ему лекарство, котораго не хотѣлъ принять изъ рукъ *Франциски*.

И такъ —

Привычка оказала свое геройство—

Привычка имѣла свою жершву.

Какое же, бѣльшее, нѣжнѣйшее пожертвованіе можетъ принести дружба, признательность и даже самая любовь?

Т.

ДВУГЛАВЫЯ ЗМѢИ.

Двуглавыя змѣи должны быть такіе же уроды, какъ двуглавые люди, двуглавые шелята, и пр.

Въ Америкѣ, лѣтъ за десять передъ симъ, на берегу рѣки Черной, близъ ея впаденія въ озеро Онтаріо, поймали трехглавую змѣю; а лѣтъ за пятнадцать нашли на одномъ изъ *Фейскихъ* острововъ змѣю о двухъ головахъ. Она была 9-ти футовъ и 4-хъ дюймовъ длиною: двѣ пары челюстей, двѣ пары глазъ, двѣ совершенно отдѣленныя одна отъ другой головы, равной величины и одинаковаго вида, двѣ равно коропкія шеи, соединенныя перепонкою.

Реди, Французскій естество-испытатель, обстоятельно описалъ двуглавую змѣю, найденную близъ Пизы, на берегу рѣки Арно.

Она жила мѣсяць; правая голова ея умерла семью часами прежде лѣвой.

Въ Болонскомъ музеумѣ есть двуглавая змѣя, также какъ въ Парижскомъ.

Эдвардсъ, въ своей естественной исторіи, упоминаетъ о двуглавой змѣѣ, принесенной къ нему однажды, и о другой, присланной ему изъ Барбадоса.

ЮПИТЕРЪ-БРОДЯГА.

Въ Парижскую Исправительную полицію былъ представленъ 72-хъ-лѣтній старикъ съ окладистою сѣдою бородою и благородною фізіономіею. Онъ, въ теченіе долгой жизни своей, былъ и *Юпитеромъ*-громоверждемъ, и *Агамеллономъ*, царемъ царей и вождемъ вождей, по слѣпцомъ *Велизаріемъ*, знаменитымъ полководцемъ Восточной Римской имперіи. Но земному величію есть предѣлъ. Нашъ *Зевесъ* устарѣлъ—и не годился въ напурщики живописцамъ. Портреты его находились на почетныхъ мѣстахъ въ Парижскихъ картинныхъ галереяхъ, въ разныхъ костюмахъ и подъ разными именами. Люди, съ нимъ встрѣчавшіеся, раскланивались съ нимъ, какъ съ знакомцемъ, только не могли припомнить, гдѣ его видали. *Жарри* (это его прозвище) жилъ весело, ничего не работалъ, а деньги зарабатывалъ. Наконецъ, прошла на него мода! онъ обнищалъ—и схваченъ жандармами, какъ бродяга. Тщетно принималъ онъ видъ умоляющаго *Велизарія*; напрасно хмурилъ брови, какъ *Зевесъ*; его посадили на мѣсяць въ тюрьму, а потомъ опослали въ богадельню. Выходя изъ судейской, онъ спросилъ у предсѣдателя: «Нѣтъ ли въ тюрьмѣ живописцевъ?»

ГРЯЗНОЕ БѢЛЬЕ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

Фридрихъ Великій давалъ иногда *Вольтеру* пересматривать и поправлять свои стихопворенія; *Вольтеръ* вездѣ хвалился эпитомъ, говоря, что король даетъ ему грязное бѣлье свое перемывать. Король, узнавъ объ этомъ, весьма былъ недоволенъ. «Г. *Вольтеръ*,» ска-

заль онъ, увидѣвъ его: «сей часъ принесите мое бѣлье назадъ; я вспомнилъ, что вы часто моему чернымъ мыломъ, опъ эшаго хорошее бѣлье мое можетъ испорчиться.»

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

17.

Французская писательница; избравшая своимъ пседонимомъ названіе *Современница*, описала недавно кабинеты знаменитыхъ Парижскихъ литераторовъ: *Виктора Гюго*, *Дюма*, *Бальзака*, и между прочимъ знаменитаго *Шатобриана*. Она хочетъ насъ увѣрить, будто бы онъ — « всю жизнь притворился изгнанникомъ, даже и въ Лувръ; — будто бы онъ всю жизнь игралъ роль человека тѣснимаго, даже и тогда, когда самъ тѣсилъ династію, которую теперь такъ хорошо оплакиваетъ.»

Современница нападаетъ не на одного *Шатобриана*; но на всѣхъ, кто выше и славнѣе её. Года за два передъ этимъ, написала она мерзкую карикатуру на *Кюве*, *Александра Гумбольдта* и *Шамполіона*. Въпреная молодѣжь посмѣялась надъ великими учеными, а степенные люди съ презрѣніемъ опозвались объ эпомъ пасквилъ, который написанъ грязнымъ слогомъ и имѣетъ цѣлю представити смѣшными мужей, изумившихъ вселенную великими открытіями. *Плутархъ* сказалъ бы о нихъ: Все, что на землѣ владычествуетъ дарованіями и превосходными подвигами, есть небеснаго происхожденія.

Современница клеветаетъ на *Шатобриана*, говоря, что онъ игралъ роль человека притѣсняемаго и гонимаго. Единственный его братъ, невѣстка, почтенный его родитель — погибли на эшафотѣ, мать и сестра опъ слѣдствій долговременнаго и тѣснаго тюремнаго заключенія; замки его были сожжены, а имѣніе разграблено въ то время, когда во Франціи царствовали люди одного образа мыслей съ *Современницею*, когда рука мучителя разрушала не одни замки, но и памятники Вѣры, при проклятіяхъ буйной черни и, такъ сказать, въ присутствіи торжествующаго безбожія.

Современница клеветаетъ на знаменитаго сочинителя безсмертной книги: Духъ Христіанства, увѣряя, будто бы онъ тѣснилъ злополучную тогда династію законныхъ королей своихъ. Онъ оплакивалъ бѣдное свое опечесиво въ дремучихъ пустыняхъ Америки и, сидя на развалинахъ церквей, воскресалъ въ своемъ воображеніи небесныя истины Вѣры и великія воспоминанія церкви, не надѣясь скорого ея возстановленія. Но сей торжественный день былъ ближе, нежели онъ думалъ: Завоеватель Италіи, еще не обогрѣнный кровію герцога *Ангіенскаго*, еще не похититель престола Испанскихъ королей, *Бонапартъ*, вырвалъ бразды правленія у людей гнусныхъ и слабыхъ. Онъ возвратилъ славу Французскимъ знаменамъ побѣдою при Маренго, завелъ порядокъ въ финансахъ, приступилъ къ сочиненію новаго уложенія и изъявилъ ревность возстановити Христіанскую религію. Всѣ изумлены были его великими дѣлами, всѣ полагали, что онъ только временный правитель Франціи, и что онъ, возстановя въ ней благоустройство, возведетъ на престолъ *Лудовика XVIII*, а самъ, подобно нашему князю *Пожарскому*, спанетъ возлѣ прона — для защиты его опъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. *Карамзинъ* также думалъ: прочитайте полипическія спашья его въ Вѣспникѣ Европы 1802 и 1803-го годовъ. Мудрено ли было ошибиться пылкому, несчастному изгнаннику *Шатобриану*? *Бонапартъ* мечъ разрушалъ, а мудрость его создавала. Великія дѣянія, которыми онъ былъ пворецъ, средоточіе и цѣль — казались столь чудными, столь мало сообразными съ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ, что воображеніе людей, набожно вѣрующихъ въ Провидѣніе, видѣло въ немъ нѣчто болѣе, нѣчто выше человека. Знаменитый изгнанникъ почелъ своимъ долгомъ возвратиться въ опечесиво — и спосѣшествовать благотворнымъ намѣреніямъ возстановителя, побѣдоносца, законодателя. Когда же не сбылись надежды друзей добродѣтели, когда побѣдитель при Маренго сдѣлался цареубійцею: тогда *Шатобрианъ* первый бросилъ въ него громы своего краснорѣчія. Въ 1815-мъ году, при насильственномъ

впорженіи *Наполеона*, онъ послѣдовалъ за законнымъ своимъ монархомъ въ изгнаніе, а въ 1830-мъ не далъ присяги нынѣшнему королю Французовъ.

Спыдно *Современникъ* нападать на великаго мужа, а еще спыднѣе не знашь испоріи своего отечества!

А. Кораблинскій.

4-ое Октября

1835.

Село Рыбацкое.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОНЧИНА МУЧЕНИКА.

Улыбкою цвѣшуть уста;
Съ весельемъ, недоступнымъ спрау,
Глядишь на роковую плаху
Сподвижникъ пламенный Христа.
Его душа чужда сомнѣня—
Надежды полонъ крошкѣй взоръ;
Съ святымъ восторгомъ умиленья
Онъ слышитъ смертный приговоръ
И съ горнихъ сладкѣй гласъ привѣліа: —
«Гряди, возлюбленный Христомъ,
«Въ обитель щастія и свѣта!»
И, осынивъ себя крестомъ,
Главу покорную склоняешь.
Топоръ сверкнулъ... и на устахъ
Съ послѣднимъ вздохомъ замираешь
Молишва о его врагахъ.

Фонъ Бейеръ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ изъ жерди тонкой, длинной,
Заостренный съ конца, вбѣшь въ землю прямо, чинно.
Второй мой слогъ, какъ бочка, какъ ушашъ,
Или кадушка;
Но больше ихъ; въ немъ квасъ, вода, сивушка.
А цѣльмигъ, въ бой идя, вооружѣнъ
Башкирецъ и Черкесь, Амуръ и Купидонъ.

Въ № 28-мъ, помѣщенный логотифъ значить: *Bille, bill.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

Подвиги Русскихъ воиновъ въ спранахъ Кавказскихъ, съ 1800 по 1834 годъ. Съ привокупленіемъ биографій главнѣйше замѣательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ первое тридцати-трехлѣтіе Русскаго владычества за Кавказомъ; Историческо-статистическаго описанія мѣстъ, прославившихъ Русское оружіе въ Кавказскихъ спранахъ; 25 портретовъ, видовъ и плановъ сраженій, и общей карты Кавказскаго края, — описанныя Плапономъ Зубовымъ. Томъ первый, часть первая и вторая. — С. П. Б. 1835.

Сія полезная книга, замѣняющая важный промежутокъ въ нашей Военной Библиотекѣ, посвящена генералу графу Михаилу Семеновичу *Воронцову*, на Кавказъ начавшему блистательное воинское поприще.

Въ введеніи авторъ говоритъ:

«Подвиги Русскихъ воиновъ въ спранахъ Кавказскихъ—любопытные факты современной исторіи—до сего времени не были представлены съ историческою полнотою въ общемъ начертаніи. Разбросанные въ видѣ отрывковъ, въ разныхъ періодическихъ сочиненіяхъ, частныхъ запискахъ и официальныхъ документахъ, они были потеряны для многихъ почитателей отечественнаго оружія: ибо не представляли взору общаго очерка, въ составъ коего входили бы и тѣ подвиги, которые не блескомъ громкихъ событий, но примѣрною храброспію начальниковъ и войскъ, ихъ самоопроверженіемъ, необыкновенною доблестію и величайшими успѣхами при малыхъ способахъ, изумляютъ самаго безприсраспнаго наблюдателя.

Имена Закавказскихъ героевъ: князя *Цицианова*, *Котляревскаго*, *Ермолова* и другихъ, произносимыя съ душевнымъ уваженіемъ въ спранахъ, окружающихъ вѣчно-снѣжный хребетъ Кавказа, слишкомъ еще мало знакомы нашимъ соотечественникамъ: пруды, усилія, необыкновенный геній, съ коими они дѣйствовали между воинственныхъ, дикихъ, хищныхъ и коварныхъ племенъ Горскихъ, озаряють ихъ подвиги блескомъ неувядаемой славы. Исполнили великихъ намѣре-

ній Россійскаго Монарха, они извлекли Грузію и сопредѣльныя ей земли, подвластныя Россійскому скипетру за Кавказомъ, изъ спрашнаго анархическаго состоянія; создали ихъ благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвѣщеніемъ и гражданственностію; дали способъ Россіи предвидѣть важныя выгоды отъ ея Закавказскихъ владѣній, и заставили Персію и Азіатскую Турцію препетать Россійскаго оружія.

Новѣйшія событія за Кавказомъ, поставившія имена князя Варшавскаго, генерала *Панкратьева* и барона *Розена* въ рядъ отличнѣйшихъ вождей нашего времени — которыхъ дальновидности и мужество, очертивъ побѣдоноснымъ мечемъ прочныя границы для спокойствія края; устрашили Персію, Турцію, мятежный Дагестанъ и Горцевъ, а истребленіемъ полчищъ *Кази-Муллы* и смертію сего мятежника, водворили прочное спокойствіе, — гораздо болѣе извѣстны отечественной публикѣ, какъ событія болѣе къ намъ ближайшія, громкія и произведенныя съ значительными способами противъ прежнихъ.

Но и подвиги, совершенные на зарѣ Россійскаго владычества за Кавказомъ, не заслуживаютъ того забвенія, коему они преданы. Забвенія, говорю я — и дѣйствительно; многимъ ли извѣстны: блистательный подвигъ *Монтрезора*, удостоенный памятника въ той странѣ, въ которой героическіе подвиги совсѣмъ не рѣдкость; славное опустошеніе генерала *Портнягина*; незабвенный штурмъ *Ленкорана*; необыкновенныя экспедиціи генерала *Ермолова* и другихъ въ горахъ Кавказскихъ, гдѣ, борясь съ природою и племенами, возросшими среди снѣговъ, недосыпая и закаленными въ ежедневныхъ битвахъ, они торжествовали тогда надъ всеми препятствіями единственною силою своего генія. Кто знаетъ съ должною полною дѣйствіемъ генерала князя *Мадатова*, съ горстію войска покорявшаго области и разсыпавшаго страхъ Россійскаго оружія въ неприсутственныхъ дотолъ ущеліяхъ Кавказа; дальновидныя дѣйствія и распоряд-

женія полковника *Коцарева*, изумлявшія Горцевъ и принуждавшія самыя хищническія племена Закубанскихъ Черкесовъ признавать надъ собою верховное владычество Россіи — и тысячи подобныхъ подвиговъ? Причина сему забвенію, какъ я выше сказалъ, есть та, что оныя не заключали въ себѣ громкихъ событій и касались до народовъ, коихъ имена чужды не только Европѣ, но даже и самой Россіи; а кто могъ оцѣнить неисчислимыя выгоды, доставленныя означенными подвигами, кромѣ того, кто видалъ собственными глазами роскошныя и волшебныя страны Кавказа?

Проведя нѣсколько лѣтъ въ Кавказскомъ краѣ, я поставилъ себѣ особеннымъ долгомъ, по мѣрѣ силъ и возможности, предпринять отечественной публикѣ описаніе достопримѣчательныхъ подвиговъ, совершенныхъ Русскими воинами въ Кавказскомъ краѣ въ теченіе перваго 33-лѣтняго періода XIX столѣтія, употребляя всѣ зависящія отъ меня средства сдѣлать описаніе мое полнымъ и достойнымъ вниманія просвѣщенныхъ читателей; посему иногда обозрѣвалъ положеніе края, мѣстные способы онаго и отношенія къ Персіи и Азіатской Турціи, присовокупилъ біографіи главнѣйше замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ томъ краѣ, ихъ портреты, историческо-статистическое описаніе мѣстъ, прославившихъ Русское оружіе за Кавказомъ, съ видами, планами и общою картою края. Я почелъ излишнимъ описывать маловажныя событія, почти ежедневно въ томъ краѣ случающіяся, и довольствовался изображеніемъ только тѣхъ подвиговъ, которые, по относительной своей важности, по слѣдствіямъ, отъ нихъ происшедшимъ и имѣвшимъ важное вліяніе на политическія отношенія — заслуживаютъ почетное мѣсто въ военной исторіи. Успѣли ли я въ моемъ предпріятіи, предоставляю судить просвѣщенной публикѣ, утѣшаясь мыслию, что единственно безпристрастіе и любовь къ славѣ отечества водили перомъ моимъ.»

При сихъ двухъ частяхъ приложены портреты генераловъ: князя *Цицианова*, *Красов-*

скаго, барона *Розена* и генераль-фельдмаршала графа *Паскевича-Эриванскаго*, князя *Варшавскаго*.

Виды крѣпостей: *Дербента*, *Баку* и *Эривани*.

При слѣдующихъ часпяхъ выданы будутъ портреты генераловъ: *Котляревскаго*, *Ермолова*, князя *Мадатова*, князя *Меньшикова* и *Панкратьева*. Виды Закавказскихъ городовъ и крѣпостей: *Тавриса*, столицы *Аббаса-Мирзы*; *Арзерума*, столицы *Анаполи*; *Казыкумыка*, главнаго города ханства того же имени въ северномъ Дагестанѣ; *Карса*, *Ахалыха*, *Гасанъ-Кале*, *Аббасъ-Абада* и первопрестольнаго Армянскаго монастыря *Эмладзина*.

Планы *Ахалыха* *Елисаветпольскаго* сраженія и взятія приступомъ *Хозрека* въ ханствѣ *Казыхумкскомъ*.

Карта Кавказскаго края.

Всѣ изданіе печатается на веленовой бумагѣ. Книги будутъ выходить одна за другою—и всѣ кончатся въ Маѣ 1836 года.

Подписка принимается у *И. В. Слѣнина*, *А. Ф. Смирдина* и *И. Т. Лисенки*, въ новооткрытомъ книжномъ магазинѣ его, въ домѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса.

Цѣна за девять часпей съ портретами, планами сраженій и видами крѣпостей, въ *С. Петербургѣ* 55 р., съ пересылкою во всѣ другіе города 60 рублей гос. ассигнаціями.

M O D E S.

Les manteaux les plus élégans sont en brocart brodé couleur sur couleur. Les manches doublées de velours appareillé sont larges et relevées au milieu. Les devans et le collet également doublés en velours.

Depuis que les femmes ont eu le bon esprit de renoncer aux évanouissemens et aux attaques de nerfs, comme moyen de séduction, les parfums reviennent

à la mode et les boutiques de *Flandin*, *Tessier-Prévo*t et *Laboulée* ne désespèrent pas. Les sachets à l'ambre, les savons musqués vont garnir les toilettes des plus élégantes parisiennes. Ce goût pour les parfums et les sels anglais donne naissance aux plus jolies inventions pour les cassolettes. On en fait de précieux bijoux montés à l'antique que l'on suspend à une chaîne de côté appelée châtelaine. Cela me rappelle le trousseau de clés que portait toujours ma grand'tante *Peggy*. Vous rappelez-vous, *Nancy*, la joie que nous avions à le lui dérober? Hélas! c'était le bon temps, temps de naïve et pure gaîté pour lequel on échangerait bien toutes les joies si arides du grand monde. Adieu, je veux rester en vous embrassant sur ces heureux souvenirs de mon enfance.—*Sarah*.

Pl. No 35. Travestissement.

M O D Y.

Самые щеголеватые плащи дѣлаются изъ парчи, вышитой подъ цвѣтъ; рукава, подложенные бархатомъ подъ цвѣтъ, широки и подобраны въ срединѣ; полы и воротникъ также подложены бархатомъ.

Съ ихъ поръ, какъ женщины сдѣлались благоразумны и отказались отъ обмороковъ и нервныхъ припадковъ, какъ способовъ нравиться, духи входятъ опять въ употребленіе, и въ лавкахъ *Flandin*, *Tessier-Prévo*t и *Laboulée* всегда множество. Подушечки съ амброю, мыла съ мускусомъ, будутъ находиться на пюалетахъ первыхъ Парижскихъ щеголихъ. Этошъ вкусъ къ ароматамъ и *Английскимъ солямъ* даетъ мысль къ прекраснымъ вымысламъ для курильницъ. Изъ нихъ дѣлають драгоценныя игрушки, обдѣланныя въ древнемъ вкусѣ, которыя подвѣшиваютъ на боковую цѣпочку, называемую *châtelaine*. Это мнѣ всегда напоминаетъ связку ключей, которую всегда носила моя бабушка *Peggy*. Помнишь ли ты, *Нанси*, нашу радость, когда удавалось намъ унести еѣ? Увы! это было веселое время, время простодушнаго и *чистаго* удовольствія, за которое променяла бы я всѣ эти безплодныя веселья большаго свѣта. Прощай, я хочу остаться обнявши тебя при этихъ щасливыхъ воспоминаніяхъ моего дѣтства.—*Sara*.

Карш. No 55. Маскераднее платье.

1835.

Маскерадное платье.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 100.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 14 дня 1835 года.

Онъ слова умнаго не выговоритъ съ роду,
Мнѣ все равно, что за него, что въ воду.

Грибодовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ.

Воздухъ былъ чистъ, небо ясно, свѣтлое Валеспадское озеро, краса одной изъ веселыхъ долинь Швейцаріи, роскошно покоилось въ цвѣтущихъ берегахъ своихъ, и легкій вѣтерокъ, дыша ароматами, едва колыхалъ дремлющія его воды.—Природа молчала,—только вдали шумѣлъ водопадъ—или шипѣла волна, разбиваясь о берегъ, когда лодка рыбака покачиваясь на веслахъ, по временамъ плескала водою и брызги съ шумомъ упали съ весель. Иногда съ дикимъ крикомъ пролетала хищная чайка, и зеркало озера отражало длинныя крылья ея, какъ два сѣрые облака, пронесшіяся надъ нимъ по небу.

На лѣвомъ берегу озера, на скалѣ, сплывшей надъ ужасною пропастью, сидѣлъ чловѣкъ лѣтъ тридцати, въ охотничьемъ платьѣ, и, казалось, не только пренебрегалъ, но даже наслаждался опасностію. Опершись на ружьё, онъ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ внизъ на пропавшій берегъ.—Блѣдное лицо, высокій лобъ, осыянный гу-

спыми кашпановыми волосами, благородныя, правильныя, опмѣнно понкія черпы и какалпо неподвижность во всей его физиономіи, придавали ему видъ окаменѣлости, или, лучше сказать, какой нибудь прекрасной мраморной статуи, поставленной художникомъ на этой граничной скалѣ, на этомъ огромномъ и величественномъ пьедесталѣ въ 40 футовъ вышины отъ земли! — — Очарованіе однако-жъ исчезало, какъ скоро горькая и даже злобная улыбка пробѣгала по чертамъ незнакомца, и какъ будто нечаянно оживляла ихъ мертвенность.

Предметомъ наблюденій его была дѣтская забава, на которую смотрѣлъ онъ съ удовольствіемъ. Въ прекрасномъ загородномъ домѣ, на терасѣ, омываемой озеромъ, нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ, по выглядывали, по пряпались за зеленую подвижную стору балкона, какъ за легкое опахало, безпрестанно задергивая и опдѣргивая её.— Во всякомъ другомъ мѣстѣ, при всякомъ другомъ случаѣ, это могло бы показаться приманкою кокетства; но здѣсь—предъ лицомъ проспой, величественной природы, всякое припворство было бы жалкою без-

смысленницею и непонятнымъ пропивуръ-
чиемъ.

«Какое любопытство, *Нина!*» кричали подруги, прелестной шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, которая смотрѣла на что-то внизъ, облокотясь на перилы балкона. «Не наклоняйся, а то онъ увидяшь тебя, и больше не придущь къ намъ.»

— Вотъ, смотри, какъ я дѣлаю! — сказала одна изъ нихъ, пропянувъ и потомъ проворно спрятавъ маленькую ручку свою, полную хлѣбныхъ крошекъ.

Нина спрятала за спору красивую головку свою съ чѣрными кудрями, на которые лучи заходящаго солнца набросали золотую сѣтку.

«Вотъ она! вотъ она!» закричали они въ одинъ голосъ, и всѣ вмѣстѣ сползлись у рѣшѣтки.

— Ахъ, смотри, какъ она блеститъ! ну точно золотая! — и серебристая рыбка, высунувъ изъ воды голову, схватила кусочекъ хлѣба, и потомъ нырнула опять въ воду, плеснувъ по волнамъ перломупровымъ хвостомъ своимъ. Дѣвушки вскрикнули отъ удовольствія.

Но не смотря на безпечную веселость свою, онѣ однако-жь со страхомъ взглядывали на скалу, гдѣ то являлся, но исчезалъ молодой незнакомецъ. И по какому-то тайному предчувствію не говорили другъ другу о боязни своей, но каждая совершенно понимала чувство сестеръ своихъ. Лишь только появлялся охотникъ, онѣ всѣ уходили съ балкона и возвращались, когда онъ прятался.

Нина, которая казалась рѣшительнѣе другихъ, всегда первая подавала примѣръ къ побѣгу, и за нею слѣдовали сестры ея.—На этотъ разъ она хотѣла также бѣжать, но шарфъ ея зацѣпился за рѣшѣтку и потомъ упалъ въ озеро.

Дѣвушки бросились къ балюстраду, и прелестныя головки ихъ уподоблялись въ эту минуту окриленнымъ головкамъ ангеловъ, которые, носясь въ облакахъ, лепятъ на

встрѣчу душъ праведника, опшедшей отъ міра.—Легкое покрывало *Нины* расплывалось по озеру, какъ лебедь, распустившій по волнамъ бѣлыя крылья свои. . . . .

. . . . .

— Ахъ! ахъ! онъ понетъ!.... помогите!

. . . . .

Точно, незнакомецъ вдругъ пропалъ со скалы и—исчезъ подъ водою. ....

Но онъ появился опять у самаго балкона, поймалъ шарфъ, вскочилъ на терасу, положилъ мокрую ткань къ ногамъ дѣвушекъ, бросился опять въ воду, и поплылъ назадъ съ удивительною скоростію. — Не ужьли онъ боялся знакомства съ ними?

Лѣтній вечеръ смѣнялся ночью и на вершинахъ Альпъ догоралъ послѣдній лучъ солнца. Скоро лѣса и горы начали поспешно сливаться съ горизонтомъ, и большая часть долины исчезла во мракъ: дѣвушки всё смотрѣли на незнакомца, который плылъ далѣе, далѣе—и потомъ пропалъ изъ виду.

Въ самое по время, когда случилось это по видимому незначущее происшествіе, я жилъ на берегу Валестадскаго озера, въ сѣдствѣ съ прекрасными сестрами. Красивый сельскій домъ ихъ былъ построенъ въ Италіанскомъ родѣ, по рисунку одного молодого Флорентинскаго живописца, который украсилъ его для себя съ утонченнымъ вкусомъ художника, со всею прихотью роскошнаго воображенія, и — умеръ въ цѣмъ лѣтѣ, проживъ едва нѣсколько мѣсяцовъ въ этомъ прекрасномъ убѣжищѣ.

По смерти его, домъ цѣлый годъ стоялъ пустой, печальный, мертвый — какъ тѣло безъ души. Наконецъ, однажды я увидѣлъ на балконѣ чепырехъ молодыхъ красавицъ въ глубокомъ праурѣ, который являлся не только въ одеждѣ, но во всѣхъ чертахъ милыхъ, прелестныхъ лицъ ихъ, носившихъ печать сердечной горести и невозвратной потери.

Къ эпимъ прогашельнымъ лицамъ присоединялась часпо бѣлая голова почтеннаго спарца, который съ грустною нѣжностію оспанавливалъ печальный взоръ свой на милыхъ сердцу его. Замѣтно было, что въ эпомъ семействѣ недоставало матери, которую смерть вырвала недавно еще изъ объятій его. Они удалились отъ свѣта, чтобъ въ тишинѣ и уединеніи плакать, и молились на свободѣ.

Свѣтскія удовольствія могутъ только разсѣять печаль легкую и ничтожную, какъ онѣ; но душа, исполненная пою великою, священною горестію, которой нѣтъ на землѣ утѣшенія, предается ей съ наслажденіемъ—и бѣжитъ отъ свѣта, гдѣ все постороннее, все чуждое ея скорби, лишь только раздражаетъ еѣ.

Часто, смотря на это жилище печали, я думалъ съ какимъ-то неизяснимымъ предчувствіемъ, что судьба обрекла его быть обителью смерти и горести.—Кто бы сказалъ, говорилъ я себѣ, что эти бѣлыя стѣны, по которымъ вѣтся виноградъ, эти зеленыя деревья, освѣняющія окна, весь эпотъ видъ щаслія, довольства, веселія, скрываетъ рыданіе и скорбь, и что горькія слѣзы орошаютъ эпотъ богатый цвѣтникомъ, который съ такою роскошью распилается передъ домомъ!—Увы, какъ часпо обманчиво все то, что прельщаетъ глаза наши!

Прошелъ годъ праура, посвященный размышленію и горькимъ воспоминаніямъ, и прекрасныя сосѣдки мои спали менѣе грустны и задумчивы; въ это время онѣ увидѣли на скалѣ незнакомца—и я сдѣлался вхожъ въ домъ опца ихъ.

Сиръ *Вильямъ Ралзей*, почтенный и заслуженный воинъ, имѣлъ болѣе 60 лѣтъ;—едва примѣтныя морщины на лбу и побѣлѣвшіе волосы, показывали въ немъ спарца, но необыкновенная свѣжесть лица его, которая поражала въ немъ при первомъ взглядѣ, была доказательствомъ жизни, проведенной въ тишинѣ спростей и среди частыхъ наслажденій добродѣтели.—Большіе голубые его глаза блистали умомъ и добропою, высокій станъ, съ посредственной дородностію, былъ

прямъ и величавъ—и вообще вся наружность его была выраженіемъ прекрасной, благородной и возвышенной души.

Съ глубокимъ чувствомъ говорилъ онъ мнѣ о любви своей къ уединенію и о четырехъ милыхъ дочеряхъ, изъ которыхъ каждая имѣла какое нибудь сходство съ его доброю, незабвенною супругою. Сиръ *Вильямъ* любилъ ихъ всехъ съ равною нѣжностію, и самая пламенная дружба соединяла прелестныхъ сестеръ, разныхъ по характеру, но сходныхъ по сердцу. Онъ съ опмѣннымъ успѣхомъ занимался рукодѣльемъ, музыкою, рисованьемъ, но каждая особенно предпочитала искусство, болѣе сходное съ нравомъ ея и склонностями.

Скоро сдѣлался я коропкимъ человекомъ въ домѣ *Ралзей* и проводилъ тамъ все свободныя часы свои.

Теперь расскажу я вамъ происшествіе, котораго былъ я свидѣтелемъ и которое имѣло гибельныя слѣдствія для милыхъ дѣвушекъ.

Давно дѣвицы *Ралзей* желали предпринять маленькое пупешествіе по Валестаду, и однимъ прекраснымъ упромъ въ Маѣ мѣсяцѣ, все мы сѣли въ небольшую лодку и отправились по озеру.—Время было прекрасное; сестры хотѣли попеременно грести сами, чтобы ускорить движеніе лодки; но скоро упомились и отдали мнѣ весло, въ которомъ впрочемъ не было нужды, потому что лодка неслась почти сама собою. Спаяи пщицъ, кружась надъ нашими головами, бросались съ утесовъ въ озеро, и обмакнувъ въ него крылышки, улетали прочь, или окружали лодку нашу. Благоуханіе горныхъ травъ и кустарниковъ, которое легкой вѣтерокъ приносилъ къ намъ съ берега, мѣшаясь съ влажными испареніями волнъ,—порхало намъ въ лицо прохладою или ласкою чувства, какъ обворожительный ароматъ отъ волосъ красавицы. На землѣ и на водахъ царствовало глубокое молчаніе; оно, такъ сказать, убаюкивало душу и склоняло еѣ къ тихой задумчивости; дѣвицы *Ралзей*, до того веселыя и говорливыя, мало по малу утихли—и все мы сидѣли въ молчаніи, благоговѣя передъ природою.

—Лодка! лодка! — закричала вдруг *Нина*; мы взглянули: по озеру плыль челнокъ пустой, безъ весла, брошенный на произволь судьбы....

«Какъ несчастный сирота!» молвила печальная *Генриета*.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный челнокъ—казалось, съ какою-то кропкою покорностию жребію, неся къ грозной скалѣ — какъ будто зналъ, что тамъ ожидала его погибель.

—Да въ немъ есть что-то!—сказалъ *Яковъ*, слуга сира *Вильяма*, когда мы приблизились къ челноку. Въ эпу минупу показался на руль спранный кормчій—большая, мохнатая охотничья собака, которая начала громко лаять, какъ будто извѣщая насъ о своей опасности и прося помощи. На лай собаки медленно приподнялся человекъ, лежавшій въ лодкѣ и посматрѣлъ на насъ.

«Это онъ! это охотникъ!» вскричали дѣвицы *Рамзей*.

—Точно—это былъ топъ отважный молодой незнакомецъ, который за два дни передъ тѣмъ бросился со скалы въ озеро и поймалъ шарфъ *Нины*.—Сиръ *Вильямъ* поклонился ему рукою,—незнакомецъ вскочилъ—снялъ шляпу и почтительно опкланялся генералу. Скоро лодка наша сблизилась и *Рамзей* узналъ въ немъ одного изъ соотечественниковъ своихъ, служившаго прежде въ арміи подъ его начальствомъ. Мы продолжали плыть вмѣстѣ, и разставаясь, генералъ просилъ капитана *Оливера Станлея* посѣтить его.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой спранный встрѣчи, однажды въ вечеру, когда всѣ мы сидѣли вмѣстѣ, дверь гостиной отворилась—и *Станлей* вошелъ въ комнату. Его опличный понъ, ловкость, вкусъ въ одеждѣ и необыкновенно прекрасная наружность поразили дѣвицъ *Рамзей* и меня, и мы, какъ говорятъ, не могли на него насмотрѣться.

Капитанъ *Оливеръ* къ плѣнительной наружности присоединялъ чрезвычайное остроуміе, тонкое знаніе свѣта и увлекательное краснорѣчіе; но совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ поспухахъ его выказывалась самоувѣренность

человѣка, слишкомъ знающаго цѣну свою, и—на нижней, немного выпавившейся впередъ губѣ его прекраснаго греческаго рта, презрѣніе и гордость выписали печать свою.—Онъ былъ блѣденъ, мраченъ, задумчивъ и вся его физиономія выражала двѣ главныя изнурительныя болѣзни души его: пресыщеніе и скуку.

Не смотря на блестящія качества *Оливера*, которыми впрочемъ я отдавалъ полную справедливость,—я чувствовалъ къ нему какое-то непреодолимое отвращеніе, въ которомъ самъ не могъ дать себѣ отчета.

Увы! въ немъ было темное, но вѣрное предвѣщаніе того, что случилось въ послѣдствіи!

Душа наша никогда не можетъ скрывать отвращенія своего; оно, вопреки намъ самимъ, обнаруживается въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи нашемъ; следовательно проницательный *Оливеръ* не могъ не примѣтить его во мнѣ; но я не посмѣлъ, для чего онъ всѣми силами старался побѣдить его и искалъ заслужить мою довѣренность. Наконецъ, онъ принудилъ меня подать ему руку въ знакъ дружбы;—я не могъ опъ того отказать, но между тѣмъ ежеминутно осерегался какъ нибудь неварочно толкнуть его или наступить ему на ногу, чувствуя, что въ такомъ случаѣ ничто въ свѣтѣ не заставило бы меня просить у него извиненія.

Станлей сказалъ намъ, что причина, заставившая его удалиться изъ Лондона, была поединокъ, на которомъ палъ соперникъ его. Онъ глалъ: не соперникъ, но самъ онъ былъ побѣжденъ на эпомъ ужасномъ поединкѣ, на который вызвалъ онъ цѣлое общество, со всѣми его пороками и обольщеніями.... Часто въ разговорахъ съ ними обнаруживалась въ немъ безсильная злоба человека, побѣжденнаго собственною своею слабостию и поспыдно убѣжавшаго съ поля битвы.—Гордость *Станлея* не могла сносить униженія и душа его пылала адскою мезью.

Женщина, которую онъ любилъ—обманула его....

Иногда *Станлей* припворился веселымъ, шупиль, смѣялся—и въ эпи минуты ничто не могло равняться съ его очаровательною любезностью. Гибкій умъ его плѣнялъ неожиданными мыслями, новостью оборотовъ, роскошью воображенія и какою-то дѣпскою откровенностию, копорая увлекала всѣ сердца и заставляла васъ ощущать всё то, что онъ хотѣлъ внушить вамъ.—Мы однако-жь замѣтили въ немъ одну удивительную странность: никогда *Оливеръ* не смотрѣлъ никому въ глаза, и отворачивался или опускалъ свои, лишь только взоръ вашъ встрѣчалъ ихъ,—онъ какъ будто не полагался на ихъ молчаніе, и однажды, когда въ разсѣяніи онъ успремилъ ихъ на меня, нимаго обо мнѣ не думая, я подсперегъ выраженіе ихъ, и тогда изъ-за блестящей эмали темно-синяго зрачка его, мелькнулъ мнѣ опсвѣтъ какой-то далекой, тайной мысли, копорая ужасала, какъ пѣнь, являющаяся на спѣнь, когда мы не видимъ предмета, ёё отражающаго.—Я содрогнулся, и съ пѣхъ поръ спалъ бояться его.

Этотъ чудный взглядъ *Оливера* имѣлъ для женщинъ роковое обвороженіе!

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

В Е Л И Ч К А.

—Стой, стой!—кричалъ князь *S.* своему ямщику за чепыре или за пяць миль отъ Кракова.—Я хочу вамъ показать, сударыня, славные соляные рудники Велички.—Приспавы засушились, показывая свою готовность услужить намъ. Они свели насъ по деревяннымъ лѣстницамъ въ мрачную пропасть, копорой внутренность, обложенная соляными слоями, блестяла какъ брилланты.

Черезъ отверстіе, сдѣланное сверху до низу, проходилъ свѣтъ къ работникамъ; оно же служило и входомъ и выходомъ.

Намъ дали факелы, чтобы лучше можно было разсмотрѣть всѣ отдѣленія.

Лишь только спустились мы въ подземелье, какъ переспали чувствовавъ жаръ Юля мѣ-

сяца. Несперпимый холодъ заставилъ насъ послать за солопами и шинеллями, копоры оспались въ экипажахъ. Нѣсколько капель соленой влаги упали на полъ; сошедъ до половины глубины подземелья, насъ ввели въ огромную залу, сдѣланную и украшенную соляными кристаллами эпога истинно чудеснаго мѣспа.—Здѣсь, сказалъ намъ проводникъ, Его Величество Императоръ *Александръ* изволилъ давать великолѣпный балъ городу Кракову.—Разсмапривая со вниманіемъ расположеніе сей необыкновенной бальной залы, мы всего болѣе были поражены красотою люспрь съ тысячами свѣчъ копоры должны были производить блескъ восхищительный.

Надежало еще спускаться ниже, и въ эпотъ разъ мы спустились на самое дно вертепа. Тутъ сцена перемѣнилась: намъ представилось Распятіе Иисуса Христа: мы преклонили предъ нимъ колѣна. Его окружали двѣнадцать Апостоловъ, выше человеческого роста; они споль искусно изваяны, что ничего не оставалось желать: величіе положенія, разнообразіе физиономій каждой фигуры въ частности и всѣхъ вообще—поразило насъ. Честь и слава художнику, нашедшему тайну замѣнить камень и мраморъ солью. Этотъ же художникъ построилъ церковь, съ принадлежащею къ ней рѣзбою и со всѣми украшеніями, ей приличными, не употребля никакихъ постороннихъ или обыкновенно употребляемыхъ матеріаловъ, кромѣ соли.

Я видѣла эпи чудеса, и всякой можетъ ихъ разсмапривать какъ я, и всякой также можетъ сказать, что во всей эпой споронъ ничего нѣтъ любопытнѣе и великолѣпнѣе соляныхъ копей Велички.

Н.

6-е Ноября

1835.

ВѢЧНЫЙ СНѢГЪ НА ГОРАХЪ.

Предѣлы снѣга на горахъ очень различны въ сѣверныхъ и южныхъ спранахъ: въ

Швейцаріи они выше, чѣмъ въ Норвегіи, а подъ экваторомъ находятся на высочайшей точкѣ земнаго шара, т. е. въ 14,600 футовъ отъ поверхности моря.

Гора Пихингъ, въ южной Америкѣ, подъ $\frac{1}{2}^{\circ}$ южной широты, покрыта вѣчнымъ снѣгомъ на высотѣ 14,600 футовъ.

Въ Мексикѣ, подъ 19 и 20° сѣверной широты, снѣговая линія находится въ 15,000 футовъ.

На Альпійскихъ горахъ начинается въ 8100 Парижскихъ футовъ.

Горы, лежащія близъ полюса, между 65 и 76° с. ш., одѣты непающимъ снѣгомъ отъ подошвы до вершины.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

18.

Извѣстный пѣмъ, что выворочилъ наизнанку Исторію Россійскаго государства, Н. А. *Полевой*, не остановился на томъ вредѣ, который нанесъ онъ нашей исторіи и словесности своимъ Телеграфомъ и Исторію Русскаго народа для первоначальнаго чтенія.

Въ Литературныхъ Прибавленіяхъ были подробно и ясно исчислены промахи, ошибки, искаженія Н. А. *Полеваго* въ Русской исторіи. Эта статья вылилась тогда изъ подъ краснорѣчиваго пера С. В. *Руссова*.

Предостерегаемъ васъ, родители и наставники, и отъ Исторіи Русскаго народа и отъ постепеннаго чтенія, соч. Н. А. *Полевыми*. Онъ не только въ нихъ, но и въ историческомъ своемъ романѣ перевѣрываетъ происшествія, характеры, акты. — Онъ на примѣръ, въ (такъ имъ названной) Исторіи Русскаго народа собралъ всѣ свои силы, чтобы подорвать утвержденное вѣками и лѣтописями мнѣніе о *Святополкѣ*, убійцѣ братьевъ; *Бориса* и *Глѣба* (1). Употребивъ все, чтобы оправдать *Святополка*, и предсавивъ его

(1) Сѣв. Пчела 1833, No 152, статья О. В. *Булгарина*.

великимъ мужемъ, Н. А. *Полевой* (2) говоритъ: «Вопль что значить неудачное злодѣйство! Побѣди *Святополкъ*, тогда и его злодѣянія, также, какъ убійства при *Олеге* и *Владимирѣ*, историки извинили бы государственною необходимостью.» Въ той же 1-й части, на страницѣ 253-й, сказано: «Въ борьбѣ двухъ братьевъ *Святополкъ* является едва ли не правѣе *Ярополка*.» Предостерегаемъ васъ, родители и наставники!

«Точно такого же молодца, какъ *Святополкъ*, выбралъ Н. А. *Полевой* въ герои своей *были*,» говоритъ О. В. *Булгаринъ* (3). «*Дмитрій Шемляка*, развратнѣйшій изъ Удѣльныхъ князей, безсовѣстный, безразсудный, убійца, предатель, малодушный, *Шемляка*, котораго неправосудіе породило народную пословицу (*Судъ Шемлякинъ*), изображенъ Н. А. *Полевымъ* мало что добродѣтельнымъ, — чуть не святымъ! Злодѣянія его представлены въ видѣ великодушныхъ подвиговъ; измѣна покрыта личиною простодушія, развратъ преданъ забвенію; однимъ словомъ, Н. А. *Полевой*, усранивъ все злое, собралъ воедино всѣ качества души и тѣла всѣхъ добродѣтельныхъ князей Русской исторіи, и составилъ изъ нихъ идеаль, который названъ *Шемлякою* (4).» Въмѣсто исторіи не должно давать сказокъ, а что еще хуже, спараться подрывать исторію сказками. Предостерегаемъ васъ, родители и наставники!

4-е Октября

1835.

Село Рыбацкое.

19.

Въ одной газетѣ напечатано нижеслѣдующее объявленіе П. П. *Свингина*:

«Дошедшіе до *нѣкоторыхъ* гг. литераторовъ слухи — будто я предлагалъ здѣшнымъ

(2) Первой части ИРН. Примѣч. 190, стр. 255.

(3) Сѣв. Пчела 1833 No 152. Подъ именемъ *были* здѣсь разумѣется историческій романъ: *Клятва при гробѣ Господнемъ*. — К.

(4) Сѣв. Пчела 1833, No 153.

книгопродавцамъ, въ помѣ числѣ гг. *Глазуновымы* и *Заикинымы*, приобрѣшеніе *Исторіи Петра великаго*, коею я занимаюсь въ продолженіе 8. лѣтъ, поспѣшаю опровергнушь и извѣспитъ, что до окончательнаго вполнѣ сего отвѣтственнаго труда, я не намѣренъ и не могу ничего предпринимать къ изданію онаго, тѣмъ паче, входящъ по сему въ какія либо обязанности.»

Подписано: *Пав. Свингинъ.*

Примѣчанія.

1. Выраженіе: до *нѣкоторыхъ литераторовъ* шуманно; члѣбъ придашь ему вѣры, надеждо бы поименовать этихъ господъ литераторовъ; а безъ того оно будетъ поставлено подлѣ чугуннаго горшка съ картофелемъ, который во время наводненія (*) плавалъ по избѣ, не смотря на то, что въ ней вода была выше потолка, и подлѣ галіюпа, спавшаго на крыльцѣ вѣпхой хижинѣ, въ Кирочной улицѣ, гдѣ и вода на мостовую не выступала.

2. Писателю, который возьмется написать *Исторію Преображенія Россіи*, надобно правильно писать, а объявленіе *Павла Петровича* обличаетъ его въ разладъ съ грамматикою и синтаксисомъ. Она даетъ право спросить у него: въ чемъ упражнялся онъ дѣлать въ лѣтъ? Факты царствованія *Петра I* у всѣхъ насъ подъ руками: оспашся выбирать и краснорѣчиво описывать. Говоря другими словами: пусть нуженъ слогъ, слогъ и слогъ.

3. Я долго искалъ причину, заставившую издастелей дать мѣсто въ своихъ дѣльныхъ и чистымъ языкомъ писанныхъ листкахъ этому объявленію г. *Свингина*, и нахожу, что они напечатали ее въ видѣ *Предостерегательнаго извѣстія*.

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О Т Р Е Ч Е Н І Е.

Не невѣста мнѣ *Лизета*:

Будь хоть чудо красной!

Нѣтъ, рога мнѣ не подѣ лѣпа;

Пусть обманется другой.

13—18.

Вяпское.

(*) 7-ое Ноября 1824 года. Смори Опечесивенныя записки.—К.

L O G O G R I P H E.

J'ai différens emplois;

On me fait servir à la guerre,

Soit par mer, soit par terre,

Pour venger le courroux des Rois.

Tu me vois avec moins d'alarmes

Décorer l'homme et relever ses armes ;

Mais quittant les honneurs, je suis avec dédain

Travaillé par un vil humain.

Avec sept pieds on me compose,

Si de l'un à l'autre on transpose,

On trouvera d'abord un mortel couronné,

De courtisans environné ;

Une ville en héros féconde ;

Ce qui porte un vaisseau de l'un à l'autre monde.

Un saint fort connu dans Paris;

Deux termes de l'Église; un métal de grand prix;

Le nom d'un habitant d'Afrique;

Deux pronoms personnels; deux notes en musique;

La fin et l'agrément des vers ;

Un air chanté dans les concerts.

La nymphe en vache convertie ;

D'un livre entier une partie ;

Un des sept péchés capitaux ;

Une plante qui très-fort pique ;

Une étoffe de soie; une cour papistique ;

Un animal qui ronge les manteaux ;

Ce que tu dois faire à la chasse,

Si tu veux remplir ta besace ;

Enfin, par un dernier effort;

Je provoque le rire, en récelant la mort.

Въ No 99-мъ, помѣщенная шарада значить: *Колчанъ.*

M O D E S.

Il y a quelques jours nous étions en hiver, ma chère sœur, et, si cela continue, Paris ira en traîneaux au mois de janvier, comme on y va à Saint-Petersbourg. Aussi on pourrait dire que les rues sont *fourrées*, tant on y voit de palatines, de boas et de manchons. Quoique les boas ne soient plus de la dernière mode, les femmes qui entendent bien leur *comfortable*

les portent encore. En effet, rien ne peut les remplacer pour mettre autour du cou avec un manteau. La fourrure de *cygne* paraît devoir être en faveur pour garnitures de robes et *pélerines mantilles* de soirée. C'est une charmante toilette pour une jeune femme, qu'une robe de satin rose garnie de cygne avec une coiffure à *l'Isabelle* et une résille en perles. On parle aussi d'en garnir les robes de chambre; mais c'est de la dernière élégance. J'en ai vu une que l'on préparait pour la duchesse *d'O...* Elle était en *reps indien* gris perle, la doublure en pluche de même nuance, la jupe d'une ampleur démesurée, les plis du dos arrêtés; mais flottante par devant et attachée avec une cordelière de soie grise passémentée. La pélerine fort grande; les manches excessivement larges sans poignets au bas, tout cela garni d'un cygne d'une blancheur éclatante, faisait le plus gracieux négligé du monde. Sous cette robe de chambre il devait y avoir un peignoir en batiste uni, d'une finesse admirable, avec une garniture d'Angleterre; et pour compléter cette toilette, un bonnet à *la paysanne* en point d'Angleterre, orné de rubans gris brochés en blanc. La *marte zibeline* pour manchons et palatines, sera la fourrure la plus généralement adoptée. La coupe des robes est toujours la même, les redingotes se ferment sur le côté, et reprennent les liserés et les biais de couleur tranchante. J'ai vu une très-jolie redingote en mousseline de laine, fond gris, à petites palmes vertes, rouges et blanches, ouatée partout, fermant sur le côté et garnie tout autour d'un biais de gros de Naples vert. La pélerine est grande et échancrée pardevant. Le corsage plat n'a point de ceinture. Il se ferme devant avec un nœud de ruban vert à bouts pendans. Les manches fort larges avec un seul poignet. Avec cette robe un chapeau de velours *vert émeraude* orné d'un bouquet de *pervanche* en velours. On voit des pélerines d'une forme nouvelle formant le fichu pointu, et garnies tout autour soit d'une blonde noire, soit d'un ruban broché; à ces pélerines sont adaptés des jockeys, descendant sur la manche et garnis pareillement; c'est d'un très-joli effet.

М О Д Ы.

Нѣсколько дней тому назадъ, у насъ была уже зима, любезная сестра, и если это продолжится, то въ Парижъ въ Январѣ мѣсяцъ будутъ ѣздить на саняхъ, какъ въ Петербургѣ. И попомо можно сказать, что улицы одѣшны въ шубы:

столько видно палатиновъ, боа и муфты. Хотя боа и не въ чрезвычайной модѣ, но женщины, хорошо понимающія ихъ необходимость, продолжаютъ ихъ носить. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ ихъ замѣнить для обертыванія шеи съ плащемъ. Лебяжій пухъ, кажется, долженъ быть въ большомъ употребленіи для отдѣлки платьевъ и пелеринокъ—мапшиль для вечера. Прелесный нарядъ для молодой женщины—розовое апласное платье, обшитое лебяжьимъ пухомъ, съ прическою à *l'Isabelle* и съскою изъ бусъ. Говорятъ также, что будутъ имѣть обшивать шафроки; но это уже чрезвычайно щеголевато. Я видѣла одинъ, который готовили для герцогини *d'O...* Онъ былъ Индѣйскаго репса перловаго цвѣта, подложенъ плюшемъ подъ цвѣтъ, юбка чрезмѣрной ширины, складки спинки прихвачены. Пелеринка очень велика; рукава чрезвычайно широки, безъ обшивокъ внизу; все это, обшито лебяжьимъ пухомъ блестящей бѣлизны, составляло весьма ловкое и щеголеватое неглиже. Подъ этою шафрокъ долженъ былъ надѣваться пеньуаръ изъ гладкаго, чрезвычайно тонкаго батиста, съ оборкою изъ Англійскихъ кружевъ; а для довершенія наряда, чепчикъ à *la paysanne* изъ Англійскихъ кружевъ, съ дикими лентами, зашканными бѣлымъ. Соболь будетъ самый употребительнѣйшій мехъ для палатиновъ и муфты. Покрой платьевъ все то же; рединготы застегиваются съ боку, и опять выказываютъ *biais* и выпушки рѣзкихъ цвѣтовъ. Я видѣла очень красивый рединготъ изъ шерстяной кисеи; по дикому грунту, небольшія зеленыя, красныя и бѣлыя пальмочки; онъ весь на вафтѣ, застегнутъ съ боку и обшитъ кругомъ полоскою изъ зеленого гроденапля. Пелеринка большая и вырѣзанная спереди. Лицъ гладкой безъ пояса. Онъ схватывается спереди бантомъ изъ зеленыхъ лентъ съ висящими концами. Рукава чрезвычайно широки, съ одной обшивкой. Съ этимъ платьемъ бархатная шляпка зелено-изумруднаго цвѣта, отдѣланная букетомъ *pervanche* изъ бархата. Видны пелеринки новаго фасона, составляющія остроконечную косыночку, и обшитыя вокругъ чернымъ кружевомъ или зашканной лентой; къ этимъ пелеринкамъ придѣланы эпюлемы, спускающіяся на рукавъ и также обшиты: это чрезвычайно красиво.

(Окончаніе сего письма въ слѣд. листѣ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 101.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ДЕКАБРЯ 18 ДНЯ 1855 ГОДА.

Онъ зодъ, онъ сплешникъ, онъ рѣчиствъ...
Конечно: бытъ должно презрѣнъе
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотна глупцовъ...
И вопъ общесѣвннное мнѣнне!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ.

(Продолженіе.)

Оливеръ былъ одинъ изъ тѣхъ опасныхъ мушинъ, которыхъ наружность поражаетъ, воспаляетъ, очаровываетъ женщинъ. Какъ демонъ-обольститель, онъ съ какою-то непоспимую силою увлекалъ воображеніе невинной дѣвушки, наполнялъ мысль ея, волновалъ чувства, превозжилъ сонъ и производилъ въ юномъ, неопытномъ сердцѣ ея гибельное опустошеніе.

Сиръ Вильямъ любилъ и уважалъ *Станлей*. Они часто разсуждали о политикѣ, и хотя мнѣнія ихъ были различны; однако они никогда не спорили, потому что генералъ былъ добродушенъ и уступчивъ, а *Станлей* говорилъ о всѣхъ предметахъ съ тѣмъ холоднымъ безпристрастіемъ, которое онъ имѣлъ ко всему.

Я любилъ слушать тѣнне дѣвицъ *Ралзей*, и пѣлся, когда ихъ чистые, свѣжіе голоса

сливались вмѣстѣ въ одну сладкую мелодію, но меня бѣсили равнодушіе и презрительная холодность *Оливера*. Однажды разговоръ зашелъ о музыкѣ, и я говорилъ о ней съ жаромъ. «Это первое искусство въ свѣтѣ, сказалъ я. Музыка есть памятная книга сердца; въ ней опадаются всѣ сладкія минуны жизни нашей, всѣ часы давно минувшаго блаженства. Она напоминаетъ намъ и свѣплыя надежды юности — и улыбку первой любимой нами женщины — въ ней всё — и спрасъ, и слѣзы, и молиства.»

—И вѣчная память врагу? — шепнулъ наклонясь ко мнѣ *Станлей*.

Я вздрогнулъ — такая холодная, злобная шупка, выказывала недобрую душу.

«Тотъ, кто не чувствуетъ прелестей музыки,» продолжалъ я съ досадою: «тотъ обиденъ природою; въ немъ недоспаеть одной прекрасной струны.»

—Какой же это? — спросилъ *Оливеръ*. «Струны сердца, господинъ *Станлей!*» — Ахъ! вы еще вѣрите всему этому? — сказалъ онъ за-

смѣявшись. Я было осердился, и хотѣлъ наговорить ему колкостей; но замолчалъ, вспомнивъ, что этакъ несчастный болѣнь душою, но, можетъ, нѣкогда думалъ также какъ и я.

Меня удивляло странное равнодушіе его къ прекраснымъ дочерямъ сира *Вильяма*. Казалось, онъ не обращалъ вниманія ни на одну изъ нихъ, хотя всѣ онѣ обладали рѣдкими прелестями и соединяли съ ними отличную образованность, природный умъ, самую свѣпскую любезность и плѣнительную доброту сердца.

Генриета, старшая изъ сестеръ, была нѣсколько слабого сложенія, но высока, тонка стройна какъ пальма, и мила какъ грація. Немного опущенные внизъ глаза придавали блѣдному и правильному ея лицу неизъяснимую прелестъ, а грустная улыбка ея заставляла думать, что она успѣла уже прочесть книгу жизни *Генриета* была почти всегда молчалива и задумчива, когда же вмѣшивалась въ разговоры, тогда съ какою-то небрежностью и презрѣніемъ бросала слова свои, или вдругъ говорила скоро и опривисто, какъ будто желая проговорить всё то, о чемъ забыла сказать прежде. нравъ ея былъ тихій; она никогда не сердилась, никогда не досадовала; когда же что-нибудь оскорбляло ея глубокую чувствительность, тогда милыя ея черты опуманивались печалью и слѣзы текли изъ прекрасныхъ глазъ ея. Бѣдная дѣвушка! Какъ прелестна была она въ эти минуты—и какъ живо я её представляю себѣ!

Мери совсѣмъ не походила на сестру свою; она была гораздо меньше ростомъ, довольно полна, но стройна и прекрасна; яркій румянецъ игралъ на свѣжихъ ея щекахъ, темные волосы, гладко расчесанные на двѣ стороны, украшали маленькой—нѣсколько крупной лобъ ея;—черные, совершенно Итальянскіе глаза, блистали огнемъ и опушались длинными рѣсницами. *Мери* была одарена отличнымъ проницаніемъ и равноспію характера. Она имѣла большую власть въ домѣ и надъ сестрами, которыхъ уважали её за ея основательность. Сиръ *Вильямъ* гордился умомъ ея, и когда *Мери* говорила, заставлялъ её по-

вторять слова, ею сказанныя, чтобы дать замѣнить слушающимъ остроуміе ея и разсудокъ.

Но какъ описать *Елену*, это милое, очаровательное созданіе,—эту дѣву рая—прелестную, какъ *Пери*,—непорочную, какъ ангель?—О! кто могъ не восхищаться *Еленою*, и не любить её! Кто могъ смотрѣть равнодушно на ея стройный, гибкій, возвышенный станъ,—на ослѣпительную близнущу шею, рукъ, лица свѣжаго и прозрачнаго, на которомъ играла слегка тонкая розовая пѣнь, какъ опсвѣтъ пламя на бѣлой гипсовой урнѣ!—Длинные каштановые локоны, мягкіе какъ шелкъ, развѣвались по ея плечамъ и украшали лобъ и виски. *Елена* нѣсколько походила на несчастную *Марію Антуанету*; она имѣла ея правильный и немного орлиный носъ, ея походку, и тонкую лебединую шею.

Но чтобы понять всю прелестъ этаго юнаго обворожительнаго существа, надобно было слышать, когда она рассказывала небрежно какую-нибудь трогательную повѣсть.—Какая невинность въ ея взглядѣ! какой умъ и простота въ выраженіяхъ! и какая небесная гармонія въ голосѣ! Она проникала въ душу, обворожая слухъ: это была мелодія ангела, говорящаго о любви.—Ей внимали съ благоговѣніемъ, и самъ сиръ *Вильямъ* нерѣдко, слушая её, опиралъ сладкія слѣзы.—*Елена* имѣла голосъ матери своей.

Пятнадцати-лѣтняя *Нина*, самая меньшая изъ дочерей генерала *Ралзеля*, представляла съ сестрами своими разительную пропову-положность; это былъ милый, веселый ребенокъ, но полный ума, проницательности, воображенія! Рѣзвая, живая—она не ходила, но бѣгала или прыгала, и всё въ ней было—пріятность, жизнь, гармонія. Маленькой роспъ, полненькія ручки и шейка; дѣтскія ножки, лицо херувима, головка съ черными кудрями, разбросанными по круглымъ и бѣлымъ плечикамъ; тоненькій, нѣсколько вздернутый носикъ; большіе, черные блестящіе глаза и веселая, иногда насмѣшливая улыбка, которая выказывала рядъ жемчужинъ въ коралловомъ рошкѣ,—вопъ наружность маленькой *Нины*, доброй, чувствительной,

пылкой до крайности, которая угадывала уже всё чувства и часто сочиняла про себя романы.—Опець забавлялся ею какъ игрушкою; онъ игралъ ея волосами, сажалъ къ себѣ на колѣни, бралъ руки ея, смѣялся ея проказамъ; но иногда испытующій взоръ его устремлялся на дѣтскій взоръ *Нины* и, казалось, сквозь свѣтлые глаза ея смотрѣлъ ей въ душу. Послѣ минутнаго наблюденія, онъ цѣловалъ дочь свою въ лобъ, и отверпывался, чтобы скрыть слезу радости и умиленія.

Присутствіе *Станлея* всегда приводило дѣвицъ *Рамзей* въ замѣшательство. Безъ него онъ говорили о немъ съ пою дипломатическою осторожносью, съ которою женщины говорятъ о предметѣ, который не смотря на притворное равнодушіе ихъ, всего больше занимаетъ ихъ мысли.—Но милыя сестры были слишкомъ невинны, слишкомъ чисты душою, и не умѣли хорошо притворяться—а потому мнѣ не трудно было разгадать ихъ.—При имени *Оливера*, робкая спыдливость набрасывала розовое покрывало свое на дѣвственныя черты ихъ, и популенный взоръ, несвязныя рѣчи, дрожацій голось, все обнаруживало ихъ внутреннее волненіе, и, вопреки имъ самимъ, высказывало тайну сердца.

Добрый сирѣ *Вильямъ* не подозрѣвалъ ничего, и часто бранилъ дочерей за ихъ холодность къ любезному и умному соотечественнику; онъ думалъ, что онъ предпочитали ему меня, потому что обходились со мною прости и не чуждались меня; но на мѣстѣ его, я бы болѣе боялся холодности ихъ къ *Оливеру*, нежели ласковости ко мнѣ. Бѣдныя дѣвушки трепетали, когда онъ входилъ въ комнату, боялись коснуться до его одежды, и если имъ случалось что нибудь подавать ему: то подходили со страхомъ, какъ будто боясь, чтобы онъ какъ змѣя не ужалилъ ихъ. Во время прогулокъ, онъ убѣгалъ какъ серны, чтобы онъ не успѣлъ подать имъ руки; если же которая нибудь изъ нихъ по оплошности оспавалась назадъ, и принуждена была взять её, тогда во всѣхъ ихъ обнаруживалось смущеніе;— тогда онъ

мѣнялись спранными взглядами; каждая смотрѣла на сестру съ любопытствомъ, съ подозрѣніемъ, какъ смотрятъ на незнакомку, или на соперницу, которая завладѣла правомъ ей принадлежащимъ.

Скоро дѣла принудили меня оставить Швейцарію, и я проспился съ милымъ семействомъ *Рамзей*, унося въ сердце своемъ то неизгладимое и сладкое воспоминаніе, которое оспается въ немъ на всю жизнь нашу.—Я былъ твердо увѣренъ, что бѣдныя дѣвушки любили *Станлея*, со всѣмъ пламенемъ, со всею ревностію первой дѣвственной любви.

Пожавъ въ послѣдній разъ руку *Рамзей*, я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему съ нѣкоторымъ жаромъ и наспойчивостію:

«Генераль! берегитесь! у васъ есть опасные соотечественники.... О! онѣ гораздо опаснѣе Французовъ!»

—Полно, полно, ревнивецъ,—отвѣчалъ онъ съ улыбкою: Англичане уступаютъ Французамъ въ искусство обольщенія, но они нравственнѣе ихъ!—Я долженъ былъ ожидать эпои національной эпиграммы, и потому замолчалъ и проспился съ *Рамзейемъ*.

Однакожь дорогою я спрадалъ опъ горестныхъ предчувствій, которыя пияготили мысли мои и раздирали сердце.—Мнѣ казалось, что какая то таинственная, роковая судьба, влекла невинныхъ сестеръ къ неизбѣжной гибели. Осторожное поведеніе *Оливера*, опъ котораго не могла укрыться любовь дѣвушекъ, мало по малу примѣтно измѣнилось.—Обладая въ высшей степени труднымъ искусствомъ льстить въ одно и тоже время самолюбію многихъ женщинъ, собранныхъ вмѣстѣ, онъ умѣлъ увѣрить каждую изъ сестеръ, что она одна была предметомъ спрасти его, и не любя ни одной—обворожилъ всѣхъ!—Увы! эпопъ опасный человекъ, имѣлъ адскую цѣль, до которой онъ поклялся достигнуть — и поступалъ согласно съ нею!—Двусмысленныя признанія его — ужасныя, почти невольныя признанія, открыли мнѣ душу его — и я содрогнулся!—Зло-

дѣй!—За вѣроломство женщины, онъ рѣшил-ся мстить ангеламъ—и погубилъ ихъ!...

Вопь-что узналъ я при мѣсяца спустя по возвращеніи моемъ во Францію:

• Подагра разстроила здоровье сира *Вильяма*, и его дочери проводили большую часть времени дома. Съ неусыпнымъ попеченіемъ любви онѣ ходили за больнымъ опцомъ своимъ, услаждали спраданія его ласками, и опказывали себѣ даже въ прогулкѣ.

Но однажды, вечеромъ 9-го Сентября 18.. года, сиръ *Рамзей*, желая, чптобы дочери его освѣжили себя чистымъ воздухомъ, сказалъ имъ, чптобы онѣ назавтра выполнили давнишнее намѣреніе свое посмотришь съ высокой скалы восхожденіе солнца. — Дѣвицы долго опговаривались невозможностію оставить его одного въ такой слабости; но сиръ *Рамзей* не слушалъ никакихъ возраженій, и наспояшело претовалъ послушанія. Вдругъ *Генриета*, которая была въ попь день особенно печальна и задумчива — подошла, спала на колѣни возлѣ кровати и тихо сказала опцу:

— Позвольте мнѣ оспаться съ вами! —

«Нѣтъ, другой мой,» опвѣчалъ *Рамзей*: «тебѣ пакже нуженъ воздухъ, и я не хочу разлучать тебя съ сестрами. Подите всѣ на скалу, чптобы видѣть прекраснѣйшую картину природы, о которомъ вы еще не имѣете понятія... Капитанъ *Станлей* проводитъ васъ.»

— Бабюшка!—вскричала *Генриета* порже-спвеннымъ голосомъ: какое-то тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, чпто мы не должны оставлять васъ. —

«Мечтательница!» возразилъ генералъ, смѣясь надъ нею: «посмотримъ, чпто внушаетъ тебѣ пророческое пвое вдохновеніе?»

— То, чпто видѣ солнца будетъ завтра для насъ горестенъ, если мы увидимъ восходъ его! —

«Право?—Почему-жь это, милая моя про-рицательница?»

— О бабюшка! я не могу ничего сказать вамъ; но вы знаете, чпто въ предчувствіи

пайтся небесное опкровеніе, и чпто оно неизъяснимо. —

Въ эту минупу *Станлей*, который не бралъ никакого участія въ разговоръ и казалось не слушалъ его, вдругъ вспалъ, подошелъ къ окну и посмотря на Альпійскія вершины — проворчалъ въ полголоса: небо ясно и усяно звѣздами: кажется нечего бояться бури!—Проговоривъ это, онъ опять сълъ на свое мѣсто и погрузился въ задумчивость. — «Капитанъ правъ,» сказалъ сиръ *Вильямъ*, приподнявшись и взглянувъ въ окошко: «вечеръ обѣщаетъ прекрасное утро—и пакъ, милая дѣти, я требую непременно, чптобы вы всѣ шли на скалу съ *Оливеромъ*. Жаль мнѣ, чпто я не могу ийти съ вами,—но чпто дѣлать?» прибавилъ онъ посмотря печально на больную ногу свою.

На другой день *Оливеръ* пришелъ за дѣвцами *Рамзей*;—погода была ясная, но сильный порывистый вѣтеръ качалъ верхи деревьевъ и, развѣвая бѣлыя плащья дѣвушекъ, запруднялъ путь ихъ. Онѣ по шли, по бѣжали, по останавливались, чптобы перевести духъ, задыхаясь опъ вѣтру.

Станлей подалъ руку *Еленѣ*, и пошелъ съ нею впередъ.

Дошедъ до поворота озера, онѣ узнали лодку *охотника*, и онѣ настоялъ, чптобы перѣхать водою, не смотря на очевидную опасность плаванія въ такую сильную бурю. Челнокъ былъ пакъ малъ, чпто въ немъ не могло помѣститься больше двухъ человекъ.—*Станлей* бросился въ него-первый, увлекая съ собою дрожащую *Елену*. Въ одну минупу челнокъ былъ опвязанъ и очутился на срединѣ озера.

Станлей, смѣясь спраху дѣвушекъ, оставшихся на берегу, махалъ имъ плапкомъ, и говорилъ знаками, чпто онѣ потчасъ возвращаются и по очереди перевезетъ ихъ.

Вопь онѣ приспали—вышли.

— Чпто-жь медлитъ, *Оливеръ*?—сказала *Мери*.

Станлей выскочилъ на берегъ, схватилъ *Елену*, полкнулъ ногою челнокъ и волны унесли его съ собою.

Нешаспныя сестры видѣли насмѣшливыя и прощальныя знаки *Оливера*; — видѣли слабое сопротивленіе *Елены*; — оно продолжалось не долго; одинъ взглядъ соблазнилъ увлекъ её и скоро оба исчезли въ горахъ. — Демонъ избралъ жертву свою!

Щаспивица! раздалось вдругъ на лѣвомъ берегу Валеспадскаго озера.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

Ж Е Р Т В А.

Разсказъ.

Молодая женщина плакала, и ея печальный взоръ возносился къ небу; казалось, онъ просилъ помилованія; рука ея, пылающая лихорадкою, прижимала руку старой женщины, лежащей на соломенной постель, на лицѣ которой видна была глубокая печаль....

«Дитя мое!» сказала старушка, брося на дочь свою одинъ изъ пѣхъ взглядовъ, который открываетъ сердце матери... и слово: *дитя мое* сохранило чудное изліяніе любви и опчаянія. Она прибавила тихо, такъ тихо, какъ будто боялась, чпобъ не услышалъ её самъ Богъ.

«Ты видѣла его, *Марія*.»

Вдругъ блѣдное чело молодой женщины покрылось румянцомъ, вспыхнуло, губы задрожали, и уста ея произнесли слово, слышанное однимъ небомъ, адомъ и ея матерью.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи. Слезы тихо капилась по щекамъ *Маріи*.... Глаза старушки блистали пусклымъ огнѣмъ, брови нахмурились, какъ будто выпѣсная горькую мысль, между ними блеснувшую. Ночникъ, слабо освѣщавшій этихъ жалкихъ женщинъ, умиралъ, какъ надежда въ ихъ сердцахъ.

Кто-то вошелъ. *Марія* бросилась къ нему на шею, обнимала, смотрѣла на него съ любовью; ея бѣлая, ласковая рука перебирала его волосы, но онъ стоялъ передъ нею неподвижно.

«Все исчезло.... нѣтъ больше надежды!» сказала она.

— Надежды... есть! — опвѣчалъ онъ: сколько же, сколько остается въ душѣ богоопстунника. Бѣдная мать моя... жена.... Да будутъ они прокляты! —

И онъ въ бѣшенствѣ ломалъ себѣ руки.

И, какъ будто изнемогшій опъ послѣднихъ напряженій... сказалъ: «Завтра я тду!»

Павель Гебертъ былъ ремесленникъ, изъ числа пѣхъ людей, которые одарены душою твердою, для перенесенія собственныхъ спраданій; но слабый при видѣ женскихъ слезъ. Сердце его разорвалось.

Онъ соединилъ судьбу свою съ *Маріею*, не имѣя еще двадцати лѣтъ. Они спраспно любили другъ друга, какъ любятъ на небесахъ; и небо было для нихъ шесть мѣсяцовъ на землѣ. Но въ двадцать лѣтъ *Павель* былъ очереднымъ въ солдаты. Законъ, который различалъ сына съ матерью, мужа съ женою, чпобъ вестп подъ раскаленное небо Испаніи, или въ снѣжныя пустыни Россіи, схватилъ *Геберта*.

Съ его опѣздомъ нищета переселилась въ хижину къ его женѣ и матери. Много ночей проведено въ слезахъ и безплодной работѣ. Одна изъ нихъ была спара, другая спрадала грудью. Наконецъ *Гебертъ* получилъ отпускъ, увидѣлся съ женою и матерью. Узналъ все, что онъ вытерпѣли въ его опстствіе...

Срокъ отпуска скоро кончился; надобно было опять собираться въ полкъ, опять покинуть бѣдныхъ женщинъ всѣмъ ужасамъ, всѣмъ убійственнымъ мукамъ нищеты.

Блѣдная, спраждущая *Марія* припала къ изголовью поспелй матери своего мужа, и казалась нѣсколько времени погруженною въ пѣжкія думы... Вдругъ померкшіе глаза ея оживились... Спрашное искушеніе мелькнуло въ ея воображеніи, какъ адское видѣніе.

«*Павель*,» сказала она съ судорожною улыбкою: «еслибъ у насъ были деньги, ты могъ бы откупиться и остаться съ матерью.»

— Проспосердечное дитя! — прискорбно опвѣчалъ ей молодой солдатъ: ты еще надѣешься?... Деньги... у насъ... деньги!!!...

Марія вскочила... начала ходить въ волненіи по опустѣлой комнатѣ; вся ушварь была распродана... Подошла къ постелѣ бѣдной спарушки, копорой жизнь примѣшно угасала, поглядѣла на неѣ спранными глазами, поцѣловала ея сѣдые волосы и сказала мужу: Не безпокойся обо мнѣ; я сей часъ ворочусь.—Она прижала къ сердцу руки *Пагла* и ушла поспѣшно.

Куда пошла эта несчастная женщина? Не рѣшилась ли она въ бреду отчаянія продать себя одному изъ тѣхъ развратныхъ богачей, копорые все покупають, или пропьянуйтъ руку безжалостнымъ людямъ и просятъ подаенія?

Н.

О ЗЫРЯНАХЪ.

Зыряне, въ числѣ 50,000 душъ, населяють уѣзды: Яренскій и Успенскій, Вологодской губерніи. Названіе Зырянъ имъ самимъ неизвѣстно; они называютъ себя Ками, или Коміасъ, почему можно предположить, что они переселенцы съ береговъ рѣки Камы. Они обращены въ Христіанскую вѣру въ послѣдней половинѣ XIV вѣка Пермскимъ епископомъ *Стефаномъ*, копорый составилъ Зырянскую азбуку и перевелъ на Зырянскій языкъ богослужебныя книги; но теперь эти книги потеряны, азбука забыта, Зыряне особенно занимаются охотою; къ спрѣльбѣ приучаються съ малолѣтства, и спрѣляютъ съ такимъ искусствомъ, что въ 20 саженьхъ бѣлку, не смотря на ея проворство, бьютъ въ носокъ, чтобы не испорить шкурки. Зыряне грубы, испительны, но вѣрны, спарательны и особенно честны. Замкните вашу дверь деревяннымъ колышкомъ—и будьте увѣрены, что Зырянинъ не отворитъ двери. Зырянинъ, отправляясь въ даль на звѣриный промыселъ, беретъ съ собою сухарей, и чтобы не обремениться ношею, зарываешь запасъ въ яму—и ставитъ на ней знакъ. Истощивъ запасъ, или удалившись отъ него, находить въ яму подобную яму, спрываетъ еѣ, беретъ часть запаса, и кладетъ въ яму бѣлокъ или рябчиковъ. Хозяинъ ямы

находитъ плапу за взятые у него сухари, хопя и не знаетъ, кто ими пользовался.

Зыряне имѣють нарѣчіе, сходное съ Финскимъ; по Русски говорятъ немногіе, живущіе въ городахъ, или на большихъ дорогахъ; а женщины до того упрямы, что даже зная Русскій языкъ, не хопятъ говорить по Русски.

СТАРОСТЬ МІРА.

Въ одномъ обществѣ зашелъ разговоръ о древности міра. *Вольтеръ*, бывшій пупецъ, сказалъ: «Этотъ міръ похожъ на пожилую кокетку, копорая всегда шипитъ свои лѣпа и умѣетъ показатъ себя моложе.»

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

20.

Въ Іюньской книжкѣ Библіотеки для чтенія, на 1835 годъ издаваемой, въ литературной лѣтописи, стр. 33 и 34-я, о переводѣ романа *Елена*, соч. миссъ *Эджвортъ*, пишнупо:

«Переводъ *Елены* хорошъ. Этотъ романъ, на всѣхъ своихъ спраницахъ, говоритъ языкомъ живымъ, свѣтскимъ, образованнымъ. А по мы ужасно опасались; что *Библіотека романовъ*, желая насъ потѣшить пріятнымъ чтеніемъ, заговоритъ съ нами языкомъ книжнымъ.»

Въ Но 38-мъ Молвы о томъ же самомъ переводѣ *Елены* замѣчено:

«Я думаю, что одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги, какъ *Библіотека романовъ* г. *Ротгана*, должно состоятъ въ томъ, чтобы всѣ переводы были сдѣланы съ подлинниковъ. Но у г. *Ротгана* все переведено съ Французскаго. Не ужели онъ не могъ найти въ Петербургѣ переводчиковъ съ Англійскаго?... Спранно!... Потомъ, я думаю, что также одно изъ необходимѣйшихъ условій такого рода книги должно состоятъ въ томъ, чтобы переводы были превосходны; но у г. *Ротгана* переводы очень посредственны, а переводъ *Елены* очень плохъ.»

Вопъ два во всемъ прошиворѣчащія приговоры переводу одной и той же книги. Какъ же мы хотимъ, чтобы насъ уважали? Могу ли наши соотечественники имѣть къ намъ довѣренность? Виновата ли Русская публика въ томъ равнодушіи къ словесности, въ которомъ безпрестанно обвиняемъ её мы, журналисты?

Худо поддерживаемъ мы свое достоинство! Но еще всего эшаго хуже, что не *Молва*, а *Библиотека для чтенія* дала приговоръ несправедливый. Того ли мы имѣли право ожидать отъ эшаго журнала, на который *Е. В. Булгаринъ* вызывалъ всѣхъ Русскихъ, имѣющихъ 50 рублей ассигнаціями въ карманѣ, подписываться, и напечатать въ погдашней *Сѣв. Пчелѣ* слѣдующее: «Очевидно, что отъ успѣха *Библиотеки для чтенія* зависятъ успѣхи нашей словесности. Если это истинно-патріотическое предпріятіе *Смирдина* не будетъ имѣть успѣха полного, совершеннаго, блистательнѣйшаго изъ блистательныхъ, тогда Русскимъ писателямъ не останется никакой надежды разбудить публику звуками опечественнаго слова... Тогда будетъ ясно, что Русская публика еще не вполне постигла высокое назначеніе опечественнаго языка, долженствующаго передавать въ вѣчность нашу славу военную и гражданскую, и ввести насъ въ рядъ словесныхъ народовъ.» Вопъ съ какимъ жаркимъ патріотизмомъ добрый *Фадей Венедиктовичъ* вызывалъ и писателей и читателей спешествовавшихъ г. *Смирдину*, который, какъ уверялъ онъ: «окрылилъ словесность, далъ ей жизнь, разбудилъ публику и писателей, сдружилъ ихъ, и положилъ основаніе новому сословію: *сословію литераторовъ.*» — Увы! какъ прискорбно должно быть Русскому сердцу *Фадая Венедиктовича*, что пророчество его не исполнилось!

21.

Мы извѣстились отъ вѣрныхъ людей, что книжка, напечатанная въ Москвѣ подъ названіемъ *Баронъ Браунбеусъ*, сочинена господиномъ *Морозовымъ.*

22.

Одинъ изъ Петербургскихъ журналистовъ, мой пріятель, показывалъ мнѣ на этихъ дняхъ кипу писемъ, изъ разныхъ Россійскихъ городовъ имъ полученныхъ. Въ *одномъ* изъ нихъ просятъ, чтобы онъ на наступающей 1836 годъ ничего не помѣщалъ въ своихъ листкахъ, кромѣ стихотвореній; въ *другомъ*, чтобы вовсе не печаталъ піитическихъ пьесъ, потому, что читаютъ стихи не согласно съ духомъ времени; въ *третьемъ*, преобладаютъ исключительно повѣстей, сказокъ и рассказовъ. Какъ угодить на эту пѣструю толпу, называемую публикою?

А. Кораблинскій.

25-е Октября
1835.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СТАРЦУ.

Ты безъ влосовъ, какъ солнце безъ лучей,
Стоишь торжественно въ объятіяхъ гробницы—
И свѣтлый лучъ безсмертія денницы
Сіяешь радосно въ огнь пвоихъ очей.

Скажи—ты жизнь прочелъ земную
И жизнь небесная опверзла предъ тобой, —
Скажи—ты разгадаь шу пайну роковую,
Сокрытую отъ насъ коварною судьбой? —
Нѣтъ пайны для тебя — сомнѣнья мрачны
думы

Не пмятъ спокойнаго чела:
Тебѣ не спрашенъ гроба видъ угрюмый,
И полночь вѣчности для глазъ пвоихъ свѣшла?
Ты тамъ одной стопой, другая не препенещетъ;
Твой взоръ одинъ закрышь, другой надеждой блестящешь! —

Еще-ль невѣрнаго меня
Колблещь робкое сомнѣнье?
Здѣсь смерть—закашь земнаго дня,
А тамъ небеснаго блистаешь воскресенье!

О М О Н И М Ъ.

Я брюками зашепнена,
Но если ножка въ башмакъ

И въ шёлковомъ чулкѣ :

Тогда я, полная, видна.

У каждаго насъ двѣ;

Мы доморощенные объ.

Насъ миллионъ бываетъ — рыбъ въ упробѣ —

И бурака на днѣ.

Посыпавъ перцомъ, съ калачомъ

Меня ѣдять за лакомымъ споломъ.

Въ No 100-мъ, помѣщенный догоришь значить: *Mortier*, въ коемъ заключается: *Roi, Rome, mer, Rémi, mitre, rite, or, more, toi, moi, mi, ré, rime, trio, Io, tome, ire, ortie, moire, rote, tirer, rite et mort.*

M O D E S.

On voit reparaître des boucles aux ceintures; mais elles n'excèdent pas la largeur d'un doigt.

Les chapeaux sont décidément grands, de formes très-basses et la passe très-avancée, emboitant les joues, mais placés assez en arrière pour laisser voir les grosses touffes à *la Ninon* que l'on porte beaucoup, et à défaut desquelles on met profusion de fleurs, rubans et blondes. Les capotes de satin plissé remplaçant celles en gros de Naples que l'on portait cet été, sont de bon goût. Les plus à la mode sont vertes, violettes ou ramonas. On les orne d'un gros nœud de rubans pareils placés en bas de la forme et dont les bouts pendent un peu. Sur les chapeaux de velours non habillés un simple ruban doublé sur le côté est le seul ornement de bon goût. Beaucoup de chapeaux habillés se font en satin relevé devant. Madame R... en avait un à une grande soirée, en satin blanc, relevé devant avec une grande plume blanche sans autre ornement; ce chapeau était porté avec grâce et distinction.

On fait pour les enfans de charmantes robes en *alépine* ou *cachemirienne* brodées en lacet de laine de couleur. L'hiver, les petits garçons quittent ces petites vestes anglaises si élégantes, pour revêtir un vêtement plus chaud. Ce sont de redingotes courtes à l'écossaise, dont la taille est juste et bien prise et la jupe ample et plissée. Elles se font en drap très-léger; celles de meilleur goût sont en velours noir, avec un pantalon bleu anglais. Ce costume est charmant.

Adieu, chère sœur, quoique vous écrivant devant un bon feu, le froid est si piquant que mes doigts engourdis s'arrêtent en vous disant que je vous aime. — *Sarah.*

М О Д Ы.

Опять показываются пряжки на поясахъ, но не шире пальца.

Шляпы рѣшительно большія, пушлы чрезвычайно низки, а поле весьма длинное, обхватывающее щеки, но довольно запрокинутое назадъ, чпобъ не закрывать большихъ кустиковъ à *la Ninon*, которые въ большомъ употребленіи; въ случаѣ же недоспашка ихъ, кладуть множество цвѣшповъ, леншъ и блондъ. Апласные капоты въ складкахъ, замѣняющіе гроденаплевые, которые носили нынче льшомъ, принадлежатъ къ опличнымъ нарядамъ. Самые употребительные зеленые, фиолетовые или ramonas. Ихъ отдѣлываютъ большимъ баншомъ изъ леншъ подъ цвѣшъ, пришипленнымъ внизу пушлы; концы висяшъ немного. На бархашныхъ ненарядныхъ шляпкахъ просто ленша въ двое на боку: одна отдѣлка хорошаго вкуса; ненарядныхъ шляпокъ дѣлають много изъ апласа, завороченными спереди. На г-жѣ R... , на одномъ большомъ вечерѣ, была бѣлая апласная, приподнятая спереди большимъ бѣлымъ перомъ, безъ всякой другой отдѣлки; шляпка эта была надѣшпа ловко и оплично.

Для дѣшей дѣлають прелестныя плащя изъ *alépine* или *cachemirienne*, вышитыя шнурками изъ цвѣшной шерспи. Зимую, маленькіе мальчики оставляють эти щеголеватые Англійскіе камзолы, для одежды болѣе закрывающей. Это корешкіе сюршукы на Шотландскій манерь; лифъ въ обшяжку съ перехватомъ, а юбка широкая въ складкахъ: они дѣлаються изъ самаго тонкаго сукна; опличнѣйшіе же изъ чернаго бархаша съ панталонами голубаго Англійскаго цвѣша. Эшопшъ кощюмъ прелестень.

Прощай, любезная сеспра, хопя пишу къ тебѣ сидя передъ пылающимъ огнемъ, но холодъ такъ чувствительень, что мои окостенѣвшіе пальцы оспанавливаются говоря тебѣ, что я тебя люблю. — *Sara.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 102 и 103.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. буржъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКАБРЯ 21 ДНЯ 1835 ГОДА.

Какъ надпись хладная на камнѣ гробовомъ
Вниманье пушника неволью пробуждаетъ, —
Пускай въ пшвихъ листахъ объ имени моемъ
Мой сыпующій стихъ тебѣ напоминаетъ;
Пусть скажеть: «Брошенный на произволь судьбъ,
Подъ дальнимъ небомъ зришь онъ чуждое свѣшло;
Но все, что жизнью сердца было
И сердце самое оставилъ при тебѣ!»

Кн. Вяземскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ.

(Ожоганіе.)

Мертвое молчаніе слѣдовало за эпимъ
спраннымъ крикомъ, въ которомъ было все—
и зависть и изумленіе и невыразимая го-
ресть. Сестры долго смотрѣли другъ на
друга; онѣ взаимно испытывали сердца свои,
и пребовали опъ опчаянія своего какой-то
ужасной рѣшимости. Ревность ихъ исчезла
и несчастная спрасть соединяла ихъ пе-
перъ тѣснымъ союзомъ — всѣ при хопѣли
любить *Оливера* одною любовію; всѣ при
вмѣспѣ обладавъ сердцемъ его.

— Пойдемъ, переплывемъ озеро и помѣ-
шаемъ ихъ побѣгу—вскричала вдругъ *Мери*.
— Когда же солнце освѣпитъ верхи деревъ,
погда мы всѣ сойдемся памъ,—и она показа-
ла на гору, гдѣ исчезъ *Станлей* съ *Еленою*.
— О если мы не найдемъ ихъ!— сказала она,

и въ движеніи руки ея, и въ пламенномъ ея
взорѣ, начерталась въ эпу минушу спраш-
ная драма. —

«Побѣжимъ! побѣжимъ!» закричали онѣ всѣ
вмѣспѣ,—и вдругъ, какъ испугленные, пу-
спились по горамъ въ разныя спороны.

Лучи солнца уже скользили по мрачному
граниту утесовъ, когда онѣ сошлись на
условленномъ мѣспѣ; но всѣ поиски оспа-
лись щещны и никто не видалъ *Елены* и
Оливера. Сестры рѣшились; изнуренныя
усталостью, блѣдныя, едва дышущія, но
оживленные пою лихорадочною энергіею,
которая въ спрашный часъ самоубійства
даеть минушную бодрость, несчастныя взя-
лись за руки и взбѣжали на кремнистую
скалу, возвышавшуюся надъ самымъ озеромъ.
Смерть казалась имъ блаженствомъ; онѣ
спремались къ ней, какъ въ объятія нѣжной
маперы—и хопѣли умереть вмѣспѣ. Онѣ
остановились на краю пучины и долго споя-

ли на немъ обнявшись, устремля глаза на обитель Бога — какъ при ангела, гоповые улетѣть на небо. Уста ихъ посылали слова любви и послѣднее прощаніе отцу, — другое нѣкое прощаніе неслоь *туда*. . . Онѣ взглянули на гору, обнялись еще тѣснѣе, и вдругъ двѣ изъ нихъ исчезли въ глубокихъ водахъ озера!

Одна бѣдная *Нина* осталась на краю гроба, не имѣя бодрости послѣдовать за сестрами. Всевышняя рука удержала её на скалѣ для несчастнаго отца ея, и бѣдная дѣвочка — въ ужасѣ, въ отчаяніи, отбѣжала прочь, — потомъ воровилась, и съ горькими воплями кликала сестеръ своихъ; но увы! онѣ не откликнулись и одинъ только отдаленный шумъ волнъ отвѣчалъ ей — и раздиралъ душу, какъ глухой далекій стонъ, выходящій изъ могилы!

Голова ея закружилась, красное облако носилось передъ глазами ея, лицо побавровѣло и сильный трепетъ потрясалъ всѣ члены. Видъ ея былъ ужасенъ; онѣ напоминали о тѣхъ спрашнхъ мерпвечахъ, копорыхъ баспословная Вольпа вызывала изъ гробовъ, отдавая имъ призракъ жизни. Они двигались, поднимали руку, воровали голову, — но глаза ихъ были тусклы и безъ взора; сердце не билось, грудь не дышала, голось не имѣлъ звуковъ и алая кровь не текла по жиламъ; въ нихъ замѣтно было что-то упраченное, отсутствие чего-то живаго — въ нихъ не было души!

Пришедъ въ себя, *Нина* думала, что проснулась отъ спрашнаго сповидѣнія. Она протираала красные, распухшіе отъ слезъ глаза свои, рвала волосы, присохшіе на немъ съ холоднымъ потомъ; но вдругъ память ея возвратилась, и она въ испуленіи взглянула на скалу и озеро, и долго смотрѣла на него съ завистию, раздиравшею душу. Наконецъ мысль объ отцѣ поразила ея, и она просила Бога дать ей силы дойти до дому.

Пришедъ туда, она съ удивительнымъ присутствіемъ духа поправила беспорядокъ одежды своей, чтобы не испугать отца, — спаралась принять спокойный видъ, про-

глопила слезы свои и, пользуясь темнотою, вошла въ комнату.

— Здравствуйте, папюшка, я пришла первая . . . — и рыданіе, которое она удерживала, чуть было не задушило её, — она хотѣла улыбуиться, но въ этой ужасной борьбѣ съ отчаяніемъ, схватилъ её судорожный смѣхъ, и бѣдная упала на колѣна у кровати.

Генераль подумалъ, что она смѣется отъ веселости.

«Что-жь ты такъ поздно возвратилась?» сказалъ онъ: «Ты смѣешься, а я очень спрадаю.»

— Ахъ, батюшка! простите меня, я такъ вѣтренна, что кажусь нечувствительною, не правда ли? . . . Такъ вы спрадаете, — очень спрадаете? —

— Боже мой, Боже мой, я вижу это! — договорила она сама въ себя.

Она встала и, наклонясь къ изголовью отца, посмотрѣла на него приспально и спросила:

— Въдъ вы любите меня, очень любите — не правда ли? —

«Шалуныя! какъ можешь ты это спрашивать?»

— Могу, конечно могу, потому что я хочу, чтобы вы любили меня столько же, сколько сестрицы. — Тутъ слѣзы хлынули изъ глазъ бѣдной *Нины*, и старикъ увидѣлъ ихъ. —

«Милый ангелъ мой, развѣ я оскорбилъ тебя?» сказалъ онъ: «Поди сюда . . . о чемъ ты плачешь и что значатъ всѣ твои спрашныя вопросы?»

— То, что я ревнива, — отвѣчала она рыдая: и хочу, чтобы вы любили меня одну столько же, сколько вы любите всѣхъ насъ вмѣстѣ. —

«Но гдѣ-жь твои сестры, *Нина*?» сказала *Раисей* — и вдругъ поблѣднѣла. «Зачѣмъ ты оставила ихъ и пришла одна? . . . Ахъ какъ ты перемѣнилась въ лицѣ!»

— Я очень скоро бѣжала. —

«Что же съ ними сдѣлалось? отъ чего онѣ нейдутъ такъ долго? *Нина*, помоги мнѣ допацишься до балкона.»

—Батюшка! батюшка! не ходите туда!
ради Бога не ходите!—

Но сирь *Вильямъ*, не слушая дочь, вспалъ,
и опираясь на ея руку, вышелъ на балконъ,
и долго смотрѣлъ въ долину.... «Я ихъ не
вижу нигдѣ!» говорилъ онъ: «не видишь ли
ты, *Нина?* покажи мнѣ, гдѣ онѣ.»

Но наклонясь къ ней, онъ увидѣлъ, что она
вся дрожала и была блѣдна, какъ смерть.

«*Нина! Нина!* что это значить? ты пу-
гаешь меня! гдѣ *Елена?*»

—Съ *Оливеромъ*....—«А *Генриета* и *Мери?*»
—Тамъ!...—и она указала въ конецъ долины.

«Но гдѣ же? Я ничего не вижу.»

—Онѣ далеко... вонъ тамъ, за этою ска-
лою, которая теперь такъ темна.—

«Я не вижу ничего, кромѣ озера и бѣлаго
вѣрона надъ водою.»

—О! вы не понимаете меня! онѣ именно
тамъ... на днѣ!... *Генриета*... сказала....
правду.....—

И несчастная упала безъ чувствъ на ру-
ки старца. . . . .

На другой день, поутру, въ окнахъ дома
виднѣнь былъ свѣтъ лампы, которая пещ-
лилась у образа, въ головахъ мертваго тѣ-
ла.... Страшная трагедія, сыгранная на-
канунъ въ его семействѣ, убила несчастна-
го *Рамзель*.

Усопшій лежалъ на постелѣ, и надъ нимъ
сидѣла *Нина*—безчувственная, окаменѣлая
и пожираемая внутреннею горячкою. Блѣд-
ная рука мертваго держала открытое пись-
мо, которое она списнула въ смертныхъ
судорогахъ и съ нимъ окостенѣла.

Вопъ письмо:

«Я не успокою васъ на щепъ дочери ва-
шей, которая забыла любовь вашу и не за-
служиваетъ никакого состраданія. Какъ мо-
гу я ожидать отъ васъ сожалѣнія о моемъ
безчестіи, когда я не имѣла его къ вашей
горести? Я растерзала сердце ваше и не
смѣю умолять васъ о прощеніи.— Скажите
сестрамъ, чтобы онѣ перестали завидовать

щастію моему. Оливеръ не любилъ меня ни-
когда! Онъ самъ сказалъ мнѣ это, насмѣхаясь
надъ моею слабостію—и произнесъ передо
мною имя женщины, имъ любимой, за пѣмъну
которой онъ опмсшилъ мнѣ.—Что я ему
сдѣлала? любила его, и за то жестоко на-
казана. *Оливеръ* меня оставилъ, и я теперь
одна въ мірѣ, съ отчаяніемъ моимъ и сты-
домъ, который переживетъ меня.—О ба-
тюшка! не проклиняйте памяти моей и
простите меня!»

Смерть прижала руку сира *Вильяма* къ
подписи *Елены*.

Прошедшею весною я сидѣлъ вечеромъ на
Италіанскомъ бульварѣ, пропивъ *Парижской*
респораціи. Народу было множество, и возлѣ
меня на двухъ стульяхъ лежалъ человекъ,
блѣдный и изнуренный заботами. Хотя по-
видимому пельзя было дасть ему больше со-
рока лѣтъ; но глубокія морщины наложили
уже на лицъ его печать той ранней спа-
рости, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ
необузданныхъ спростей. Этого человека
съ великимъ вниманіемъ смотрѣлъ на бле-
стящую молодежь, собравшуюся у входа
модной таверны. Всѣ эти вѣтреники опо-
бѣдавъ роскошно въ трактирѣ, и раскрас-
нѣвшись отъ *Шампанскаго*, смѣялись, шу-
тили, лгали и, шатаясь, поддерживали другъ
друга, какъ добрые братья. Это были—по-
вѣсы лучшаго общества и отличнаго тона.
И я любовался этою живою карпиною нра-
вовъ—въ цѣломъ, потому что пабачный
дымъ, окружавшій этихъ господъ, какъ гу-
стное облако, не позволялъ ни одного изъ
нихъ разглядѣть въ лицо.—Вдругъ сосѣдъ
мой сказалъ мнѣ въ полголоса, указывая на
таверну: знаете ли вы эшаго красиваго
щеголя, который стоитъ у колонны?—Хо-
рошо бы сдѣлали его пріятели, если-бъ когда
нибудь, шутя, удавили его.

«Ахъ, Боже мой! за что это?» сказалъ я.

— За что?—возразилъ онъ съ мрачнымъ
видомъ, ужаснымъ голосомъ: за что? спра-
шиваете вы. За то, милостивый государь,
что это демонъ въ образѣ человека; щастіе
его—позоръ, насмѣшка, пощѣчина человеке-

спву! Знаете ли, что эпокъ дьяволь два раза сорвалъ банкъ у *Фраскати*; но это ничего еще! вчера я поставилъ десятку,—онъ положилъ на неѣ 60 луидоровъ, и я проигралъ!—

«Такое щастіе непродолжительно,» сказалъ я.—Но оно продолжается цѣлый годъ, припомъ всѣ женщины сходящъ опъ него съ ума, и оставляютъ мужей своихъ, чпобы бѣжать за нимъ. Эпаго мало! въ проѣздъ его изъ Ирландіи въ Англію сдѣлалась буря, корабль разбился, всѣ потонули, но у него упонула—шляпа! Дни съ три тому назадъ опрокинулся кабріолетъ его: *грулзъ* (конюхъ) переломилъ руку, а господинъ его переломилъ свой хлыстикъ! Прошлаго году холера переморила почти всѣхъ его знакомыхъ, онъ уцѣлѣлъ и спалъ здоровѣе прежняго! Чпо что ему дѣлается? онъ ѣстъ, пьетъ, и смѣется всему и надо всѣми. Онъ хорошъ, ловокъ, богатъ — и щасливъ. Если бы церковь св. Павла вдругъ упала ему на голову, то онъ бы вышелъ изъ подъ неѣ не оцарапавшись, да еще жаловался бы, чпо пролежалъ подъ нею цѣлые сутки и никто не хотѣлъ помочь ему! А попробуйте-ка драхъ съ нимъ, на чемъ угодно?—На писполемахъ—пуля ваша дастъ промахъ; на шпагахъ—онъ заколетъ васъ въ 10 шагахъ. Такого дьявольскаго щастія еще не было ни кому!—

Наконецъ, сосѣдъ мой кончилъ длинную пираду жалобъ своихъ на незнакомца, и я вспалъ, чпобы взглянуть на эпаго баловня форпуны, эпаго злаго духа, преслѣдовавшаго бѣднаго игрока, который кричалъ мнѣ въ слѣдъ: я желаю видѣть его повѣшеннымъ, зарѣзаннымъ—желалъ бы, чпобы сожгли его живаго!—

«И я желаю поже,» отвѣчалъ я, оборотясь къ нему.

— Какъ? и вы? Стало и у васъ есть на это причина. —

«И гораздо важнѣе вашей.»

—Невозможно? Чпо-жь это такое?—

«Такъ, бездѣлица—маленькая въпреность! Онъ уморилъ опца и чепырежъ его дочерей.»

Я узналъ *Оливера Станлея!*

Когда я подошелъ къ павернѣ, онъ говорилъ одному молодому челоуку, едва вышедшему изъ дѣиспва:

«Учись, милый, у меня! Я былъ побѣжденъ и добровольно изгналъ себя изъ общества; но я смылъ обиду свою мщеніемъ—и возвратился со славою.

T.

ОТЪ ЧЕГО НЕ СДѢЛАЕТСЯ ОНЪ ДОКТОРОМЪ?

Повѣсть.

Генрихъ *Баланшъ*, добрый, благородный молодой челоукъ. Если вы только живете 6 мѣсцевъ года въ Парижѣ, а остальные 6 путешествуете съ дачи на дачу, съ одной горы на другую, изъ Швейцаріи въ Италію: то конечно часто встрѣчаете нашего друга, Генриха *Баланша*. Нынѣшнее лѣто не знаю, гдѣ онъ находился; но вѣрно былъ тамъ, гдѣ есть прекрасное солнце, очаровательныя мѣстоположенія, кроватъ, на которой можно хорошо спать, лошади, которыя быстро бѣгаютъ, и прекрасныя женщины. Это не потому, чпобы *Генрихъ* былъ слишкомъ приспрасненъ къ женщинамъ, лошадямъ, мѣстоположеніямъ, солнцу,—*Генрихъ* ничего не любитъ и все любитъ. Онъ щасливое, безпечное созданіе: проходитъ, приходитъ, уѣзжаетъ, оспается; поетъ или смѣется, пьетъ или ѣстъ, спитъ или не спитъ—не приспращаясь ни къ чему не только на день, но даже и на часъ; лицо у него кропкое, спокойное, на немъ не видно ни слѣдовъ горести, ни выраженія радости. Съ нимъ легко ужиться, онъ всѣмъ доволенъ, оспроуменъ безъ приготовленія, вездѣ хорошо принятъ, и самъ хорошо всѣхъ принимаетъ. Онъ арπισтъ, липераторъ, музыкантъ; то важенъ, то веселъ, то глубокомысленъ, то въпрень, смотря по обществу и обстоятельствомъ. Право, нашъ другъ Генрихъ *Баланшъ*, рѣдкое, единственное существо.

Вчера я встрѣпилъ *Генриха* въ госпиной миледи *Людвортъ*, этой доброй Англичанки, которую вы всѣ знаете, столь привѣпливой, снисходительной, столь еспественно оспро-

умной. У ней бывають препріятныя вечера, вечера безъ церемоній и припязаній, не шумно веселія, но исполненныя поэпическихъ и простыхъ разговоровъ, рѣдкое собраніе прекрасныхъ, привлекательныхъ женщинъ и молодыхъ людей, безъ спѣси и притворства.

Если вы только имѣете душу, способную чувствовать, и видящіе глаза: то, конечно, между всѣми опличите госпожу *А.*, бѣленькаго, блѣдненькаго ангельчика, у которой улыбка така меланхолическая, у которой такъ роскошно изгибается и разгибается шея.—Госпожа *А.* рождена съ благороднымъ святымъ призваніемъ арписта, она имѣетъ очаровательные переливы голоса.—Я ничего не знаю ни такого спепеннаго, ни вмѣстѣ, такого обольспительнаго и игриваго, какъ ея разговоръ; ничего такого пріятнаго, какъ ея чистое, открытое и лучезарное чело.

И такъ, между тѣмъ, какъ разговоры слышались тамъ и здѣсь, перелетали отъ одной полпы къ другой, отъ одного спомы къ другому, касались какого нибудь происшествія, наряда, книги, мы какъ-то случайно и безъ намѣренія очутились съ нею одни у камина. Госпожа *А.*, Генрихъ *Баланшъ* и я. Госпожа *А.*, нѣжно прислонясь къ подушкѣ дивана и поддерживая голову бѣленькою своею ручкой, находилась въ одной изъ тѣхъ минутъ восторженности, въ которыя казалось ей, что жизнь ея прекращается и душа улетаетъ въ другой міръ.—Она мечтала; но о чѣмъ же? Вдругъ Генрихъ *Баланшъ* подошелъ къ ней, и какимъ-то веселымъ восклицаніемъ заставилъ её спуститься на нашу жалкую землю. Она спала смѣясь, но такъ печально, что это смѣхъ проникнулъ въ мое сердце. Впрочемъ, это было одно мгновение. Блескъ снова засіялъ въ ея взорахъ, спокойствіе на лицѣ. Она начала говорить о томъ и о другомъ, о тѣхъ и о другихъ, о старикахъ, дѣтяхъ, о своей матери, сестрѣ, которую она очень любитъ; непримѣтно перескочила къ мужчинамъ; потомъ къ женщинамъ; слегка допронулась въ своемъ разговорѣ до того возраста, въ которомъ избирають службу, до призваній,

которыя иные чувствують къ различнымъ званіямъ... При этихъ послѣднихъ словахъ, она посмотрѣла на *Баланша* и спросила его: выбралъ ли онъ, наконецъ, какую нибудь должность? *Генрихъ* отвѣчалъ, что нѣтъ;—проспо, откровенно нѣтъ; то есть, отвѣчалъ ей такъ, какъ онъ всегда отвѣчаетъ на подобный вопросъ.—Къ этому онъ началъ рассказывать длинную испорію о своихъ сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, о томъ, какъ онъ вступилъ въ свѣтъ, довѣрчивый, вѣрующій; какъ потомъ исчезали, уничтожались одна за другою и его довѣрчивость и его вѣрованіе. Будучи еще очень молодъ, онъ хотѣлъ сдѣлаться адвокатомъ... но вы не знаете, сколько онъ нащипаетъ вамъ причинъ, приудившихъ его отказаться отъ званія адвоката! Потомъ онъ хотѣлъ сдѣлаться нотаріусомъ, потомъ арпистомъ, потомъ банкиромъ, потомъ земледѣльцемъ, потомъ... Ну, ужь, право, не знаю чѣмъ! Онъ хотѣлъ жениться... Жениться, выбрать невѣсту; онъ, Генрихъ *Баланшъ*, человекъ самый нерѣшительный, самый колеблющійся, самый непостоянный въ свѣтѣ!

Кончилось тѣмъ, что онъ призналъ супружество самымъ худшимъ изъ всѣхъ состояній—и не женился. Это отвращеніе къ супручеству основано на полудюжинѣ анекдотовъ, изъ которыхъ одинъ былъ спранный другого—и вы бы очень посмѣялись, если бы я вамъ пересказалъ ихъ.

Генрихъ говорилъ, говорилъ, говорилъ; госпожа *А.* слушала, усѣвшись на диванъ, закинувъ назадъ хорошенькую свою головку и вверивъ на разскащика свои черные глазки. Я смотрѣлъ на неё и не слушалъ. *Генрихъ* только что хотѣлъ начать свой романъ о супруествѣ (ибо каждое изъ его отвращеній составляло цѣлый романъ); но его позвали занять свободное мѣсто за карточнымъ столомъ. *Генрихъ*, не думая болѣе о своихъ безконечныхъ испоріяхъ, раскланялся съ госпожею *А.*, извинился, побѣжалъ, схватилъ карточку на партію въ виспѣ—и оспавилъ насъ однихъ съ глазу на глазъ. Я споялъ, она сидѣла.

—Молодой чудакъ!—вскричала она послѣнѣ котораго молчанія. Потомъ видя, что я не

опивчаю, она приподняла свои нѣжныя, бѣленькія плечики со спинки дивана и прямо ко мнѣ обратилась: Опъ чего онъ не сдѣлаеця докторомъ?—

Этотъ голосъ, исполненный сладости, напомнилъ мнѣ свѣтъ, забытый мною. Я пошевелился, какъ человѣкъ, которій просыпаеця, и наклонясь къ госпожѣ *Л.*, опивчалъ ей важнымъ голосомъ:

«Генрихъ *Баланшъ* не хочетъ быть докторомъ потому, что у него была переломлена рука.» Госпожа *Л.* посмотрѣла на меня, усмѣхнулась и подумала, что я шушу.— Однако я увѣрилъ еѣ, что говорю правду.

— Такъ это должна быть преспранныя исторія;— замѣтила она: расскажите мнѣ еѣ.—

«Боюсь вамъ опять наскучить.»

— Развѣ васъ слушать скучно?—

«О, вы сегодня и злы и насмѣшливы!»

— Нимало; расскажите мнѣ этотъ случай. Посмотрите, какъ всѣ толпятся вокругъ карточныхъ столовъ. Мой мужъ играетъ въ виспъ. Насъ никто не замѣтитъ. Воспользуйтесь эпитимъ. Начинайте же;— я слушаю.—

Откуда эта женщина беретъ слова и очарованіе, съ которыми ихъ произноситъ? Я сѣлъ противъ неѣ, спараясь смотрѣть на зеркало, на часы, на вазы, боясь, чтобы ея прелестныя глаза не привели меня въ смущеніе и не опіяли у меня способности говорить. Я рассказалъ то, что слышалъ про нашего друга Генриха *Баланша*.

Исторія этой переломленной руки очень проста, сударыня. *Генрихъ* любитъ путешествовать. Тѣло его и душа ощущаютъ одинакую потребность: не оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Я не знаю такого безпокойнаго человѣка, такого гуляки. Лишь только покажется весна: *Генрихъ* исчезаетъ. Куда же онъ скачетъ? *Генрихъ* это и самъ не вѣдаетъ, до самаго того дня, когда прѣзжаетъ на мѣсто. Его путешествія также непостоянны, какъ его спрашанія, желанія и разговоры. Они прерываются безпрестанно и безъ причины.

Два года тому назадъ, однажды упрямъ *Генрихъ* отправился въ Фонпенебло. Лошади скакали, кучера бранились, путешественники спали. *Генрихъ Баланшъ* не спалъ, и это его очень сердило, потому что онъ принужденъ былъ для развлечения смотрѣть на сельскія картины, которыя быстро перемѣнялись по обѣимъ сторонамъ карепы, а въ этотъ день *Генрихъ Баланшъ* ненавидѣлъ сельскіе виды. Желая разсѣяться, онъ вздумалъ мечтать. Ему рѣдко случается мечтать. Онъ человѣкъ подчиненный однимъ физическимъ наслажденіямъ, живущій только настоящимъ, и щипаетъ совсѣмъ лишнимъ мыслить о минувшихъ удовольствіяхъ и прошедшихъ горестяхъ. Какъ бы то ни было, однакожь онъ мечпалъ, и мечпалъ о любви; сочинялъ въ головѣ своей романъ, начиналъ его нечаянноспями, спранныоспями; воображалъ женщину молоденькую, розовенькую, полненькую, цвѣтущую здоровьемъ (а это, по его образу мыслей, первѣйшая добродѣтель въ мѣрѣ); съ голубыми глазами и блондинку. Онъ рисовалъ въ мечпахъ почти такіе же глаза и такіе же волосы, какіе имѣла хорошенькая путешественница, противъ него сидѣвшая и только что проснувшаяся. Мечпы *Генриха* ничто иное, какъ существованность. Онъ никогда не выдумаетъ ничего такого, чего бы не было передъ его глазами; онъ будетъ думать о лошади, когда спящая лошадь мчится, мчится мимо его; о миленькой женщинѣ, когда эта миленькая женщина сидитъ возлѣ него, или противъ него. Онъ называетъ это создавать. Но не станемъ спорить о словахъ. И вопъ, онъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ своей мечпы, что началъ съ нею разговаривать (то есть, съ розовенькой бѣлокуренькой дамой). Хорошенькая путешественница 23 или 24-хъ лѣтъ, была свѣжа, привлекательна и одарена эпитимъ блестящимъ, провинціальнымъ здоровьемъ, которое пакъ любятъ новички и котораго мы давно не видимъ въ Парижѣ. Я уже вамъ сказалъ, что всѣ другіе путешественники спали. Очень способно было говорить, и эпитимъ очень воспользовались и молоденькая дама и *Баланшъ*. Они пакъ разговорились, что черезъ часъ сдѣла-

лись самыми лучшими друзьями. Черезъ два часа голоса ихъ сдѣлались слабѣе, слова нѣжныѣ; черезъ три пріѣхали въ Фонпенембло. Увы! увы! но чего же жалѣть? Вить *Генрихъ* успѣлъ узнать, что молоденькая путешественница за мужемъ, что она живетъ въ маленькой деревенькѣ Авонъ, что ея домъ претѣй отъ края деревни, на правой рукѣ, со стороны лѣса, съ зелеными спавнями и съ садикомъ передъ окошками, и наконецъ, что ея мужа никогда не бываетъ дома, что онъ всегда въ разъѣздахъ. Все это было хорошо. Выходятъ изъ кареты оба расстроганы. Надобно же было разстаться, но съ изъявленіемъ желанія: чгобы Богъ послалъ имъ случай когда нибудь опять встрѣтятся. Спрашиваю васъ: для чего они вмѣшались путь случай?

На другой день поутру, *Генрихъ Баланшъ* проѣзжалъ Фонпенемблскій лѣсъ на нанятой лошади, по дорогѣ, которая вела въ деревню Авонъ. Для чего онъ ѣдетъ по этой дорогѣ, а не по другой какой нибудь? Конечно лошадь везетъ его въ знакомую сторону. Что касается до *Баланша*, онъ помнилъ, что наканунѣ пріѣхалъ изъ Парижа, что онъ сидѣлъ въ дилижансѣ пропивъ голубыхъ глазъ и бѣлокуренькихъ волосъ: вотъ и все! Вчерашняя лихорадка его уже исчезла. Онъ только помнилъ, что воздухъ былъ свѣжъ, небо чисто, трава душиста, деревья цвѣли и благоухали. Въ эту минуту онъ любилъ не молоденькую вчерашнюю женщину, а прекрасную, тихую, ясную сегодняшнюю погоду. И кстапи, онъ создавалъ преумные планы о затворничествѣ, уединеніи, объ удаленіи въ дремучіе лѣса, далеко отъ города, отъ суеты и шума. Предавшись вполнѣ своимъ мечтамъ, онъ далъ совершенную свободу лошади, и бросилъ поводья ей на шею. Это бѣдное животное спускало по произволу, часто нагибалось къ травѣ, которая росла на дорогѣ, старалось замѣнить ею свой завтракъ, который работникъ, ходившій за нею, пропилъ въ соседнемъ кабацѣ. Вдругъ, на лѣвой сторонѣ дороги, въ частъ лѣса, раздалась два выстрѣла. Я думаю, это стрѣляли лѣсничіе, имѣвшіе обязанность доставлять пищъ для коро-

левскаго стола. Лошадь, испугавшись, попяпилась назадъ: *Генрихъ*, попавшись въ расплохъ, погоняетъ её и шпоритъ. Лошадь, чувствуя боль, хочетъ скакать, но запутывается ногами въ поводьяхъ. *Генрихъ* еще сильнѣе колитъ её шпорами; лошадь становится на дыбы; камень попадаетъ ей подъ заднія ноги: они оба падаютъ, запутанные, и съдокъ и лошадь, и она и всадникъ барахтаются; каждому хочется встать прежде и попасъ на верхъ. Къ несчастію, *Генрихъ Баланшъ* остался внизу. Когда его подняли: оказалось, что у него была переломлена рука.

Тотъ, кто его поднялъ на большой дорогѣ, былъ именно докторъ, возвращавшійся верхомъ маленькою рысью изъ Авона въ Фонпенембло. Ничего нельзя было придумать годнѣе для *Баланша*! Вотъ прямое достоинство деревенскихъ медиковъ. По большимъ дорогамъ или по проселочнымъ, въ лѣсахъ или долинахъ, каждый день и вслѣкой часъ вы непременно ихъ встрѣтите, идущихъ впередъ, или возвращающихся обратно на своей лошади, съ своимъ чемоданчикомъ. Что касается до нашего доктора: то онъ поступилъ умно, и какъ человекъ, знающій свое искусство. Онъ сдѣлалъ первую перевязку, потомъ перетаскалъ *Генриха* въ свою двухспинную одноколку, привязалъ его верховую лошадь позади одноколки и, такимъ образомъ, отправился въ городъ, разсуждал о непредвидимости случаевъ, которые могутъ постичь человека. Дорогой, онъ утѣшалъ своего большого, осыпалъ его всевозможными попеченіями и учтивостями. Этого медикъ былъ пречеловѣколюбивый. Правду сказать, *Баланшъ* былъ щегольски одѣтъ; плаще было на немъ съ иголочки; бѣлье тонкое, чистое. Фракъ шитъ по послѣднему фасону и очаровательно обрисовывалъ его; отъ этаго еще болѣе выигрывалъ его прекрасный станъ. И потомъ, чгобы перевязать эту проклятую руку, надобно было разстегнуть модный жилетъ *Баланша*, а въ этомъ жилетѣ былъ карманъ, въ карманѣ кошелекъ, въ кошелекѣ золото. Деревенскіе врачи страстны къ золоту; но они его не получаютъ. Это былъ прекрасный случай для нашего доктора. Приобрѣсть золото—и ему съ первой ми-

нупы пришла мысль уничтожить и кошелёкъ и руку. Самое же неприятное для *Баланша* обстоятельство было то, что и рука его, по расчётамъ доктора, должна была подвергнуться уничтоженію.

Пріѣзжаютъ въ Фоншенебло. Въмѣсто больницы, докторъ предлагаетъ ему свой собственный домъ; на мѣсто какой нибудь кровати, свою собственную кровать. И вопль нашъ *Баланшъ* поселился въ комнатахъ доктора; за нимъ ухаживаютъ, грѣютъ его, пекутся о немъ, перевязываютъ его раны, и все это исполняетъ самъ молодой *Эскулапъ*, который не оставляетъ его ни на минуту. *Генрихъ* едва вѣрилъ своимъ глазамъ. Невольно вспоминаетъ онъ о своей спарушкѣ-матери, которая его такъ нѣжно любила, которая бы не могла за нимъ нѣжнее ухаживать, и конечно не дала бы ему мягче подушекъ и болѣе бульону и цыплячьихъ крылушекъ. Однимъ словомъ, обращеніе съ нимъ доктора могло самыхъ невѣрующихъ заставить вѣровать въ человѣколюбіе людей, и особенно докторовъ. Правду сказать, *Генрихъ*, немедленно по пріѣздѣ своемъ въ Фоншенебло, попросилъ доктора написать къ его матери и увѣдомить её о его горестномъ приключеніи. Докторъ это исполнилъ, и добрая мать отвѣчала съ первою почтою самому доктору, что она больна, очень спраждаетъ и, попому, не можетъ лепѣть къ сыну, какъ бы она того желала; но умоляла, чтобы докторъ замѣнилъ её, чтобы онъ былъ опцемъ ея сына; главное, чтобы онъ ничего не щадилъ и надѣялся на ея материнскую благодарность. Не надобно быть докторомъ, чтобы умѣть оцѣнить благодарности богатой матери, у которой единственный сынъ переломилъ себѣ руку. За то, съ тѣхъ поръ нашъ благодѣтельный докторъ сдѣлался самымъ крошкымъ, самымъ перпѣливымъ, самымъ соспрадательнымъ, самымъ великодушнымъ, самымъ внимательнымъ и самымъ безкорыстнымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ *Генрихъ* скучалъ. «Послушайте, докторъ!» сказалъ онъ ему въ одно утро: «вмѣсто того, чтобы читать мнѣ эпотъ несносный вздоръ, отъ котораго скоро я буду засыпать, (дѣло шло о романъ, прослу-

шавъ главы двѣ котораго, *Генрихъ* дѣлался шальнымъ), вы бы мнѣ лучше написали маленькую извинительную записочку.»

— Къ кому нибудь изъ вашихъ друзей? — замѣнилъ докторъ, взявъ съ камина бумагу, перо и чернилицу: приборъ, необходимый каждому лекарю для прописанія рецептовъ.

«Нѣтъ, любовное письмо къ одной дамѣ.»

— А! а! — вскричалъ докторъ, и началъ очинивать перо.

Въ продолженіе этой операціи, *Баланшъ* рассказывалъ ему въ родѣ предисловія о своей встрѣчѣ въ дилижансѣ съ бѣлокуренькою дамочкою, первою, но невинною виновницею его нещастія. Докторъ, дѣлавшій въ это время расщепъ пера, преспокойно повторилъ, приложивъ кончикъ къ ногтю... бѣлокурая дамочка.

Потомъ, онъ наклонился на споль и, чтобы попробовать перо, провелъ по бумагѣ какія-то уродливыя каракульки. Сдѣлавъ это, онъ важно посмотрѣлъ на *Генриха Баланша*, а эпотъ, съ такимъ же важнымъ видомъ, продиктовалъ ему свое письмо.

«Милая и прелестная путешественница! Не гнѣвайтесь на меня, если вамъ кажется, что я забылъ васъ съ тѣхъ поръ, какъ съ вами распался. На другой день моего пріѣзда, я нанялъ лошадь, чтобы ѣхать къ вамъ, такъ, какъ я обѣщалъ. Къ нещастью лошадь была спотыклива, а я замечтался о васъ, и совсѣмъ позабылъ о дорогѣ, о поводьяхъ и о глупой скопинѣ, отъ которой зависѣла тогда моя участь. Отъ того-то по серединѣ дороги моя лошадь упала, а я очутился подъ нею — и переломилъ себѣ руку. Съ тѣхъ поръ я очень спрадалъ. Не ужели вы не вознаградите меня за сполько мученій? Я надѣюсь, что скоро могу выѣзжать. Напишите мнѣ, въ какой день не будетъ дома вашего пирана. Наши души слишкомъ сходны: мы созданы любить другъ друга. Мой первый выѣздъ будетъ къ вамъ, и вамъ моя первая любовь,

Генрихъ *Баланшъ*»

— Долженъ ли я также подписать и ваше имя? — спросилъ просподушно докторъ.

«Конечно.»

— И вы думаете, что она будетъ вамъ отвѣчать?—

«Конечно!»

— Такъ спало бытъ эта женщина васъ очень любитъ?—

«О, конечно, конечно!»

Все это казалось доктору до того вѣроятнымъ, что онъ преразборчиво подписалъ: *Генрихъ Баланшъ*.

Однакожь, бѣдный деревенскій эскулапъ не хотѣлъ пропустить столь прекраснаго случая узнать, какъ эти Парижскіе молодчики поступаютъ въ своихъ любовныхъ связяхъ. Ему объ эпюмъ рассказывали и давали еще чувствоватъ столько удивительныхъ вещей! Ему такъ хорошо объ эпюмъ рассказывали (особливо г-нъ *де Бальзакъ*), что каждый молодой человекъ въ Парижѣ обожаемъ женщинами, что всѣ женщины невѣрны, и что всѣ мужья обмануты. — При томъ же онъ любилъ немного соблазнительныя исторіи. И вотъ онъ, смѣясь отъ души и припворясь проникательнымъ, тонкимъ, спрашивалъ его обо всѣхъ обстоятельствахъ его новой страсти, о бѣлокуренькой дамѣ. «Молода ли она?» — *Генрихъ* отвѣчалъ, что молода. — «За мужемъ ли?» — *Генрихъ* отвѣчалъ, что за мужемъ. — «Здѣсь ли она живетъ?» — *Генрихъ* отвѣчалъ, что здѣсь. — При всякомъ отвѣтѣ докторъ попиралъ руку объ руку, и еще больше смѣялся. Ему казалось такъ смѣшно, что провинціальныя мужья похожи на мужей Парижскихъ. Надобно прибавить, что *Генрихъ* развеселился этою просподушною деревенскою радостію, забавлялся еще — прибавляя къ своему происшествію небывальщину, и дѣлая ему полусловами полудовѣренность, называлъ себя самымъ щастливымъ смертнымъ, и требовалъ отъ него клятвенное обѣщаніе никому ни слова не говорить о слышанномъ, чтобы ничего не дошло до бѣднаго мужа. Смѣхъ и вопросы продолжались такъ долго, что надобно *Баланшу*, который не любилъ останавливаться дольше пяти минутъ на одной мысли; онъ вдругъ сдѣлалъ важный видъ — и чтобы изба-

витья отъ этаго безконечнаго хохота, сказалъ молодому доктору, смотря ему прямо въ лицо: Но вы, сударь, развѣ не женаты?

Докторъ пришелъ въ замѣшательство; онъ закусилъ себѣ губы, признался, что женатъ, и прибавилъ, что его жена очень молода, что она воспитана въ такихъ строгихъ правилахъ! Впрочемъ, всякая жена въ глазахъ своего мужа всегда составляетъ исключеніе, и выставляется имъ за образецъ цѣлому дрія, добродѣтели, прелести, кротости, ума и пр. и пр. При томъ жена доктора жила очень уединенно. Дочь богатаго земледѣльца, она не знала какъ свѣтскаго обращенія, такъ и пороковъ. Она была кротка, просердечна, хорошая хозяйка, и одинъ разъ только ѣздила въ Парижъ навѣстить свою бѣдную тѣтушку, которая была очень больна, тѣтушку, отъ которой ожидала наслѣдства. — Сегодня только четыре дни, — прибавилъ докторъ, — какъ она возвратилась; и по ея возвращенію, я у ней только одинъ разъ былъ; бѣдняжка! —

«Такъ ваша жена не живетъ въ Фоншенебло?»

— Нѣтъ! Фоншенеблскій воздухъ ей вреденъ. Меня здѣсь удерживаютъ дѣла. Это мой городской домъ. Но я нанялъ недалеко отсюда, въ деревнѣ Авонъ, маленькой деревенскій домикъ, гдѣ моя жена проводитъ девять мѣсяцовъ ежегодно. —

«Я именно ѣхалъ въ деревню Авонъ, нѣсколько дней тому назадъ, когда эта проклятая лошадь...»

— Право? Въ деревню Авонъ! Это безподобно! Мнѣ надобно рассказать это женѣ, чтобы заславить её посмѣяться. —

Въ эту минуту вошелъ какой-то мальчишка, настоящій болванъ, звалъ доктора къ женѣ актуаріуса. Съ нею сдѣлался нервическій припадокъ — и она умоляла его немедленно прийти къ ней. Докторъ взялъ свою шляпу.

«А письмо мое?» горько вскричалъ *Баланшъ*. «Вы забываете мое письмо, докторъ! Съ кѣмъ же мнѣ его отправить?»

— Вотъ прекрасно! съ эпимъ мальчикомъ. У него хорошія ноги — и онъ скоро возвратился.—

Мальчикъ согласился. Такъ какъ у *Баланша* не было его кошелька, то онъ попросилъ доктора заплапиль ему за труды. — Докторъ заплапиль мальчику. Какъ скоро онъ ушелъ, *Баланшъ* съ поспѣшностію далъ подробную и предсную инструкцію—куда отнести письмо, кому и какъ опдать его. Не смотря на то, слуга господина акпуариуса, который былъ простовашъ, не понималъ объясненій *Баланша*, который топъ принужденъ былъ повторять нѣсколько разъ. Наконецъ онъ отправился.

(Окончаніе въ слѣд. листъ.)

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

23.

Кто бы написалъ сильную краснорѣчіемъ правды спашью о прекрасной трагедіи барона *Розена—Басмановъ*, напечатанную въ No 251 и 252 Свѣ. Пчелы? Давно гонимая юными соприудниками истина, Христа ради просила кого нибудь вступиться за неё, безпріютную сиротку. Очень бы хотѣлось знать имя почтеннѣйшаго автора, что бы поблагодарить его опъ имени Русскихъ льтописцевъ и писателей. Не могу опгадать, но увѣренъ, что это не *В. В. В.*, не *Р. М.*, не *Н. Ю.*, не *М. М.*, не *О.*, которые часто играютъ въ жмурки въ своихъ книжныхъ разборахъ. Спенный рецензентъ, какъ предсдатель Уголовной Палаты, обязанъ имѣть передъ собою зеркало и Сводъ законовъ, и не иначе произноситъ свои приговоры, какъ подведя приличные къ дѣлу указы. А вышепоименованныя буквы рѣдко придерживаются постоянныхъ правилъ: по хвалятъ романы *Поль-дѣ-Кока*, то предостерегаютъ опъ нихъ, какъ опъ *Баркова* и *Фоблаза*; сегодня споятъ грудью за *Нестора* и *Каралзина*, завтра отвергаютъ существованіе перваго, а втораго спавятъ ниже *Н. А. Полеваго*; *А. Б. В.* восписуетъ хвалы

Русской исторіи *Сергея Глинки*, и божится, что она принесетъ пользу при воспитаніи юношества..... *М. Р.* недавно испощилъ всё свое вишійство, рекомендуя почтеннымъ покупателямъ Россійскую исторію *Николая Полеваго*, изданную также въ пользу юношества.... *Ю.* поставилъ себѣ долгомъ хвалить всё, что написано его друзьями, его пріятелями, его знакомыми, друзьями его друзей, пріятелями его пріятелей, знакомыми его знакомыхъ. *О.* искусный переводчикъ съ Французскаго и плохой судья книгъ. *В.* въ разборъ романа *Шелликинъ судъ* опдалъ ему справедливостъ, п. е. назвалъ его весьма посредственнымъ, и напечаталъ въ одномъ извѣстномъ журналѣ; спустя нѣсколько времени, *В. В.* сдѣлалъ на эпотъ разборъ поясненіе, п. е. опвергъ все, что сказалъ объ эпотъ романъ *В.*, до небесъ превознёсь романъ и пишущуль его въ томъ же самомъ журналѣ. *В. В. В.* далъ на испинѣ основанное мнѣніе о романѣ *Таинственный монахъ*; вдругъ, опкуда ни взялся нѣкто *Ал. Н—вигъ* съ похвальнымъ Словомъ *Таинственному монаху*, увѣряя добрыхъ простачковъ-Русачковъ, что и по красотѣ слога, и по сильнымъ характерамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ достоинъ спать наряду съ лучшими нашими романами.... Нѣтъ! ни одинъ изъ эпихъ засѣдателей Литературной Управы Благочинія не въ состояніи написать такой дѣльной спашьи, какъ разборъ трагедіи *Басмановъ*, хотя онъ немножко порастянуль.

Нѣкто Виссаріонъ *Бѣльинскій* усиливается доказать, что *Россія не имлетъ словесности.*

«Напрасно возражали ему,» говоритъ авторъ разбираемой нами спашьи: «что 12,000 Русскихъ книгъ, означенныхъ въ каталогѣ нашей книжной торговли, никакъ нельзя счестъ за 12,000 Голландскихъ селѣдокъ, и что по эпоту можно нѣсколько подозрѣвать существованіе Русской литературы.»

«Топъ же самый *Бѣльинскій* вздумалъ доказывать, что *Державинъ* такой же романикъ, какъ и *Пушкинъ*, и что причина эпоту скрывается въ его невѣжествѣ;» продол-

жаеть благородный защитникъ опечесвеной нашей литературы и литераторовъ: «что *Карамзинъ* писалъ *по-дѣтски*, плаксиво и растлительно, что цѣлые томы его исторіи—одна риторическая шумиха; что *Жуковский* не сынъ XIX вѣка, а прозелитъ; что въ *Батюшковѣ* мысли дѣтскія; что *Шекспиръ* пьяный дикарь, *Расинъ* накрахмаленъ, *Шатобрианъ* крестный отецъ, а госпожа *Сталь* повивальная бабка юнаго романсизма! Мы вовсе не шутимъ,» важно прибавляетъ великодушный нашъ защитникъ: «всѣ эти предеспи напечатаны въ *Мольѣ*.»

Кто бы ни былъ сочинитель эпюго разбора, подписавшійся отспавною изъ Русской азбуки буквою *Кси*: онъ совершилъ прекрасный подвигъ!

Сердечно сожалѣемъ, что почтеннѣйшій *Кси* выдаетъ за образцовыя—пустозвонныя и голословныя криптики Н. А. *Полеваго*, кривые и косые полки о новыхъ Русскихъ книгахъ барона *Брамбеуса* и рецензіи *Ф. В. Булгарина*.

Г. Булгаринъ издавалъ полезный журналъ—*Сверный Архивъ*, сочинилъ занимательный историческій романъ—*Мазеппу*, написалъ нѣсколько пріятныхъ повѣстей и множество оспроумныхъ журнальныхъ спатеекъ, издаетъ весьма хорошую газету; но криптическіе его разборы неудовлетворительныя. И эпю произошло не отъ того, что бы онъ не въ состояніи былъ написать хорошую рецензію, или былъ приспраспенъ. Онъ ошибался по свойственному ему добродушію, по спраспной привязанности къ славѣ Россіи и Россійской словесности. Примѣры докажутъ эпю лучше. *Г. Булгаринъ* обѣщалъ намъ новаго *Тацита*, новаго *Миллера*, новаго *Баранта*, новаго *Нибура* въ Исторіи Русскаго народа... И что же? Самъ первый сознался, что Н. А. *Полевой*, созерцая судьбы народовъ, единственно улыль, такъ сказать, на великомъ гульнѣ Исторіи отдѣлится мивигескую солону отъ гистаго зерна истины!!! (1), выптвлять злодѣевъ добродѣтельными, вопреки свидѣпельству современниковъ и лѣтопи-

сямъ, и описывать плохимъ слогомъ то, что *Карамзинъ* описалъ прекраснымъ.

Г. Булгаринъ нашелъ первый романъ М. Н. *Загоскина* (2) посредспвеннымъ, а послѣднюю главу *Пушкина* романа *Евгеній Онпгинъ* слабою и ничтожною. Онъ же въ No 300 Сѣв. Пчелы 1833 года, сравнилъ А. Ф. *Смирдина* съ Н. И. *Новиковымъ*! Они совершенно въ разныхъ родахъ, хотя оба люди опечеспву полезные и уваженія достойныя;—сказалъ, что онъ окрылилъ нашу словесность, далъ ей жизнь, разбудилъ публику и писателей, сдружилъ ихъ, и положилъ первое основаніе новому сословію: *сословію Литераторовъ*.

Отдавая полную справедливость благонамѣренности г. *Булгарина*, заставившей его написать эпю о журналѣ А. Ф. *Смирдина*, и сему послѣднему за опмѣнно-занимательный и полезный журналъ, спрашиваемъ: подросли ли съ 1834 года крылья у нашей словесности? На что было давать жизнь словесности и будить публику, когда, прежде явленія до чрезмѣрности расхваленной Библиотеки для Чтенія, мы безпреспанно получали новыя произведенія А. С. *Шишкова*, *Жуковского*, *Пушкина*, *Грега*, *Крылова*, *Ложеникова*, *Кукольника*, *Загоскина*, *Булгарина*, *Марлинскаго*, *Языкова*, *Баратынскаго*, барона *Розена*, *Козлова*, *Данилевскаго*, Д. В. *Давыдова*, И. И. *Давыдова*, *Погорпльскаго*, *Хомякова*, *Погодина*, *Шевырева*, *Павлицева*, *Сенъковскаго*, А. П. *Степанова*, *Владиславлева*, *Скобелева*, *Хатова*, опца *Іакина* *Бигурина*, протоіеря *Мансѣтова*, протоіеря *Малова*, священника *Сидонскаго*, князя *Шаховскаго*, *Павлова*, *Стровыхъ*, князя *Одоевскаго*, *Лахмана*, Н. А. *Полева* (какъ романиста, а не какъ криптика и журналиста), *Бенедиктова*, *Спѣпушкина*? Гдѣ же обѣщанное *Новое сословіе Литераторовъ*? Кого изъ писателей *разбудилъ* издатель Библиотеки для Чтенія?

Почтеннѣйшій *Фадей Венедиктовичъ* осыпалъ безмѣрными похвалами фантаспическія путешеспвія барона *Брамбеуса*. Жители губернскихъ городовъ и сельскіе помѣщики, привыкнувъ основываться на мнѣніи г. *Булгарина*, вообразили, что въ самомъ дѣлѣ на-

(1) Эпю написалъ самъ о себѣ издатель Московскаго Телеграфа.—К.

(2) Юрій Милославскій.—К.

родился новый *Вольтеръ*, новый *Эразмъ*, новый *Лесаажъ*, бросились раскупать—и раскупили всѣ экземпляры перваго изданія. Начали читать—и увидѣли, что это произведеніе барона *Брамбеуса* наполнено оспротами, противными тонкому чувству изящнаго; что этой книги нельзя дать въ руки дамамъ, что $\frac{1}{4}$ часпей ея вырвано изъ другихъ писателей и шито на живую нитку, а то, что принадлежитъ почтеннѣйшему барону, отличается безвкусіемъ въ мысляхъ и слогахъ.

Мы также, къ сожалѣнію, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннѣйшаго *Кси* на щетъ критикъ *Марлинскаго*: это дѣтскія произведенія; *Марлинскій* не разбиралъ, а осыпалъ авторовъ книгъ, попадавшихъ подъ судъ его, насмѣшками, мишурными оспротами, жеманными фразами, нарумяненными выраженіями—и всё это вѣчно не въ попадъ, мимо цѣли.

9-е Ноября
1835.

24.

Профессоръ Россійскаго языка и словесности, г. *Плаксинъ*, напечаталъ вторымъ изданіемъ свой *Краткій курсъ словесности, приспособленный къ прозаическимъ сочиненіямъ*, на самомъ дѣдѣ, а не на одной обѣрткѣ, *значительно исправленный*. Однакожь, г. *Плаксинъ*, какъ человекъ запасливый, оставилъ еще многое множество важныхъ ошибокъ для исправленія къ третьему изданію. Предложимъ примѣры:

«Въ путешествіяхъ *Карамзина*, *Свингина*; въ письмахъ *Русскаго офицера* (*Ф. Глинки*) есть весьма полныя и живописныя сего рода изображенія.»

Примѣчаніе. Въ первый разъ въ жизни видимъ имена *Карамзина* и *Свингина* вмѣстѣ. Ces noms hurlent de se voir ensemble.

«Въ примѣръ лучшихъ историческихъ характеровъ, вѣрно и опчестиво изображенныя въ Исторіи Греціи—*Арсеньева*, какъ примѣръ: *Фемистоклъ*, *Периклъ*, *Алживіадъ* и пр. Въ

Исторіи государства Россійскаго — *Карамзина*, какъ примѣръ: *Святославъ*, *Владиміръ Мономахъ*, *Іоаннъ III*, *Даніилъ Галицкій*, *Борисъ Годуновъ*. Въ Исторіи Русскаго народа—*Полеваго*: характеръ *Мстислава удалаго* и другіе.»

Примѣчаніе. Уже не издѣвается ли надъ нами почтенный профессоръ, спавя на одну доску каррикатуру *Полеваго* на Россійскую исторію съ великимъ, съ безсмертнымъ твореніемъ *Карамзина*? Надъ нами, стариками и взрослыми, и пошутить нѣсть грѣха, почто также, какъ въ куреніи табака; но вводить въ заблужденіе молодыхъ слушателей, вѣрующихъ въ слова своего учителя, ни въ какомъ случаѣ не позволительно.

«Шестъ помовъ Исторіи Русскаго народа—*Полеваго*—оправдываютъ ласпную надежду имѣть исторію, въ которой можно будетъ узнать жизнь и характеръ Русскаго народа.»

Примѣчаніе. Опять шуточка! И мы опять повторимъ, что профессору съ кафедры надлежитъ говорить аксіомами, вкореняя въ юныя головы своихъ слушателей познанія основательныя, истины неоспоримыя. Въ Исторіи же г. *Полеваго*, почто какъ въ книжныхъ разборахъ барона *Брамбеуса* (онъ же и *А. Блжинъ*), все поставлено вверхъ ногами, опрокидью. Добродѣтельный *Владиміръ Мономахъ* выспавленъ коварнымъ, брапоубійца *Святополкъ* не только правымъ, но чуть не святымъ; авторъ Исторіи Русскаго народа сперва укорялъ *Карамзина* въ прератномъ изображеніи характера *Мстислава удалаго*, а кончилъ тѣмъ, что повторилъ все, сказанное Исторіографомъ объ этомъ князѣ.

Желаемъ поскорѣе дожить до претьяго изданія *Краткаго курса словесности*, г. *Плаксина*!

А. Кораблинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭНРИКО и ФІАМЕТТА.

Баллада.

Ночь легла на поля,
Сномъ забылась земля,
Ручейкъ сквозь камышъ чуть сверкаетъ,
Мѣсяцъ тихо плыветъ,
Соловей не поетъ,
Лишь кукушка въ лѣсу занываетъ.
Графъ *Эрико* верхомъ,
Съ копіемъ за плечомъ,
Въ вороненой бронѣ изъ булаша,

Бѣдетъ тихо, уныль:
 Онъ отца скорониль;
 Съ нимъ дружина въ доспѣхахъ изъ злапа.

Вдругъ вдали, за горой,
 Слышенъ спукъ боевой,
 Крикъ и вопли и стоны сраженныхъ.
 Графъ пришпорилъ коня,
 Зазвучала броня,
 Пылъ сполбомъ за щипомъ угнетенныхъ.

И горою чрезъ лѣсъ
 Онъ пронесся—исчезъ
 Изъ очей изумленной дружины;
 И дружина спрѣлой
 Полешѣла на бой —
 И предъ ней ни горы, ни долины.

И вопъ крики вблизи:
 «Стой, мужайся; рази!
 «О Алла! о Махмудъ! о Марія!»
 Видѣвъ замокъ. Со спѣнь
 Въ пучь спрѣль смерть и плѣнь:
 Врагъ бѣжитъ, спрѣлы вслѣдъ, какъ живыя.

Съ опущеннымъ копьемъ:
 Юный рыцарь, какъ громъ
 На врага, впереди всей дружины.
 И кровавой грядой
 Положилъ за собой
 Удалцовъ вашихъ всѣхъ, Сарацены!

Осталъные бѣгущъ
 На суда—Графъ и шупъ,
 И злодѣевъ ничто не спасаетъ.
 Нѣтъ пощады—и бой
 Прекращень—и герой
 Побѣдипелемъ въ замокъ вступаешъ.

Вопъ онъ въ немъ. Предъ крыльцомъ
Фиалетта съ опцомъ:
 Кудри черныя кольцами вьющя,
 Грудь полна и бѣла,
 Взоръ—Амура спрѣла,
 А уста—шо и жди улыбнущя!

И *Эрико* съ коня...
 Тушь хозяинъ: «Меня
 Вы спасли; но мнѣ жизни дороже

Милой дочери чesъ;
 Удоспойте-жь провешъ
 Ночь у насъ: послѣ бившъ нужно ложе.»

И учливо герой
 Дѣву легкой рукой
 По ступенямъ ведешъ—и въ черпоги.
 Вовъ въ черпогъ злапомъ
 Онъ снимаешъ шеломъ:
 И предъ нимъ всѣ ничто полубоги.

Въ сердць дѣвы любовь!
 Въ сердць рыцаря кровь
 То кипитъ, шо опъ думъ замерзаетъ!
 Взоръ для взора языкъ —
 И божественный, вмигъ
 Неземное въ душѣ постигаешъ. —

Щипъ съ копьемъ на спѣнь;
 Графъ съ мечемъ и въ бронѣ
 Въ залу пира вступаешъ, смущенный.
 Сполъ гоговъ, за столомъ
 Смѣхъ и шупки кругомъ;
 Графъ одинъ какъ бы въ сонѣ погруженный.

Что же дѣва? Она
 Кляшвъ шайной вѣрна:
 Незнакомца любитъ до могилы.
 Пламя спраспи въ очахъ,
 Живосъ въ нѣжныхъ черпахъ:
 Всѣ поступки героя такъ милы!

Вопъ хозяинъ беретъ
 Свой покаръ, и вспаешъ:
 «За здоровье шого,» восклицаешъ:
 «Кшо, незнаемый, насъ
 Опъ погибели спасъ!
 Ваше имя?» И графъ отвѣчаетъ:

—Мой въ Венеціи родъ
 Всѣмъ извѣстенъ: я плодъ
 Безпорочной любви графа *Золи*... —
 «Къ поселянкъ?—такъ, шакъ!
 Ты раскаешя, врагъ!
 Что затхалъ къ маркизу *Пиньоли*.

Твой извѣстенъ отецъ!
 Ни проѣзжій купецъ,
 Ни монахъ у него не спасался

Опъ кровавыхъ ножей;
Престарѣлый злодѣй
Въ шопъ грѣхъ капеллану признался»

—Лжешь! корысти шопъ жертвъ
Не приносишь, кто мертвъ!
Но и въ жизни опецъ мой почтенный
Не убійцею былъ:
Онъ и въ битвахъ щадилъ!
Другъ и вдовъ и сиротъ незабвенный.

Поощадилъ и тебя,
Злой *Пиньоли!* Любя
Не тебя—а въ тебя челоуѣка.
Ты вспуидъ съ нимъ въ союзъ;
Вашихъ дружескихъ узъ
Не разрушидо время въ полвѣка.

Но шого не цѣня,
Упрекнулъ ты меня
Моей матерью. Знай же, *Пиньоли!*
Не постыдная спраспь,
А пиранская власпь
Завлекла въ шайный бракъ графа *Золи.*

И добра и шиха
Машъ была безъ грѣха:
Или грѣхъ, что супруга любила,
И что я былъ любимъ?
Не вѣрря чужимъ,
Машъ сама меня грудью кормила.

Возрасшая въ шиши,
Я искалъ для души
Только въ рыцарскихъ книгахъ забавы;
И семнадцати лѣтъ
Я вспунилъ въ шумный свѣтъ,
И нашель, что пушынники правы.

Загорѣлась война;
Грудь, отваги полна,
Подъ спальною броней забилась.
Мечъ опецъ далъ мнѣ самъ
На погибель врагамъ;
Машъ о жизни любимца молилась.

Много битвъ! много дѣлъ!
Еслибъ шолько хотѣлъ
Разскашъ... но не кспаши, не время!

Знашь довольно и шо:
Намъ неспрашенъ никто,
Не гнетешъ насъ постыдное бремя.

Минулъ годъ. Мой опецъ,
Видя близкій конецъ,
Капеллана за мной посылаешъ.
Надъ *Пиньоли* гроза!
Сынъ! закрывъ мнѣ глаза,
Поѣзжай... и вздохнувъ умираешъ.

И вопъ я уже здѣсь!—
«Опложи свою спѣсь:
Ты ошибся во мнѣ, дерзкій *Золи!*
Побѣжденъ, но не рабъ,
Докажу, что не слабъ:
Мщенье, мщенье душою *Пиньоли!*»

Фиаметта предъ нимъ
На колѣни: Съ моимъ
Избавителемъ шакъ поступаешъ?—
«Онъ... Прочь съ глазъ моихъ, прочь!
Безразсудная дочь!
Какъ шерзался я самъ, ты не знаешъ.»

И не кончена рѣчь...
Заспучалъ мечъ о мечъ!
Но герой, окруженный врагами,
Не разимъ, а разишь;
Только старца щадилъ;
Кровь кипящая льепся ручьями.

Гдѣжь дружина? Она,
Фиаметтой опъ сна
Пробужденная, вверхъ носынаешъ:
Воспымалъ новый бой!
И могучей рукой
Графъ победу свою довершаешъ.

Вопъ ушихъ шумъ и крикъ.
—Сдайся, жалкій старикъ!
Не хочу швоей смерти, *Пиньоли!*—
«Сдашся! мнѣ? никогда!
Мнѣ дожишь до шпыда!
Лучше смерить!»—Нѣтъ, живи прошивъ воли!—

И *Пиньоли* унылъ...
«Ты меня побѣдилъ
Не оружиемъ,—этой пощадой.

Долгъ былое забыть
И врага полюбить:
Пусть врагу... *Фиаметта* наградой!»

И безмолвье кругомъ!
Снова дочь предъ опшомъ
На колѣни. Маркизь поднимаетъ
Сердцу милую дочь;
Не кричишь уже: прочь!
А въ воспоргѣ къ груди прижимаетъ.

И *Эрико* смущень,
Измучень, приспужень,
Проливаетъ попоками слезы,
И ланипы въ огнѣ:
«Ужъ не снился ли мнѣ,
Что изъ крови здѣсь выросли розы!»

Нѣтъ не сонъ, не мечта!
Молодая чета
На разсвѣтѣ обвинчена. Мирно
Вся ихъ жизнь пропекла,
И подобьемъ была
На землѣ жизни чистой, эфирной.

*

Близъ Ливорны въ кустахъ
Есть развалины. Спрахъ,
Суевѣриемъ въ черни рожденный,
Удаляетъ опъ нихъ
Пожилыхъ и младыхъ;
Но однажды монахъ, упомленный
Зноеть, дальнимъ пупѣмъ,
Очущился въ нихъ днѣмъ
И увидѣлъ два камня: «*Пинголи*.»—
На одномъ разобралъ;
На другомъ прочиталъ:
«Подъ симъ камнемъ съ графиней графъ *Золи*.»
Брюммеръ.

CHARADE DE 3 SYLLABES.

Redoute mon premier (*), lecteur sage et prudent,
Le sable du désert n'est pas aussi mouvant.
Redoute en mon second celui qui le propose,
Du mal que tu veux fuir, il est souvent la cause.

(*) Ce premier n'est que d'une syllabe.

Redoute enfin mon tout, dont maints rusés fripons
N'observent que trop bien le culte et les leçons.

О М О Н И М Ъ.

Соборъ Турецкихъ я вельможъ,
Гдѣ визири, паши и мушпій засѣдаютъ
И важныя дѣла рѣшаютъ.
Съ постелею, съ софой, съ кушеткою я схожъ,
И должностъ всѣхъ ихъ отправляю,
И одръ любви чепѣ влюбленныхъ предлагаю.

Въ No 101-мъ, помѣщенный омонимъ значить: *Икра*.

М O D E S.

Je vais vous *conduire* aujourd'hui, ma chère sœur, chez M. *Delisle*, où je fus l'autre jour à votre intention. J'avoue que n'y allant ce matin-là que pour avoir des échantillons et des explications, comme vous m'en aviez demandées sur les nouveautés parisiennes, j'avoue, dis-je, que je craignais de ne point avoir cette réception qui accueille les femmes qui ne parcourent et ne quittent ces immenses magasins qu'après y avoir laissé quelques billets de mille francs. Ma crainte était sans fondement, chacun s'empresse de m'être utile et agréable. On m'indiqua M. *D...* un des premiers commis de M. *Delisle*, qui avec une complaisance et une bonne grâce dont je ne saurais trop le remercier, me mit à même d'explorer toutes les richesses que contiennent ces belles galeries disposées avec tant luxe et de bon goût. Nous débutâmes par les magnifiques étoffes: *satin Amy Robsart*, fond blanc à larges grillages bruns, et imprimé de fleurs de toutes nuances à feuillages verts, feuilles et fleurs vernies d'or; *la mousseline d'Aboukir* tout laine, imprimée en or et en couleurs bigarrées. Les dessins sont des carrés longs, des lignes transversales, des ogives et des médaillons; ces impressions sont faites *au cachet*, ce qui en rehausse infiniment le mérite. Les nuances sont admirables et réalisent tout à fait les bigarrures d'effets des turbans orientaux. Toutes ces couleurs ont la variété des ailes de papillons, ce qui, avec un mélange d'or si artistement combiné et si habilement posé, qu'il semble avoir été mis au pinceau, est d'un charme à la vue que rien ne peut rendre. Je crois que toute la raison d'une femme ne peut résister à l'envie de l'acquisition d'une robe pareille, à moins que l'embarras du choix ne soit balancé par la vue de *l'organ-di broché blanc à impressions d'or*. C'est de cette étoffe dont on doit revêtir les *sylphides*. Le mat du broché

et le brillant de l'or, sur ce tissu léger et fin, semble un nuage au ciel, réfléchissant les rayons d'un beau soleil couchant. Ces robes seront les plus distinguées et les plus ravissantes toilettes de bal possibles.

Nous vîmes ensuite: — *Les satin mille raies*, imprimé de fleurettes rouges ou bleues ombrées de noir pour parure de jeunes personnes; ces robes sont de la plus élégante simplicité, quoique très habillées. — *Le velours égyptien et le velours à chainettes*, belles étoffes aux couleurs imposantes et sévères; pour demitoilette, les étoffes: *Léonide, reps sicilien, satin persan, satin Isabelle, satin anglais, satin phrygien, perdrine, véronaise, péruvienne, perline, petit jaspé*. Rien ne paraît devoir l'emporter cette année sur les manteaux *Angelo*, de M. *Delisle*. Le fond est chiné soie et laine, et varié selon la couleur du bouquet, tout soie broché en relief. La forme de ces manteaux est de la dernière élégance, et enveloppe merveilleusement une femme sans froisser en rien la toilette de dessous.

Pl. No 36. 1) Turban de mousseline orné de crêpe d'or et d'un oiseau. — 2) Toque de crêpe ornée de marabouts. — 3) Chapeaux de velours épinglé. — 4) Bonnets de blonde. — 5) Buvard de maroquin brodé. — 6) Sac de satin,

М О Д Ы.

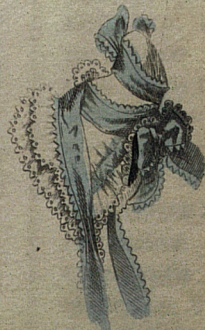
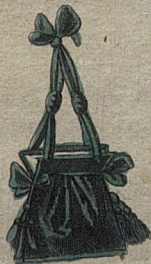
Сегодня мы отправимся къ *Делилю*, любезная сесстра, гдѣ я была на дняхъ на твой щепъ. Признаюсь, что вхавши туда сегодня упрямъ за ображками и объясненіями, которыхъ ты у меня просила о Парижскихъ новостяхъ, признаюсь, говорю я, что боялась не имѣть того пріема, съ какимъ обыкновенно встрѣчаютъ женщинъ, пробѣгающихъ эти огромные магазины, и которыя не иначе утѣжаютъ изъ нихъ, какъ оставивъ нѣсколько тысячъ франковъ. Мое опасеніе было неосновательно: каждый старался мнѣ угодить. Мнѣ говорили о г-нѣ *Д.* . . . первомъ *com-mis* г-на *Делиля*; онъ заслуживаетъ мою особенную благодарность за его спусхожденіе и вѣжливость, съ которыми онъ мнѣ помогъ перерыть всѣ богатства, заключающіяся въ этихъ прекрасныхъ галереяхъ, расположенныхъ съ такою роскошью и хор-шимъ вкусомъ Мы начали съ великолѣпныхъ матерій: апласъ *Amy Robsart*; по бѣлому грунту широкія темныя рѣшетки, напечатаны цвѣ-

тами всѣхъ тѣней съ зелеными листьями; цвѣты и листья налакированы золотомъ: *Абукирская кисель*, вся шерстяная, напечатана золотомъ и разными цвѣтами. Узоры состоятъ изъ продолговатыхъ чепвероугольниковъ, поперечныхъ линий, *ogives* и медальоновъ: эти опшиски сдѣланы *au cachet*, что чрезвычайно возвышаетъ ихъ достоинство. Тѣни превосходны и совершенно исполняютъ видъ пестроты восточныхъ шюрбановъ. Всѣ эти цвѣта разнообразны, какъ бабочкины крылья, что, съ примѣсю золота, шакъ искусно приспособленнаго и положеннаго, кажется расписано кистью; все это шакъ прелестно на взглядъ, что невозможно выразить. Я думаю, что весь разсудокъ женщины не можетъ противостоять желанію имѣть подобное платье, развѣ выборъ затруднится при видѣ *оргаиди, затканнаго бльльмъ и напечатаннаго золотомъ*. Вощъ шканъ, приличная для одежды *сульфидамъ*. Матовый видъ затканнаго и блескъ золота, на этой легкой и спонкой шкани, кажется небеснымъ облакомъ, отражающимъ лучи прекрасно заходящаго солнца. Эти платья будутъ самыя опшисныя и самыя восхитительныя для бальныхъ нарядовъ.

Помомъ видѣли мы: апласъ съ мелкими полосками, печатанный красными и голубыми цвѣточками, опшшенными чернымъ, нарядъ для молодыхъ дѣвиць; эти платья весьма щеголевато просты, хотя очень нарядны. — *Египетскій бархатъ и бархатъ à chainettes*, прекрасныя матеріи строгихъ цвѣтовъ; въ полу-нарядъ, матеріи: *Léonide*, Сицилійскій репсъ, Персидскій апласъ, апласъ *Изабелла*, Англійскій апласъ, Фригійскій апласъ, *perdrine, véronaise, péruvienne, perline, petit jaspé*. Ничто кажется не будетъ превосходнѣе платьей *Angelo*, г-на *Делиля*. Грунть волнистый изъ шерсти съ шелкомъ, перемѣняющійся сообразно съ букетами, затканными шелкомъ возвышенно. Форма этихъ платьей чрезвычайно щеголеватая, и закрываетъ чудесно, однакожъ не имѣтъ платья.

(*Окончаніе сего письма въ слѣд. листкѣ.*)

Карп. No 36. 1) Кисейный шюрбанъ съ золотымъ крепомъ и пшичкой. — 2) Креповый покъ, съ перьями марабу. — 3) Бархатныя шляпки на будавкахъ. — 4) Блондовые чепчики. — 5) Буваръ изъ вышитаго савьяна. — 6) Мѣшокъ апласный.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ПЯТЫЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 104.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №
и 40 картинокъ модъ, въ
С. П. бургъ 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ДЕКЛЯБРЯ 28 дня 1855 года.

Битобѣ славному поэму сочинилъ
И всѣхъ читателей онъ ею прослезилъ;
А ты, Глупоновъ, намъ въ пять пудъ поэму сбрыкалъ,
Но отъ твоей одинъ лишь только цензоръ плакалъ.
П. Суляроковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОТЪ ЧЕГО НЕ СДѢЛАЕТСЯ ОНЪ ДОКТОРОМЪ?

(*Окончаніе.*)

Когда докторъ возвратился, онъ нашель *Баланша* въ большомъ безпокойствѣ о своемъ письмѣ.

—Этотъ мальчикъ настоящій дуракъ, и моя записка не дойдетъ. Вы такъ любезны, докторъ, припомъ же всякой день ѣздите въ Авонъ: не можете ли вы узнать, получено ли мое письмо... и попросить отвѣта.—

Докторъ отговорился. Это значило заставить его играть такую незавидную роль! Онъ и такъ уже поступилъ слишкомъ неосторожно, написавъ своею рукою любовную записку. «Впрочемъ, меня это очень позабавило!» прибавилъ онъ шихонько.

Почтальонъ принесъ письмо изъ Парижа: это было отъ матери господина *Баланша*; эта добрая дама прислала доктору билетъ въ пятьсотъ франковъ, давая ему понять, что эпимъ не ограничиться ея благодарности, если онъ спасетъ ея *Генриета*.

«Я поѣду за отвѣтомъ на ваше письмо!» воскликнулъ торжествующій медикъ. И онъ любовался эпимъ маленькимъ банковымъ билетомъ, нѣжно сжималъ его въ рукѣ: развертывалъ, завертывалъ, и опять развертывалъ;—и какъ же быть равнодушно къ такой прелестной вещицѣ деревенскому врачу, которому плаत्या 30 франковъ за пособіе при разрѣшеніи отъ бремени супруги нотариуса, и не свыше 20-ти жены члена городского магистрата? А шухъ осыпали ему вдругъ пятьсотъ франковъ за переломленную руку, за одну только руку, и за пакую, которая еще связана въ лубкахъ. Онъ велѣлъ осѣлать себѣ лошадь.... Попомъ остановился на серединѣ комнаты и обратившись къ *Баланшу*, спросилъ его: «Вы открыли мнѣ, что ваша очаровательница живетъ въ деревнѣ Авонъ, но не сказали ея фамиліи?»

— Я самъ еѣ не знаю. —

«Какую же сдѣлали вы на письмѣ вашемъ надпись?»

—Никакой! я рассказалъ посланному о мѣстѣ ея жительства. —

«Гдѣ же она живешь?»

— У вѣзда въ деревню, въ претпьемъ домѣ, (докторъ поблѣднѣлъ) на право (докторъ поблѣднѣлъ еще больше), со стороны лѣса (онъ съ бѣшенствомъ смялъ въ карманѣ пяписомный билетъ), съ зелеными ставнями (докторъ открылъ ротъ, какъ будто его рѣжутъ, и онъ хочетъ кричать каруль!) и съ садомъ передъ окошками. —

При сихъ послѣднихъ словахъ бѣшенство совсмѣ овладѣло бѣднымъ докторомъ. «Не уже ли?... Такъ это правда?... Третій домъ?... Зеленыя ставни? На правой рукѣ? Пускай бы еще домъ стоялъ на лѣвой!... Да вѣдь вы не навѣрное знаете, что на правой сторонѣ?... Пускай бы еще было два дома съ садами!... Проклятая деревня!... Но можетъ быть, что есть двѣ деревни эпаго имени въ окрестностяхъ Фоншенебло!... И я самъ, безумецъ, написалъ это письмо!... И я самъ заплапиль за доставленіе!... И я смѣлся надъ эпимъ обмануемымъ мужемъ!... О, если бы я еще успѣлъ приѣхать прежде полученія эпаго письма!... Милоспивый государь! эпомъ мужъ—я самъ; эпа молодая дама—моя жена!...»

Внѣ себя, онъ бросился вонъ изъ комнапы, не забывая щупать рукою карманъ, что-бы удостовѣриться пупъ ли его билетъ въ пяписомъ франковъ. На улицѣ слышался частпый лошадиный топотъ.—Хорошо сдѣлалъ ты, почтенный докторъ, что пакъ постышно удалился, а то былъ бы свидѣтелемъ безразсуднаго хохота, опъ котораго Генрихъ *Баланшъ* не могъ удержаться, когда слышалъ восклицаніе: *Мужъ этотъ—я! Дама эта—моя жена!*

И дѣйствительно пакъ случилось: это былъ онъ, эпо была его жена! И онъ подписалъ своею рукою, но опъ имени другаго, любовное письмо къ своей женѣ! И своими деньгами заплатилъ за доставленіе эпаго письма! И онъ пакъ подробно распрашивалъ объ успѣхахъ его любви къ эпой блѣкуренькой дамѣ, а эпо собспвенная его жена! И эти вопросы побудили *Генриха* преувеличить еще свое щастіе. Научипесь изъ эпаго случая, господинъ докторъ, не

смѣяпсья надъ мужьями, которыхъ жены обманываютъ!

Докторъ слишкомъ поздно прискакалъ въ деревню Авонъ. Письмо уже было получено, и посланный опправленъ обратно. Онъ вошелъ въ комнапу своей жены и герметически закупорилъ окно. Что происходило въ эпой комнапѣ, никто не знаетъ, кромѣ бѣдной жены, которая вышла оптуда съ красными глазами и съ распрепанными волосами. Вечеромъ, докторъ возвратился къ себѣ въ Фоншенебло. Онъ подошелъ къ постелѣ *Баланша* и преспокійно спросилъ его: Какъ вы сегодня себя чувспвуете?—Въ первый разъ, когда *Генрихъ* услышалъ эпомъ вопросъ, сдѣланный такимъ ледянымъ тономъ, онъ хопѣлъ засмѣяпсья; но ему скоро пришло не до смѣха, когда на другой день и на третій, онъ слышалъ по нѣсколькы разъ въ супки, и такимъ же тономъ слова: Какъ вы себя чувспвуете, милоспивый государь?—Напрасно опвѣчалъ *Генрихъ*, что онъ себя хорошо чувспвуетъ, очень хорошо, совершенно хорошо: неумолимый докторъ всё качалъ головою и всё опвѣчалъ съ опчаянною важностію: «Вамъ дурно, очень дурно, совершенно дурно.» Но то вѣрно было, что *Генрихъ* чрезвычайно спрадалъ, и вмѣсто облегченія, его спраданія увеличивались со дня на день, съ часа на часъ.

Въ одно упро докторъ преравнодушно объявилъ *Генриху*, что анпоновъ огонь обнаружился въ его рукѣ. Теперь угадали ли вы, опъ чего боль *Генриха* каждую минупу усиливалась? Опъ чего обнаружился анпоновъ огонь? Опъ того, что у доктора не выходило изъ головы письмо, написанное къ его женѣ, написанное имъ самимъ, за приносъ котораго онъ самъ заплапиль, и на которое опвѣпъ онъ самъ обѣщаль доставить. Докторъ хопѣлъ опмспить за всё эпо—не за себя одного: онъ имѣлъ только руку молодаго человека, и безжалоспно овладѣлъ эпою рукою. Онъ находилъ удовольствіе еѣ ломать, терзать, расправляпть. Для доктора было эпо неописаннымъ наслажденіемъ; онъ рѣзалъ пупымъ ножемъ эпу бѣдную руку, которая ему ничего не сдѣ-

лала, и каждое утро нарочно расправлялъ эту неисцѣлимую рану, чтобы слышать стоны спрадальца на нестерпимую боль, и имѣлъ наслажденіе повторить, съ адскимъ равнодушіемъ, ледяныя слова: «Какъ вы себя чувствуете, милоспивый государь?»

Я думаю, что жалкій *Генрихъ* эпаго не перенесъ бы. Къ щаспію, мать его испугалась его долговременнаго отсутствія. Бѣдная женщина была въ такомъ безпокойствѣ, что отправила своего доктора на почтовыхъ въ Фоншенебло и просила его, пребывала опъ него, чтобы онъ немедленно привезъ съ собою ея сына, если онъ только въ состояніи перенести дорогу. И такъ, два собрата-врача сошлись вмѣстѣ. Увидѣвъ доктора своей матери, *Генрихъ* почувствовалъ, что онъ спасенъ. Пріѣздъ новаго медика далъ ему смѣлость громко жаловаться на глупость и невѣжество (онъ бы лучше сказалъ—жестокосердіе) эпаго цирюльника, который привелъ его въ такое ужасное положеніе. Парижскій докторъ въ душѣ своей и по совѣсти нашель, что *Генрихъ* говоритъ правду, и что его рука чрезвычайно изувѣчена; но свой своему по неволѣ другъ—и Парижъ посмопрълъ сквозъ пальцы на Фоншенебло. «Вопъ дуракъ,» подумалъ деревенскій докторъ: «онъ принимаетъ за неискusstво то, что въ существѣ своемъ только мщеніе.»—Какой невѣжда!—подумалъ Парижанинъ: я бы ему не далъ лечить моего смертельнаго врага; онъ его какъ разъ умерилъ бы.—Но не менѣ того, учпивость запрещала объяснить имъ, что они оба про себя мыслили. Эпо исторія всѣхъ представительныхъ палатъ, народныхъ собраній, ученыхъ обществъ: *asinus asinum friscat*, вы это знаете. Однако все это не удержало Парижскаго врача объявить, что завтра же увозить *Генриха Баланша* въ Парижъ.

На другой день, когда уже все готово было къ отъѣзду, Фоншенебльскій врачъ пришедъ къ *Генриху*, не пощадилъ его и при разспавань опъ убійственно-равнодушнаго вопроса: «Какъ вы себя м. г. чувствуете?» послѣ чего, онъ превѣжливо вручилъ ему длинный щѣпъ.

—Пять тысячъ франковъ!—воскликнулъ *Генрихъ*.

Парижскій собратъ деревенскаго лекаря нашель, что это *немножко дорого*.

—Пять тысячъ франковъ за ваши несчастныя кровопусканія! Пять тысячъ франковъ за то, что вы меня живаго рѣзали, подрѣзывали, обрѣзывали!—

«А за сочиненіе письма, которое вы меня заставили написать, милоспивый государь! а деньги, которыя заплачилъ я за исправное доставленіе эпаго письма... Развѣ все это вы, милоспивый государь, ни во что не ставите?»

Генрихъ печально опуспилъ голову. Его правая рука, окровавленная, изломанная, показывала ему, что всякая опговорка будетъ лишнею и даже опасною. Онъ согласился заплатить безпрекословно. Что же касается до Парижскаго доктора, то онъ все таки находилъ, что *для провинціи это немножко дорого*. Впрочемъ, подумалъ онъ самъ про себя: эпо письмо, о которомъ говоритъ мой собратъ, конечно заемное письмо, шалости молодого человѣка!.. Надобно было написать въ Парижъ, о присылкѣ эпихъ 5,000 франковъ; надобно было ихъ дожидаться три дни; дожидаться шупъ, въ домъ, въ комнату, на постель, при глазахъ эпаго обиженаго мужа, который изъ живаго человѣка сдѣлалъ орудіе пыпки: онъ опмспилъ, по примѣру *Шалона*, Венеціанскаго жида.

Наконецъ при дня прошли, и *Генриха* положили въ почтовую карету. Онъ былъ блѣденъ, худъ, жѣлтъ, съ попухшими глазами и спрадалъ смертельно. Когда онъ увидѣлъ, что карета проѣхала заспаву, онъ пришелъ въ бѣшенство.

—Будь ты проклятъ, адскій докторъ! Ты опѣнилъ честь твоей жены въ пять тысячъ франковъ—и я заплачилъ тебѣ эпи пять тысячъ франковъ; ты заслуживаешь...— Онъ не договорилъ, и лишился чувствъ опъ нестерпимой боли. Его привезли въ Парижъ, гдѣ онъ выздоровѣлъ не ранѣе осьми долгихъ мѣсяцовъ. Когда онъ совершенно выздоровѣлъ, докторъ его матери, который его лечилъ,

часпо повпорялъ, пожимая ему правую руку: «Мой милый *Баланшъ*, вы были въ опасности поперяпъ всѣ пять пальцевъ. Только докторъ можетъ выдумать такія шутки!» И потому-то, съ пѣхъ поръ, *Баланшъ*, не смотря на свою обыкновенную безпечность, возненавидѣлъ всѣхъ докторовъ на свѣтѣ.

Вопъ, сударыня, опъ чего Генрихъ *Баланшъ* не дѣлается докторомъ.

Была полночь. Госпожа *А.* проспилась со мною съ неизъяснимою прелестію и улыбкой, поблагодарила за мой рассказъ своимъ соловьинымъ голоскомъ, который вы знаете. «Вы меня сдѣлали любопытною: если бы я не боялась во зло употребить вашего снисхожденія, я бы попросила васъ рассказать мнѣ—опъ чего Генрихъ *Баланшъ* не женился?»

Въ эту минупу подошелъ къ ней мужъ: онъ былъ угрюмъ, сердитъ и грубъ до подлости, какъ человекъ, который проигралъ въ карты сто луидоровъ

«Я ѣду, сударыня, пойдемте.»

Молчаливая, крошкая, послушная, она пошла за нимъ безъ ропота—безъ жалобы. Я печально проводилъ её глазами; на ея глазахъ навернулись слѣзы.

—Когда прикажете мнѣ рассказать вамъ, опъ чего Генрихъ *Баланшъ* не женился?—

«Завтра!»

— Гдѣ? —

«У меня.»

— О Генрихъ *Баланшъ*! Благословляю тебя: ты ввелъ меня въ домъ къ этой прелестной женщинѣ. —

Перев. *В. Еланская.*

ЖОРЖЪ ФИЦЪ-ДЖЕРАЛЬДЪ.

(*Историческая повесть.*)

Наступала ночь; колоколъ Каполицкой церкви уныло призывалъ къ вечерней молитвѣ, и свѣтлые озера Газель-Вуда уже опражали первыя звѣзды, зажегшіяся на тверди небесной. На горъ, какъ мрачное привидѣніе, стоялъ древній монастырь Слиго, и дикія

спѣны его, обросшія плющемъ, печально смотрѣлись въ дремлющія воды. Это былъ вечеръ перваго Мая. На грозномъ хребтѣ Нокъ-Нери и по синимъ верхамъ Донега, какъ во времена Друидовъ, пылали огни, и вдали, по воздуху разносились народныя пѣсни; вокругъ природа погружена была въ глубокое и торжественное молчаніе.

Молодой воинъ, въ красномъ мундирѣ Брипанскаго драгунскаго полка, взбѣжавъ на гору, остановился у самыхъ развалинъ аббатства. По-видимому онъ былъ не пропестанпъ, потому что, подойдя къ полу-спершемуся образу Богоматери, написанному на воротахъ, съ благоговѣніемъ снялъ шляпу; онъ не былъ также и Англичанинъ, что доказывала вѣтвь шемрока (1), вышитая на шляпѣ его, и народная Ирландская пѣсня *Erin go bragh* (2), которую онъ напѣвалъ дорогою.

Когда подошелъ онъ къ спѣнамъ аббатства, тогда высокая, спанная женщина, въ глубокомъ праурѣ, споявшая преклонясь на мраморную гробницу одного изъ Ирландскихъ полководцевъ, съ живостію подошла къ молодому человеку, и схватя его крѣпко за руку, увлекла съ собою — подъ древніе своды готическаго храма.

— Намъ здѣсь будетъ лучше,—молвила она печально и проведя рукою по лбу: видъ энихъ прозрачныхъ огней для меня несносенъ.— О *Жоржъ*! милый, бѣдный сынъ мой! опора и послѣдняя надежда горькой жизни моей, ты меня оставляешь! —

«Машушка!» отвѣчалъ онъ съ чувствомъ «зачѣмъ вы здѣсь? вы вѣрно пришли сюда, что бы еще разъ благословить меня, не правда ли?»

— Да, *Жоржъ Фицъ-Джеральдъ*, я хотѣла еще разъ видѣть тебя,—хотѣла еще благословить сына моего, въ энихъ печальныхъ спѣнахъ, гдѣ мечъ и пламя—испожили всю ярость свою, въ этой развалившейся обители, основанной нѣкогда пвоими предками,

(1) Эмблематическое растеніе, принятое Ирландією какъ девизъ.

(2) *Да здравствуетъ Ирландія*, народная пѣсня Ирландцевъ.

которыя умѣли защищать её. — Сынъ мой! предъ этимъ алтаремъ, у котораго опцы твои молились Всевышнему, надъ гробами вождей Ирландіи, почивающихъ здѣсь, подъ священнымъ помостомъ храма, падшихъ какъ слава дому твоего, — клянись, о, клянись мнѣ, не измѣнишь вѣрѣ твоей и умереть ревностнымъ сыномъ церкви и отечества! —

И гармонія въпра, носясь по горѣ, между сползшими дубами, вторила благороднымъ припѣвамъ народной пѣсни, и приносила ихъ въ разрушенныя своды опустѣлаго аббатства.

Жоржъ сползалъ на колѣнахъ предъ великимъ алтаремъ, на которомъ играли серебряныя лучи мѣсяца, и проникая сквозь расписанныя спекла высокихъ оконъ, украшенныхъ рѣзбою, разливали на всѣ предметы какой-то неопредѣленный, фантасматическій опсвѣтъ. Десять поколѣній лежали подъ каменнымъ помостомъ храма; — бѣдныя гигантскія статуи королей и святыхъ угодниковъ, какъ молчаливыя пѣни сползли въ сумракъ сводовъ, между полуразвалившимся колоннами, и казалось внимали клятвѣ юноши. Онъ произносилъ её опустя голову, сложя руки на крестѣ и повторяя слова матери.

Вдругъ вдали раздался барабанный бой и смѣшался съ народными пѣснями.

Жоржъ поблѣднѣлъ. «Слышите ли?» сказалъ онъ.

— Слышу! — молвила несчастная мать почти умирающимъ голосомъ.

Фицъ-Джеральдъ ухватилъ рукою своею холодную и препенущую руку матери, вывелъ её въ припворъ церкви, и говорилъ, нѣжно обнимая её:

«Корабль, который унесетъ меня съ собою, какъ гордый лебедь качается на водахъ, подъ бѣлыми парусами своими.» — И онъ указалъ на море, капившее вдали синія волны свои, освѣщенныя луною. — «Намъ надобно разспаться; скоро ударятъ сборъ, — скоро упрепный въперъ унесетъ меня далеко отсюда.»

«О, мамушка! простите!.. Добрая, благородная, милая мать моя! ты будешь мо-

лишься за меня, когда я спану сражаться въ дикихъ пустыняхъ Америки!»

— Буду молиться, безпрестанно молиться! — оплѣчала бѣдная мать, глотая слѣзы свои: пойду на поклоненіе святымъ мощамъ; спану постыжусь, изнурять себя, раздавать милоспину, чтобы привлечь на тебя благословеніе Всевышняго. О! я упомяну Небеса пламенными мольбами моими, — я день и ночь буду споять на колѣнахъ въ этомъ опустѣломъ храмѣ, предъ этимъ алтаремъ, сиротѣющимъ какъ я. О! не ужь ли Богъ не умилосердился надо мною? —

«Прощайте! прощайте!» говорилъ *Жоржъ*, задыхаясь отъ горести.

— Боже! такъ скоро? О нѣтъ, я не пущу тебя! Какое-то ужасное предчувствіе.... *Фицъ-Джеральдъ*, останись!... О *Жоржъ*! ради Бога прошу тебя, помедли еще минушу... я тебя еще не благословила! —

Барабанъ забилъ сборъ.

«Мамушка, прощайте!.. прощайте!» закричалъ *Жоржъ*, и вырвавшись изъ объятій матери, бросился съ горы къ морскому берегу. Несчастная мать, споя на высокомъ камнѣ, смотрѣла ему вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока мѣсяцъ и звѣзды дозволяли видѣть прекрасный мундиръ его; когда же *Жоржъ* совершенно пропалъ изъ виду, тогда она сошла съ камня, съѣла на дерновую могилу и — залилась слезами.

На разсвѣтъ легкій Брипанскій фрегатъ быстро опдался отъ береговъ Ирландіи. На палубѣ, прислоня голову къ главной мачтѣ, сползалъ молодой человекъ привлекательной наружности, но погруженный въ глубокую думу. Прощальный вздохъ его летѣлъ къ тому прекрасному зеленѣющему острову, котораго барды временъ прошедшихъ назвали изумрудомъ запада; грустный и задумчивый взоръ его не покидалъ зубчатыхъ башенъ древняго аббатства, и онъ долго, долго, и съ невыразимымъ спѣснѣніемъ сердца — глядѣлъ на убѣгающіе берега и синія горы Ирландіи; когда же и лѣсиспыя вершины Нокъ-Нери скрылись за облаками, тогда горькая, ни кѣмъ незамѣченная слеза, выка-

пилась изъ глазъ юноши и канула на грудь его.

Черезъ мѣсяць послѣ того, Британскій фрегатъ бросилъ якорь у береговъ Сѣверной Америки. *Жоржъ*, котораго полкъ принадлежалъ къ корпусу Ирландскаго генерала *Раудона*, скоро опличился въ сраженіи, и былъ произведенъ въ капралы. Но эта справедливая награда была причиною ропота между Пресвитеріанами.

«Милордъ, вы во зло употребили власть вашу,» сказалъ генералу одинъ Шопландецъ: «вы не имѣете права производить въ чины Паписовъ.»

— Прекрасный обращикъ терпимости, *Дональдъ!* — возразилъ лордъ *Раудонъ*, пожавъ плечами. — А тебѣ что за охота быть Капникомъ? — сказалъ онъ *Фицъ-Джеральду*.

«Милордъ!» отвѣчалъ *Жоржъ* понизя голосъ: «вы бы не осмѣлились сдѣлать мнѣ эпаго вопроса въ храмѣ древняго аббатства, гдѣ лежатъ кости предковъ вашихъ. Я сохранилъ вѣру отцовъ моихъ и не измѣню ей. Можетъ быть сохранили бы еѣ и вы, если-бъ къ несчастію Англія не имѣла на престолѣ своемъ жестокаго и ненавистнаго пирана.»

Лордъ вздохнулъ и немного смутился. — Послушай, *Жоржъ*, — сказалъ онъ оправясь: подумай о своемъ положеніи; ты молодъ, хорошей фамиліи, но ты бѣденъ! — Переменни законъ, и тебѣ потчасъ откроется блестящая дорога. —

«Я оспанусь солдатомъ,» отвѣчалъ *Жоржъ* съ благороднымъ просподушіемъ.

Лордъ крѣпко пожалъ руку молодаго капрала, и посмопрѣвъ на него съ участіемъ, сказалъ немного запинаясь: Я не могу производить тебя въ чины, потому что за эпо станушь на меня ропшашъ; но могу доставлять тебѣ всѣ возможные случаи опличить себя и заставивъ молчать фанашиковъ. Въ нынѣшнюю ночь я отправляю шайныя депеши; если Американцы перехватятъ ихъ, мы погибли; я посылаю ихъ секретно, и войско не должно знать объ эпомъ, потому что армія наша наполнена шпионами инсургентовъ, которые проникаютъ вездѣ — и даже въ мою палатку. Посланнику моему нужна

вѣрная, надежная команда для защиты его отъ нападенія, и я выбралъ только тебя... понимаешь ли?... тебя одного, *Жоржъ!*... Но эпа честь, можешь спощь тебѣ жизни! —

«Милордъ, я принимаю еѣ съ радостію!»

Когда всё успокоилось и войско спало уже глубокимъ сномъ, *Жоржъ* и товарищъ его вышли изъ лагеря; ночь была тихая, теплая, какъ обыкновенно онѣ бывають въ Америкѣ; луна проливала голубоватый свѣтъ свой на верхи сполѣсныхъ магнолій, и ни одно облако не помрачало свѣтлой лазури неба. Между тѣмъ, какъ посланный генерала искалъ дороги по направленію сѣверной звѣзды и замѣчалъ на древнихъ дубахъ наросты моха, чтобы не сбиться въ лѣсу съ прямой линіи, *Фицъ-Джеральдъ* переносился мыслями на родину, на цвѣшущіе берега Гиплея, на узкую пропину, обсаженную ракиповыми кустами, которая вела къ бѣдной хижинѣ его и къ тихимъ озерамъ Коннопа. Въ самую эпу минушу, *попугай-пересмѣшникъ*, разбуженный на вѣтвяхъ шагами *Жоржа*, запѣлъ, подражая Европейскому свирирю, и съ эшимъ пѣніемъ слились въ одну гармонию всѣ воспоминанія юнаго Ирландца. Погруженный въ сладкую думу, онъ вполнѣ предался очарованію, и забылъ настоящее. Тогда передъ нимъ, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, повертывались одна за другою картины прежней жизни, и сердце его лепѣло въ опечество. Улыбался, смотрѣлъ онъ на звѣзды, на мрачную зелень деревьевъ; съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя ароматы цвѣповъ и распеній, но душа его была не шупъ. Она перенеслась за океанъ, она лепала надъ цвѣшущимъ оспровомъ Ирландіи — надъ соломенною кровлею хижины, гдѣ при блѣдномъ свѣтѣ каменнаго уголья, несчастная, но благородная женщина, дочь славныхъ предковъ, готовила на очагъ скудную пищу и орошала еѣ горькими слезами. «Мапушка!» закричалъ вдругъ *Жоржъ* съ неизъяснымъ чувствомъ печали и вмѣстѣ радости.

— Кто идетъ? — закричалъ вдали папруль Американскихъ инсургентовъ. Товарищи съ безпокойствомъ взглянули другъ на друга и бросились въ чащу лѣса; но папруль приближался, и скоро Американцы съ крикомъ

разсыпались по лѣсу. «Мы окружены!» сказалъ *Фицъ Джеральдъ*, оглядываясь около себя. Вдругъ раздались выстрѣлы—и пули засвистѣли между листьевъ. — Умираю! спасише депеши! — вскричалъ товарищъ *Жоржа*, и упалъ на землю. *Фицъ Джеральдъ* схватилъ бумаги и пустился бѣжать, преслѣдуемый пулями, самъ не зная куда. — Наконецъ очутился онъ на другой споронѣ лѣса, на высокомъ уединенномъ холмѣ, откуда уже не слышно было голосовъ преслѣдователей и ружейныхъ выстрѣловъ. Но, увы! кровь текла ручьями изъ тяжелыхъ ранъ *Фицъ Джеральда*, и съ нею испощилась жизнь юноши; въ совершенномъ изнеможеніи упалъ онъ подъ тѣнь мшистаго кедра и лежалъ на правѣ почти въ безпамятствѣ. — Боже! депеши! Кому опдамъ я эпомъ залогъ, вѣренней чести моей!—проговорилъ онъ слабымъ голосомъ, смотря на звѣздное небо. — Творецъ! вразуми меня!—и съ эпимъ словомъ, блѣдное лицо его вдругъ оживилось святымъ чувствомъ высокаго самоопроверженія; герой привсталъ, разодралъ собственною рукою одну изъ самыхъ тяжкихъ ранъ своихъ, положилъ въ нее письмо генерала, закрылъ его кусками окровавленнаго пѣла, и упалъ на дернъ, упоая въ потокахъ крови. — Земля опцовъ моихъ! тебѣ послѣдній вздохъ мой!—сказалъ онъ, лишаясь чувства.

На другой день поупру Англійскій папруль нашелъ спрадальца; онъ прижималъ къ груди своей маленькой крестъ изъ чернаго дерева, которымъ благословила его мать, и едва движущіяся уста его швердили на пѣвъ родины: да здравствуетъ Ирландія! Собравъ послѣднія силы, онъ показалъ на рану, въ которой хранился ужасный залогъ его. Лордъ *Раудонъ* приподнялъ голову умирающаго, — сжалъ охладѣвшую его руку — и принялъ послѣднее его дыханіе.

«Для меня бы легче было потерять сраженіе,» сказалъ эмотъ чувствительный и благородный человѣкъ, роняя слезу на бранные оспапки героя.

Такъ въ пустыняхъ Новаго свѣта палъ неизвѣстный, но благородный юноша—герой, достойный жить въ славные времена Рима и Греціи, но которому просвѣщенная Англія

отказала въ офицерскихъ эполетахъ, потому только, что онъ былъ Каполиккомъ!

T.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

25.

Вѣкъ живи, вѣкъ учись! совѣщаетъ намъ Русская народная пословица. Мы до сихъ поръ знали только, что герои высокостепеннаго барона *Брамбеуса* любяли попорчать на колу, погрѣться на трубѣ саловара, скашиться не на спинь въ запачканную упробу закопшѣлой Эпны. Недавно г. *Павлицевъ*, съ Варшавской обсерваторіи, открылъ, что баронъ не мѣнѣ вышепоименованныхъ увеселительныхъ мѣстъ—любитъ сидѣть, какъ они посидятъ иногда опъ скуки на шпицѣ. Въ эпи новомодныя кресла усадилъ онъ *Бубантуса* на *Большомъ выходѣ у Сатаны*.

26.

Топъ же Варшавскій крипикъ удивляется оспервентію, съ копорымъ Русскіе журналисты напали на барона *Брамбеуса*, укоряя его въ употребленіи неупотребительныхъ въ образованномъ обществѣ выраженій. Витъ баронъ не брался писать розовымъ масломъ, а обѣщалъ, возвратясь въ Петербургъ, написать картину своихъ спранствованій *грязю*. Онъ сдержалъ свое слово: за что же нападать на него?

A. Кораблинскій.

Октябръ 25-ое
1855 года.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУДСКОЕ ОЗЕРО.

Сидѣть, какъ свинецъ, рисуясь черной тучей,
Чудскаго озера шумящая вода;

Сшибаясь съ грядой разгульныхъ волнъ гряда,
Буншуетъ въ серебрѣ подъ пѣною кипучей.

*

Сгуспившійся пуманъ раскинутъ пеленою,
Надъ зыбкимъ зеркаломъ клубясь, скрываетъ даль,
И брызги свѣшлые по вѣтру какъ хрусталь.
Разсыпавшись, блестятъ отброшены волною.

П. А.

С H A R A D E.

Mon premier est un de ces jeux
Qui, sous un règne désastreux,
Furent imaginés en France
Pour amuser, après ses terribles accès,
Un monarque dont la démence
Fut si fatale à ses sujets!
Mon second est un ustensile
Creux, rond, de métal ou d'argile.
Mon troisième, du temps mesure les progrès.
Mon tout, discordant assemblage
De sots propos, de rapports indiscrets,
Est un dangereux commérage.
Mon premier, joint à mon second,
Coule force joueurs à fond.
En l'ajoutant à mon troisième,
Il t'offre un choix. Enfin, pour terminer,
Le dernier, joint à mon deuxième,
Se cuit dans mon second et se sert au diner.

Въ NNo 102 и 103-мъ, помѣщенныя: шарада значить *Mercure*, омонимъ *Диванъ*.

Въ семь No 104-мъ, помѣщенная шарада значить: *Tri-potage, tripot, triage, potage*.

M O D E S.

On porte beaucoup, au spectacle, de grands chapeaux de velours relevés devant avec des plumes. Les plus distingués sont en velours noir et plumes blanches. Avec une robe de satin noir et une écharpe de blonde blanche, ces chapeaux sont charmans. Les jeunes personnes portent beaucoup de résilles avec des robes d'organdi ornées de rubans assortis à la couleur de la résille. Pour garnir les robes d'organdi imprimées, dont je viens de vous parler, madame Perrot, fleuriste, a imaginé une petite guirlande, étroite et régulière, à feuilles et fruits de groseille tout or, qui se posera au-dessus de l'ourlet; c'était la seule garni-

turé qui fût convenable. La coiffure est pareille. Pour les bandeaux, c'est une guirlande formant touffe de chaque côté et retournant entourer la natte; pour les coiffures *Ninon*, un bouquet posé de chaque côté du front. Ces coiffures dénotent le bon goût si connu de Mme Perrot; rien de plus frais et de meilleur goût que les fleurs qui sortent de ses ateliers. Aussi les élégantes ne s'arrêtent pas à l'*anathème* dont semble frappé le quartier qu'elle habite, et ses magasins contiennent autant de jolies femmes que de jolies fleurs.

Je reste sur cette jolie image, chère *Nancy*, et vous dis adieu.— *Sarah*.

M O Д Ы.

Въ спектакляхъ много видно большихъ бархатныхъ шляпъ, приподнятыхъ спереди перьями. Самыя отличныя черныя бархатныя съ бѣлыми перьями. Эти шляпки прелестныя съ чернымъ апласнымъ плащемъ и бѣлымъ блондовымъ шарфомъ. Молодые особы носятъ много сѣнокъ съ плащьями изъ органди, опдѣланными лепшами подъ цвѣшь сѣпки. Для опдѣлки печатныхъ органди плащевъ, о которыхъ я шебъ говорилъ, г-жа *Perrot*, цвѣшница, выдумала узенькую правильную гирланду, съ золотыми смородинными листьями и плодомъ, которая должна быть положена надъ рубцемъ, это одна приличная опдѣлка. Для гладкихъ волосъ, гирланда, состоящая куспики съ обѣихъ споронъ и обернушая около косы; для причесокъ à la *Ninon*, по букету съ каждой спороны лба. Эти уборы доказываютъ споль извѣстно хорошій вкусъ г-жи *Perrot*; ничего нѣтъ свѣжѣе и болѣе со вкусомъ цвѣшовъ, выходящихъ изъ ея рабочихъ. Поэтому щеголихи не оспанавливаются на *анавель*, которой кажется предана часть города, ея обипаемая, и въ магазинъ ея заключаещя сполько же хорошенкыхъ женщинъ, сколько красивыхъ цвѣшовъ.

Я оспанавливаюсь на этомъ пріятномъ изображеніи, милая *Nancy*, и говорю шебъ: прощай.— *Sara*.

При семь номеръ прилагаются: *Оглавление двадцатой части, или четвертой 1835 года.*

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ, или ЧЕТВЕРТОЙ 1835 ГОДА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ЧЕТВЕРТОЙ

НА

1855 годъ.

I.

П Е Р Е С М Ъ Ш Н И К Ъ .

Писатель прежняго и настоящаго времени . . стрн. 658.
Знапокъ въ спеленяхъ родства . . . . . —
Дядюшка и тётушка; соч. *И. П.* . . . . . 665.

II.

С Л О В Е С Н О С Т Ъ .

Повѣсть безъ заглавія; соч. *П. Маркса* . . . 625 и 633.
Липерашурныя замѣтки; соч. *Х. Z.* . . . . . 628.
Сусанна; повѣсть; пер. *T.* . . . . . 641 и 649.
Выдержки изъ *Батюшкова* . . . . . 646.
Гогманскій вечеръ; рассказъ соч. *А. Конгозерскаго* 659 и 667.
Буква, перемѣняющая смыслъ . . . . . 622.
Дѣвица и письмо—сравненіе . . . . . —
Ссылочные и переселенцы, или состояніе стараго и новаго Сѣва; пер. *T.* . . . . . 673, 681 и 689.
О скачкахъ; соч. *Конефила* . . . . . 685.
Пяпная заповѣдь . . . . . 687.
Газеты въ Парижѣ и Лондонѣ . . . . . —
Смѣшливость диллани . . . . . 692.
Сила паровъ . . . . . —
Эмблемы войны и мира . . . . . 693.
Искашель кладовъ; повѣсть; пер. *Z. Z. Z.* . . 697 и 705.
Небесный сводъ . . . . . 702.
Домъ живописца *Албрехта Дюрера* . . . . . —
Переводъ Англійской Королевы *Елисаветы* . . . . . —
Квакеры . . . . . 711.
Взятіе Иврей; повѣсть; пер. *T.* . . . . . 713.

Собраніе Турецкихъ анекдотовъ; пер. *T.* стрн. 715 и 725.
Албертъ и Кореншина; повѣсть; пер. *T.* . . . . 711 и 729.
Кипайскіе сады; пер. *T.* . . . . . 732.
Различные роды растений, открытые на земной поверхности . . . . . 733.
Остропа . . . . . 734.
Очерки Сициліи; пер. *N. N.* . . . . . 737, 745 и 753.
Лейпцигская битва; пер. *А. Грена* . . . . . 741.
Что такое опечесство? . . . . . 742.
Новаго рода почесство . . . . . —
Сумазбродный свачокъ . . . . . 745.
Розы . . . . . —
Два спранника; пер. *T.* . . . . . 749.
Суворовъ не любилъ злословія . . . . . 750.
Правильное выраженіе . . . . . —
Арсемидоръ и *Сепсимій*; повѣсть; пер. *T.* . . . . 756.
Самоопроверженіе . . . . . 761 и 769.
Характеристика шали; пер. *T.* . . . . . 772.
Настоящій изобрѣшатель парашодовъ . . . . . 773.
Маріана Шимо; повѣсть; пер. *T.* . . . . . 777 и 785.
Отрывокъ изъ превосходной ученой книжки: Опытъ о кожаныхъ деньгахъ; соч. *С. В. Руссова* . . . . . 780.
Людымъ свойственно ошибаться . . . . . 783.
Двуглавья змѣя . . . . . 788.
Юпитерь-бродяга . . . . . —
Грязное бѣлье *Фридриха великаго* . . . . . —
Четыре сестры; повѣсть; пер. *T.* . . . . 793, 801 и 809.
Велычка; соч. *Н.* . . . . . 797.
Вѣчный свѣтъ на горахъ . . . . . —
Жертва; пер. *Н.* . . . . . 805.
О Зырянахъ . . . . . 806.
Староссть міра . . . . . —
Отъ чего не сдѣлается онъ докшоромъ? повѣсть; пер. *Е. Еланской* . . . . . 812 и 825.
Жоржъ Фицъ-Джеральдъ; рассказъ, пер. *T.* . . . . 828.

III.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Звѣздочка; соч. М...й Л...ой	спрн.	628.
Грусть по родитѣ; соч. <i>Θ. Глинки</i>		646.
Бесѣда поэтовъ; соч. <i>М. Делидова</i>		655.
Пѣснь разлуки; соч. <i>Θ. Менцова</i>		663.
Пѣснь улана; соч. <i>Θ. Глинки</i>		671.
Дворникъ и собака (басня); соч. <i>Е. Алитанова</i>		678.
Орель и змѣя; соч. <i>Θ. Глинки</i>		687.
Последнее просни; соч. <i>Θ. Менцова</i>		695.
Божья гроза; соч. <i>Θ. Глинки</i>		705.
Въ альбомъ <i>Е. А. К—въ</i> ; соч. <i>А. Г—ва</i>		711.
А mon enfant		—
Гондольеръ и поэтъ; пер. <i>В. Туманскаго</i>		719.
Новоселье (сказка); соч. <i>Е. Алитанова</i>		727.
Спорожевой казакъ; соч. <i>П. Ефимова</i>		735.
Мотылькъ; соч. <i>А—ва</i>		743.
Преображеніе; соч. <i>Шевырева</i>		750.
Тоска о немъ; соч. <i>Θ. Глинки</i>		760.
Младенецъ; соч. <i>Ив. Галанца</i>		774.
Къ ***; соч. <i>И. Бартдинскаго</i>		784.
Кончина мученика; соч. <i>Фонъ-Бейера</i>		790.
Отреченіе;		799.
Къ шарцу		807.
Эрико и Фиаменпа; соч. <i>Брюлимера</i>		820.
Чудское озеро; соч. <i>П. А.</i>		831.

IV.
КРИТИКА.

Енисейская губернія, описанная г-мъ <i>Степановичемъ</i> , бывшимъ въ ней гражданскимъ губернаторомъ; соч. <i>К. К.</i>		629, 637 и 646.
Сцены изъ Пестербургской жизни; <i>В. В. В.</i> ; соч. <i>Никанора Иволгина</i>		679.
Литературныя замѣтки; соч. <i>А. Кораблинскаго</i> : 1. ая.	спрн.	655.
2.		662.
3.		670.
4.		677.
5.		687.
6.		693.
7.		703.
8.		711.
9.		717.
10.		726.
11.		734.
12.		743.

13.	спрн.	750.
14.		759.
15.		765.
16.		773.
17.		789.
18.		798.
19.		—
20.		806.
21.		807.
22.		—
23.		818.
24.		820.
25.		831.
26.		—

V.
БИБЛИОГРАФІЯ

Спихотворенія <i>Владимира Бенедиктова</i>	765.
Подвиги Русскихъ воиновъ въ спранакъ Кавказскихъ, съ 1800 по 1834 годъ, описанные <i>Платономъ Зубовичемъ</i> . 790.	

VI.
МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Сынъ природы, или ученые свѣпъ, а неученые пѣма, комедія-водевиль. Царство женщины, или свѣпъ на изворотъ, водевиль; пер. гг. <i>Де-таго</i> и <i>Кукова</i>	774.
--	------

VII.
ШАРАДЫ, ОМОНИМЫ, АНАГРАММА, ЛОГОГРИФЫ, АНАГРАММА-ЗАГАДКА.

Русскія.—*Шарады*: 1) Про-по-попъ; 2) Приказ-Ной 3) Колчань.—*Омонимы*: 4) Сумы; 5) Быкъ; 6) Ложе; 7) Мѣхъ; 8) Ось; 9) Ракъ; 10) Диванъ; 11) Шкра.—*Анаграммы*: 12) Мотъ.—*Логогрифы*: 13) Руда.

Французскія.—*Шарады*: 1) Mai-tresse; 2) Sac-cage; 3) Ma-chine, 4) Char-pente; 5) Mal-aise; 6) Mer-cure; 7) Tri-prot-age.—*Логогрифы*: 8) Ambre; 9) Bélisaire; 10) Bœuf; 11) Bille; 12) Mortier. *Анаграммы-загадки*: 13) Troupe.

VIII.
МОДЫ.

Спашьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Пестербургскихъ модахъ были помещаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдано 9 искусно-выгравированныхъ, на лучшей веленовой бумагѣ превосходно оппечатанныхъ и раскрашенныхъ карпинокъ, и сверхъ того *четыре прибавочныхъ*, изображающихъ модныя мебели.